

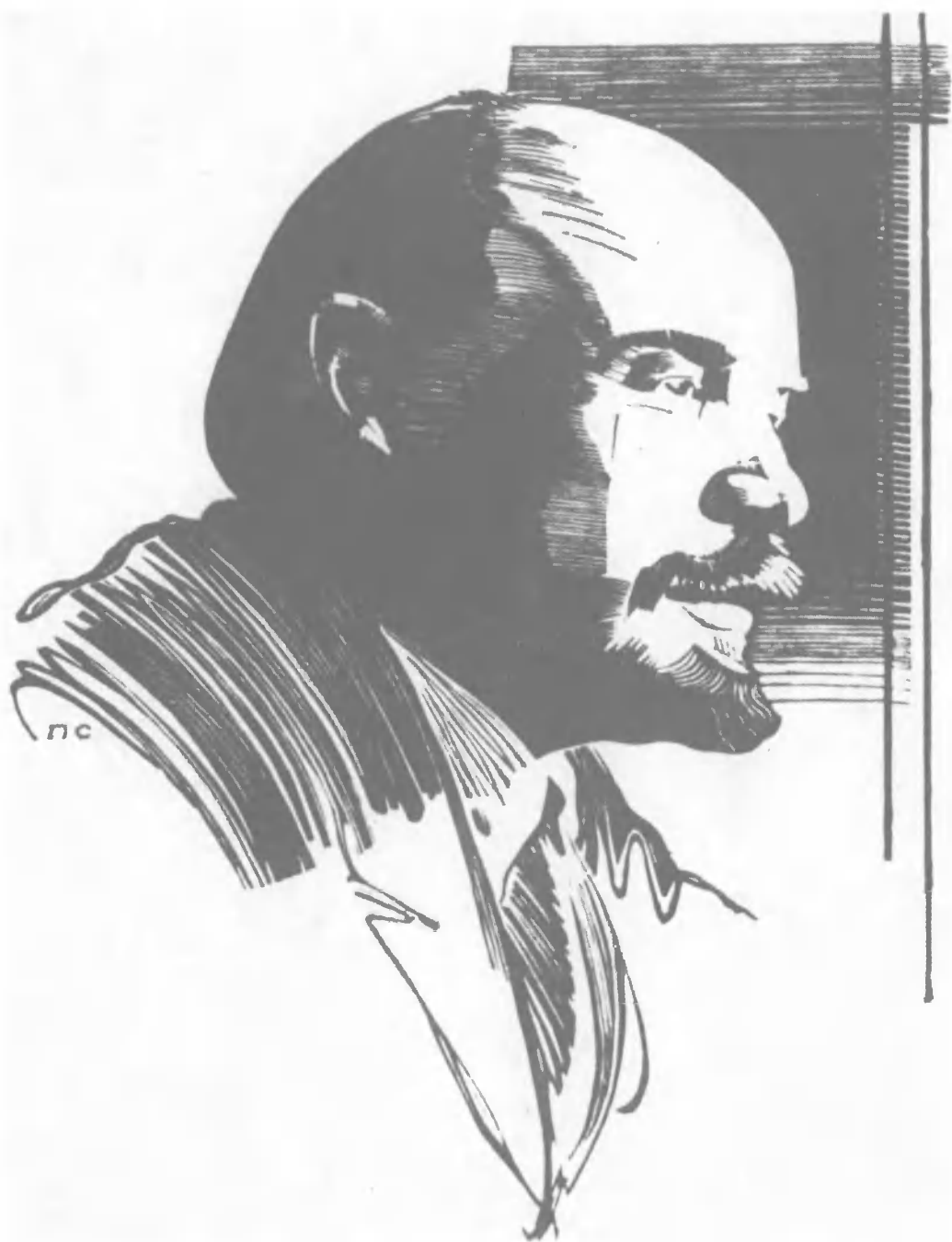
63.3(2)6-81 0043

ЖС 71

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ТОМ 3

Избранные
страницы
Прозы
и поэзии

Б И Б Л И О Т Е К А Ш К О Л Ь Н И К А

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ
СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНИКА
«ЖИЗНЬ ЛЕНИНА»

С. В. Михалков

(председатель)

А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев,

К. Ф. Пискунов *Н. В. Свиридов*

Оформление

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Гравюры на дереве

П. Н. СТАРОНОСОВА

Том подготовлен

Н. И. КРУТИКОВОЙ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Третий том издания Библиотеки школьника «Жизнь Ленина» знакомит читателя с Владимиром Ильичем Лениным таким, каким он сохранился в памяти друзей, соратников и современников начиная с 1893 года и до последних дней его жизни.

Читатель встречается с ним на страницах тома не в ту пору, когда он был веселым, добрым, шаловливым мальчиком, юношей, потрясенным гибелью брата (воспоминания о детстве в Симбирске и юности в Казани, Кокушкине, Алакаевке вошли во второй том этого издания), а уже зрелым марксистом, вступившим на тот путь, «каким надо идти».

Эти воспоминания в большинстве своем написаны или друзьями Владимира Ильича и соратниками его по подполью, по революционной борьбе 1905 и 1917 годов, или сотрудниками его после Октябрьской революции, в го-

ды гражданской войны и строительства Советского государства.

Десятилетиями был связан Ленин с замечательными революционерами — Глебом Максимилиановичем Кржижановским, Анатолием Васильевичем Луначарским, Еленой Дмитриевной Стасовой, Григорием Константиновичем Орджоникидзе, Климентом Ефремовичем Ворошиловым, с 1905 года знал В. А. Антонова-Овсеенко, Н. А. Емельянова, М. И. Васильева-Южина и рабочих — участников классовых битв в годы реакции и империалистической войны.

Каждый из них в воспоминаниях о революционном подполье, внутрипартийной борьбе, событиях 1905 и 1917 годов показал роль Ленина, неуклонно ведущего большевиков и рабочих к осуществлению заветной цели — победе рабочей революции, созданию пролетарского государства.

Драгоценны для нас воспоминания И. Х. Лалаянца — одного из самых близких друзей Ленина, с которым мечтали они о работе среди промышленного пролетариата, о внесении социалистического сознания в стихийный процесс рабочего движения. Это был 1893 год, последний год жизни Владимира Ильича в Самаре, когда вопрос об отъезде в Петербург был решен.

Бескомпромиссный в принципах, но широкий в общении с людьми, не чуждыми человеческих слабостей, без нарочитого противопоставления им своего нравственного превосходства — таким сохранился Владимир Ильич в памяти Исаака Христофоровича Лалаянца и писательницы Фаины Филипповны Венцель.

А Г. М. Кржижановскому, человеку поэтического мышления, удалось передать в образе молодого Ленина «черты удивительной душевной опрятности и того непрестанного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца». Уж ему ли не знать было Ленина, с которым и в петербургском подполье и в минусинской ссылке «как хлебом, солью и елеем

делились мыслями они», перед которым Ленин в конце 1899 года развернул план строительства партии вокруг задуманной «Искры»!

А после того как план этот, осуществленный с таким трудом, мог рухнуть под напором меньшевиков — противников создания воинствующей партии, бескрылых сторонников медленных шагов и робких зигзагов в сторону либеральной буржуазии, как мужественно воспротивился этому Ленин.

Марии Моисеевне Эссен удалось передать, какой дорогой ценой — ценой разрыва со старыми авторитетами — досталось Ленину восстановление партии накануне революции 1905 года. Ее воспоминания свидетельствуют и о том, какой решающий сдвиг произошел в работе большевиков в ноябре 1905 года, по приезде Ленина в Петербург.

В самочинно возникшем Петербургском Совете один Ленин увидел зародыш будущей революционной власти и показал возможности Советов, их задачи и силу. М. М. Эссен вспоминает, как развернул он в первой же речи перед членами Совета «четкий, ясный план и программу действий» и как «в зале пронесся гул одобрения, переросший в бурную овацию».

В трудные годы реакции и империалистической войны Ленин восстанавливал, укреплял, вооружал революционной теорией партию, подготовлял ее к исторической роли вождя социалистической революции и в ночь с 3 на 4 апреля 1917 года провозгласил этот лозунг с броневика на Финляндском вокзале.

Воспоминания Г. К. Орджоникидзе, Н. А. Емельянова, Г. С. Ровио, М. В. Фофановой рисуют перед читателем картину последнего подполья Ленина, его уверенность в неодолимости революционного размаха, ведущего рабочий класс к победе.

Анатолий Васильевич Луначарский, вспоминая Смольный в великую ночь с 25 на 26 октября 1917 года, писал, что Военно-революционный комитет показал, какие неисчерпаемые запасы человеческой энергии «имеются

в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовой голос революции». А Ленин? «Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гигантского парохода...»

Такую же стойкость Ленина видим мы, читая воспоминания В. А. Антонова-Овсеенко и Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, организовавших отпор силам контрреволюции в первые дни Советского государства. Этой стойкостью восхищались Джон Рид и Альберт Вильямс — нелицеприятные свидетели великих свершений в октябре 1917 года.

В третий том включены воспоминания писателя-фантаста Герберта Уэллса, приезжавшего в Россию в 1920 году. Делясь впечатлениями о беседе с В. И. Лениным, Уэллс назвал его «кремлевским мечтателем» — настолько нереальным казался ему план возрождения и электрификации России. Уэллс не знал, какими неисчерпаемыми природными богатствами располагает наша страна, какой силой является творческий размах народа, порожденный великой революцией.

Все это видели лучшие люди нашей Родины. В воспоминаниях крупного ученого и инженера Г. О. Графтио читатель найдет оценку роли Ленина, для которого строительство Волховской электростанции было первым шагом к осуществлению грандиозного плана электрификации страны.

Все участники социалистического строительства, которым посчастливилось получать задания Ленина, заражались его уверенностью в возможности осуществить задуманное, проникались горячим стремлением выполнить его во что бы то ни стало, и задание осуществлялось!

В воспоминаниях архитекторов И. В. Жолтовского и Н. Д. Виноградова, скульптора С. Т. Конёнкова, поэта Демьяна Бедного читатель найдет ответ на вопрос, как в условиях разрухи и голода могли решаться вопросы

культурного строительства, как настойчиво и последовательно вовлекал в него Владимир Ильич творческую интеллигенцию.

А страницы воспоминаний Главнокомандующего Вооруженными Силами страны С. С. Каменева открывают перед нами картины гражданской войны, когда Советская Россия, находясь в огненном кольце, нашла силы для разгрома белогвардейских армий и изгнания интервентов.

Лозунг Ленина «Все для фронта, все для победы!», его организаторская роль в превращении страны в единый военный лагерь, единство фронта и тыла — вот что, по свидетельству С. С. Каменева, обеспечило победу в справедливой войне народа, защищавшего социалистическое Отечество.

В ряду воспоминаний о Ленине деятелей международного коммунистического движения огромную ценность представляют воспоминания Клары Цеткин — верного друга Ленина и Советского государства. С нею говорил Ленин не только о вопросах политики, но делился волновавшими его мыслями о коммунистической морали, роли искусства и литературы в становлении нового человека.

Беседы с Марселем Кашеном — представителем французских социалистов незадолго до образования Коммунистической партии Франции и с Георгием Димитровым — выдающимся деятелем освободительного движения в Болгарии, впоследствии грозным обличителем германского фашизма, одолевшим в неравной схватке перед всем миром его главарей, — свидетельство того, как велик был на международной арене авторитет Ленина, как много определял в их деятельности его опыт, его теоретическая сила, его мудрые советы.

Решая задачи государственной важности — военные, хозяйственные, административные, культурные, — Ленин опирался на те живые силы, которые были способны и хотели решать эти задачи. Он видел их в лице рабочих, воодушевленных борьбой за социализм, среди ученых, ничего не принимающих на веру, не боящихся трудностей

для достижения поставленной цели, и в массе молодежи, сыгравшей огромную роль в революции и на фронтах гражданской войны.

Поэт Александр Жаров в воспоминаниях о речи Ленина на III съезде комсомола передает, какое воздействие на все жизненное поведение молодого поколения оказала эта речь и продолжает оказывать в наши дни.

Третий том воспоминаний открывается очерком Анатолия Васильевича Луначарского «Штрихи» и заключается очерком Георгия Васильевича Чичерина «Молодежь должна учиться у Ленина», в которых обобщенный образ Ленина предстает перед читателем во всей возможной полноте, творческой силе и обаянии.

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА

ВОСПОМИНАНИЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Анатолий Васильевич Луначарский («Миноносец «Легкомысленный», «Воинов»; 1875—1933) — выдающийся государственный деятель, народный комиссар просвещения в первом Советском правительстве, с 1930 года — академик.

В социал-демократическое движение вступил в гимназические годы, член КПСС с 1895 года, после II съезда РСДРП — большевик. Участник III, IV и V съездов партии, на III съезде — докладчик по вопросу о вооруженном восстании. Входил в редакции большевистских газет «Вперед», «Пролетарий» — за границей; «Новая жизнь», «Эхо», «Волна» — в России. В 1905 году «его пафосные статьи и речи были созвучны тогдашним настроениям большевиков», вспоминала Н. К. Крупская.

На конгрессах II Интернационала выступал совместно с В. И. Лениным, отстаивая интернационалистские позиции. В партийной школе в Лонжюмо (1911) читал лекции по литературе.

На посту народного комиссара просвещения, наряду с деятельностью в области народного образования и культуры, оказывал огромную помощь в деле политического просвещения Красной Армии. Выезжая на фронты гражданской войны, А. В. Луначарский в своих докладах В. И. Ленину освещал положение в воинских частях и местных организациях.

Человек энциклопедического образования, А. В. Луначарский был блестящим оратором, публицистом, драматургом, искусствоведам, дипломатом. В своих работах А. В. Луначарский дал марксистский анализ многих явлений искусства, русской и западноевропейской литературы, разработал проблемы марксистской эстетики.

В беседе с М. Горьким на Капри В. И. Ленин, харак-

теризуя Луначарского, говорил: «На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость»... Я его, знаете, люблю, отличный товарищ!»

Н. К. Крупская писала о том, что Ленин был «порядочно-таки пристрастен» к Луначарскому, «веселел в его присутствии», «больно его уже подкупала талантливость Анатолия Васильевича», а Луначарский при Ленине был «особенно оживлен и остроумен».

В марте 1923 года А. В. Луначарский послал В. И. Ленину свою книгу «Основы позитивной эстетики» с дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Ильичу работа, которую он, кажется, когда-то одобрял, с глубокой любовью. А. Луначарский».

ШТРИХИ

...Мне хочется здесь дать несколько штрихов, глубоко запавших в мою память или возникших в моем представлении позднее, когда приходилось думать над грандиозным явлением — **Ленин**. Может быть, и они послужат толчком для того или другого художника пера, резца или кисти, для того или другого молодого читателя, которому не довелось счастья дышать одним воздухом с Ильичем...

В самом организме его, как в смысле структуры, так и в смысле движения, не было ничего театрального, эффектного, разительного, выскакивающего из ряда, бросающегося в глаза. И как же вы хотите, чтобы в Ленине были такие черты? Ведь Ленин был не то что убежденным, но органическим, стихийным демократом. Он считал до такой степени безвкусным, конфузным, нелепым всякое навязывание своей личности путем внешнего эффекта,

чем-то таким смехотворным, мелочным и бесконечно далеким от себя, что, конечно, вся его наружность, равным образом его одежда и его манеры прежде всего были рассчитаны на эту естественную незаметность. Ведь это же все неважно, ведь об этом всем он не думает, ведь это все никак в его сознании не отражается. Отсюда беспредельная простота наружности Ленина.

Однако когда в первые дни моего знакомства с ним я случайно завел его к моему знакомому скульптору Аронсону, создавшему потом самый лучший его посмертный бюст¹, то Аронсон, вовсе не зная, что вообще существует Ленин, и не зная, что именно перед ним Владимир Ильич, восхитился его головой и стал просить его позволить слепить хотя бы медаль, заявляя, что такой красоты черепа, в особенности лба, он не видел нигде, кроме как на лучших бюстах Сократа...

Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи.

Необычайно увлекателен с чисто эстетической точки зрения был Ильич, когда он смеялся и в особенности когда он улыбался... В смехе Ильича было много беззаветно детского, а беззаветность смеха — это его победоносность, это показывает наличие и в натуре и в сознании привычки чувствовать себя силою...

Улыбка Ильича вовсе не была такой беззаветной, она, наоборот, была чрезвычайно тонкой, довольно сильно иронической, лукавой. Кто не помнит этой очаровательной улыбки Ильича? Когда он слушал вас с этой улыбкой, вы понимали, что он лучше, глубже, шире знает то, что

¹ Скульптурный портрет В. И. Ленина работы Н. Л. Аронсона экспонируется в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

вы ему говорите, что он уже сделал выводы... Но вместе с тем это была улыбка человека, который готов протянуть дружескую руку помощи, когда вы подойдете ближе, посмеяться над вашей ошибкой, но посмеяться мягко, товарищески. Тут было что-то такое от старшего брата, почти, я сказал бы, от матери, что всегда вызывало взрыв самой теплой любви к этому человеку с морщинками возле насмешливых глаз и с полными доброго смеха глазами...

Из вышесказанного уже следует, что романтических движений у Владимира Ильича не было. Но так как действительность иногда ставила его на гигантскую высоту, сосредоточенную в одном каком-нибудь моменте, то подчас получалась невольная для него монументальная поза. Две из них запечатлены: поза с протянутой вперед рукой — настоящая поза трибуна; другая — это когда Владимир Ильич, вынужденный говорить очень громко перед большой толпой, схватился мощно двумя руками за кафедру, весь нагнулся в одну сторону...

Обе эти позы взяты из действительности, но они все же относятся более к легенде. Это не обычный Ильич, какого мы знали, — это Ильич, которого мгновением История выхватила на сверхчеловеческую высоту, Ильич, непосредственно выполняющий функции вождя перед лицом громадной толпы.

Все незначительные движения Владимира Ильича были запечатлены печатью необычайной простоты, но это не мешало им быть прекрасными. Прежде всего, лицо его было бесконечно подвижно. Мне приходится покаяться в тяжелом грехе. Когда сидишь в Совнаркоме, надо, конечно, заниматься только государственными делами, а не лицом любимого человека, но я в этом отношении грешил, и иногда мне доставляло бесконечное удовольствие, немножко пропуская мимо ушей дело о каких-нибудь рыбных промыслах или ссоре двух губерний по поводу лесов, наслаждаться музыкой выражения лица Ильича. Чрезвычайно редко наступали минуты, когда лицо это оставалось

без движения. Все время ирония, или ироническое удивление, или подлинное удивление, или насупленные брови, или покачивание головой, или жест отрицания, или выражение особого внимания, или, наоборот, гримаса, со всей яркостью говорящая: «Какие пустяки...»

Совсем иные движения были у Ильича, когда он говорил.

В моменты, когда мысль совершенно охватывала его и когда он хотел своею мыслью охватить аудиторию, лицо его сильно менялось, особенно глаза. Они уходили куда-то вглубь, и вместе с тем в них проявлялось что-то устойчивое, почти гипнотизирующее, сверкающее. Я часто внимательно наблюдал этот взгляд Ильича-оратора. Он чрезвычайно сильно действовал на аудиторию, действительно околдовывал ее, как бы привинчивал к смыслу речи. Но я убедился, всматриваясь, что это не есть тот пронизывающий взгляд, которым искусный оратор ловит выражение лиц своей аудитории, чтобы всегда отдавать себе точный отчет, захвачена она или нет и как она реагирует; и это несколько не искусственно гипнотизирующий взгляд, ни в малой мере не какое-то факирство над публикой; этот взгляд получался у Владимира Ильича невольно. Просто работа его мысли становилась до такой степени кипучей и интенсивной, что она, вероятно, и видна была большой аудитории...

Даже когда пишешь «штрихи» об Ильиче, то вдруг оказывается, что твой запас почти неисчерпаем. У меня есть еще немало мыслей и наблюдений относительно некоторых общих психологических и, так сказать, морально-политических сторон личности Ильича. В общих чертах я об этом как-то писал, но надо написать об этом глубже и в большем количестве «штрихов». Но сейчас оставляю эту задачу в стороне и ограничусь теми несколько внешними наблюдениями, которые я сейчас передал. Надеюсь, что читатель поймет, что хотя они внешни, но от внешнего идут внутрь.

Недавно В. Д. Бонч-Бруевич сказал мне, что непосред-

ственно после своего опасного ранения¹, в дни выздоровления, Владимир Ильич вызвал его и еще нескольких лиц и сказал им приблизительно следующее:

— С большим неудовольствием замечаю, что мою личность начинают возвеличивать. Это досадно и вредно. Все мы знаем, что не в личности дело. Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное. Но вам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю.

Я думаю, что Ленин, который терпеть не мог культа личности, всячески его отрицал, в последующие годы понял и простил нас. Тут уж ничего не поделаешь — мы всей огромной массой любили его горячо, не только чтили его, а именно были влюблены в его моральный облик, и не только в его великий ум вождя — все вместе сливалось в обаятельный и гигантский образ.

И теперь, когда его уже нет среди нас, мы все чувствуем, каждый в своем сердце, никогда не прекращающийся источник горячей любви и благодарности к этому человеку. Нам нечего этого стыдиться. Нам нечего стыдиться передавать эту любовь будущим поколениям, потому что Ленин был явлением естественным при всей почти сверхъестественности самых размеров своих дарований и своей судьбы. Он был порождением великого революционного движения, великого класса в великом народе. Потрясение нашего народа в борьбе с самодержавием, напряженные усилия пролетариата, как вождя этого революционного движения, устремившиеся потом к непосредственной цели политической свободы, были колоссальным явлением, небывалым в истории.

При этом они захватывали многомиллионный народ. Подбор в революционные партии шел исключительно богатый. Романтики без силы объективной мысли отсеивались в ряды эсеров. Теоретики-марксисты без силы воли, без революционного движения отходили в мелкобуржуаз-

¹ В. И. Ленин был тяжело ранен террористкой Ф. Каплан 30 августа 1918 года.

ный меньшевизм. В рядах большевиков оставались те, которые соединили уважение к совершенно точной и трезвой мысли с очень сильной волей, кипучей энергией. Эта партия, нелегальная в течение десятилетий, требовала необыкновенной закалки.

...Партия и сама история пробовали людей и отбрасывали малопригодных. Оставались те, которые были проверены суровой жизнью. Так создавалась наша великая партийная пирамида. И как же мог на вершине ее не оказаться один из величайших вождей, каких видело когда-нибудь человечество!

И. Х. ЛАЛАЯНЦ

Исаак Христофорович Лалаянц («Колумб»; 1870—1933) — один из первых ласточек революционного марксизма в России, участник кружка Н. Е. Федосеева в Казани — был связан с В. И. Лениным узами единомыслия и личной дружбы с 1893 года. Вел нелегальную работу в Поволжье, Екатеринославе, неоднократно отбывал тюремное заключение, в частности в 1895 году в петербургских «Крестах». Владимир Ильич тогда сделал все возможное, чтобы облегчить другу пребывание в одиночке: наладил его связь с «волей» через О. И. Чачину, по просьбе его назвавшуюся «невестой» Лалаянца и на этом основании получившую право свиданий.

В 1900 году, в дни кратковременного пребывания Ленина в Москве по возвращении из Шушенского, И. Х. Лалаянц приезжал для встречи с ним; были обсуждены планы издания «Искры», созыва II съезда партии, установлены шифры для переписки и т. п. Другам удалось даже 18 февраля (2 марта) посмотреть в Художественном театре пьесу Г. Гауптмана «Извозчик Геншель», о чем в феврале 1901 года Владимир Ильич писал Марии Александровне Ульяновой: «До сих пор вспоминая с удовольствием свое посещение (Художественного театра. — Ред.) в прошлом году вместе с беднягой Колумбом. Здоров ли он?» Лалаянц все еще был «не здоров» — в апреле 1900 года, через два месяца после встречи с В. И. Лениным, он был арестован и в 1902 году сослан в Восточную Сибирь.

В августе того же года, узнав об успешном побеге Лалаянца в Швейцарию, Ленин писал ему: «Тысячу приветов старому другу!» Некоторое время Лалаянц заведовал типографией «Искры» в Женеве, выполнял особенно важные поручения В. И. Ленина. Так, ему было поручено

высхать в Россию для ознакомления членов ЦК — большевиков, работавших в российских организациях, о положении, сложившемся после II съезда, о переходе Г. В. Плеханова на сторону меньшевиков и т. д. В 1905 году И. Х. Лалаянц входил в объединенный ЦК от большевиков, готовил Таммерфорскую конференцию, был арестован и после двухлетней отсидки получил 6 лет каторги и вечное поселение в Сибири.

В. И. Ленин высоко ценил организаторские способности Лалаянца, характеризовал его как «чрезвычайно выдержанного принципиального человека, способного быть «душой организации».

О МОИХ ВСТРЕЧАХ С ЛЕНИНЫМ

Перед новым, 1893 годом жандармерия совершила крупный набег на различные подпольные организации Казани, забрав свыше полсотни лиц (предательство студента Острянина). В числе арестованных оказался и я. Продержав в тюрьме месяца два, жандармы большинство арестованных освободили «впредь до приговора» под негласный надзор полиции; освобожденным таким образом предлагалось в трехдневный срок покинуть Казань. Мне лично было предложено «свободно выбрать» и указать, где именно я намерен поселиться до приговора, «любезно» при этом перечислив города, куда я не должен направляться. Список запретных мест оказался довольно обширным. Достаточно сказать, что в него входили, помимо, конечно, столиц, все университетские города, все фабрично-заводские центры и ряд «неблагонадежных», с жандармской точки зрения, городов, как-то: Саратов, Нижний, Тверь,

Тифлис и т. д. Узнав о такой «свободе» выбора, я было запротестовал, но мне с неизменной улыбкой ответили, что в таком случае я могу продолжать сидеть в тюрьме. Делать нечего, приходилось «выбирать». И в конце концов я остановился на Самаре, правда не имея в то время ни малейшего представления о житье-бытье этого города.

Сборы были недолги. Имевшиеся в моем распоряжении дни ушли на то, чтобы бегать по знакомым, разузнавать, что представляет собою Самара, и раздобыть хоть какие-либо связи и явки в ней, чтобы не чувствовать себя совершенно каким-то Робинзоном в новом городе... Мне дали два-три адреса, предупредив, что вряд ли что-либо интересное я по этим адресам найду.

Помню, по одному из них я должен был явиться к доктору Португалову (старiku) и познакомиться с его семейством; по другому — мне предстояло прийти к некоему Долгову, тоже старiku, бывшему народовольцу, когда-то привлекавшемуся, уже не помню точно — по какому именно делу...

...Ну, вот и она, эта таинственная Самара.

Устроившись наскоро с комнатой, я на другой же день принялся заводить знакомства по данным мне адресам.

В семье Португаловых просидел несколько часов. Был принят довольно радушно, было чаепитие и пр., что в таких случаях полагается. Семья была почти в полном составе. Семья культурная, благовоспитанная, весьма умеренно либеральная. Все чисто и аккуратно; в зале на стене красовался ряд портретов передовых русских писателей-классиков с надписью «Соль земли русской». Несмотря, однако, на эту умеренность, старик уверял меня, что местная жандармерия и до сих пор преследует его своей слежкой и весьма подозрительно относится ко всей семье...

...На другой день я отправился к Долгову. Старик добряк, много перевидавший на своем веку, жил одиноко и принял меня очень ласково и радушно. Сообщив необходимые в таких случаях сведения о себе и последние

новости из Казани, я стал слушать его рассказы о прошлых временах и о жизни в Самаре. Во время разговора незаметно появился традиционный чай (прислуживала какая-то женщина).

Тут кто-то постучался — вошел молодой человек лет 22—23-х, невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный, с русыми, заметно рыжеватыми, особенно на усах и бороде, волосами. Передо мною стоял человек с необыкновенно умной и глубоко симпатичной физиономией, как-то сразу располагающей к себе. Это был Ульянов Владимир Ильич.

Хозяин не назвал нас друг другу, предложив лишь познакомиться. Мы подали руки и, как часто это бывает при знакомстве, буркнули неразборчиво свои фамилии. Разговор возобновился, в нем принял участие и вновь пришедший. Говорил больше хозяин, мы подавали реплики и частенько поглядывали друг на друга. Разговор касался малоинтересных, общеизвестных вещей. Но вот Долгов с серьезным видом заговорил, между прочим, о том, что в последней книжке, кажется, «Вестника Европы»¹ напечатана очень дельная статья о необходимости отмены телесного наказания (порки) вообще и в частности в отношении к крестьянству. Мы невольно улыбнулись. Хозяин, заметив это, поспешил добродушно пожурить нас: «Да, да, конечно, для вас, марксистов, это уже не интересно, да еще насчет мужика, — вам все подавай рабочих». Мы окончательно рассмеялись. Поговорив еще немного, мы простились с Долговым и вышли вместе.

По дороге у нас постепенно завязался интересный разговор, что дало нам возможность ближе познакомиться друг с другом; я рассказывал все, что мог, о казанской жизни и в свою очередь с большим интересом выслушал все, что Владимир Ильич успел передать мне о Самаре в этот первый вечер нашего знакомства. Наша беседа,

¹ «Вестник Европы» — ежемесячный историко-политический и литературный журнал либеральной буржуазии; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 год.

естественно, перешла на тему о народниках и марксистах, и мы оба настолько увлеклись, что не заметили, как дошли до дверей его квартиры, и так как это было на самом интересном месте беседы, то Владимир Ильич заявил, что проводит меня «немножко» обратно. Дойдя незаметно до моей квартиры, я в свою очередь предложил ему то же самое... И вот таким-то образом, провожая друг друга каждый раз «еще немножко», мы проделали еще четыре конца! Наконец решили, что все равно всего нам не переговорить, и где-то на полдороге, крепко пожав друг другу руки, разошлись по домам, условившись, что на завтра вечером он поведет меня знакомить с кой-какой публикой, и прежде всего со своим близким другом А. В. Поповым (А. П. Скляренко)...

...На другой день вечером, как мы уже условились, я зашел к Владимиру Ильичу. Все семейство Ульяновых в то время жило в Самаре, в одной квартире в доме торговца Рытикова, на углу Почтовой и Сокольничьей улиц, и состояло, кроме Владимира Ильича, из его матери — Марии Александровны, сестер — Анны Ильиничны с ее мужем М. Т. Елизаровым и Марии Ильиничны — и брата Дмитрия Ильича, в то время учившихся еще в гимназии. Меня тут же Владимир Ильич познакомил со всей семьей, после чего, немного посидев, мы с ним отправились к Скляренко...

...Это был молодой человек приблизительно таких лет, как и Ульянов, высокого роста, статный, гибкий, с прекрасным, умным и выразительным лицом. Очень симпатичный, общительный и остроумный, он пользовался большим влиянием и популярностью среди учащейся молодежи, да и не только среди интеллигенции — рабочие (особенно железнодорожные), среди которых он имел довольно обширное по тем временам знакомство, его тоже очень любили, и прежде всего за то, что он умел просто и близко подходить к ним, без заискиваний, подлаживания и пр.

Ко времени нашего знакомства Скляренко уже был сложившимся марксистом, успел посидеть в «Крестах»

(петербургской одиночной тюрьме), заделавшись там ткачом. В противоположность Владимиру Ильичу он не отличался усидчивостью, стремлением к терпеливым и упорным теоретическим занятиям, требующим уединения и настойчивости. Он был главным образом практик, и при том с пропагандистско-агитаторским уклоном, ему всегда нужно было общество, нужна была аудитория, внимательно и с интересом прислушивающаяся к его словам и где он чувствовал бы свою руководящую роль¹.

Встретились мы со Складенко очень радостно и, дружески крепко пожав друг другу руку, сразу как-то почувствовали себя как бы старыми знакомыми...

...На первых же порах, бывая часто как у Владимира Ильича, так и Алексея Васильевича Попова (я позволю себе в дальнейшем именовать А. П. Складенко именно так, ибо мы все его тогда так звали) — в особенности у Попова, — я тесно сблизился с ними обоими. Вскоре в городе публика нас иначе и не называла, как тройкой, прибавляя к этому слову тот или иной эпитет в зависимости от «идеологического» отношения к нам говорившего...

...Владимир Ильич ко времени моего знакомства с ним состоял помощником присяжного поверенного. Будучи исключен из Казанского университета, как один из наиболее активных участников студенческих «беспорядков» в декабре 1887 года, он впоследствии, подготовившись, в 1891 году сдал экстерном государственный экзамен при университете, для чего и ездил из Самары в Петербург. Состоя, как я сказал, помощником присяжного поверенного, Владимир Ильич, однако, мало занимался в Самаре юридической практикой: не она влекла его к себе, а революционная работа, работа в области теории и практики революционного марксизма. Решив перебраться с осени того же

¹ В 1934 году вышла книга, подготовленная А. И. Ульяновой-Елизаровой «Старый товарищ Алексей Павлович Складенко», в которой отражена жизнь и деятельность одного из первых русских марксистов, близкого друга В. И. Ленина, тесно связанного со всей семьей Ульяновых.

1893 года в Петербург, он много времени посвящал в Самаре, помимо чисто теоретических занятий, работам литературным, составлению конспектов статей, рефератов и пр. В то время, как известно, русские марксисты были совершенно лишены всякой возможности проводить или защищать свои теоретические взгляды хотя бы в легальной печати, чем весьма широко пользовались разные публицисты, «экономисты» и пр. из народнического лагеря... До чего свирепствовала в те времена цензура против марксистской литературы, можно судить по таким, например, фактам. В конце 80-х годов был совершенно закрыт совсем невинный специальный юридический журнал «Юридический Вестник» из-за одной лишь статьи П. Скворцова, в которой давался сухой цифровой анализ нашего хозяйства и, кажется, в одном месте было упомянуто имя Маркса. В печати нельзя было произносить слова: «русские марксисты» или «русские последователи Маркса», а приходилось говорить «русские ученики, которые...» и пр. Или, например, запрещалось упоминать в печати фамилию Н. Г. Чернышевского, а говорилось «автор «Очерков гоголевского периода русской литературы», и т. д. в этом же роде...

...Нашу тройку некоторые тогда еще называли «кружком», а теперь, в особенности после смерти Владимира Ильича, нередко говорят о «самарском кружке», имея в виду именно эту нашу тройку; на самом деле, по крайней мере в обычном, организационном смысле, мы собою никакого кружка не представляли; определенных регулярных собраний этот «кружок» не устраивал, и никаких систематических занятий в нем ни Владимиром Ильичем, ни кем-либо другим из нас не велось. Это просто была маленькая группа очень близко сошедшихся между собою товарищей-единомышленников, тесно сплотившихся друг с другом среди моря окружающей разномыслящей интеллигенции. Среди нее были, с одной стороны, представители отжившего направления, как бывшие народовольцы и народники — поколение более старшего возраста, а подчас и весьма

почтенного; с другой — люди молодого поколения, учащиеся и исключенные из учебных заведений (университетов и пр.), колеблющиеся, не установившиеся, во многом разделявшие взгляды марксистов, но в то же время не расставшиеся окончательно с народническими «чувствами» и такими представлениями о русских марксистах, что-де «они совсем не любят мужика», «хотят обезземелить крестьян», «радуются разорению деревни», и тому подобными нелепостями, в той или иной форме пресерьезно и щедро приписывавшимися марксистам их противниками из лагеря народников и примыкавших к ним. Нередко можно было из уст представителей такой молодежи услышать тоскливый вопрос, обращенный к марксистам: «Вот вы, конечно, и научнее, и умнее их, но зачем же вы непременно хотите разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?» Помню, как-то Попов готовил реферат о хозяйственном положении крестьян Самарской губернии, делал подсчеты по земским статистическим сборникам и другим источникам. За работой застает его кто-то из таких знакомых — народолюбцев и, узнав, что тот как раз в это время подсчитывает количество безлошадных крестьян, укоризненно качает головой: «И вам не жалко их! Вы сидите и спокойно констатируете эти явления?!»

Я уже говорил выше, что каких-либо систематических занятий в нашем «кружке» мы не вели, но в то же время нам очень часто удавалось собраться втроем или у Владимира Ильича, или — что бывало чаще всего — у Попова, а то и просто отправиться куда-нибудь за город, например в Аннаевское кумысо-лечебное заведение, или прямо на берег Волги, к пароходным пристаням, где можно было в достаточно чистой и уютной комнатке какой-нибудь скромной пристанской пивной вести беседы на интересующие нас темы за кружкой жигулевского пива, чем мы отвлекали от себя внимание посторонних.

У Попова была удивительная способность быстро и наверняка находить чистенькую и спокойную пивную с ве-

ликолепным жигулевским пивом, за что вскоре же тогда он получил от Владимира Ильича почетное звание — «доктора пивопития». Эта кличка тут же «единогласно» и «без прений» была нами принята и так основательно привилась за ним, что мы в своем кругу иначе и не называли нашего милого Алексея Васильевича. И почти через тридцать лет, сидя за беседой в кремлевском кабинете у Владимира Ильича — увы, это была моя последняя встреча и беседа с ним¹, — после первых же взаимных приветствий я услышал от него: «А ведь доктора пивопития с нами уже нет!» Это было произнесено им с грустной улыбкой...

...Итак, собирались мы разное, где придется. Впрочем, если предстоял реферат или разбор какого-либо литературного произведения или заметок, то обычно дело происходило на квартире у Попова; а то бывало и так, что предварительно каждый брал себе на дом ту или иную работу, а затем уже сходились для обсуждения...

...Кончилось лето 1893 года; Владимир Ильич уехал в Питер, остальная семья Ульяновых собиралась переселиться в Москву. Мы остались вдвоем с Поповым...

¹ 13 января 1922 года.

Ф. Ф. ВЕНТЦЕЛЬ

Фаина Филипповна Вентцель (1870—1967) — писательница, автор драматических произведений и переводов. Участница революционных кружков в Самаре в годы, когда там жил В. И. Ленин.

Воспоминания Ф. Ф. Вентцель дают объективную характеристику разных прослоек самарской интеллигенции, с которой сталкивался Владимир Ильич и в связи со своей адвокатской практикой, и в контактах с прогрессивной молодежью, и в обычных бытовых отношениях.

ТАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ...

Перед старыми людьми, заканчивающими свой жизненный путь, необыкновенно ярко встают воспоминания, связанные с лучшей порой их жизни — с молодостью. В памяти оживают встречи с теми, кто оставил в душе неизгладимый след. Таким человеком для меня в первую очередь является Владимир Ильич Ульянов-Ленин, с которым я была знакома в годы его жизни в Самаре.

Оценка личности Владимира Ильича Ленина уже сделана историей и подтверждена теми величайшими революционными преобразованиями, которые произошли в мире на протяжении последних пятидесяти лет. Особо нового о Владимире Ильиче я сообщить не сумею, но и те факты его жизни, которые сохранила мне память, представляют, по-моему, интерес. К тому, что известно о

Владимире Ильиче, они добавляют немного, но в жизни Ленина и мельчайшие подробности имеют значение.

Родилась я в 1870 году, а в Самаре жила в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века. Основной тон в этом большом приволжском городе задавало тогда купечество. Его сытое безразличие ко всему, помимо наживы, делало жизнь для тех, кто искал в ней иных интересов, крайне тоскливой и тяжелой.

Нельзя сказать, чтобы в Самаре не было никакой умственной деятельности. Работали и театр и библиотека, известная на Поволжье богатым выбором книг, издавались две газеты. Проживало в городе немало бывших ссыльных, возвратившихся из Сибири, были люди с высшим образованием. И все же в довольно значительной прослойке интеллигенции не чувствовалось того, что давало бы ее жизни настоящий смысл. Народовольческое движение окончательно изжило себя. Пришедшее на смену ему народничество начинало отступать под ударами молодой русской социал-демократии. Одни из интеллигентов озлобились, другие опустили руки, но третьи стали энергично искать новых путей, жадно прислушиваясь к распространявшемуся в России новому революционному учению — марксизму.

Вот в такое-то время и появился в Самаре Владимир Ильич.

В мае 1889 года семья Ульяновых переехала из Казани на хутор близ деревни Алакаевки, расположенной недалеко от Самары. Проводя лето там, Ульяновы на зиму обычно приезжали в Самару, где у них была квартира.

После исключения из Казанского университета Владимир Ильич, поработав со свойственной ему серьезностью два года, в 1891 году сдал экстерном экзамены за юридический факультет в Петербургском университете. И, возвратившись в Самару, записался для практики помощником присяжного поверенного к Андрею Николаевичу Хардину, которого знал еще раньше.

Среди самарской интеллигенции, в первую очередь среди молодежи, Ленин был особенно известен именно в эти годы: 1891—1893. Наиболее свободомыслящая часть интеллигенции знала о существовании в городе подпольных революционных кружков, в которые в основном входили рабочие, семинаристы и ученицы фельдшерской школы; известны были и народнические кружки, где также велись страстные, непримиримые споры. Владимир Ильич бывал и в тех и в других кружках, не раз выступал там, завоевывая все больше горячих приверженцев марксизма и вызывая тем самым недружелюбие закоснелых в своем рутинерстве народовольцев. Пользуясь в кружках социал-демократов безграничным уважением, Владимир Ильич представлялся многим своим оппонентам как очень способный, но чересчур самоуверенный и резкий молодой человек; они не могли примириться с его крутыми нападками на В. В., Михайловского¹ и других либералов.

Адвокатская среда, в которой оказался Ленин, став помощником присяжного поверенного, была далека от той деятельности, о какой мечтал Владимир Ильич. Если не считать А. Н. Хардина и еще двух-трех юристов, то корпорация адвокатов отличалась всеми характерными чертами тогдашней чиновничьей провинции: стяжательством, крючкотворством, моральной нечистоплотностью. На защиту уголовных и политических дел, большею частью проводившуюся бесплатно и по назначению суда, эти толкователи закона смотрели как на тяжелую повинность. С гораздо большим интересом и горячностью они относи-

¹ В. В. (В. П. Воронцов) и Н. К. Михайловский — идеологи либерального народничества, видные публицисты, активные противники революционного марксизма. Открытая схватка, лицом к лицу, с В. П. Воронцовым произошла у Ленина 9 (21) января 1894 года на нелегальной вечеринке в Москве. Не зная, что с нападками на марксизм и марксистов выступает Воронцов, В. И. Ленин не только отразил его атаки, но показал несостоятельность его взглядов, вынудив В. В. замолчать. Узнав потом, кто был его противником, Владимир Ильич был недоволен, что его не предупредили об этом, и он, «раззадоренный» авторитетным тоном Воронцова, выступил в неконспиративной обстановке.

лись к ведению гражданских дел, которые на их языке назывались «хлебными».

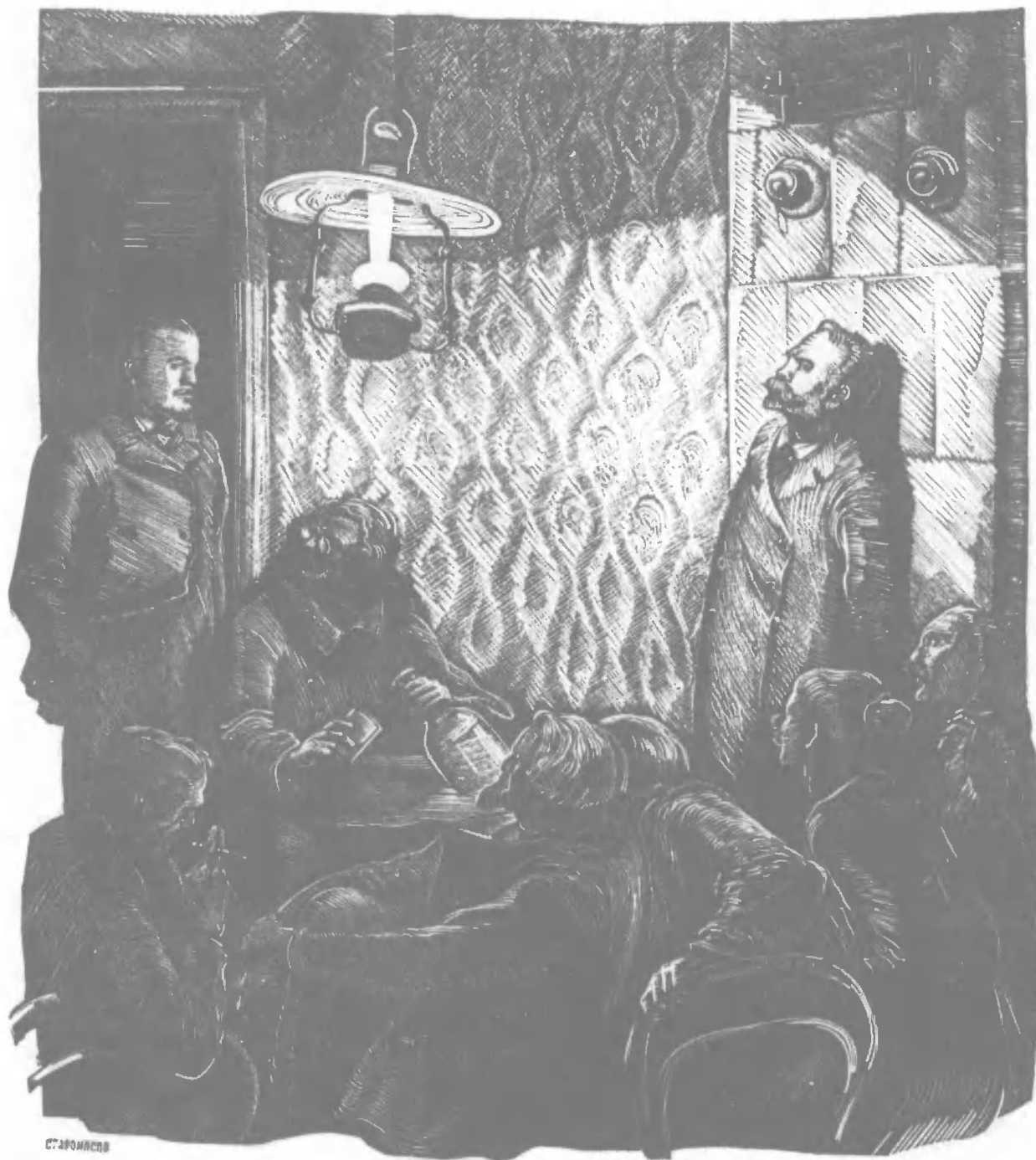
Взгляды помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова на адвокатскую деятельность существенно отличались от взглядов его коллег. Среди адвокатов не прекращались толки о полном его равнодушии к ведению «хлебных» дел. У молодых это нравственное превосходство вызывало известное раздражение, а старые говорили: «Ничего, обтерпится, такой же, как и мы, грешные, будет». И для тех и для других, погрязших в обывательщине, бешено гнавшихся за гонорарами, Владимир Ильич служил живым, постоянным укором совести.

Первое же выступление Владимира Ильича в суде показало, как он относится к своему труду. Юридическая практика его была, в общем, невелика и велась по назначению. Таким первым назначением оказалась защита одного крестьянина, обвиненного в оскорблении царя. За «оскорбление Его Величества» подсудимому грозила тяжелая кара — многолетняя каторга или заключение на три года в крепость. Однако Ленин добился того, что виновному присудили всего лишь полтора года простого тюремного заключения. Такой исход дела, по мнению самарских адвокатов, равнялся чуть ли не оправданию подсудимого, а его защитнику создал репутацию первоклассного оратора.

Теперь мне хочется рассказать вот о чем. После суда над крестьянином, где выступал Ленин, прошло несколько дней, и неожиданно на квартиру к Ульяновым явился один из самых богатых купцов Самары — Ф. Ф. Красиков. Он нажил огромное состояние путем скупки за бесценок башкирских земель и хлеба на корню у крестьян. Рассказ об этом посещении я передаю в тех характерных выражениях, какие мне удалось услышать (а позднее записать в дневнике) от самого Красикова.

Произошло это таким образом.

Как-то перед вечером я навестила свою гимназическую подругу Машу Никитину, с отцом которой Красиков находился в приятельских отношениях. Семья сидела

Ленин выступает против народника В. В. (В. П. Воронцова) на нелегальном собрании в Москве 9 (21) января 1894 года.

в столовой за чаепитием, как вдруг раздался звонок, и в комнату вошел Красиков, весьма чем-то взволнованный.

От предложенного ему чая он отказался: «Злобу в чае не утопишь, а давайте-ка чего-нибудь покрепче!» Ему подали на подносе графин с водкой, и, наливая себе рюмку за рюмкой, он начал рассказывать о посещении В. И. Ульянова, от которого прямо и приехал.

— И за что он меня обидел, — жаловался Красиков, — не пойму! Вхожу это я к нему и в передний угол даже не смотрю, есть там икона али нет. Не мое это дело, не богу молиться пришел, тоже и мы с понятием, даром что поддевка да сапоги смазные, а знаем, что́ от какого человека требовать положено. Ну, думаю, тут и без молитвы сойдет.

«Знаешь меня?» — спрашиваю и фамилию свою называю.

«Наслышан», — говорит.

И тут бы мне ему хоть садиться предложить, а он ни с места! Я стою, и он стоит... Не стерпел я этого.

«В ногах, — говорю, — правды нет, уж дозвоьте сесть!»

Сели.

«По какому делу?» — спрашивает.

«А вот, — говорю, — по какому: выгораживай меня, только и всего. Скажу тебе как на духу: маленько я с мужиками переборщил. Думал, что сойдет...»

«Не понимаю», — говорит.

«Ну, прижал я их, что ли, как там это по-вашему. А они возьми да на меня в суд и подай! А суд-то теперь сам знаешь какой — одним глазом на нас, а другим — на них. Как бы какого конфуза для меня не вышло. Вот я к тебе и пришел. Выгораживай меня!»

«Не могу, — отвечает, — не мастер».

«То есть как, — говорю, — не мастер?.. Ты вот экого, прости господи, прохвоста обелил! Да ему, подлецу, на каторге бы гнить за такие его против царя поносные слова, а ты его вчистую высвободил. Я так полагаю, что ты за то его выручил, что мужик он, а ты, известно, горой за них

стоишь. И у меня расчет простой: коли знать будут, что ты за мое дело взялся, значит, не так уж я виноват против мужиков выхожу... Ну, берись, что ли! Я ведь не даром прошу. Грабь сколько хочешь!»

А он свое: не согласен да не согласен. И деньги, говорит, ваши мне не нужны. Только я от него и слышу. Ну, думаю, человек как будто с понятием, а от выгоды своей отказывается, да гордо этак, слова лишнего не вымолвит.

«Тебе-то, — говорю, — не нужны, а на разные твои дела ох как пригодятся».

А он знаешь как на меня напустился!

«Вы что, доносить на меня собираетесь? Так я не из трусливых. А засим — прощайте!» — и вышел из комнаты, а я один остался...

Ну, постоял я, постоял да и ушел. Даже до дверей он меня не проводил. Татарина последнего и того до дверей хозяин проводит, а я вот, купец первой гильдии, и на тебе — такого приема удостоен. Главное, обидно — говорить со мной не захотел...

И долго еще Красиков не мог успокоиться.

А на другой день в здании суда, в адвокатской комнате, к Ленину подошел старый присяжный поверенный Ященко и сказал ему:

— За что же вы это дело у Красикова отказались вести? Сухо, сухо клиентов принимаете. Зря человека обидели да и себе большой урон сделали. Ведь за ним потянулись бы к вам с делами и другие такие же, дела-то у них под одну статью. Лопатой бы денежки загребали!

— Заведомого вора защищать неохота! — был ответ.

— А я вот взял его дело, — произнес адвокат, — ибо поступаю по незыблемому закону правосудия: каждый, будь он даже вор, имеет право взять себе защитника.

— Против права вора брать себе защитника не возражаю, отвергаю только, — резко заявил Ленин, — право защитника брать воровские деньги за защиту!

Слова эти, сказанные в присутствии нескольких адвокатов, быстро разнеслись по городу. Адвокаты передавали их с восхищением, но не потому, что они разделяли убеждения Владимира Ильича, а потому, что был уязвлен коллега, чье умение вести не весьма чистые дела, получая при этом крупные вознаграждения, постоянно вызывало их зависть. Сам же поступок Ленина поражал их только своей «непрактичностью»¹.

Когда стало известно, что в Самаре появился человек, пламенно и талантливо толкующий новое революционное учение — марксизм, к нему потянулась молодежь. И никому Владимир Ильич не отказывал в совете и руководстве. Случайно и мне пришлось быть свидетельницей его необыкновенно участливого отношения к молодежи.

Эпизод, о котором я хочу рассказать, довольно характерен для нравов того времени.

Одной моей знакомой, молодой девушке, учитель Самарской мужской гимназии сделал предложение выйти за него замуж и получил отказ. Отвергнутый жених, оказавшийся довольно подлым человеком, заявил, что будет мстить, и стал преследовать ее брата, гимназиста шестого класса. Мальчик, до этого хорошо учившийся, начал получать плохие отметки. Поведение его — до этого всегда образцовое — стало предметом обсуждения в гимназии: «мститель» непрерывно чернил ученика в глазах других педагогов; ни в чем не повинному мальчику грозило исключение из гимназии. Мальчик изнервничался и даже подумывал о самоубийстве. Тогда его сестра решила обратиться за советом к Владимиру Ильичу, с которым была знакома. Мы пошли к нему вместе.

Нужно было видеть, с каким участием принял нас Владимир Ильич! Он подробно расспросил мою приятельницу о всех обстоятельствах дела и, когда она кончила

¹ О подобных фактах своей юридической практики вспоминал Владимир Ильич в домашнем кругу осенью 1922 года.

рассказывать, предложил ей прислать к нему брата, чтобы с ним переговорить.

— Это невозможно, — с огорчением ответила она. — Он настолько робок и конфузлив, что ни за что не пойдет.

— В таком случае, — сказал Владимир Ильич, — я сам к нему отправлюсь.

И в тот же день пришел к ним. Успокоив мальчика и взяв с него обещание не предпринимать никаких неправых шагов, он направился к неудачливому жениху. Что говорил ему Владимир Ильич — неизвестно, но преследование мальчика немедленно прекратилось. Возможно, что не обошлось и без визита Владимира Ильича к директору гимназии, потому что вскоре этот учитель был переведен в другой город, а мальчик смог благополучно закончить гимназию.

Таких фактов немало.

Еще вспоминается мне следующий эпизод.

Каждый год, обыкновенно в конце декабря, на святках, Самара оживлялась. Из Москвы и Петербурга, из других университетских городов съезжались на каникулы студенты, и начиналось рождественское веселье. Театр наполнялся публикой, в дворянском и купеческом клубах давались танцевальные вечера, но главным развлечением молодежи было ряжение: человек двадцать пять — тридцать сговаривались между собой, намечали чей-либо дом и, объявив накануне хозяевам о своем намерении, отправлялись туда в маскарадных костюмах. Вечеринка, которую я вспоминаю, началась точно так же. Происходила она в квартире одного из товарищей Ленина по адвокатуре, помощника присяжного поверенного Осипа Григорьевича Гиршфельда, жившего на Дворянской улице в доме Прагера. Гиршфельд и его жена всегда принимали участие в подобных развлечениях и на этот раз предоставили свою квартиру в полное распоряжение молодых гостей. Как и полагается, был приглашен тапер, почти непрерывно «закатывавший» на фортепьяно танцы, зал был ярко освещен сильными керосиновыми лампами, а в столовой накрыли

длинный стол, на котором красовалось множество домашних закусок. Из кухни доносился стук — там рубили котлеты к ужину; в передней стоял невероятных размеров ящик, в нем бутылки с жигулевским пивом. Все было готово к приему гостей.

В восемь часов — в провинции вечера начинались рано — появились первые ряженные. Нужно сказать, что костюмы не отличались особой замысловатостью. Здесь можно было видеть обычные для таких вечеринок — «ночь», в длинном балахоне из черного коленкора, с нашитыми звездами из фольги, чертей, монахов, цыганок, цветочниц. Мы с подругой решили во что бы то ни стало отличаться оригинальностью костюмов. С большим трудом удалось нам достать их у актрисы местного театра, да и то лишь на два часа. Костюмы наши были таковы: я вырядилась царицей, со всеми положенными на этот случай атрибутами — короной, скипетром, мантией и прочим, а подруга моя изображала рабыню, и не какую-нибудь, а черную, даже руки у нее были соответственно покрашены.

Мы несколько запоздали на вечеринку, но имели несомненный успех. Нас непрерывно приглашали танцевать, и костюмами восхищались почти все. Я говорю «почти», потому что Владимир Ильич Ульянов не обращал на нас ровным счетом никакого внимания. Несколько раз проходили мы перед ним, стараясь привлечь его внимание, но тщетно. Такое безразличие показалось нам тем более обидным, что он охотно принимал участие в общем веселье, остроумно отвечал интриговавшим его маскам, сам просил «цыганок» погадать ему. Отношение его к нам было странным.

Наконец мы не выдержали, подбежали к нему сами и спросили, почему ему не нравятся наши костюмы.

Владимир Ильич улыбнулся.

— Когда вы пришли, — ответил он, — я спросил хозяина, каким образом могла сюда попасть такая высокая особа с рабыней? Хозяин ответил, что одна из вас — кур-

систка, а другая — начинающая писательница и даже рассказ ее, как говорил редактор самарской газеты, из-за цензурных условий не смог быть напечатан... Что же это, — шутливо обратился ко мне Владимир Ильич, — слова у вас одни, а костюмы вам нравятся совсем другие? Мой совет: не допускайте такой двойственности!

И вдруг при последней фразе из толпы, незаметно окружившей нас и желавшей, очевидно, послушать, о чем говорит Владимир Ильич, раздался чей-то насмешливый голос:

— Быть может, вы и нам скажете речь о том, что можно делать и чего делать нельзя?

Голос, как оказалось, принадлежал одному идейному стороннику терроризма, видевшему во всех инакомыслящих чуть ли не личных своих врагов. Однако в это время хозяин пригласил нас к столу:

— Речи потом, за ужином, а теперь — прошу всех в столовую!

Спустя некоторое время начались тосты и речи. Первым говорил хозяин, но едва он закончил, как неугомонный террорист снова обратился к Владимиру Ильичу:

— Очередь за вами. И на тему: что можно и чего нельзя!

— Разумеется, говорите, — поддержал хозяин.

— Просим, просим, говорите! — раздалось со всех сторон.

Владимир Ильич поднялся и очень просто сказал:

— Там, где люди собрались повеселиться, говорить серьезно и о серьезном нельзя, но если все присутствующие этого хотят, тогда, я думаю, можно...

Ленин дал блестящую отповедь террористу, сказал о бесплодности террористических актов, кончавшихся, как правило, заменой одного прислужника самодержавия другим. Потом он говорил о жизни, к которой должна стремиться сознательная молодежь, о том, что путь к достижению цели заключен не столько в красивых порывах, сколько в кропотливом, настойчивом труде. «Молодежь, —

говорил Ленин, — это наша армия, с которой мы завоеваем лучшую жизнь; но прежде чем вступать в бой, нужно учиться владеть оружием, а не бряцать им!»

Это последнее выражение — единственно подлинное из речи Владимира Ильича, которое мне запомнилось. Остальные за давностью лет исчезли из моей памяти, но содержание речи никогда мной не забудется, так же как и то глубокое впечатление, которое она произвела на слушателей. Помню, какой возбудила она энтузиазм, и убеждена, что многих из нас, присутствовавших на той памятной вечеринке, она отвратила от ложного пути в жизни.

И. В. БАБУШКИН

«Иван Васильевич Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую социал-демократическую партию». Так писал В. И. Ленин в 1910 году, узнав о расстреле И. В. Бабушкина карательной экспедицией правительства в 1906 году...

«Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано исключительно борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин».

Свой путь революционера-марксиста И. В. Бабушкин («Богдан»; 1873—1906) — петербургский рабочий — начал в вечерне-воскресной школе для рабочих за Невской заставой, затем в подпольном кружке, руководимом В. И. Лениным.

Это был выдающийся представитель рабочей интеллигенции, посвятивший всю жизнь делу освобождения рабочего класса. После ареста руководящей группы петербургских марксистов во главе с В. И. Лениным он продолжал работу в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге и Екатеринославе, в 1900 году принимал участие в организации «Искры», был ее постоянным корреспондентом и агентом. Преследовался полицией, после ареста бежал из Екатеринославской тюрьмы и прибыл в Лондон, куда было перенесено из Мюнхена издание «Искры». В Лондоне были написаны Бабушкиным воспоминания о петербургском подполье 90-х годов. «Много переговорено было там, много вопросов было обсуждено совместно», — вспоминал об этой встрече В. И. Ленин.

В 1905 году И. В. Бабушкин в Сибири — в Иркутске и Чите — возглавлял восстание читинских рабочих; он был захвачен карательной экспедицией при перевозке оружия из Читы в Иркутск, на станции Слюдянка, и расстрелян

у открытой могилы. О гибели И. В. Бабушкина стало известно только в 1910 году. В некрологе, посвященном ему, напечатанном в заграничной большевистской «Рабочей газете», В. И. Ленин писал о громадной роли И. В. Бабушкина в рабочем движении, о том, что он поистине был народным героем и гордостью партии.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Увлечшись революционной деятельностью и все увеличивающимися знакомствами, мы положительно погрузились работой и не заметили, как наступил момент открытия воскресных школ¹. Ждали с нетерпением дня открытия, и, наконец, он наступил. Конечно, мы все до одного записались в школу, которая являлась в одно и то же время и сильным культурным учреждением, и тем решето, которое отделяло чистое зерно от примесей, и тем механизмом, который сталкивал одного субъекта с другим; здесь происходило хотя не очень большое, но довольно прочное сплетение сети знакомств. К этому же времени у нас подготавливался к систематическим занятиям кружок, может, были и другие кружки, но я их не знал и не допытывался о них. Как только настала питерская осень, со всех сторон понаехала интеллигенция и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей² просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Новый знакомый, назовем его Н.³, рабочий, поселившийся за Невскою заставой, связанный с интеллигенцией, которая имела, видимо, широкий круг своих работников и

¹ Речь идет о 1893 году.

² Рабочий И. Ф. Костин.

³ В. А. Шелгунов.

В. И. Ленин среди рабочих на совещании социал-демократической группы в Петербурге. 1895 год.

потому желала и за Невской вести кружковые систематические занятия, организовал кружок. Местом для занятий послужила моя комната, как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составиля из шести человек и седьмого — лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор¹ излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собою, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни. И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую под разными предлогами, но на деле — за собиранием необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда, при удобном случае, и для разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской. Разумеется, главным препятствием ко всякого рода собиранию сведений служило отсутствие сколько-нибудь свободного времени, но все же дело подвигалось, хотя не так полно и энергично, как следовало бы.

¹ Лектором был В. И. Ленин.

В. А. КНЯЗЕВ

Владимир Александрович Князев (1871—1925) — член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», портовый рабочий. В 1894 году вместе с другими передовыми рабочими под руководством В. И. Ленина, В. В. Старкова и П. К. Запорожца участвовал в организации рабочих марксистских кружков. На его квартире вели занятия кружков В. И. Ленин и В. В. Старков. В 1896 году был арестован и выслан в Вятскую губернию.

Воспоминания В. А. Князева представляют особенный интерес, так как знакомят нас со всем кругом задач, которые ставил В. И. Ленин перед своими кружковцами, готовя их к роли руководителей в предстоявшей революции.

Эти задачи не сводились к пополнению общеобразовательных и политических знаний. Организатор и руководитель рабочего кружка должен был изучать обстановку на предприятии, знать условия труда и быта рабочих, их настроения, помогать им организовать кассы помощи баствующим или арестованным товарищам, библиотеки политической литературы и т. п.

Кроме того, В. И. Ленин предупреждал своих кружковцев об осторожности при арестах, поведении на допросах, в суде и т. п., давал им первоначальные уроки конспирации, без которой участие в революционном движении было немыслимо.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

Я работал в порту нового адмиралтейства в слесарной мастерской учеником с 1884 года, а в 1889 году вышел в мастеровые. Работа в порту шла тихо и примитивно — не пользовались даже и станками, какие были в мастерской. Спросишь, бывало, у указателя (мастера) наждачной бумаги отшлифовать медную вещь, а он в ответ: «Эх, плохой ты мастеровой! Захотел наждачной бумагой, а ты возьми щепочку, насыпь наждаку да и протри». Так и шла работа — больше проводили времени, чем работали.

Но вот с Балтийского завода перешло в мастерскую несколько молодых мастеровых; впоследствии оказалось, что они были уволены с Балтийского завода как «опасный элемент». Они внесли в порт живую струю. Сейчас же пустили в ход стоявшие без работы станки, поденную работу перевели на штучную, благодаря чему заработки повысились.

Вместе с тем эти мастеровые повели среди рабочих социалистическую пропаганду, выбирая лучшие элементы из заводской молодежи. Началась организация кружков, в один из которых попал и я.

Получив в кружке кое-какие познания, я сейчас же стал распространять среди своих друзей то, что узнал в кружке. Кроме устной пропаганды, раздавались по рукам книжки, в которых высказывались идеи социализма. Изредка к нам попадала и нелегальная литература. Но она плохо «прививалась», так как ее трудно было хранить.

В целях правильного политического развития рабочих у нас в порту устраивались так называемые в те времена «демократические университеты» при слушателях не более 5 человек. При этом говорили так: «Если рабочий не может прийти в университет сам, то университет придет к нему». И действительно, работа по развитию членов кружка шла быстро.

Руководителями наших кружков были студенты выс-

ших учебных заведений, они же были и организаторами кружков.

Когда в 1894—1895 годах Владимир Ильич Ульянов совместно с Запорожцем и Старковым¹ составили программу занятий, работа в наших рабочих кружках стала более углубленной и правильной.

Я помню, что когда я организовал несколько рабочих кружков на Петербургской стороне, на Васильевском острове, на Выборгской стороне и в посаде Колпино и заявил, что необходимо прислать интеллигентов в эти кружки для чтения лекций, то мне в нашем центре сказали: «Хорошо, к вам придет Николай Петрович. Это один из лучших, поэтому люди в кружках должны быть благонадежными и серьезными».

В силу этой директивы я отобрал среди завербованных в члены кружков рабочих, более мне известных... Первое собрание этого нашего кружка состоялось на Петербургской стороне в доме на углу Съезжинской и Большой Пушкарской улиц, в комнате, в которой я жил и которая имела отдельный ход с лестницы, так что мои квартирные хозяева не видели, кто ко мне приходил.

В назначенный час ко мне кто-то постучал. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, круглым лицом, с пронизательными глазами, с нахлобученной на глаза фуражкой, в осеннем пальто с поднятым воротником, хотя дело было летом, вообще — на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком. Войдя в комнату, он спросил: «Здесь живет Князев?» На мой утвердительный ответ заметил: «А я — Николай Петрович». — «Мы вас ждем», — сказал я. «Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением... Вот и задержался. Ну как, все налицо?» — спросил он, снимая пальто.

¹ Петр Кузьмич Запорожец и Василий Васильевич Старков входили в руководящий кружок петербургских марксистов. С конца 1895 года он стал называться — Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Лицо его казалось настолько серьезным и повелительным, что его слова заставляли невольно подчиняться, и я поторопился успокоить его, что все пришли и можно начинать.

Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была как бы не терпящей возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих, что они читают и т. д.

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное, не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что, если бы они сумели объединиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия к достижению лучшего. Приобретя знания, они смогли бы самостоятельно улучшить свое положение, вывести себя из рабского состояния и т. п.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все объяснял, что было нам непонятно. Сравнивая его речь с речами других интеллигентов, становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то собравшиеся стали спрашивать меня: «Кто это такой? Здорово говорит».

Но я им объяснить не мог, кто был Николай Петрович, так как сам его в то время не знал. Он посещал нас часто — раз в неделю. Посещал он также и другие кружки, которые ему указывали. Удалось организовать кружок на Черной речке и у рабочего П. Дмитриева. Николай Петрович посещал и этот кружок, несмотря на дальность расстояния. Посещал он кружок и на 7-й линии Васильевского

острова у Крочкина-Федорова. Этот кружок был для Николая Петровича роковым: его там проследили. Кружок этот — пять человек — был арестован в ноябре 1894 года.

Так как я был членом центрального кружка, то у меня на квартире собирались и представители других кружков, и интеллигенты. Эти собрания были еще более конспиративны. На этих собраниях руководителем был тот же Николай Петрович. Но как его звали по-настоящему, никто из рабочих и здесь не знал. Николай Петрович на этих собраниях распределял по кружкам интеллигентов-пропагандистов и давал им указания, знакомил их с тем, что представляли из себя эти кружки и что́ читать в них.

В 1893 году умерла моя бабушка, и мне предстояло получить наследство. Зная, что я всегда могу получить совет со стороны товарищей, как мне поступить, с тем чтобы это наследство попало мне в руки, я обратился к ним. Они меня отправили к помощнику присяжного поверенного В. И. Ульянову, предупредив при этом меня, чтобы я адреса его не записывал, а запомнил бы, а если и придется, записать условно, прибавив к числам № дома и № квартиры число 9.

Придя в дом № 7 в Казачий переулок, в квартиру № 13, я отыскал по данному мне плану эту квартиру. На звонок дверь мне открыла квартирная хозяйка, заявив, что Ульянова дома нет, но он скоро будет, и разрешила мне обождать его в его комнате. Комната имела два окна. Меблировка ее была очень скромная: железная кровать, письменный стол, три-четыре стула, комод. Осмотрев все, я задумался: «Что это за адвокат, и возьмется ли он за мое дело...» Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина.

— А, вы уже ждете? — сказал он мне, при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак. — Ну-с, одну минуточку: я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся.

Посмотрев этому адвокату в лицо, я обомлел: да это же ведь Николай Петрович! Пока я приходил в себя, пе-

редо мною появился переодетый в другую одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне:

— Вы расскажите мне все по порядку.

Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах:

— Ну что же, отберем дом, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных.

Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок¹. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему.

— Ну, а теперь перейдемте к другому вопросу. Как дело в кружках? Что на заводах? — стал расспрашивать меня Николай Петрович.

Я едва успевал ему отвечать.

— Вы, — сказал он мне, — как непосредственно связанный с кружками, должны узнавать, что происходит на заводах, чем недовольны рабочие и кто в этом виновен. Вы должны знать интересы рабочих, чем они больше интересуются, как к ним подойти.

Я слушал и чувствовал, что все эти требования выполнить довольно трудно, но Николай Петрович так уверенно все говорил, что я не осмелился отказаться.

— Вот, — продолжал он, — вы организовали кружок. Сами вы должны стать выше их по знанию, чтобы руководить. Вы должны больше читать, развиваться и развивать других. Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте, — надо работать всюду. Вы должны развиваться

¹ Перепись податного населения. Последняя перепись была проведена при отмене крепостного права, в 1861 году.

политически, и тогда вся ваша работа в кружке будет для вас наслаждением...

Мы расстались. От мысли о возложенных на меня обязанностях мне стало тяжело. Выйдя от него на улицу, я стал обдумывать, как все выполнить...

...Встретясь дня через два с Запорожцем, я рассказал ему про свою встречу с Николаем Петровичем — В. И. Ульяновым — и о том, что он мне наказал сделать. Выслушав меня, Запорожец засмеялся и сказал: «Ничего, ничего, берите с него пример. Он и сам очень много работает. Надо же и нам работать и помогать ему».

С тех пор я стал периодически посещать В. И. Ульянова, давая ему сведения, которые получал с завода, и каждый раз получал от него новые инструкции.

— Погодите, погодите, — говорил он, — придет время, когда мы заставим слушать нас и добьемся права организации. Нам будет легче. Важно, чтобы нас поняли рабочие, и тогда мы приобретем силу и поставим нашу жизнь так, как мы захотим.

Говорил это В. И. Ульянов с большим оживлением. Я уходил от него в приподнятом настроении и с усиленным желанием работать.

На заводе я, в свою очередь, старался рассказывать обо всем, что слышал от Владимира Ильича. Рабочие слушали меня со вниманием, их отношение ко мне переменилось, и меня они стали уважать. Но не долго это продолжалось. Слухи о моей пропаганде дошли до начальства, и мне пришлось уйти с завода.

Придя как-то к В. И. Ульянову, я услышал от него вопрос: «А что?! Если бы вас арестовали, вы знаете, как держаться на допросе, на суде?» — «Да», — ответил я... Рецепт, как держаться на допросе, состоял в том, чтобы не давать никаких показаний. «Ну, так вот, — продолжал он, — если знаете, то объясните и всем товарищам. Имеется ли у вас касса? Библиотека? Из каких книг она состоит? Нам надо организовать хорошую библиотеку, составить соответствующую программу чтения. Надо знать, как надо

помогать арестованным и ссыльным. Для этого необходимы средства. Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добывания денежных средств».

Владимир Ильич старался передать мне все, что было необходимо для нашей организации. Просидев у него около часа, я ушел, обещая ему все по возможности выполнить.

А вскоре узнал, что он был арестован. Вскоре же после его ареста был арестован и я, а затем выслан в Вятскую губернию.

С. П. НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРНИНА

Софья Павловна Невзорова-Шестернина (1868—1943) — член большевистской партии с 1898 года. В 1893 году, поступив на Высшие женские курсы в Петербурге, сблизилась с кружком студентов-марксистов Технологического института, к которым при приезде в Петербург получил явку В. И. Ленин. С осени 1895 года начала преподавать на рабочих курсах и вела пропагандистскую работу на заводах Петербурга. Неоднократно арестовывалась, отбывала тюремные отсидки, осенью 1898 года была выслана из Петербурга в Воронежскую губернию. О приезде в Подольск по вызову В. И. Ленина в 1900 году она пишет в своих воспоминаниях.

С. П. Шестернина была активной участницей Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году. В последующие годы преподавала на курсах рабочих и в школах взрослых, вела пропагандистскую работу. После Октябрьской революции работала во внешкольном отделе Наркомпроса, в Истпарте Московского комитета партии, на редакционной работе.

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

В яркое морозное утро 26 октября 1893 года я приехала в Питер. Наконец-то сбылось то, к чему я стремилась в течение многих лет. Я — в Питере, на Высших курсах. И это не сон. Сердце билось от радости, я прямо не

верила своему громадному счастью... На вокзале меня весело встретила сестра Зина¹. Поехали на Васильевский остров, на Малый проспект. Зина жила со своей однокурсницей — Аполлинарией Якубовой. Чудесный была человек Аполлинария. Умница, стойкая, решительная, необыкновенно правдивая. Неискренность была совершенно чужда ее кристально-чистой натуре. Работала она страшно настойчиво и упорно. Она была одной из лучших учительниц в воскресной школе для рабочих за Невской заставой (вместе с Н. К. Крупской, Л. М. Книпович и др.). Она выбирала оттуда рабочих для кружков по революционной пропаганде. Позднее она же была одним из самых деятельных, преданных членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с его основания. Широкая в плечах, с крепко посаженной русой головой, с небольшими блестящими карими глазами и ярким румянцем, она казалась олицетворением здоровья. От нее так и пахло свежестью полевых трав. Мы звали ее «черноземной силой». Умерла она безвременно от туберкулеза в мае 1913 года.

Хотя Аполлинария с моим приездом ушла жить на другую квартиру (комната у сестры была небольшая), но мы все трое были постоянно вместе. Вошла я на Высшие курсы, как в какое-то святилище, ожидая получить ответ на все те вопросы, которых так много было в голове. Но, конечно, все ценное и лучшее получила я не от курсов. Передо мной болезненно ярко выступили все недочеты в моих знаниях. Работать, читать, учиться целые дни — вот что я должна делать прежде всего. Я прекрасно видела, как далеко в своем развитии ушли от меня Зина и Аполлинария, которые были уже на последнем курсе. Три года питерской жизни очень развили их во всех отношениях. Я же все эти годы прожила в глухой провинции, где не было ни надлежащих книг, ни авторитетного руководства, и я чувствовала себя совершенно дичком.

¹ Зинаида Павловна Невзорова; с 1898 года — Кржижановская.

В начале ноября, недели через две после моего приезда, Зина объявила мне, что в комнате у нас вечером будет очень интересное собрание. Придут знакомые технологи, о которых я слышала от сестры и Аполлинарии, а с некоторыми уже и познакомилась.

С ними должен прийти и недавно приехавший из Самары В. И. Ульянов, очень умный, необыкновенно образованный человек. Так все тогда говорили о нем. Будут читать статью о рынках, написанную Германом Красиным. Вопрос о рынках очень интересовал тогда всех молодых марксистов в Питере.

С того вечера прошло уже 36 лет, но, как сейчас, помню нашу небольшую, в одно окно, длинную комнатку с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит этот новый, интересный человек.

Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года. Свет лампы освещает его большой, крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг значительной уже лысины, худощавое лицо с небольшой бородкой. Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный, как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные: всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, высокий красивый П. Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижной Сильвин. На кровати сидят Зина и Аполлинария, а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий с большим лбом Герман Красин.

В стороне на столике шумит самовар, стоят стаканы, хлеб, масло. Хозяйничаю я.

Владимир Ильич кончил читать. Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, возражает Старков, Ванеев и др.

Владимир Ильич молчит, внимательно слушает, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец он берет слово, и сразу наступает

тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как Владимир Ильич опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему. Не помню сейчас его доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их. Я видела тогда Владимира Ильича первый раз в жизни. И сразу он принес с собой что-то яркое, живое, новое, неотразимое. Я, дикая провинциалка, была прямо потрясена этим вечером. Целый вихрь мыслей кружился в голове. И так живо и ясно встает в памяти вся картина этого вечера. Как будто вчера, а не 36 лет назад стоял Владимир Ильич в нашей комнате в своем черном с мерлушковым воротником пальто. Слегка сгорбившись и надвигая поглубже мерлушковую шапку на уши, он так заразительно молодо смеялся и шутил, уходя одним из последних из нашей комнаты.

Воспоминания встают отдельными яркими картинами...

Вот второй год моей жизни и занятий на курсах — 1894/95 год. В этот год, как и всегда, денег у меня было очень мало, поэтому я поселилась с одной своей однокурсницей в бесплатной маленькой комнате Анненского отделения в громадном доме¹, в одной из Измайловских рот².

Это было очень далеко от Васильевского острова. Приходилось тратить массу времени и сил на переход пешком на курсы. Поэтому я в эту осень главным образом работала в Публичной библиотеке, которая была гораздо ближе от меня. Сидела я в библиотеке обыкновенно целыми днями, вплоть до ее закрытия. Уходила с тяжелой, усталой головой, голодная, но очень довольная и удовлетворенная: первый раз в жизни я так много работала для себя. Очень часто видела я здесь Владимира Ильича, который, окружив себя целой горой книг, много и усердно

¹ Это был громадный дом, занятый сплошь всевозможными благотворительными учреждениями. В одном из этажей часть комнат была отдана под бесплатное общежитие курсисткам из всех учебных заведений Питера, главным образом слушательницам акушерских и фельдшерских курсов. — С. П.-Ш.

² Измайловские роты — улицы в Петербурге.

читал и главным образом писал. Из-за груды книг, бывало, виднелась только его голова с большим прекрасным лбом. Иногда мы с ним вместе возвращались из библиотеки: нам было по пути, он жил в Казачьем переулке, недалеко от Измайловских рот.

...Подходили рождественские каникулы. Я с Ваневым (кличка его была «Минин») собиралась ехать на целый месяц в Нижний. Перед самым отъездом я себя чувствовала не совсем хорошо, и наш курсовой врач прописал мне аспирин. В аптеке, очевидно, перепутали лекарство: вместо аспирина мне отпустили атропин. Ничего не подозревая, я приняла порошок, и со мной сделалось скверно. Напугала я очень всех живущих со мной курсисток, которые притащили ко мне нескольких врачей, постановивших немедленно отправить меня на длительный отдых плюс усиленное питание. И вот на другой день после посещения врачей сижу я в своей маленькой комнате, завернувшись в теплый платок. Сил совсем еще мало. Вдруг отворяется дверь, и входит Владимир Ильич — я была прямо поражена. А он берет стул, садится рядом со мной и так хорошо и тепло расспрашивает меня о моем здоровье, о моем самочувствии, о моей поездке в Нижний. До сих пор так ясно помню его милое, ласковое лицо. Глубоко тронуло меня его товарищеское внимание. Он тогда много работал, был очень занят и все-таки нашел минуту забежать к больному товарищу.

Воспоминания бегут дальше... Так как кружок наш работал нелегально, то из-за полицейских соображений группами не сходились, но решено было хоть разок собраться всем вместе и молодо, весело провести вечер. Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький трактирчик, где можно было остановиться, попить и поесть. Были предприняты всевозможные предосторожности. Выехали с различных вокзалов и различными путями. Но тем не менее об этой поездке стало известно в жандармском управлении, и впоследствии многих из нас допрашивали о ней. В большой отдельной комнате трактира веселой

гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, вернулись опять в комнату, пели, плясали русскую и казачка. Особенно мастерски плясал Петр Запорожец, а около него меланхолично, но старательно выплясывал Михаил Названов. Владимир Ильич был очень весел, шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор. На вейках и по железной дороге небольшими группами вернулись мы все обратно в Питер. Было морозно, снежно, небо усыпано звездами. Молодо и бодро чувствовали мы себя все тогда!

Вскоре после этой нашей веселой поездки, а именно в марте месяце, Владимир Ильич захворал воспалением легких в тяжелой форме. За ним (пока не приехала его мать Мария Александровна) некому было ухаживать. И вот мы по очереди забегали к нему и делали все нужное: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами и т. д. И все спешили сделать ему что-нибудь приятное. За полтора года, которые он прожил в Питере, все так искренне полюбили и ценили его. Да иначе и быть не могло.

Едва поправившись, еще сидя в кровати, он ни одной минуты не терял даром: все время читал и писал. Мне помнится, он тогда читал III том К. Маркса.

Ко всем этим крохотным отрывкам хочется прибавить еще один наиболее ярко сохранившийся в памяти момент. Конец мая 1900 года. Владимир Ильич кончил срок своей ссылки в Сибири, вернулся в Россию и некоторое время жил под Москвою в Подольске со своей семьей. Я в это время жила под гласным надзором в Боброве — глухом скверном городишке Воронежской губернии. Я только что встала с постели: перенесла жестокую родильную горячку после второго ребенка. И вот получаю телеграмму от Владимира Ильича с приглашением приехать поскорее в Подольск. Я с мужем тотчас собрались и в первых числах июня были уже в Подольске, в небольшом домике, в котором тогда жила Мария Александровна с дочерьми Анной и Марией.

Владимир Ильич встретил нас бодрый, жизнерадостный, полный планов. Пробыли мы в Подольске полтора дня. Весь первый день прошел в жарком споре по поводу «Рабочего Дела»¹. Рабочедельцы тогда очень энергично снабжали своей литературой главным образом провинцию, и мы, находясь в центре такой черноземной крестьянской губернии, как Воронежская, за неимением другой литературы широко пользовались ею. Владимир Ильич жестоко разбил уклонения и ошибки рабочедельцев. Расстались дружески. Решено было принять участие в органе, который предполагал организовать Владимир Ильич². Для этой будущей большой работы он и стягивал к себе со всех концов России прежних своих товарищей.

Как сейчас помню наше прощание. Чудный жаркий июньский день. Владимир Ильич и муж только что выкупались в реке. Мы стоим в маленьком садике перед домом. Владимир Ильич, заложив руки в карманы и пронизывая своими зоркими глазами нас обоих, дает нам свои поручения в Нижний. Дело в том, что из Подольска я с мужем решили ехать в Нижний повидаться с моей матерью, а Владимир Ильич должен был ехать по Волге и дальше, кажется, для свидания с Надеждой Константиновной, которая, не окончив еще срока своей ссылки, жила в это время в Уфе. Владимир Ильич просил нас до его приезда в Нижний повидать по возможности всех проживавших там товарищей и устроить ему свидание с ними. Через несколько дней после нашего отъезда из Подольска приехал в Нижний и Владимир Ильич вместе с Анной Ильиничной. Собрание с нижегородцами состоялось в квартире моей матери на Полевой улице, в доме Пятова. И нижегородцы впоследствии были одни из первых аккуратных и постоянных сотрудников «Искры».

¹ «Рабочее дело» — журнал «экономистов». Критику рабочедельцев В. И. Ленин дал в работе «Что делать?».

² Речь шла о будущей «Искре».

В своих воспоминаниях я не описываю социал-демократическую работу Владимира Ильича в Питере в 90-х годах. Об этом за последнее время много ценного написано и сказано другими товарищами.

Моя страничка воспоминаний — только маленькая деталь к чудесному образу этого великого человека, необыкновенно дорогого для всех, кто его знал.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Глеб Максимилианович Кржижановский («Клэр»; 1872—1959) — старейший деятель Коммунистической партии, соратник В. И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Арестованный в декабре 1895 года одновременно со всей группой «стариков», он в течение многих лет поддерживал тесные связи с В. И. Лениным, они вместе ехали от Красноярска до Минусинска на пароходе «Святой Николай» в ссылку, неоднократно навещали друг друга, переписывались, обменивались литературой. Вместе они ездили в село Ермаковское, где был выработан и подписан «Протест» семнадцати ссыльных социал-демократов против оппортунистического документа Кусковой, известного под названием «Credo».

С Г. М. Кржижановским обсуждал В. И. Ленин план создания общерусской рабочей марксистской газеты — листов, вокруг которых предстояло построить здание революционной партии, подготовить II съезд РСДРП.

Г. М. Кржижановский был членом Организационного комитета по созыву этого съезда, был на нем заочно избран в состав ЦК. Деятельное участие принимал Г. М. Кржижановский в подготовке III съезда партии, активно участвовал в революции 1905—1907 годов.

Крупный инженер-электрик, Г. М. Кржижановский после Октябрьской революции ведал энергетическим хозяйством Москвы. С ним обдумывал Ленин планы использования торфа как топливной базы электрификации, энергетических ресурсов Волги, обсуждал план Государственной комиссии по электрификации России, задачи Государственной плановой комиссии, которую возглавлял Кржижановский. Вместе мечтали они о будущей могучей и обильной социалистической России.

С 1929 года Г. М. Кржижановский был вице-президентом Академии наук СССР.

Разносторонне образованный, Г. М. Кржижановский любил поэзию, особенно форму сонета, печатался, переводил с польского революционные песни «Беснуйтесь, тираны!» и др. «Варшавянка» в его переводе до наших дней остается одной из любимых революционных песен молодежи.

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

Появление у нас осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозovým разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь. Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый друг, Владимир Ульянов, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральное место. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 году, создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского приема в нашей среде... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрерывного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от семейной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало

его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам, марксистам до педантизма, гораздо более импонировало в нем удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась на квартире З. П. Невзоровой при его докладе в нашем кружке на тему «О рынках». В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до известной степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. На материале хозяйственного развития России Владимир Ильич опрокинул все их путаные, искусственные построения о развитии капиталистической экономики.

За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой «Старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бывшей в нем ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих, к которым он подходил, как это верно отметила Надежда Константиновна Крупская, не как надменный учитель, а прежде всего как друг и товарищ, — все это прочно закрепляло за ним придуманную нами кличку. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «Стариком», как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим

человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

Освоившись в нашей среде, Владимир Ильич не замедлил революционизировать наши порядки. Он прежде всего потребовал перехода от «переуглубленных» занятий с небольшими кружками избранных рабочих к воздействию на более широкие массы пролетариата Петербурга, т. е. перехода от пропаганды к агитации. С этой целью он объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Начиная с зимы 1894 года шпионско-полицейскому механизму Петербурга пришлось в усиленном масштабе познакомиться с той «возмутительной» литературой «подметных листков», которые, несмотря на примитивную гектографскую форму своего производства, весьма заметно стали распространяться именно с этого времени в стенах главнейших петербургских фабрик и заводов. В этих листках, составленных на основании наших бесед с рабочими, мы старались исходить из повседневных нужд, из данной конкретной обстановки той или другой фабрики, возможно более быстрым темпом переходя к лозунгам политического характера, явно вытекавшим из тех препятствий, которые царское правительство громоздило на путях борьбы рабочих за чисто экономические блага. Летучие митинги, регулярные маевки, наконец, создание постоянного литературного органа — вот что должно было с естественностью возникнуть из тех заданий, к которым приводил лозунг агитации. Мы, конечно, знали, что сношения с рабочими даже при кружках пропагандистского характера неминуемо должны были закончиться для нашей инициативной группы большими потерями в неравной схватке с тем изощренным полицейским механизмом, живым олицетворением которого был тогдашний «официальный» Питер. Переход к более широким связям с рабочими массами, на которые толкал нас Владимир Ильич своей проповедью об агитации, конечно, чреват был еще большими опасностями в

этом направлении, и можно было заранее сказать, что арест и тюрьма наступали на нас в качестве непредотвратимого рока. Тем более был прав Владимир Ильич в своих нападках на нас за ту интеллигентскую расхлябанность, которую мы допускали в своих личных отношениях. Мы явно грешили тем, что частенько захаживали друг к другу не по деловому поводу, а просто для того, чтобы «отвести душу», причем приемы нашей тогдашней конспирации отличались крайней примитивностью.

В 1895 году Владимир Ильич перенес воспаление легких в тяжелой форме, и для поправки ему пришлось выехать на некоторое время за границу. Однако главной задачей этой поездки было вступление в непосредственную связь с группой «Освобождение труда»¹. Можно себе представить, как многозначительна была для нас эта поездка и с каким нетерпением мы поджидали его возвращения. Вот наконец наступил желанный день, и наш «Старик», стремительный и подвижной, как ртуть, вновь вернулся в нашу среду². Он живо рассказывал нам о тех впечатлениях, которые вынес от знакомства с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Однако в памяти моей с гораздо большей яркостью живет его описание встреч с парижским пролетариатом. Французский рабочий-массовик своим общим культурным уровнем, своей живой восприимчивостью и своей товарищеской общительностью, по словам Владимира Ильича, представлял как раз тот человеческий материал, с которым наиболее естественным образом могли связываться упования марксистов-революционеров. Как раз к этому времени и к этой поездке Владимира Ильича за границу относится письмо Плеханова к Струве, ставшее нам впоследствии известным, в котором сообщалось, какое впечатление произвел Владимир Ильич на группу «Освобождение труда». Г. В. Плеханов писал в нем, что за пери-

¹ Группа «Освобождение труда» — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 году в Женеве.

² В. И. Ленин выехал за границу из Петербурга 25 апреля (7 мая); возвратился в Россию 7 (19) сентября 1895 года.

од многолетнего пребывания за границей у него перебивало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Насколько я помню, он отмечал в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию.

Эта поездка Владимира Ильича за границу отнюдь не носила платонического характера. С этого момента мы вступили в непосредственную связь с группой «Освобождение труда» и, конечно, с помощью этой связи не замедлили расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относится наше сближение с Мартовым, доктором Ляховским, а также с социал-демократическими кружками в Нижнем Новгороде, Москве, Иваново-Вознесенске, Вильно и в некоторых волжских городах. Чрезвычайно порадовал нас тогда Владимир Ильич и еще одним заморским подарком: ему удалось при помощи двойной стенки в чемодане провезти через границу начинавший в то время входить в употребление мимеограф. Этот мимеограф немало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата.

Как литератор Владимир Ильич и в то время был чрезвычайно плодovit и быстро покрывал своим бисерным мелким почерком толстенные тетради, в которых в особенности доставалось печальным «героям» тогдашнего народничества. Наши агитационные листки также предъявляли нам немалый спрос, да к тому же обеспечивалась возможность литературного сотрудничества с группой «Освобождение труда». Таким путем мы, естественно, пришли к мысли об издании специальной рабочей газеты. К сожалению, первый номер «Рабочего Дела»¹, тщательно проредактированный и на три четверти составленный

¹ Весь материал № 1 «Рабочего дела» был захвачен полицией при аресте Анатолия Александровича Ванеева в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года. Это несуществующее издание не следует смешивать с «Рабочим делом» «экономистов».

самим Владимиром Ильичем, попал не в типографию, а прямо в руки жандармов. А между тем уже этот номер намечал совершенно правильно линию социал-демократической работы на целое десятилетие...

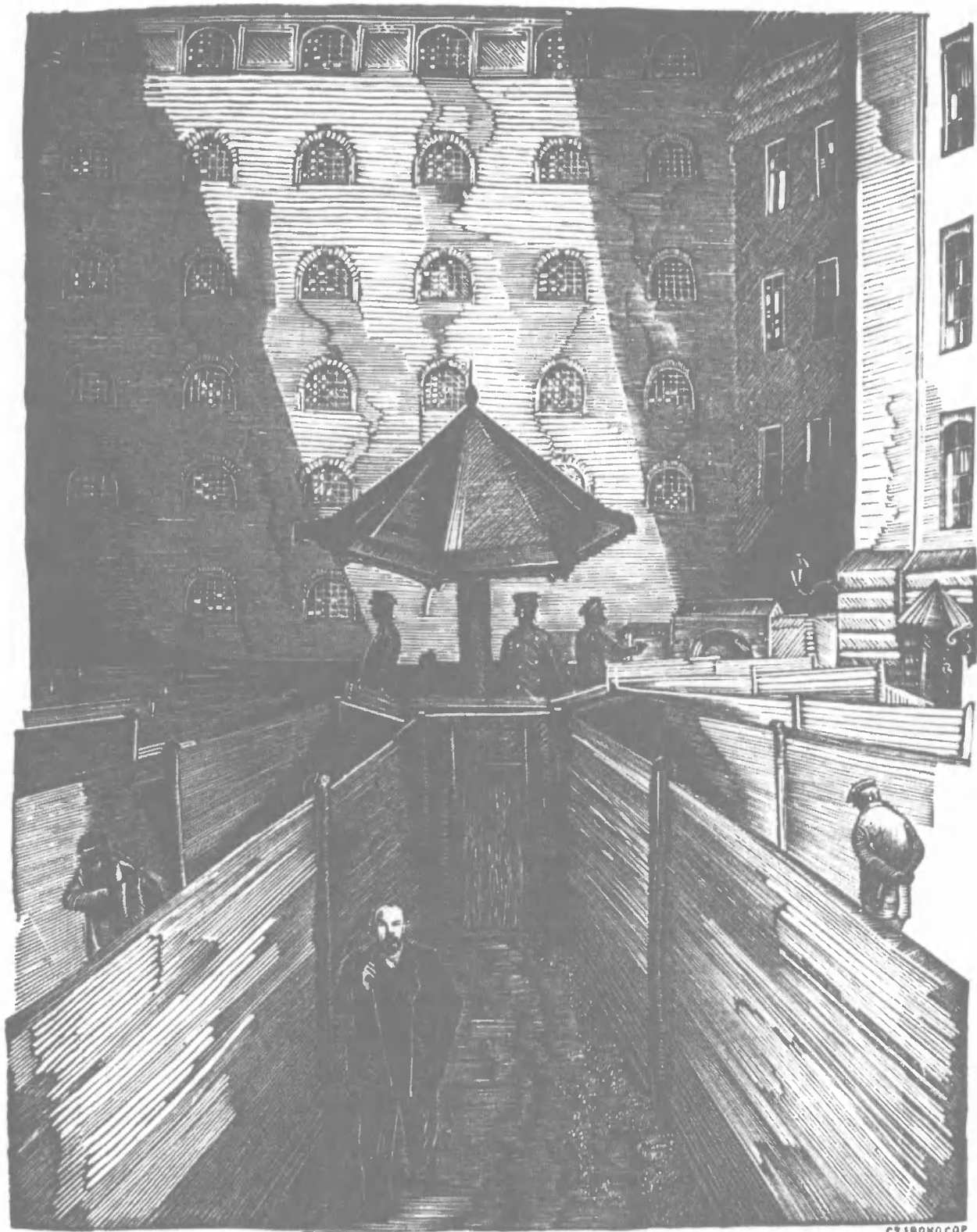
...К концу зимы 1895 года тучи явно сгущались над нами. Хуже всего было то, что шпионская слежка приобретала временами до некоторой степени загадочную форму. Выходишь из дому, стараясь замести за собой следы по всем правилам конспирации, и вдруг на каком-нибудь отдаленном этапе своего пути внезапно видишь как из-под земли выросшую фигуру явно выслеживающего шпика. Впоследствии при наличии таких примет мы, конечно, поступали гораздо более практично: меняли паспорта и район действия. Но в те времена мы были еще неискушенными новичками. Прибавьте к этому еще и тот естественный молодой задор, который так влечет к отважным операциям прямой лобовой атаки и с такой неохотой считается с компромиссами, идущими от «холодного разума». Так или иначе, но 8(20) декабря 1895 года, глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалась петербургской «Предварилкой» (Дом предварительного заключения). В стенах этого дома нам предстояло провести целых 14 месяцев. Переход от активной революционной деятельности к мучительному режиму абсолютно одиночного заключения с томительными мыслями о злоключениях близких лиц и с весьма невеселыми перспективами на ближайшее будущее, конечно, не мог быть легким.

Двоих из нас это тюремное заключение сломило навсегда: А. Ванеев получил жесточайший туберкулез, скоро сведший его в могилу, а П. Запорожец захворал неизлечимой формой мании преследования. Для меня лично и для большинства других товарищей неоценимым спасительным и подкрепляющим средством была дружба с Владимиром Ильичем. Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «Предварилки», нам все же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредниче-

стве лиц, приходивших к нам на свидание, вступить в деятельные сношения друг с другом...

Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно. В этом человеке было такое громадное духовное богатство, такое умение по-хорошему и с нужной стороны воздействовать на настроение нуждающегося в этом другого человека, что уже одни эти качества при всяких условиях, а в тюрьме в особенности, делали его совершенно незаменимым товарищем.

Окошки в камерах Дома предварительного заключения расположены таким образом, что видеть через их решетку тюремный двор можно было только несколько подтянувшись, что делает такую операцию не особенно легкой, тем более что сквозь тюремное очко тяжелой запертой двери надзиратели почти непрерывно следят, чтобы такие манипуляции заключенными не производились. Тем не менее никакие силы зла не могли бы удержать меня от подобного рода маневра в те часы, когда, по моим наблюдениям, в той клетке для прогулок, которая была видна из окна моей камеры, должен был находиться Владимир Ильич. Он точно так же был убежден в том, что вероятность такого свидания на расстоянии в некоторых случаях велика, и мы немедленно вступали в переговоры путем сигнализации пальцами по тюремной азбуке. И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на ходящего в центре круга прогулок угрюмого часового. Вот глядит он на меня с какой-то особо веселой напряженностью и спешно телеграфирует: «Под тобой хохол!» Я бросаюсь на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, пронизывающую пол моей камеры, кричу своему соседу...

В. И. Ленин на прогулке в тюрьме. 1896 год.

Увы, наш самый изощренный конспиратор, теперь уже тоже умерший,— С. И. Радченко полузадушенным голосом приветствует меня: «Неужели это ты здесь?» Да, тюремное начальство на этот раз действительно дало маху: однопроцессники очутились рядом, без прослоя уголовного элемента, как это делалось обычно, и Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию. А прокурору и жандармам, вероятно, пришлось немало удивляться той согласованности показаний вновь арестованного С. И. Радченко с нашими показаниями и такой его ориентированности в ходе нашего процесса, которые могли получиться только в результате такого удачного соседства.

Ведя со всеми нами самые деятельные сношения, Владимир Ильич не оставлял без своего воздействия и «волю». Он написал за это время целый ряд листов, брошюру о стачках, к сожалению не увидевшую света вследствие провала Лахтинской типографии партии «Народной воли», и начал писать обширную работу «Развитие капитализма в России», законченную им уже во время ссылки и вышедшую в свет под псевдонимом В. Ильина.

За все 14 месяцев отсидки мне ни разу не пришлось столкнуться с Владимиром Ильичем в каком-нибудь из длинных коридоров «Предварилки». Выход каждого из нас на прогулку или на допрос сопровождался целой стратегией предупредительных на этот счет средств, вплоть до длительного посвиста, предупреждавшего тюремных надзирателей других поперечных флангов здания об опасности встречи. Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич. Он обладал каким-то удивительным свойством с невероятной скоростью интимно знакомиться с книгой даже при беглом ее просмотре: как говорится, на ловца и зверь бежит. Перелистает, бывало, на твоих глазах объемистый том и немедленно подхватит такие цитаты, которые выводят автора на чистую воду. А если берешь книгу, прочитанную им и всю испещренную заме-

чаниями на полях и удачными подчеркиваниями, то уже никак не сможешь отделаться от той критики Владимира Ильича, которая сквозила в этих ядовитых и до чрезвычайности метких междометиях: «Гм-гм!», «Ха-ха!» и т. п.

Не приходится останавливаться на том, как заразителен был пример учебы Владимира Ильича в стенах тюрьмы для нас и как мы вместе с ним старались использовать свое узничество в качестве своего рода сверхуниверситета. Однако еще бóльшую роль в этом направлении он сыграл для всего нашего кружка за время пребывания в ссылке.

Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка приглядывалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия. Но среди всех нас особо ярко окрашенной фигурой нового типа политических борцов был именно Владимир Ильич.

Владимир Ильич, В. В. Старков и я были определены на трехлетнее пребывание в Минусинском округе. Мы со Старковым были назначены в село Тесинское, а Владимир Ильич — в село Шушенское, расположенное от нас на расстоянии свыше 100 верст. Это не мешало нам находиться в постоянном общении, причем особенно аккуратным корреспондентом был, конечно, Владимир Ильич. Примерно два раза в неделю мы получали от него письма, благодаря которым были в курсе его собственных работ и тех сведений, которые он получал в результате обширной переписки.

Эта переписка возникла не только потому, что письма Владимира Ильича всегда были по существу, всегда давали в сжатой и лаконичной форме глубоко обдуманнные ответы по самой сути затрагиваемых тем, но также и вследствие необычайной аккуратности и самодисциплины Владимира Ильича в этом отношении: он мог послать резкий, полемический ответ на полученное письмо, но замолчать или тем более «захалатить» ответ на те запросы, которые к нему поступали, он считал совершенно недопустимым...

...По воспоминаниям крестьян села Шушенского, опубликованным в печати, видно, какое впечатление производил на них тот исключительно трудовой и правильный образ жизни, который вел Владимир Ильич в ссылке. Его юридическое образование и постоянное корпение над книгами, умение ответить на всякий вопрос и дать вовремя юридический совет быстро создали ему репутацию необычного человека.

Кажется, на первом же году ссылки мне удалось под каким-то предлогом получить разрешение на пребывание в течение нескольких недель в селе Шушенском, и эта совместная жизнь с Владимиром Ильичем ярко живет в моей памяти. В ту пору он жил еще в полнейшем одиночестве и его рабочий день, продуманный до последней минуты, составлял превосходные чередования крупных порций труда с правильными вкраплениями в обрез необходимого отдыха. По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и энергии, весьма не прочь был побороться и повозиться, по какой причине и мне приходилось неоднократно вступать с ним в некоторое единоборство, пока он не уймется при самом активном сопротивлении с моей стороны. А затем, после короткой утренней прогулки, начинались графы нашей учебы. Определенные часы были посвящены работам литературного характера, подготовке материалов по статистическим сборникам, занятиям философией, чтению экономической литературы, как нашей, так и западной, а на отдых полагалось и чтение беллетристики.

Газеты мы получали, конечно, с громадным запозданием и сразу целыми пачками. Но Владимир Ильич ухитрялся систематизировать и чтение этих газет: он распределял их таким образом, что каждый день прочитывал только номера, соответствующие темпу запоздания, но именно приходящиеся только на определенный день. Выходило, что он каждый день получает газету, только с большим опозданием. А когда я пытался портить этот газетный ритм, злонамеренно выхватывая сообщения позд-

нейших номеров, он затыкал уши и яростно защищал преимуществ своего метода.

Владимир Ильич был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!

Так шли недели за неделями нашей ссыльной жизни, и напряженный темп работы этого необыкновенного человека, который на наших глазах не пропускал ни одного дня, чтобы так или иначе, но несколько продвинуться вперед в смысле расширения своего умственного багажа, действовал на нас необычайно подбадривающим и подтягивающим образом. Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку.

Я здесь не имею в виду описывать «времена и нравы» минусинской ссылки тех времен. Отмечу только, что в последнем счете наша социал-демократическая компания с Владимиром Ильичем во главе послужила некоторым яблоком раздора среди ссыльных. Весь этот мирок раскололся на две части, причем вся рабочая публика очутилась на нашей стороне. Когда до наших минусинских степей дошло послание госпожи Кусковой, ее известное «Кредо» («Верую»), в котором она старалась доказать неосмотрительность политической проповеди среди пролетариата, которому-де на ближайшее время уготованы лишь пути экономической борьбы, а вся борьба политического характера должна быть отнесена на иждивение «белой кости», т. е. господ либералов и всякого рода разночинной интеллигенции, — отношение к этому посланию среди наших ссыльных было весьма различное. Но лишь один Владимир Ильич правильно оценил всю ту губительность искривления сознания пролетариата, которое могло быть связано с таким хвостизмом и пресмыкательством перед кузым российским либерализмом, и всю близорукость

этих якобы практических сторонников чисто экономической борьбы. Энергичная отповедь автору «Кредо», которая затем разошлась по всей России в виде письма за подписью 17 ссыльных Восточной Сибири, целиком принадлежит его перу¹. В такие моменты Владимир Ильич всегда был начеку, всегда кипел негодованием по адресу такого рода противников.

Ссылка приближалась к концу. Еще до окончания ссылки я получил разрешение работать на Сибирской железной дороге. Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата, — вот что было в центре его аргументации. Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты и что это происходит лишь потому, что за длительный срок пребывания в ссылке ему самому поневоле приходилось делать односторонний нажим лишь в сторону литературной деятельности.

Жизнь показала всю правильность намеченного Владимиром Ильичем пути.

¹ Имеется в виду «Протест российских социал-демократов», к которому присоединились ссыльные других местностей России.

Ф. Н. ПЕТРОВ

Федор Николаевич Петров (1876—1973) — член КПСС с 1896 года, профессиональный революционер, активный участник трех революций, Герой Социалистического Труда, профессор.

В 1905 году — участник восстания саперов в Киеве. С 1906 года отбывал семь лет каторги в Шлиссельбургской крепости, после чего был сослан в Сибирь. В годы гражданской войны — участник партизанского движения в Сибири, в 1920—1922 годах — член Дальневосточного Бюро ЦК РКП(б), заместитель председателя Совета министров Дальневосточной республики.

Видный деятель науки и культуры, с 1927 года входил в редакции Большой, Малой, Медицинской и Педагогической энциклопедий, автор работ по истории науки, биографий видных представителей науки и культуры. Делегат XXII съезда КПСС.

«ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ТАКТИКА»

В начале 1900 года я приехал в Москву по делам подпольной работы и для получения партийной информации. Я должен был повидаться с рядом товарищей. Встретил я брата Владимира Ильича, Дмитрия Ильича Ульянова. Он пригласил меня к себе, сообщив мне, что Владимир

Ильич вернулся из сибирской ссылки¹. Через некоторое время пришел Владимир Ильич со связкой книг. Помню, это были книги исторического и экономического характера, в том числе статистические труды. Владимир Ильич тогда вскользь сказал мне, что он изучает историю рабочего движения за границей, характер и число забастовок в разных странах. До этого он уже написал книгу «Развитие капитализма в России».

Владимир Ильич задал мне со свойственной ему быстротой ряд вопросов.

— Ну, как вы в Киеве работаете? Что вы делаете? Как идет нарастание революционного сознания у рабочих? Ведется ли революционная пропаганда среди войск? Есть ли вооруженные рабочие дружины?

Владимир Ильич придавал огромное значение работе в войсках и всегда зорко следил за развитием революционного настроения в солдатских массах.

— Без вооруженной борьбы самодержавную власть не свергнешь, — говорил он.

Я в то время вел пропагандистскую работу среди рабочих и солдат. Начало самостоятельной военно-революционной организации в Киеве было положено позднее, в 1902 году, когда Киевский комитет РСДРП выделил для этой работы нескольких социал-демократов, в том числе и меня. Но на собрания и массовки, созываемые обычно в лесу, под Киевом, солдаты приходили вместе с рабочими, особенно с арсенальцами, и раньше. Я рассказал Владимиру Ильичу о наших связях с рабочими и солдатами, о том, как мы думаем в дальнейшем вести работу в войсках. Он сказал:

— Вот это замечательно, армия должна слиться в единое движение с пролетариатом.

Не могу не рассказать об одном эпизоде. Дмитрий

¹ По окончании сибирской ссылки В. И. Ленин нелегально приехал в Москву и жил некоторое время у своей сестры А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Ильич был страстный шахматист, и он все время говорил Владимиру Ильичу:

— Володя, давай сыграем одну партию!

Владимир Ильич любил играть в шахматы и согласился. Надо сказать, что Владимир Ильич любил своего младшего брата, это мне приходилось наблюдать и в дальнейшем. Они сели играть в шахматы, и Владимир Ильич в несколько ходов сделал мат. Дмитрий Ильич растерялся, а Владимир Ильич поднял палец и сказал:

— Вот что значит наступательная тактика!

Тогда же в ходе беседы Владимир Ильич рассказал нам о плане создания общерусской марксистской газеты. Он с увлечением доказывал, почему нужна сейчас партийная газета: она будет способствовать собиранию и сплочению отдельных, пока еще разрозненных марксистских организаций и кружков в единую, организованную и крепко сплоченную партию, которая возглавит борьбу рабочего класса за свержение царизма и капитализма.

Следующая моя встреча с Владимиром Ильичем хотя и была заочной, но она оставила глубокий след в моем сознании.

Это произошло в 1910 году в стенах Шлиссельбургской крепости, где с 1907 по 1914 год я отбывал семилетний срок каторги по делу военно-революционной организации большевиков, связанной с Петербургским комитетом РСДРП.

Вот там, в этой царской бастилии, неожиданно среди книг, которые мы получали «с воли» через Политический Красный Крест¹, в обложке журнала «Нива» я увидел книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Книгу эту буквально зачитали до дыр политические заключенные. Она передавалась через секретный тайник в бане, в одной из стен которой были вынуты кирпичи

¹ Политический Красный Крест — организация, собиравшая средства для помощи политическим заключенным.

и где мы прятали наши шлиссельбургские газеты¹, записки. Через этот же тайник мы передавали друг другу запрещенные книги.

В 1912 году в Шлиссельбург привезли в кандалах Серго Орджоникидзе. Однажды, когда мы встретились с ним на прогулке, он рассказал, что произошла VI (Пражская) партийная конференция, что выступал Ленин и обеспечил на конференции последовательную, твердую, большевистскую линию².

¹ Это были своеобразные «стенные» газеты заключенных, их было две, писались они карандашом. Там помещались статьи, стихи, рисунки — все, конечно, из жизни каторги. — *Ф. П.*

² Пражская конференция РСДРП(б) состоялась в январе 1912 года.

ГАРРИ ПОЛЛИТ

Гарри Поллит (1890—1960) — видный деятель английского и международного рабочего движения. С 1906 года член Независимой рабочей партии, с 1912-го — Британской социалистической партии. В 1918—1919 годах — организатор движения фабрично-заводских старост в бассейне Темзы. Один из организаторов и руководителей движения «Руки прочь от России!», направленного против антисоветской интервенции. Один из основателей Коммунистической партии Великобритании (1920). Неоднократно подвергался репрессиям.

В 1924—1943 годах — член Исполкома Коминтерна. С 1929 по 1956 год — генеральный секретарь, затем — председатель Исполкома Коммунистической партии Великобритании.

В. И. ЛЕНИН И АНГЛИЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Владимир Ильич Ленин прекрасно знал положение дел в Англии, которое он начал изучать с первого дня своего прибытия в Лондон в 1902 году¹. Владимир Ильич неоднократно приезжал в Лондон. И каждый раз он считал своим долгом как можно ближе познакомиться с жизнью рабочего класса, со всеми сторонами английского рабочего движения. Он не довольствовался интенсивным изучением

¹ Весной 1902 года издание «Искры» было перенесено из Мюнхена в Лондон.

материалов в Британском музее для подготовки своих великих произведений. В. И. Ленин постоянно посещал собрания рабочих, прислушивался к разговорам на улицах, в клубах, трактирах, читальнях, церквях, Гайд-парке — словом, всюду, где можно было встретить трудящихся. Рассказывают, что Владимир Ильич во время посещения убогих улиц и трущоб Лондона как-то заметил: «Две нации». Несомненно, говоря это, он имел в виду тот контраст, который являл этот район в сравнении с аристократическим Вест-эндом. Прислушиваясь к разговорам рабочих, беседуя с ними, В. И. Ленин замечал, что они «просто брызжут социализмом».

Общение с трудящимися массами страны явилось одним из факторов, который помог Владимиру Ильичу во всей полноте изучить многие стороны жизни Англии, в особенности рабочее движение. Несмотря на то что В. И. Ленин безгранично верил в способность английского рабочего класса к действию и руководству, он никогда не идеализировал его и не упускал случая обнаружить и разоблачить оппортунизм многих так называемых рабочих лидеров.

Здесь уместно напомнить молодым читателям, каким образом Владимир Ильич получил возможность проводить свои серьезные занятия в Британском музее. Он был допущен для работы в музее на основании рекомендации покойного Айзека Митчелла, бывшего тогда генеральным секретарем Всеобщей федерации профсоюзов. До сего дня в архиве читального зала Британского музея хранится рекомендация, которую А. Митчелл представил в дирекцию музея: «Я рад рекомендовать доктора права м-ра Джейкоба Ритчера из Санкт-Петербурга для допуска в читальный зал. Цель моего друга — изучение земельного вопроса. Я уверен, что вы сможете удовлетворить эту просьбу. А. Г. Митчелл. 20 апреля 1902 года».

Просьба была удовлетворена, и В. И. Ленин под псевдонимом «Джейкоб Ритчер» получил разрешение, которое позволило ему пользоваться читальным залом музея в те-

чение шести месяцев. В основном Владимир Ильич в это время занимался политической экономией, социологией и философией истории.

В Лондоне до сих пор существует трактир «Краун энд вулпэк», где встречались русские эмигранты-социалисты. На некоторых их собраниях присутствовал В. И. Ленин. Рассказывают, что полиция проявляла особый интерес к этим встречам. Однажды полицейский сыщик спрятался в большой шкаф в комнате, где проходило собрание, чтобы подслушать и записать, о чем там будут говорить. Его донесение о собрании забавно: «Весь разговор велся на русском языке, а так как я совсем не знаю этого языка, то не могу сообщить, о чем там говорили»...

М. М. ЭССЕН

Мария Моисеевна Эссен («Зверь», «Нина Львовна»; 1872—1956) — участница революционного движения с 1892 года. В 1897 году — член Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1899 году была арестована и сослана в Якутскую область.

После побега в Женеве установила связь с «Искрой», после II съезда — большевичка, в конце 1903 года кооптирована в ЦК партии. В 1905 году член Петербургского комитета партии, организатор боевых дружин. С 1907 по 1917 год активной партийной работы не вела. В 1920 году вступила в РКП(б). С 1921 по 1925 год работала в Грузии, с 1925 по 1927 год в Москве на издательской работе, затем в Истпарте ЦК ВКП(б), с 1931 года в Институте журналистики, издательстве «Художественная литература».

Воспоминания М. М. Эссен представляют значительный интерес, так как наряду с освещением внутривнутрипартийных противоречий они отражают быт семьи Ульяновых в пору их молодости, полноту этой кипучей жизни.

Кроме того, они дают правдивые и обаятельные портреты двух замечательных матерей — Марии Александровны Ульяновой и Елизаветы Васильевны Крупской, с которыми Мария Моисеевна общалась непосредственно и, несмотря на разницу в возрасте, встречала с их стороны дружеское к себе отношение.

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

С Владимиром Ильичем Лениным я встретилась впервые в 1902 году в Женеве.

В далекую Якутию, где я до того отбывала ссылку, стали приходить номера газеты «Искра», всколыхнувшие всю нашу жизнь... Сидеть годы в ссылке, пассивно выжидать ее конца стало невыносимо. Мы заговорили о побегах, заторопились в путь. Мне удалось бежать из ссылки, и после ряда мытарств я очутилась в Женеве.

С Владимиром Ильичем я виделась тогда много раз, и беседы с ним помогли разобраться во всем плане работы «Искры», выяснить детально ее задачи и цели. Основная задача, которую ставил Ленин перед нами, профессиональными революционерами, заключалась в создании на местах искровских организаций, завязывании прочных связей с рабочими, организации на предприятиях — заводах, фабриках — своей искровской ячейки. Ленин много говорил о том, что надо привлекать рабочих к непосредственной революционной руководящей работе, что их надо обязательно вводить в комитеты. «У нас должны быть свои Бебели», — говорил Ленин...

Беседы с Лениным, его исключительно внимательное отношение к членам партии, его умение всесторонне исчерпать весь круг вопросов, связанных как с теорией марксизма, так и практикой революционной борьбы, крепко нас вооружили. Эти беседы для нас, рядовых членов партии, были настоящей марксистской школой. Все это мы как будто знали и раньше — что надо сочетать революционную теорию с революционной практикой, — но в общении с Лениным это положение наполнилось живым содержанием, стало ближе, понятнее. Влившись в ряды искровских организаций, мы почувствовали себя по-настоящему спаянными членами одной партии, глубоко осознали значение преемственности в работе, правильной расстановки сил, поняли, как надо строить партию, как организовать борьбу.

Ленина в этот период я встречала почти исключительно на небольших собраниях. Я не слышала его тогда ни разу как оратора, мало еще была знакома с его теоретическими работами, и все же он с первой же встречи произвел впечатление настоящего вождя, человека огромного ума, знаний и воли и замечательного товарища, с которым сразу чувствуешь себя просто и непринужденно...

...Он не любил молчаливых слушателей и умел как никто оживлять аудиторию. Поблескивая своими умными, пытливыми и насмешливыми глазами, Владимир Ильич метко брошенным острым словцом, дельным замечанием, наводящим вопросом вовлекал в обсуждение доклада, принимая сам в нем активное участие. И товарищи лезли из кожи, чтобы переспорить друг друга, доказать свою правоту. Было так оживленно, так весело и интересно на этих занятиях, что никому не хотелось уходить, у всякого возникали новые мысли, новые аргументы. «Да, — говорили товарищи, — на таких занятиях не соскучишься, не задремлешь». И мы сами старались усвоить и запомнить этот метод Ленина вести живые и активные занятия.

Втягивая нас в споры, Ленин имел возможность определить не только степень нашей подготовленности, но и характерные особенности каждого, что учитывалось им при отправке на ту или иную работу. Когда решался вопрос об отъезде в Россию, Ленин беседовал с каждым из нас отдельно, учитывая желание и настроение товарища, не насилуя его воли. Он говорил обычно: «Подумайте, какая работа вас больше привлекает, в которой вы чувствуете себя более уверенным и куда бы вы хотели поехать. Работы непочатый край, и люди везде нужны».

Я до того работала в Саратове, Одессе, Киеве, на Урале, и меня тянуло в Питер. Ленин догадывался об этом и предложил мне поехать именно в Петербург и заняться постановкой там пропагандистской работы. Я с радостью согласилась и с конца 1902 года до мая 1903 года работала в Петербурге в искровском комитете. Затем меня арестовали на собрании, обсуждавшем вопрос о первомайской

демонстрации, и я была освобождена уже после II съезда РСДРП...¹

...Мне поручили объезд комитетов с докладом о решениях съезда и о разногласиях, приведших к разрыву.

Меньшевики повели борьбу против решений съезда и тоже объезжали комитеты, выступая с докладами. В своих докладах они извращали события, критиковали неугодные им решения съезда, жаловались на то, что «обидели стариков» — не выбрали в ЦО Аксельрода и Засулич. Выступления меньшевиков успеха не имели, почти всюду они встречали довольно дружный отпор...

...Нам удалось собрать резолюции 20 комитетов, одобряющих решения съезда и признающих ЦК; только 5 комитетов поддержали линию меньшевиков.

По окончании объезда комитетов было решено, что я поеду в Женеву информировать Ленина, как партийные организации приняли решение II съезда.

Сообщение о твердом настроении партийных организаций в России Ленин встретил радостно. Это было уже после его выхода из редакции «Искры». Борьба с меньшевиками разгорелась вовсю, и Ленин поставил вопрос о необходимости создания печатного органа большевиков и подготовки III съезда партии.

Авторский кризис у нас был значителен. Владимир Ильич перебирал имена товарищей, которые могли бы подойти для литературной работы. Кандидатуры Богданова и Луначарского ставились им на первый план. В редакцию «Вперед» вошли также товарищи Ольминский и Воровский.

Я была послана в Париж с поручением от ЦК найти Богданова, Луначарского и Ольминского, живших тогда в Париже, и сговориться с ними относительно времени их приезда в Женеву для встречи с Лениным.

Помню, перед отъездом я спросила Владимира Ильича:

¹ Второй съезд РСДРП состоялся в июле — августе 1903 года. Вначале съезд работал в Брюсселе, затем из-за преследований бельгийской полиции заседания были перенесены в Лондон.

— А что мне посмотреть в Париже?

— Прежде всего пойдите к Стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез, в Музей революции 1789 года и в Музей восковых фигур Гравена. В смысле художественного выполнения музей, говорят, немногого стоит, но по содержанию интересен.

— А еще?

— Обязательно сходите в Зоологический сад, у вас будет такое ощущение, точно вы совершили кругосветное путешествие.

И, заметив, что я жду еще чего-то, добавил:

— Ну, насчет музеев, выставок и всего прочего обратитесь к Жоржу (Плеханов), он все это здорово знает и даст вам все нужные указания.

Мысль Владимира Ильича часто обращалась к Плеханову. Но Плеханов в это время занял такую позицию, что подступить к нему было невозможно. Характерен для его тогдашних настроений такой эпизод. Первого мая 1904 года мы решили выступить единым фронтом перед лицом международного пролетариата. Решено было большевикам и меньшевикам издать совместно один листок. Проекты листов написали Владимир Ильич и Мартов. В конечном счете был принят листок Ленина, и я для согласования была послана с этим листком к Плеханову.

Плеханов принял меня довольно благосклонно, но не скрывал своего превосходства. Помню его фразу: «Ну, что же, прекрасно, худой мир лучше доброй ссоры». Но от тона добродушного благожелательства он отошел весьма быстро и начал разносить ЦК: «Ну, какой это ЦК, мыши не раздавит».

Я возражала, подчеркивая, что при поддержке опытных товарищей за границей можно надеяться наладить партийную работу. Рассказала ему о настроении партийных организаций в России, о резолюциях, принятых почти повсеместно. Он меня слушал более чем холодно и недоверчиво. Я ссылалась на то, что партия, руководимая таким товарищем, как Ленин, прекрасным организатором

и блестящим теоретиком, обеспечивает нам правильное руководство, и притом партия уже не в пеленках и умеет сама разбираться в вопросах партийного строительства.

Я говорила спокойно и осторожно, ибо имела задание Ленина не раздражать Плеханова, а постараться заинтересовать его нашей работой. Но Плеханов пришел в ярость. Больше всего его возмутило, что партия считает Ленина блестящим теоретиком.

Конечно, мои дипломатические способности были довольно слабы, да никакой дипломатии и не нужно было. Плеханов, привыкший считать себя центральной фигурой в партии, не допускал и мысли о том, что кто-то может стать рядом с ним или иметь свое мнение.

Владимир Ильич расспрашивал меня подробно, заставляя повторять, что сказал Плеханов.

Сравнивая эти две фигуры, такие крупные, яркие, одаренные, всегда видишь разницу характеров. Ничто личное, мелкое не доходило до Ленина. Он любил и ценил Плеханова и неизменно возвращался к мысли о том, что его нужно сохранить для партии. А Плеханов? Он точно боялся «соперничества», никого не признавал рядом с собой. С ним нельзя было говорить, как с равным.

Плеханов как-то жаловался, что его одолевают умники, которые приходят к нему и нудно, тягуче, длинно излагают свои теории, от которых веет затхлым чеховским провинциализмом. Это зло, но верно, и виноват в этом был сам Плеханов. Конечно, товарищи тянулись к нему, но их встречал такой холодный прием, такое подчеркнутое превосходство, что и неглупый человек терялся, начинал лепетать всякие несуразности, чтобы показать, что и он не чужд разных теорий.

Один товарищ рассказывал, что, приехав в Женеву, он отправился к Плеханову. Тот встретил его снисходительно-любезно и задал вопрос, как к нему (к Плеханову) относятся в России. «Товарищи считают вас оппортунистом», — выпалил приезжий. Плеханов рассвирепел: «Скажите вашим товарищам, что, когда их папеньки ухаживали

за их маменьками, Плеханов уже был ортодоксальным марксистом». Это не анекдот.

Хотел ли Плеханов отпугивать людей? Конечно, нет. Но своей манерой держаться он ставил грань между собой и другими членами партии. Он как бы говорил: «Я — автор «Монистического взгляда на историю» и целого ряда ученых трудов и монографий, а вы — просто ученики и слушатели». И когда Плеханов чувствовал, что ему благоговейно внимают, он становился изумительно милым, доступным, блестящим собеседником. Несколько раз мне пришлось видеть его именно в такой обстановке, и трудно передать, до чего он бывал тогда блестящ, остроумен и ярко интересен. У Плеханова была манера говорить в небольшом кружке так, как он говорил бы на большом собрании. Всю свою эрудицию, исключительную начитанность, широту энциклопедиста, юмор, ораторское искусство — все он вкладывал в свою речь. Начитанность Плеханова поражала. Особенно хорошо он знал XVIII и XIX века. Энциклопедисты были им изучены полностью, и ум его находил больше всего пищи и удовлетворения в изучении философов и мыслителей того времени. И сам он, со своими вкусами, энциклопедичностью, был бы блестящей фигурой именно той эпохи.

Не то Ленин. Весь ушедший с головой в организацию рабочего класса, поставивший целью своей жизни создать партию, которая действительно могла бы повести пролетариат к победе над самодержавием и капитализмом, он по камешку сколачивал эту партию. Тысячами нитей Ленин был связан с партией, с рабочим классом. У него подход к людям был совсем иной, чем у Плеханова. Он, как хороший хозяин, подбирал все, что годилось для стройки. Иногда поражало, до чего Ленин был внимателен и терпелив с каждым товарищем.

С Лениным никто не старался казаться умным, говорить о высоких материях, становиться на носки. Он видел человека насквозь, и каждый чувствовал, что с Ильичем надо говорить только просто, щеголять не нужно.

Сколько раз мне приходилось присутствовать при его беседах с товарищами, и меня всегда поражало, с каким доверием и вниманием он всех слушал. Это был такт большого человека: ободрить работника, поднять в нем веру в свои силы, зажечь бодростью и энергией. Не в этом ли исключительный успех и влияние Ленина, что он умел, как никто, воодушевить волей к работе, и человек, соприкоснувшись с ним, трудился с удесятеренной энергией. Каждый чувствовал, что у него точно крылья выросли.

Никакого оратора не слушали так, как Ленина. Впервые я увидела его на трибуне в 1904 году в Женеве, когда он делал доклад о Парижской коммуне. Ленин на трибуне весь преображался. Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделанный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной стальной фразе.

Мне приводилось тогда слышать очень крупных ораторов, которые говорят точно для того, чтобы поразить слушателей, блеснуть яркой фразой, остроумной шуткой, умеют использовать силу и гибкость голоса, плавный жест, красивую позу. Таковы были Плеханов, Жорес, Вандервельде, считавшиеся мировыми ораторами. В их выступлениях было много эффектного, но мне никогда не удавалось отрешиться от впечатления какой-то искусственности их речей.

Не то Ленин. Непередаваема сила его речей. В них нет как будто никакого внешнего блеска, они просты и ясны, но, слушая Ленина, забываешь обо всем. Он овладевает слушателем всецело. И тут разница между Лениным и Плехановым разительна.

Плеханов любил красиво отточенные фразы. Он знал цену своему таланту, знал, когда повысить и понизить голос, умел вовремя блеснуть остроумием, поднять утомленное внимание аудитории кстати рассказанным анекдотом. Но его слушали спокойно, он волновал в меру.

У Ленина нет этого внешнего блеска, он не оттачивает

фразы, но тем не менее именно его слушают затаив дыхание, слушают так, точно он раскрывает твои самые сокровенные мысли, заветные мечты. Другие ораторы восхищаются, но слушаешь их точно со стороны, — Ленин зовет к действию. Его речи зажигают энтузиазмом и желанием действовать. Речи Ленина нельзя забыть: все чувствуют, что он сказал самое важное и нужное.

Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение. Парижская коммуна встала перед нами, как сверкающая заря новой жизни, как первый опыт рабочих взять власть в свои руки. Мы мысленно видели осажденный Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину, мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели.

Я до сих пор помню и эту речь, и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас.

С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены. Я спросила Ленина:

— Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?

Ленин встрепенулся.

— А вы сделали такой вывод из моего доклада?! — спросил он.

— Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня.

Слушать Ленина на собраниях, видеть его за работой, углубленного в книги, или за разрешением политических вопросов, слушать его планы поражения противников, его уничтожающие характеристики — все это давало яркую

картину его многогранности. Но тот не знает Ленина, кто не видел его и в обычной домашней обстановке.

Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы.

Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен — «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки» и других. С большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей», «На старом кургане в широкой степи». Нравился Владимиру Ильичу песни Сибири — «Ревела буря», «Славное море, священный Байкал» — и песнь о Степане Разине — «Есть на Волге утес»¹. Особенно отчетливо пелся куплет:

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет:
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Очень нравился Владимиру Ильичу куплет, дописанный М. С. Ольминским к «Дубинушке»²:

¹ «Интернационал» написан Эженом Потье (русский текст А. Я. Коца); «Марсельеза» — перевод с французского П. Л. Лаврова; «Варшавянка» — перевод с польского Г. М. Кржижановского; «Замучен тяжелой неволей» — стихотворение Г. А. Мачтета; «На старом кургане» — отрывок из стихотворения И. С. Никитина «Хозяин»; «Ревела буря» — стихотворение К. Ф. Рылеева; «Славное море» — Д. П. Давыдова; «Есть на Волге утес» — А. А. Навроцкого.

² «Дубинушка» — песня на слова поэта-шестидесятника В. И. Богданова; неоднократно перерабатывалась, распевалась в нескольких вариантах.

Новых песен я жду для родной стороны,
Но без горестных слез, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Зазвучали призывом к восстанью.

Утомившись и перепев любимые революционные песни, приступали к слушанию сольных номеров. Замечательно пел С. И. Гусев. У него был сочный голос, и пел он, не жалея сил. Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского «Ночь», «Средь шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки», и песнь Даргомыжского «Нас венчали не в церкви», и арии тореадора из «Кармен». Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни! Под конец пела я тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались.

Надежда Константиновна, вспоминая впоследствии об этих вечерах, шутливо писала: «Зверь¹, вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна веселой энергией, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дразги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне² раз в неделю «журфиксы» для сближения большевиков. На этих «журфиксах», однако, «настоящих» разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю надел, — но ушел он от Плеханова разочарованный, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку», — наша возьмет», — уте-

¹ «Зверь» — партийная кличка Марии Моисеевны Эссен.

² Сешерон (Sécheron) — рабочий поселок в Женеве, где поселились В. И. Ленин и Н. К. Крупская в апреле 1903 года. — М. Э.

шала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения».

Иногда на вечерах декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже.

Часто на прогулках или сидя за вечерним чаем Владимир Ильич любил поговорить о литературе, о его любимых писателях Щедрина, Некрасове, Чернышевском, особенно о последнем. Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова.

— Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет. Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли, — говорил Ленин.

Идейную направленность в художественных произведениях Ленин ставил выше всего, и потому он так ценил и любил Некрасова, которого почти всего знал наизусть. Как-то он спросил меня, знаю ли я наизусть поэму «Русские женщины». Я ответила: знаю, но никогда не могу прочитать ее вслух, душат слезы.

— Вот в этом и сила художника, — сказал Ленин, — берет за живое.

Иногда после музыкальных вечеров шли провожать гостей (я тогда жила в семье Ленина) и возвращались домой притихшие, усталые и несколько грустные. Будоражили что-то в душе эти песни! Говорить не хотелось, каждый думал о своем. Владимир Ильич заканчивал книжку «Шаг вперед, два шага назад» и обычно присаживался к рабочему столу на часок, что-то дописывая и исправляя. Надежда Константиновна ложилась спать, а мы с Елизаветой Васильевной¹ усаживались на скамеечке в садике и шепотком беседовали, чтобы не мешать Владимиру Ильичу. Иногда он спускался к нам на минутку

¹ Мать Н. К. Крупской. — М. Э.

перемолвиться парой слов, а то, посмеявшись над нашей неугомонностью, сверху зашумит, чтобы ложились спать...

...Владимир Ильич весь горел, работая над книгой. Как ясно встает перед глазами весь облик Ленина и вся обстановка борьбы, когда сейчас перечитываешь эту книгу! Читая нам отдельные, особенно удавшиеся ему места, Владимир Ильич весь точно внутренне светился, был такой зазорный, живой, яркий.

Замечательная была черта у Ленина — он никогда не давал чувствовать своего превосходства, не давил своим авторитетом, считался с мнением других, видел в каждом товарище равного себе. Оттого так легко было с ним, так радостно и свободно дышалось около него. Он умел внимательно выслушать собеседника, втянуть в спор, заставить высказаться до конца, а если видел, что собеседник не сводит концов с концами, путается в противоречиях, он, добродушно посмеиваясь над зарвавшимся спорщиком, доведшим свою мысль до логического абсурда, направляя его на правильный путь, не задевая самолюбия, не обескураживая, как делал бы обязательно в таком случае Плеханов. Тот доводил иногда застенчивых людей до желания провалиться сквозь землю. Владимир Ильич никогда не спрашивал, что вы читали, как усвоили прочитанное, а просто беседовал с вами по поводу отдельных вопросов и сразу видел и пробелы, и слабые места, причем и собеседнику становилось ясно, над чем надо ему поработать.

В присутствии Ленина мысль обострялась, хотелось больше знать, думать, читать, учиться и главное — работать. От одной мысли, что Ленин знает о твоей работе, удесятерялись силы.

Владимир Ильич был безгранично внимателен к тем, кто шел в ногу с партией, кто боролся за революционный марксизм, за дело освобождения рабочего класса, за социализм, но был беспощаден к своим политическим противникам, был непреклонен при защите своих принципиальных позиций. Ненависть меньшевиков, их нападки Владимир Ильич принимал как доказательство своей пра-

воты. Эти нападки свидетельствовали о меткости и верности удара, наносимого им противнику. Недаром Ленин любил цитировать стих Некрасова:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья¹.

Закончив книгу «Шаг вперед...», Ленин отправился в горы на отдых и, вернувшись, с новой энергией, новым приливом сил взялся за дело восстановления партии, создания большевистского органа, подготовки к III съезду партии.

Много рассказывала мне Елизавета Васильевна о жизни Ленина и Надежды Константиновны в ссылке. Еще больше я слышала о Владимире Ильиче от Анны Ильиничны, с которой я встречалась на подпольной работе в конце 90-х годов. Помню, как изумила она меня и расшеимила, рассказав, что Ленин, узнав в тюрьме на свидании о том, что его дело будет скоро разрешено, воскликнул: «Рано! Я не успел еще материал весь собрать»².

В 1903 году я познакомилась со всей семьей Ульяновых. Что это была за изумительная семья! Связанная огромной любовью друг к другу, общностью интересов, подчинившая раз и навсегда свою жизнь, свои интересы делу партии, делу революции, это была настоящая семья, какой она рисовалась нам в далеком будущем. Любовь Владимира Ильича к семье, нежная забота о матери подчеркивали исключительную связь этой семьи, которая никогда не прерывалась и проходит через всю жизнь Ленина. Когда я впервые попала к Ульяновым, я поняла, сколько радостей может дать такая семья, сколько счастья в этих

¹ Стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт», датированное автором днем смерти Н. В. Гоголя (21 февраля 1852 г.). Упомянуть имя Н. В. Гоголя в заголовке в условиях царской цензуры было невозможно.

² В начале января 1896 года, находясь в петербургской тюрьме (в Доме предварительного заключения), В. И. Ленин приступил к подготовке книги «Развитие капитализма в России». — М. Э.

заботах друг о друге, в этом взаимном понимании, любви и дружбе.

Мать Ульяновых, Марию Александровну, все мы полюбили с первой встречи. До сих пор стоит перед глазами ее милое, ясное лицо с такими молодыми, блестящими, бесконечно добрыми глазами. Только узнав Марию Александровну, я поняла секрет обаяния Владимира Ильича. Забота о людях проявлялась в Марии Александровне и всей семье Ульяновых с исключительной силой. Сколько горя пало на плечи этой женщины и с каким мужеством она его переносила! Трудно было выразить Марии Александровне сочувствие — она никогда не жаловалась, никогда не говорила о том, что ей трудно. Владимир Ильич понимал, как тяжело она переживала и казнь старшего сына Александра, и смерть дочери Ольги, как страдала от постоянных арестов других своих детей. Страдала, но никогда не протестовала, никогда не останавливала их. Мария Александровна жила интересами детей не только в обычном житейском смысле — она была их товарищем и другом и мужественно несла все тяготы.

Я приехала в Женеву вскоре после ареста Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. Владимир Ильич подробно расспрашивал о матери, и столько сдержанного горя и скорби было в его глазах, когда он говорил об ее одиночестве и беспокойстве! Анна Ильинична не раз говорила, что Владимир Ильич настаивал, чтобы кто-нибудь был постоянно при матери, и что эта роль падала обычно на нее.

Перед отъездом из Киева я забежала несколько раз к Марии Александровне: она вся отдалась заботам о том, чтобы улучшить тюремную жизнь детей, и целыми днями простаивала у ворот Лукьяновской тюрьмы с передачами для них. Невозможно было забыть ее измученного лица, печальных, скорбных глаз, усталого вида, когда она возвращалась из тюрьмы.

Хочется отметить одну особенность Владимира Ильича. Он еле переносил посещение музеев и выставок. Он

любил живую толпу, живую речь, песню, любил ощущать себя в массе. Неутомим бывал Ленин на прогулках. Одна прогулка мне особенно запомнилась. Это было весной 1904 года. Я должна была уже вернуться в Россию, и мы решили на прощанье «кутнуть» — совершить совместную прогулку в горы. Отправились Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. Доехали на пароходе до Монтрё. Побывали в мрачном Шильонском замке — в темнице Бонивара, так красочно описанном Байроном («На лоне вод стоит Шильон...»). Видели столб, к которому был прикован Бонивар, и надпись, сделанную Байроном.

Из мрачного склепа вышли и сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Решили подняться на одну из снежных вершин. Сначала подъем был легкий и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Надежда Константиновна останется ждать нас в гостинице.

Чтобы скорее добраться, мы свернули с дороги и пошли напролом. С каждым шагом труднее карабкаться. Владимир Ильич шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Через некоторое время я уже ползу на четвереньках, держась руками за снег, который тает в руках, но не отстаю от Владимира Ильича.

Наконец добрались. Ландшафт беспредельный, неопределима игра красок. Перед нами как на ладони все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!..» Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». И Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен, очевидно, выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль заработала в обычном порядке.

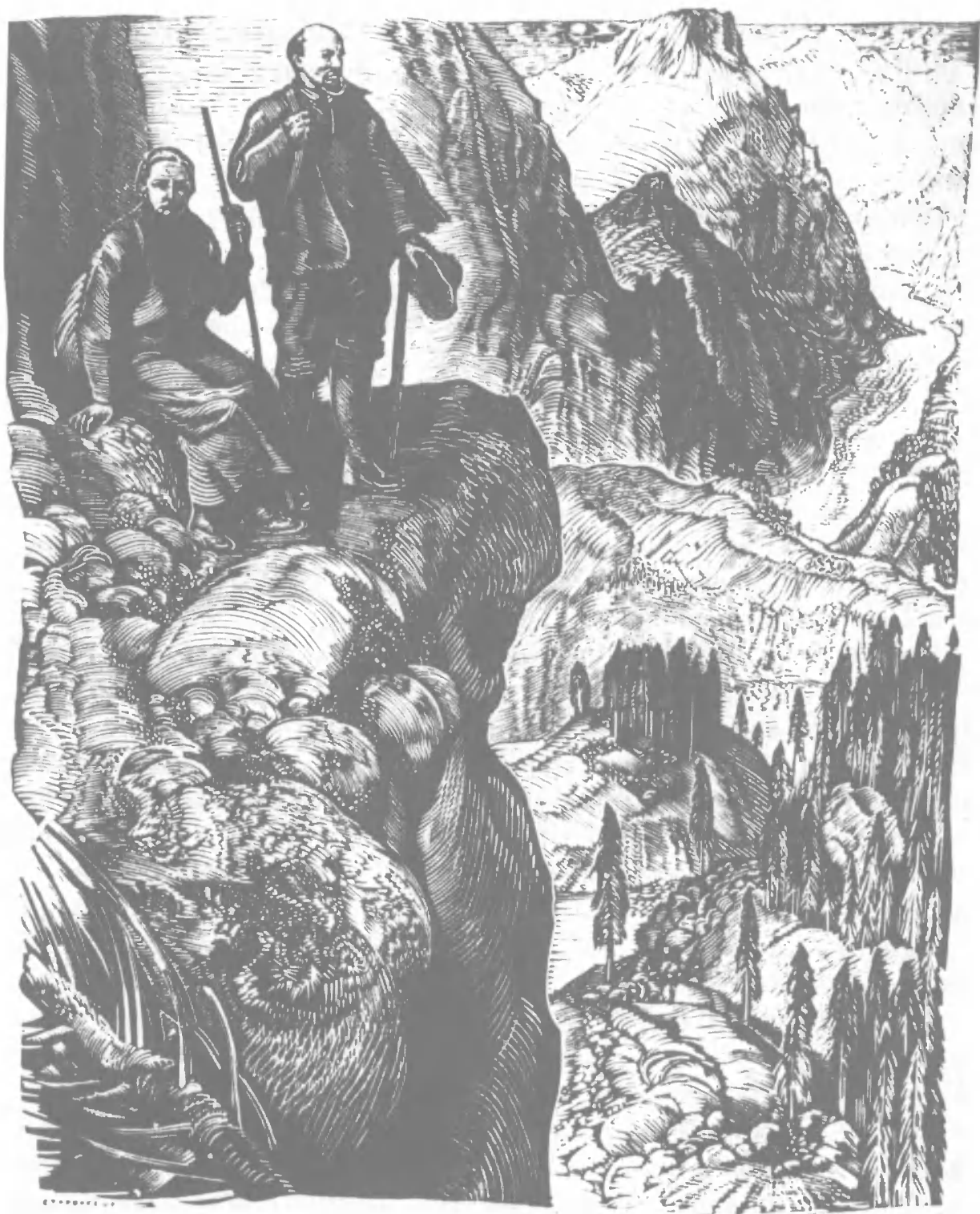
Из этой прогулки удержалась в памяти еще одна трогательная подробность. Мы наткнулись на целое поле цветов. Владимир Ильич стал энергично собирать цветы для Надежды Константиновны. «Надюша любит цветы», — сказал он и с юношеской ловкостью и быстротой моментально собрал целую охапку цветов.

Больше всего трогало меня в Ленине его какое-то поразительное внимание, которым он окружал своих близких. Особенно внимателен он был к Надежде Константиновне и ее матери, с которой у него была большая дружба.

Слаженность жизни, сходство вкусов Владимира Ильича и Надежды Константиновны были исключительны. Меня вначале изумляла их обстановка. В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, спали на пружинных матрацах, так как комнаты и жизнь были в Женеве сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напоминавшем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и опрятная, но почти лишенная мебели, сбоку — небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, и наверху — спальня, она же рабочая комната Ильича; две простые узкие кровати, несколько стульев, по стенам полки с книгами и большой стол, заваленный книгами и газетами. Мне вначале показалась серой эта обстановка, но, побыв там раз, другой, не хотелось уходить, так просто и уютно там чувствовалось, ничто не стесняло. Эта простота обстановки особенно хорошо действовала на рабочих. Все чувствовали себя как дома.

Владимир Ильич не был аскетом: он любил жизнь во всей ее многогранности, но внешняя обстановка, еда, одежда и пр. не играли никакой роли в его жизни. Тут не было лишений, сознательного отказа, а просто не было в этом потребности. Не помню, чтобы когда-либо, даже шутя, говорилось о вкусном блюде, чтобы придавалось значение платью. Пили, ели, одевались, но эта сторона жизни ничьего внимания не привлекала.

Обычная дневная обстановка такова. Владимир Ильич

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в горах Швейцарии.

сидит, углубленный в работу, или уходит работать в библиотеку. Надежда Константиновна разбирает корреспонденцию или шифрует письма, мать возится с несложным хозяйством, на которое все же тратится много забот и труда. Вспоминая эту прекрасную женщину, понимаешь, как много облегчения и уюта внесла она в жизнь Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Она не расставалась с ними всю жизнь. Вместе с ними была в ссылке, в эмиграции, в 1905 году приехала вместе в Россию и вновь эмигрировала. Владимир Ильич относился к ней с нежной заботливостью.

Получив задание вести подготовку к III съезду партии, я, ободренная новыми перспективами и освеженная отдыхом, поехала в Россию. Мне не повезло. Я на границе была арестована. В тюрьме я получила письма от Ленина и Крупской, из которых узнала о положении дел в партии, о начавшемся подъеме.

Вот письмо от 24 декабря 1904 года:

«Давно собираюсь написать Вам, да мешает сутолока. У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты «Вперед». Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить! Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы, деньжонок мало, но вскоре должны быть. Центральный Комитет, предавший нас, потерял всякий кредит, кооптировал (подло — тайком) меньшевиков и мечется в борьбе против съезда. Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган объединит их вполне. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары, — все еще впереди...

Ваш Ленин».

После такого письма пребывание в тюрьме стало особенно невыносимым. Мучительно потянуло на волю, на работу. А события разворачивались с каждым днем, и вести о них проникали в стены тюрьмы, волнуя и выбивая нас из колен. Наступили и прошли знаменитые январские дни 1905 года. Мы ночами не спали, ожидая разворачивания революции и мечтая о том, как раскроются тюремные двери и нас освободит восставший народ. Увы, двери тюрьмы раскрывались, но пока лишь для новых пришельцев. Однако тюремный режим был сломлен и нарушен. Тюрьма гудела, и мы узнавали все более волновавшие нас новости.

Наши дела спешно рассматривались, и в мае 1905 года я была приговорена к 5 годам ссылки на крайний север Архангельской губернии. Мне удалось бежать с дороги, и в сентябре я вернулась в Питер и приступила к работе.

В Петербург я мчалась как на крыльях, боясь запоздать к событиям, которые мне представлялись в виде подготовки к вооруженному восстанию, к активному осуществлению лозунгов Ленина. Застала же новую обстановку. Богданов, Красин и некоторые другие члены ЦК считали эти лозунги преждевременными, реально неосуществимыми и всячески урезывали их. Богданов утверждал, что события будут скорее благоприятствовать осуществлению меньшевистских идей и что-де нам, большевикам, надо стараться сохранить лишь идейную цельность и сплоченность. Товарищи, члены Петербургского комитета, поручили мне написать Ленину, обрисовать создавшееся положение и просить дать указания, как действовать, заверив его, что Петербургский комитет целиком стоит на его линии, полностью присоединяется к лозунгам «Пролетария»¹ и осуждает урезанные лозунги ЦК. На мое письмо я получила ответ Ленина от 26 октября. Он писал: «Насчет дел в партии, мне кажется, Вы немного преуве-

¹ «Пролетарий» (1905) — газета большевиков после III съезда партии.

личиваете в пессимизме. Сужу по здешнему. Я постоянно слышу здесь от «периферии», что «Пролетарий» явно приходит в упадок, что дела идут из рук вон плохо, газета опускается и пр. и пр. Страшен сон, да милостив бог. С таким гигантским движением, как теперь, ни единому ЦК в мире при нелегальной партии не удовлетворить и 1/1000 доли запросов. И что наши лозунги, лозунги «Пролетария», не остаются гласом вопиющего в пустыне — это мы видим ясно даже из легальных газет, сообщающих о митингах в 10—15 тысяч человек в Университете и т. д. Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой». О времени вооруженного восстания Владимир Ильич замечал: «Кто возьмется его определить? Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии, я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают. Возьмите теперешнюю грандиозную стачку».

Письмо заканчивалось словами:

«...Вообще значение заграницы теперь *ежечасно* падает, и это неминуемо. Конечно, мы ни в каком случае не бросим «Пролетария», пока не удастся печатать его в Питере на Невском. Но на легальную газету теперь тоже надо обратить много внимания. Загранице уже приходится частью закрывать лавочку (пропагандистская литература), — скоро закроем совсем и откроем в Питере.

В подготовке восстания я бы советовал проповедовать тотчас везде, самым широким образом, образование *массы*, сотен и тысяч *автономных* боевых отрядов, очень маленьких (от *трех* человек), которые бы сами вооружались кто чем может и готовились всячески. Момент восстания я бы, повторяю, *охотно оттянул* до весны, но конечно, мне издали судить трудно.

Крепко жму руку. Ваш Н. Ленин».

Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь»¹ вышла в Петербурге 9 ноября, то есть через две недели после написания Владимиром Ильичем этих строк. Из цитированного письма и из письма в ЦК, написанного Лениным на следующий день, явно следует, что Владимир Ильич обладал уже сведениями из Петербурга о налаженном издании легальной газеты.

Но пока шли письма, события нарастали. Многое изменилось, и отпал ряд опасений, высказанных в моем письме.

Мы ждали с огромным нетерпением приезда Ленина. Наконец он приехал и в тот же день пришел на заседание Петербургского комитета. Он сразу понял и нашу горячность, наше революционное настроение, готовность к борьбе, но сразу увидел и нашу неопытность, неумение по-настоящему организовать работу, осудил нашу заседательскую суету и здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов стали меньшевики. Наша борьба за Советы с приездом Ленина развернулась с большой активностью.

Владимир Ильич подробно расспрашивал о нашей работе, о связях в рабочих районах, о запросах рабочих, о борьбе нашей с меньшевиками и эсерами. Детально ознакомился с тем, как идет вооружение рабочих и подготовка боевых дружин. Расспрашивал о всех деталях и характере этой работы, стараясь не упустить ни одной подробности, давая советы, указания. Спрашивал, умеем ли мы сами стрелять, тренируемся ли. Был озабочен вопросом вооружения рабочих настоящим оружием, предлагал взять на учет все арсеналы, оружейные магазины, интересовался, изготавливаются ли и как бомбы. Особое внимание уделял он работе большевиков в армии, предла-

¹ «Новая жизнь» — первая легальная большевистская газета; выходила с конца октября до середины декабря 1905 года. В. И. Ленин вошел в редакцию «Новой жизни», вернувшись в Петроград в ноябре 1905 года; с этого момента газета фактически стала Центральным Органом партии.

гая выделять на нее наиболее подготовленных товарищей. Не меньшее значение Владимир Ильич придавал работе среди крестьян. Была создана комиссия для работы в деревне. Мы посылали агитаторов в деревни для завязывания связей с крестьянами.

Вспоминаю выступление Ленина на заседании Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов 13(26) ноября 1905 года. Это было в день, когда правительство объявило локаут и сто тысяч рабочих Петербурга оказались выброшенными на улицу.

Как жалки были выступления по этому поводу Троцкого, Мартова и других лидеров меньшевиков! Какая растерянность, какое ничтожное содержание пустозвонной речи Балалайкина-Троцкого, прятавшего свое бессилие за громкими бессодержательными фразами! Какое капитулянтское настроение! Троцкий предлагал вступить в переговоры с военным министром и предпринимателями об условиях открытия заводов.

И вот выступил Ленин. Весь зал насторожился и притих. Повеяло настоящим воздухом революции, будто раздвинулись тесные стены зала заседания и перед нашими глазами развернулся безбрежный мир огромных революционных перспектив. Повеяло воздухом Коммуны.

Ленин вскрыл политическое содержание тактики правительства, которое локаutom стремилось нанести решающий удар революции, рабочему классу. Правительство, говорил Ленин, надеется сломить дух рабочих угрозой голода, смирить его или вызвать на немедленное выступление и раздавить силой оружия. Ленин предлагал не уступать, но и не поддаваться на провокацию, не принимать боя в невыгодных условиях, а начать усиленную подготовку к объединению всех революционных сил. Ленин говорил, что надо не просить, не договариваться, а требовать открытия заводов и в случае отказа призвать всех к всеобщей забастовке и другим решительным мерам борьбы. Ленин предлагал готовить силы для всеобщего наступления и принять бой, когда он будет выгоден революции,

восставшему народу, а не правительству. Для осуществления же плана подготовки восстания — немедленно связаться с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, с армией и флотом.

Выступление Ленина, его насыщенная революционным энтузиазмом речь наэлектризовала весь зал, а когда он развернул перед слушателями четкий, ясный план и программу действий дальнейшего развития революции, в зале пронесся гул одобрений, переросший в бурную овацию.

Предложенная Лениным резолюция была принята единодушно под несмолкаемый гром аплодисментов, под восторженные крики собравшихся.

— Да, — говорили рабочие, расходясь, — вот этот знает, что надо делать, как вести рабочий класс. А эти брехуны — Хрусталеv, Чернов, Троцкий, — им бы только болтать да красоваться, а толку от них никакого, один вред.

Никогда не забыть выражения лиц рабочих, слушающих Ленина. На лицах радостный восторг, который охватывает всех и роднит с Лениным аудиторию. Незнакомый угрюмый товарищ, стоящий рядом с тобой, вдруг весь меняется, лицо расплывается в радостную улыбку, глаза загораются, и видишь рядом с собой похорошевшее и помолодевшее лицо, преображенное до неузнаваемости; угрюмый человек становится вдруг общительным, делится своим восторгом, загорается пафосом борьбы, точно частица гениальности Ленина передалась и ему.

Рабочие, послушав Ленина, переходили навсегда в наши ряды. Помню, как один рабочий корил меня: «Эх вы, научились бы, как Ленин, объяснять свою программу — небось ни одного рабочего не одурачили бы меньшевики. Ведь вот как все у него ладно и правильно выходит!»

Научиться говорить, как Ленин, быть, как Ленин, — это была страстная мечта всех большевиков.

Владимира Ильича рвали на части, все хотели его видеть, слушать, говорить с ним, получать указания.

Нам, знавшим его по периоду II съезда партии и борьбы с меньшевиками после II съезда, удавалось встречаться с ним и обсуждать волнующие нас вопросы. Конечно, и речи не было, чтобы встречаться так, как в Женеве, но все же не только на собраниях удавалось видаться с Владимиром Ильичем. Забежишь, бывало, утром, условиться, скажем, об его очередном выступлении или о партийном собрании и, конечно, используешь это посещение, чтобы поговорить вообще. Если Ленин не был чрезмерно занят, он довольно охотно, запросто беседовал с нами, и эти беседы заряжали нас новым приливом энергии и энтузиазма. Признаться, довольно частенько мы злоупотребляли своей близостью и бегали к нему даже тогда, когда это и не представлялось крайне необходимым. Но чувствовалось, что это ему не было в тягость. Я не помню ни одного недовольного выражения или досадливого жеста Владимира Ильича. Впрочем, этого и не нужно было: он умел как-то погружаться в свои мысли, отходить от беседы, и собеседник тут же чувствовал, что надо ступать.

Ленин сразу отрывался от беседы, задумывался и, очевидно, прежде чем приступить к разработке охватившей его идеи, мысленно набрасывал основные ее положения. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин шепотком, прежде чем засесть за работу, на ходу излагал свои мысли. При нас, посторонних, он этого не делал, но как-то сосредоточивался и отходил от нас. Это всегда было так заметно, что не нужно было никакого напоминания, чтобы раскланяться, причем Ленин прощался уже рассеянно, точно не видя тебя. Надежда Константиновна, зная эту черту Ленина, спрашивала иногда, не обижаются ли на это товарищи. Обижаться! Такого понятия вообще не существовало. Мы любили Ленина, с восторгом ловили каждое его слово, каждый готов был умереть за него.

Хотя разногласия с меньшевиками со времени II съезда усилились, все же вопрос об объединении с ними стал

в порядок дня. Владимир Ильич не возражал против объединения, хотя лучше всех нас понимал, насколько оно непрочное.

Объединение началось в районах раньше, чем его решили в центре. Помню, как-то утром мы были у Дяденьки (Лидии Михайловны Книпович, в то время бывшей секретарем Петербургского комитета партии) и говорили с Владимиром Ильичем о слиянии. Лидия Михайловна была твердокаменной большевичкой и слышать не хотела о том, чтобы можно было поднимать вопрос о слиянии без решения съезда.

— Да как же устраивать съезд, когда сейчас железнодорожная забастовка! — кричу я ей истошным голосом (она была глуховата).

— Все равно не имеете права, ждите съезда.

— Да какой вам съезд, когда государство рушится, троны трещат! — кричу я во все горло.

Владимир Ильич слушает, как мы петушимся, и хохочет.

Ленин не пропускал почти ни одного собрания Петербургского комитета и требовал от каждого из нас подробного отчета о проделанной работе, подвергая критике всякое упущение или неверно понятое решение партии.

Как-то я пожаловалась на то, что жены рабочих не всегда ласково встречают нас, а порой откровенно дают понять, что наши визиты им не по душе. Ленин так и вскипел и стал настойчиво расспрашивать, как мы себя ведем, когда приходим в семью рабочего. Пришлось признаться, что мы мало обращаем внимания на быт и обстановку домашней жизни рабочего, выказываем иногда нетерпение, если дети поднимают шум и мешают нашей беседе; что жены иногда начинают ворчать насчет незваных гостей и что рабочие теряются и конфузливо предлагают не обращать внимания на бабьи глупости. Ох, и досталось же нам от Ленина...

— Да я бы на месте этих жен вытурил бы вас из квартиры! Да подумали ли вы о том, как тяжела жизнь

женщин, обремененных работой на заводе, домашними делами, возней с детьми и беспокойством о судьбе мужа, если он попадает в тюрьму? Ведь надо все это понять по-настоящему и найти нужные слова и поступки, чтобы расположить к себе этих женщин, обремененных трудом, заботой о семье, живущих в тяжелой нужде и вечном страхе за мужа, пошедшего в революцию!

Мы поняли, что в квартиру рабочих должны входить не с пренебрежительной миной или равнодушным лицом, а с вниманием и уважением к их жизни и показать не на словах, а на деле нашу готовность быть полезными.

— Приходило ли вам в голову, — говорил Ленин, — предложить свои услуги, если вы видите, как они мечутся между кормежкой детей, стиркой белья и другими домашними делами, не успевая сами ни поесть, ни присесть на минутку, чтобы перевести дух?

На всю жизнь запомнились нам эти слова Ленина. Мы изменили свое поведение, нашли дорогу к сердцам работниц, и несколько времени спустя мы уже рука об руку с ними и их мужьями дружно шагали в рядах демонстрантов, неся революционные знамена, вышитые их умелыми и трудолюбивыми руками.

Ленин пробуждал в нас не просто добрые чувства, но политическое сознание, т. е. именно то, без чего бесплодна политическая деятельность.

Летом 1906 года, после разгона I Государственной думы, я была послана Московским комитетом (я уже работала в Москве) за директивами к Ленину, который жил тогда в Финляндии, на станции Куоккала на какой-то нелепой даче, носившей название «Ваза» и походившей на узкий и длинный чердак. Я подробно рассказала Ленину о московских настроениях после разгрома Декабрьского восстания, об упадочных настроениях среди интеллигенции и даже некоторой части рабочих, о том, что революция, видимо, идет на убыль, что реакция поднимает голову, начинаются репрессии, что понемногу вся работа суживается.

Владимир Ильич слушал внимательно и, мне показалось, как-то недовольно и отчужденно.

— Ну что же,— сказал он,— если это и так, то я буду последним, который об этом скажет. Пока идет борьба, а она идет, что бы вы там ни говорили, надо не ныть, а действовать.

Даже после разгрома вооруженного восстания в Москве Ленин не считал еще, что революция разбита. Он видел, что пролетариат не желает складывать оружия, что крестьянство продолжает борьбу, что в армии и флоте неспокойно, а главное — он был твердо убежден, что всколыхнувшая всю страну революция не утихнет, не может утихнуть. Владимир Ильич был полон новыми планами, готовился к очередному съезду партии, кипел энергией. Его не обескуражило временное поражение. Он предлагал извлечь из этого урок для дальнейшего наступления.

Ленин всегда был полон глубокой веры в творческие силы революционного рабочего класса. В 1911 году я видела его в Женеве. Он выступал с докладом, и меня изумил бодрый и, я бы сказала, вещий тон доклада. В то время как иные из нас переживали настроение сумерек, считая, что реакция укрепилась надолго, Ленин утверждал, что близок новый подъем, что рабочий класс сейчас более созрел для революции, чем в 1905 году, что крестьянство поняло необходимость совместных действий с пролетариатом, учло неорганизованность и разрозненность своих выступлений, что правительство и правящие классы не в силах разрешить ни одного вопроса, что объективные и субъективные предпосылки для революции налицо и что она неизбежна и успех ее обеспечен, ибо партия, рабочий класс и крестьянство не повторяют ошибок 1905 года, а извлекают из этих ошибок надлежащий урок.

Это выступление Ленина тогда произвело на всех нас потрясающее впечатление. Он, точно сказочный богатырь, приложил ухо к земле и слышал подземные гулы революции. Все чувствовали, что он говорит это не для того, чтобы поднять настроение слушателей, а именно потому,

что он сам глубоко убежден в том, что революция близка и что налицо имеются все предпосылки для ее осуществления. И он привел в своем докладе ряд фактов, свидетельствующих о том, что рабочий класс борется, что число стачечников увеличивается с каждым годом и что назревают события, которые покажут силу и мощь рабочего класса, его политическую зрелость и волю к борьбе.

Эта его речь вспомнилась особенно сильно в 1912 году, когда после ленских событий по всей стране прокатилась волна рабочих забастовок и демонстраций, когда в ответ на ленские расстрелы рабочий класс заявил о своей солидарности, о своей готовности продолжать борьбу. Последующие события подтвердили полностью вещие слова Ленина о том, что рабочий класс созрел для революции и что революция близка.

Теперь, когда о Ленине знает весь мир, когда вокруг его имени слагаются легенды, всем хочется проникнуть в его внутренний мир, понять, откуда эта гениальная прозорливость, эта могучая воля, эта титаническая сила.

«Из глухих деревень Индии, — писал Горький, — проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

— Что такое Ленин?»

Сердце Владимира Ильича «билося горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам...» — сказала Надежда Константиновна на II съезде Советов СССР. Этими словами охарактеризован весь духовный облик Ленина. Никогда никто не слышал от Ленина слов о его любви к народу, но все знали и чувствовали эту горячую любовь, понимали, что сердце Ленина бьется в такт с сердцами миллионов людей.

Г. И. КРАМОЛЬНИКОВ

Григорий Иннокентьевич Крамольников (1880—1962) — член РСДРП с 1898 года, профессионал-революционер, активный участник III съезда РСДРП. Вел партийную работу в Самаре, Твери, Казани, в Сибири и на юге России. Неоднократно подвергался арестам.

В 1907 году отошел к меньшевикам, в 1919 году был принят в Коммунистическую партию — «вернулся в отчий дом». В 1918—1923 годах преподавал в вузах Москвы, с 1924 по 1948 год — научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, работал по публикации ленинского литературного наследия, связанного с 1905 годом. Видный текстолог, доктор исторических наук, профессор, автор работ по истории партии и статей о В. И. Ленине.

Г. И. Крамольников был талантливым пропагандистом; доклады его о работе В. И. Ленина над статьями для большевистских газет знакомили со стилем журналистской работы В. И. Ленина.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕЛЕГАТА III СЪЕЗДА ПАРТИИ

В Лондоне 12 (25) апреля 1905 года начал работать III съезд РСДРП. А в России «кипел котел чародейки-истории» (Маркс). Россия становилась центром мирового революционного движения. В стране ширилась и крепла величайшая народная революция.

...В Петербурге на бывшей Николаевской улице, в доме № 33, в квартире зубного врача Ю. И. Лаврентьевой была явка делегатов съезда. Помню боевой пароль и отзыв (ответный пароль) у Лаврентьевой: пароль — «Мы объединяемся в партию!», отзыв — «Долой бонапартизм!». Лаврентьева дала направление на Малую Монетную, дом № 9-а, к М. П. Голубевой, а она — уже к представителю Бюро комитетов большинства¹. Тот снабдил меня и делегата от Северного комитета Романова 75 рублями на дорогу и направил на явку в Ригу к М. М. Литвинову, работавшему там под кличкой «Папаша» агентом большевиков. М. М. Литвинов обратился к нам с предупреждением: «Товарищи, очень прошу вас, не портите мне границы!» Обиженные, мы обратили внимание «Папаши» на то, что перед ним профессиональные революционеры с немалым уже стажем подпольной работы. Особенно возмущался солидный Романов. В ответ Литвинов рассмеялся и сказал: «Не сердитесь на скромного «техника» ЦК: я забочусь о кассе ЦК и прошу больше 8 рублей с человека контрабандисту не давать, иначе разорит он ЦК».

Само собой разумеется, Литвинов не сообщил нам, что в его функции входила не только нелегальная переправка за границу подпольщиков, но и доставка в Россию оружия и нелегальной литературы.

Около города Волковыска мы перебрались нелегально через границу. В Берлине нас позабавили товарищи, выделенные от Бюро комитетов большинства для дальнейшей переправки делегатов в Лондон. П. И. Кулябко-Лалаянц («Мышь»), А. М. Эссен («Бур») устроили явку для съездовцев у какого-то почтенного немца и немного перемудрили с паролем. Пароль был замысловатым: «От русского папы Льва Тринадцатого». В случае какого-либо недоразумения на явке не миновать бы нам полиции либо сумасшедшего дома!

¹ Бюро комитетов большинства (БКБ) — руководящий центр большевиков.

Наконец добрались мы до Лондона. Помогал нам ориентироваться в Лондоне секретарь съезда Н. А. Алексеев («Угрюмый»), давно акклиматизировавшийся в лондонской эмиграции и хорошо владевший английским языком. Он разместил нас в Уайтчепеле — районе Лондона, где жили преимущественно беднота и эмигранты из разных стран, в том числе из России.

Большую действенную помощь оказывал нам Владимир Ильич. Он писал на одной стороне листка нужные нам адреса на английском языке, а на другой четко отмечал, как их надо произносить.

На съезд прибыли 24 делегата с решающим голосом и 14 с совещательным — все большевики. Но ведь через явку у Лаврентьевой в Петербурге прошли и 9 меньшевиков. Они получили от Бюро комитетов большинства деньги и перешли, так же как и мы, границу.

Меньшевики поступили двурушнически: получили от БКБ деньги и явку за границу, а сами были уже снабжены своим фракционным центром и имели явку в Женеве. Откровенно говоря, мы, комитетчики, были рады, что съезд оказался большевистским и мы смогли без каверз со стороны меньшевиков в течение 16 дней — с 12 по 27 апреля (25 апреля — 10 мая) — проходить лучшую из коммунистических школ под руководством Владимира Ильича Ленина.

Все делегаты рады были встретить на съезде Надежду Константиновну. Это она своей огромной перепиской обеспечила связь местных большевистских комитетов с В. И. Лениным. Любовно относились мы к делегату от Кавказского союзного комитета Михе Цхакая. Как старшему по возрасту партийцу, ему было поручено открыть съезд. Он нас заинтересовал своими сообщениями о громадном размахе крестьянского движения в Гурии, об образовании на Кавказе революционных крестьянских комитетов, действовавших как местная власть.

Лично я близко сдружился с Алешей Джапаридзе, тоже, как и Цхакая, делегатом от Кавказского союзного

комитета. К сожалению, по не зависящим от него обстоятельствам он запоздал на съезд. Он очень нравился Владимиру Ильичу. Но к Алеше я вернусь несколько позднее.

М. Н. Лядова, типичного профессионального революционера, многие знали по встречам в России. Больше всего порадовал он нас тем, что обильно снабдил делегатов привезенными из Женевы экземплярами книг Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией».

Большое уважение вызывал член редакции газеты «Вперед», известный литератор-марксист Вацлав Вацлавович Воровский. Он носил партийную кличку «Жозефина». В целях конспирации мужчинам нередко давали женские имена и наоборот. Так, делегат Фридолин был известен на Урале и в Самаре под кличкой «Варенька», Лядов — «Русалка», а Землячка — «Осипов».

Речь Воровского сверкала юмором, особенно когда он рассказывал о Каутском, Бебеле, к которым он ездил по поручению Владимира Ильича в Берлин.

Ленин был доволен тем, что на съезде преобладают не лидеры, не литераторы, а практики-комитетчики, но негодовал на то, что очень уж мало рабочих прислано на съезд. «Как это угораздило питерцев, — говорил Владимир Ильич, — не прислать на съезд ни одного рабочего от Петербурга?» Из литераторов же особое внимание он уделял А. В. Луначарскому (по съезду Воинову). Владимир Ильич ценил в Луначарском не только яркого публициста, но и блестящего оратора и настаивал на том, чтобы Луначарский, живший в то время во Флоренции и бывший членом редакции газеты «Вперед», переехал работать в Женеву.

Избранный единогласно председателем съезда, Владимир Ильич при организации работ съезда не позволял ни на минуту упускать из виду, что революция с каждым часом растет и поэтому работать надо по-военному; рево-

люция требует, чтобы опыт первых ее шагов был учтен на съезде, чтобы директивы съезда соответствовали запросам и задачам революции.

Владимир Ильич внимательно выслушивал выступавших делегатов и строго следил, чтобы не было отклонений от порядка дня, соблюдался регламент. Он создавал общее настроение, требовавшее, чтобы съезд не превращался в парламент, а больше походил бы на штаб партии, руководящей революционными боями.

На первом же заседании съезда мы получили составленную Лениным и размноженную на машинке анкету для делегатов. Мы должны были дать сжатый отчет о состоянии делегировавшей нас организации за период от II до III съезда: рассказать о структуре организации, сообщить, оформлены ли районы, есть ли пропагандистская группа или коллегия агитаторов, какие существуют программы занятий для кружков высшего и низшего типа, как увязываются письменная и устная агитация, успешно ли идет орабочивание комитетов, каковы взаимоотношения между периферией и комитетом, то есть имеется ли типография или обходимся мимеографом, шапирографом и даже гектографом, как осуществляется связь с заграничным центром и руководящим органом, ведется ли работа среди женщин, среди молодежи и среди военных, каковы связи с крестьянами?

Председательствуя на заседаниях съезда, Владимир Ильич вел дневник съезда, отмечал время выступления делегатов с точностью до полминуты. Так, после выступлений моего и Красикова по вопросу порядка дня Ленин записал: Крамольников — 5 час. 0,5 мин., Бельский [Красиков] — 5 час. 0,5 1/2 мин.

В. И. Ленин в ходе съезда внимательно изучал партийные кадры. В дневнике съезда он наметил три рубрики: «пропагандисты, агитаторы, организаторы» — и, прислушиваясь к речам делегатов, в соответствии с характером их выступлений размещал свой «живой инвентарь» в одну из этих рубрик. Характеристика была чрезвычайно точна:

Р. С. Землячка отнесена к организаторам, Д. С. Постоловский — к пропагандистам, М. Н. Лядов и П. А. Красиков — к агитаторам.

Устанавливая съездовскую наличность кассы, чтобы передать ее ЦК, который мы должны были избрать на съезде, Ленин записал: «Счет теперь — 360 рублей, deficit — 1000 рублей».

Стенографисток на съезде не было. По предложению Владимира Ильича ежедневно проводились два заседания — утреннее и вечернее. Делегаты по очереди, по двое на каждом заседании, вели секретарскую запись выступлений на съезде. Кроме того, каждый оратор не позднее чем через два часа после выступления передавал в президиум краткий конспект своей речи.

...Ленин радовался, когда слышал от делегатов: массы понимают, что вопрос о вооруженном восстании поставлен в порядок дня самой историей, поэтому они требуют от партии уже прямой директивы о восстании. В отчете петербургской организации съезду приведено обвинение, предъявленное питерским работникам, в том, что у них организовано мало кружков; в ответ на это обвинение один из рабочих воскликнул: «Дайте мне три ружья, я сейчас же организую три кружка!»

Можно без преувеличения сказать, что самым радостным для съезда днем был день 1 Мая. Именно в Международный рабочий праздник Владимир Ильич выступил с докладом о Временном революционном правительстве на вечернем заседании съезда.

Этот день выдался на диво солнечный, что было большой редкостью для обычно окутанного туманами Лондона. Однако на улицах не видно было рабочих демонстраций. Это неприятно поразило нас. Ведь мы приехали из России, и горячее воображение рисовало нам, что по всей стране в этот день объявляются стачки и происходят столкновения и сражения демонстрантов не только с полицией, но и с царскими войсками. А здесь, в Лондоне, мы видели, всюду нарядных молодых девушек, вышедших на улицы

с цветами и кружками для сбора пожертвований на борьбу с туберкулезом.

Полвека тому назад мы были «помоложе» и, разумеется, рвались на улицу. А Ленин в ответ на наши доводы, что нельзя не выйти на улицы в день великого пролетарского праздника, улыбаясь, говорил:

— Обязательно надо побывать на улице, но не надо забывать, что из всех событий на международной арене нет более важного, чем русская революция. И решить в этот день хотя бы один из серьезных вопросов организации этой революции — значит внести хорошую лепту в честь международного праздника пролетариата. Погуляем в промежуток между утренним и вечерним заседаниями съезда, а на вечернем я точно в назначенное время открою заседание докладом о Временном революционном правительстве.

Опоздавших к началу вечернего заседания не было. Владимир Ильич выступал вдохновенно.словно дыхание революционной демократической диктатуры пронеслось над съездом. Ленин подвел нас к такому окошечку, через которое видно стало, как разрозненные факты, явления революции сплетаются, сливаются в цельную картину движения такого размаха, в котором главенствуют не оборонительные, а наступательные действия, действия не только снизу, но и сверху. Временное революционное правительство возникало в результате победоносного восстания и должно было стать органом дальнейшего углубления и закрепления результатов восстания, органом гражданской войны, не «чертогом», а, скорее, бивуаком...

...Для более близкого общения с делегатами Владимир Ильич использовал воскресные дни. Группу делегатов он сводил в богатейшую библиотеку Британского музея и показывал, где работали К. Маркс и Ф. Энгельс, где работал он сам, когда в Лондоне находилась редакция «Искры» (позже он работал в Британском музее над книгой «Материализм и эмпириокритицизм»).

В последние дни заседаний съезда Владимир Ильич

с группой делегатов посетил могилу К. Маркса на Хайгетском кладбище. Не доходя до роскошного памятника Спенсеру, мы увидели простую, скромную плиту с датами рождения и смерти Маркса и его семьи. Здесь, кроме самого Маркса, его жены и внука, была похоронена ставшая членом семьи Маркса их прислуга Елена Демут. Когда мы приближались к могиле Маркса, Ленин напомнил, что английские сыщики и шпики из царской России, находящиеся в Лондоне, прекрасно знают о посещении русскими революционерами могилы Маркса и могут попытаться нас сфотографировать.

Незадолго до закрытия съезда Алеша Джапаридзе предложил мне перед отъездом из Лондона зайти к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

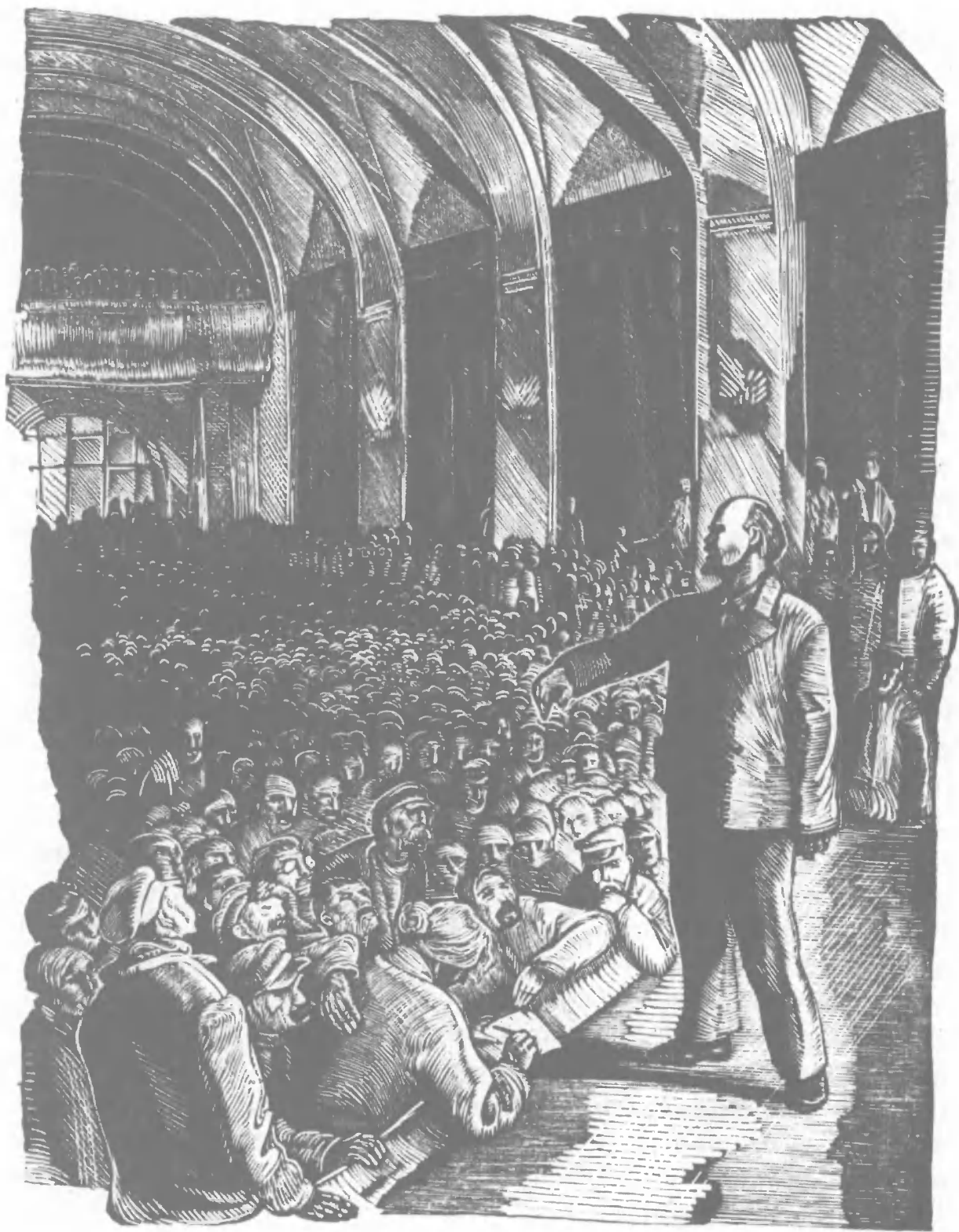
Когда мы пришли к ним, Надежда Константиновна прежде всего заставила Алешу вырвать из записной книжки листок с адресом для связи с В. И. Лениным, а затем не успокоилась до тех пор, пока мы не заучили этот адрес. Владимир Ильич посмеялся, но одобрил натиск на нас Надежды Константиновны и тут же вспомнил, что еще в 1895 году в Петербурге, при организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в нелегальных кругах было усвоено одно хорошее положение: «Когда имеешь дело с секретными, конспиративными делами, надо говорить не с тем, с кем вообще можно беседовать, и не о том, о чем вообще можно говорить, а только с тем, с кем нужно, о том, и только о том, о чем нужно». И Владимир Ильич добавил:

— Полагаю, и теперь, через 10 лет, в 1905 году, это правило не устарело.

Очевидно, для наших зарубежных товарищей, борющихся в подполье, оно не устарело и теперь — спустя более полувека.

Нам очень не хотелось уходить, хотя и совестно было отнимать у Владимира Ильича время. Перед уходом Джапаридзе спросил, обращаясь к Ленину:

— Что вы, Владимир Ильич, посоветуете мне и

Выступление В. И. Ленина под фамилией Карпова на народном митинге в доме графини Паниной 9 (22) мая 1906 года.

Крамольникову, когда мы будем проездом в Париже, посмотреть из памятников революции и искусства?

Насчет памятников искусства Владимир Ильич рекомендовал адресоваться к только что уехавшему со съезда в Париж А. В. Луначарскому, как прекрасному искусствоведу. Алеша продолжал настаивать, и тогда Владимир Ильич посоветовал нам обратить внимание на скульптуру Родена «Мыслитель».

В Люксембургском музее мы нашли эту скульптуру, а так как с Луначарским в этот день мы не встретились, то постарались самостоятельно разобраться и понять, почему Владимир Ильич советовал нам обратить внимание именно на это произведение искусства. Статуя изображала пожилого рабочего, подпершего в глубоком раздумье мускулистой рукой голову. Видно, что многих усилий стоит ему это раздумье, эта работа мысли. Нам показалось, что Роден хотел воплотить мечту о том, чтобы мускулистая рука соединилась с думающей головой в одном человеке, в одном классе. Очевидно, Владимир Ильич хотел напомнить нам, двум молодым делегатам съезда (обоим было по 24 года), что пролетариат серьезно ставит цель, выдвинутую еще Марксом, — уничтожить пропасть между физическим и умственным трудом.

Известно, что сил у первой русской революции для решительной победы не хватило. Пролетариат не развернул еще своих грандиозных сил, поддержка со стороны многомиллионного крестьянства была недостаточна и неодновременна, армия частично поддерживала народное движение, но еще не готова была целиком обратить штыки против общенародного врага, и реакция праздновала временную победу. Но одного реакция не могла отнять у народа: этот народ, и в особенности рабочий класс, вышел из борьбы в 1905—1907 годах не таким, каким он вошел в революцию.

Когда в ноябре 1905 года в Петербургском Совете рабочих депутатов меньшевики яростно нападали на большевиков за то, что они проводили в жизнь «в дни свободы»

решение III съезда, призывая революционным путем ввести 8-часовой рабочий день, один делегат Совета — рядовой большевик-рабочий — гордо бросил в ответ на обвинение меньшевиков: «Да, мы не завоевали массам 8-часового рабочего дня, но зато мы завоевали массы для 8-часового дня».

Это воспитание масс в ходе революции и сделало из революции 1905 года генеральную репетицию Великой Октябрьской социалистической революции.

Е. Д. СТАСОВА

Елена Дмитриевна Стасова (1873—1966), член КПСС с 1898 года, видный деятель партии и Советского государства, Герой Социалистического Труда, писала о себе:

«Мне выпало счастье вступить в боевой ленинский отряд как раз в ту пору, когда он еще только спланивался, когда нас было так мало, что мы знали друг друга в лицо и поименно... Единение таких людей, как Бабушкин, Бауман, Красин, Кржижановский, Свердлов, Цюруп, Калинин, Орджоникидзе, Фрунзе, и многих других вокруг Владимира Ильича является результатом их идейной общности, итогом глубоких раздумий, смелых решений, осмысленных действий и, главное, совершенно ясного понимания того, что им иначе нельзя...»

Когда прослеживаешь жизненный путь Е. Д. Стасовой, убеждаешься, что действительно ей нельзя было не учить работниц в женской вечерне-воскресной школе на Лиговке, нельзя было не стать агентом «Искры», профессиональным революционером — «Дельтой», «Абсолютом», «Гущей», нельзя было не участвовать в революции 1905 года, не готовить Пражскую конференцию, а в 1917 году — VI съезд партии (и на конференции в 1912 году и на съезде она была избрана кандидатом в члены ЦК). Основой жизни ее была великая верность делу рабочего класса, его освободительной борьбе и до революции и после ее победы.

С 1917 года по 1920-й Е. Д. Стасова на посту секретаря ЦК партии сосредоточивала в своих руках партийные связи, работая в постоянном контакте с Владимиром Ильичем, разгружая его от бездны организационных дел. «Секретарю, — писала она, — надо быть повсюду, думать за всех: толкать всех, гореть, а не спать...» Горела она на работе и в Коминтерне и в ЦК МОПРа, всюду и до конца своих

дней оставаясь хранительницей партийных традиций, традиций большевизма.

На всем протяжении сотрудничества Е. Д. Стасовой с В. И. Лениным она пользовалась высшей степенью его доверия. 15(28) апреля 1917 года, когда большевики вышли из подполья, вернулись из тюрем и ссылок и когда оформлялся состав партийных организаций, В. И. Ленин лично удостоверил принадлежность Е. Д. Стасовой к партии.

При первой встрече с Лениным, после ранения его в августе 1918 года, Е. Д. Стасова подарила ему портрет Карла Маркса. В 1920 году, в день пятидесятилетия Владимира Ильича, послала ему карикатуру И. Каррика, на которой был изображен юбилей народника Н. К. Михайловского.

Она так вспоминала об этом эпизоде и карикатуре: «За столом, покрытым сукном, стоял растроганный Михайловский. В одной руке он держал снятое пенсне, в другой — платок, которым только что утирал слезы... а перед столом стояли... мальчик в матроске и девочка в том возрасте, когда заплетенная косичка напоминает крысиный хвостик. Это «марксята» пришли приветствовать народников. Я написала Ленину, что вот, мол, когда был юбилей Михайловского, мы были еще в детском возрасте, а теперь мы большая партия, и все это благодаря вашей работе, вашему таланту. Ленину понравилась карикатура».

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

С Владимиром Ильичем я познакомилась через Надежду Константиновну Крупскую. Мы обе были учительницами воскресных школ, а затем вместе с ней работали в Подвижном музее учебных пособий, который учительницы сами и основали. После ссылки Владимир Ильич, а потом и Надежда Константиновна выехали за границу. Мы стали переписываться, и до 1905 года у нас все время шла очень активная переписка по партийным делам.

Помнится, как Ленин в период между II и III съездами партии на нас нападал, когда мы недостаточно энергично привлекали новых людей. Следует сказать, что действительно мы с большой осторожностью подбирали работников, опасаясь проникновения в наши ряды противников. В случае провалов мы обычно жаловались на недостаток людей.

И вот в одном из своих писем Владимир Ильич писал: «Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее... Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. Основывайте из молодежи с о т н и кружков впередовцев¹ и поощряйте их работать во-всю».

В этих замечательных ленинских словах выражается глубокая и страстная вера в могучие революционные силы российского пролетариата.

В 1904 году я была арестована по делу Северного Бюро ЦК. В то время в Таганской тюрьме были заключены товарищи Ленгник, Кнунянц, Бауман и другие большевики.

В ноябре 1904 года после голодовки мне удалось вый-

¹ Впередовцы — сторонники большевистской газеты «Вперед».

ти из тюрьмы под залог. Но часть товарищей, арестованных по нашему делу, осталась в неволе.

По новому уголовному уложению наше дело должно было рассматриваться судебной палатой в открытом заседании, а не в административном порядке — жандармерией, как прежде. В связи с этим возник вопрос: как себя вести на суде, какой держаться тактики?

По поручению товарищей я обратилась с этими вопросами к Владимиру Ильичу. В своем ответном письме («Письмо к Абсолюту»¹) Владимир Ильич Ленин высказал свои, как он говорил, «предварительные соображения». Приписка к этому письму полна большой заботы, стремления ободрить нас:

«Большой, большой привет Курцу, Рубену², Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо. Со скандалистами мы развязались наконец. С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем... Желаю здоровья и бодрости!!»

В сентябре 1905 года меня послали в Женеву для заведования там всеми техническими делами Центрального Комитета. Приехав в Женеву, я сразу пошла к «Ильичам» — на квартиру, где Владимир Ильич жил вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью Елизаветой Васильевной.

Когда я пришла, то застала только Владимира Ильича. Он сразу повел меня в общую комнату, которая была одновременно кухней и столовой, и засыпал вопросами о том, что творится в Питере, в России, в Петербургском и Центральном комитетах. Потом вдруг вскочил и говорит: «Подождите!» Я подумала, что поступила в чем-то неправильно. А Владимир Ильич подошел к буфету, вынул оттуда чайник, налил в него воду, зажег газовую плиту, накрыл стол и приготовил все к чаю и уже после этого продолжал беседу со мной. Владимир Ильич часто сам

¹ «Абсолют» — партийная кличка Елены Дмитриевны Стасовой.

² «Курц» — Фридрих Вильгельмович Ленгник; «Рубен» — Богдан Мирзаджанович Кнунянц.

хозяйничал. Так было принято в их семье: хозяйничал тот, кто был свободен.

Семья Лениных была всегда очень дружной. Вспоминаю, что Надежда Константиновна Крупская рассказала мне незадолго до своей смерти. Речь шла о том времени, когда Владимир Ильич сидел в Петербурге в тюрьме. В те дни партия организовывала для связи с политическими заключенными фиктивных женихов и невест. Через этих «женихов» и «невест» поддерживалась связь с заключенными, и они не были оторваны от политической жизни.

Как-то Владимир Ильич через одну из сестер передал Надежде Константиновне, чтобы к нему пришла «невеста».

— И вот я не знала, — говорила Надежда Константиновна, — я ли должна пойти или кто-нибудь другой? Я пошла, и оказалось, что действительно Владимир Ильич хотел, чтобы я пришла.

Владимир Ильич высоко ценил Надежду Константиновну как марксиста и, как правило, не выпускал в свет своих статей, не посоветовавшись с нею.

Манера слушать и расспрашивать у Владимира Ильича была особенная: задавая вопросы, он направлял рассказывающего по тому пути, который был ему нужен, заставлял затрагивать те вопросы, какие его интересовали. И в эту нашу первую в Женеве беседу Владимир Ильич таким образом узнал все важное, что я могла сообщить о положении в России.

Как раз весной и летом 1905 года проходили съезды врачей, учителей, адвокатов и других групп интеллигенции; они создали союзы, образовавшие Союз союзов. Я рассказала Владимиру Ильичу, как мы боролись с либералами на этих съездах и в союзах. Владимир Ильич выслушал меня и сказал:

— Знаете что, вы должны сделать доклад об этом нашей здешней русской колонии¹.

¹ Русской колонией Владимир Ильич называл всех русских, которые либо учились в высших учебных заведениях Женевы, либо проживали там как эмигранты. — Е. С.

Я растерялась, так как никогда не выступала с докладами. Но Владимир Ильич убедил меня, что доклад этот нужен. В процессе подготовки доклада я увидела, каким замечательным учителем и товарищем был Владимир Ильич. Он терпеливо указывал мне на недостатки в плане, а затем в тезисах доклада. На собрании он председательствовал и по окончании доклада снова в нескольких словах указал на мои ошибки.

На собрании русских социал-демократов 20 октября (2 ноября) 1905 года я впервые услышала Владимира Ильича как оратора. Ленин выступал с рефератом о политических событиях в России. Что поразило меня в докладе Владимира Ильича? На докладе присутствовали не только большевики, но и меньшевики и эсеры. Однако во время всего доклада не было ни одной реплики, никаких возгласов. Когда доклад кончился и председатель спросил, имеются ли вопросы, то никаких вопросов задано не было. Что же, в самом деле у меньшевиков и эсеров было полное согласие с положениями доклада? Конечно, нет! Но сила ленинской логики была такова, что все ей подчинялись. Лишь на следующий день меньшевики, опомнившись, горячо оспаривали положения, высказанные в докладе Ильича.

Внешне Владимир Ильич говорил очень просто. Он обычно похаживал взад и вперед, иногда закладывая большие пальцы рук за проймы жилета, иногда выбрасывал вперед правую руку с вытянутым указательным пальцем. Слушая впоследствии Плеханова, я невольно сравнивала его с Владимиром Ильичем. Плеханов был блестящим оратором, говорил красиво, с повышением и понижением голоса и многочисленными жестами, как актер, но у него не было ленинской силы логики, силы убеждения.

Владимир Ильич всегда был исключительно внимателен к товарищам. Расскажу об одном случае из моей личной жизни, имевшем место в конце октября того же 1905 года. Я жила тогда в пансионе в Женеве. Однажды Владимир Ильич зашел ко мне и стал расспрашивать,

как мы работали с Бауманом в Москве, как вместе сидели в тюрьме. Я рассказала, что Бауман сидел в изоляторе и мы в тюрьме искали способа, чтобы связаться с ним и держать его в курсе всех событий. После того как судебная палата отклонила слушание нашего дела, мы хлопотали, чтобы Баумана выпустили на поруки, но добиться этого не удалось. Выслушав меня, Владимир Ильич сказал:

— А Наде¹ удалось добиться, чтобы Николая Эрнстовича выпустили, но это не было к счастью, потому что вскоре же после освобождения из тюрьмы он был убит черносотенцами.

Только после этого Владимир Ильич передал мне английскую газету, в которой сообщалось об убийстве Баумана. Зная о моей дружбе с Бауманом, Владимир Ильич не хотел, чтобы я узнала о его смерти из газеты.

Мне пришлось очень недолго работать с Владимиром Ильичем в Женеве, потому что в России началась революция, и Ленину не сиделось за границей. Он уехал при первой возможности и через Финляндию вернулся в Россию. Первое, что он сделал, приехав в Петербург, — направился на Преображенское кладбище, где были похоронены жертвы Кровавого воскресенья. Этим Владимир Ильич показал, какое большое значение он придавал событиям 9 января 1905 года.

Вновь я увидела Владимира Ильича только в январе 1906 года, так как при отъезде в Россию он возложил на меня ликвидацию всех технических дел в Женеве.

Из воспоминаний периода 1906 года особенно живо в моей памяти возвращение Владимира Ильича со Стокгольмского съезда. По пути из Стокгольма Ленин остановился на некоторое время в Ханко, где работал над своей статьей о кадетях.

Мне приходилось в это время переправлять делегатов съезда за границу и обратно, в Россию, а также переправ-

¹ Речь идет о жене Н. Э. Баумана — Капитолине Поликарповне Медведевой, которая носила кличку «Надежда Константиновна Кузьмина». — Е. С.

лять через Швецию тех товарищей с юга, которые направлялись за границу для покупки оружия, ввиду того что на юге России большевики еще готовились к вооруженному восстанию.

В числе тех товарищей, которые приехали из Закавказья, был, между прочим, один грузин. Он рассказал мне о том, как действовали кадеты в Тифлисе. Выслушав его, я подумала, что этот материал пригодится Владимиру Ильичу для статьи, и я направила товарища к Ленину, не сказав, к кому я его направляю. Через некоторое время товарищ приходит ко мне и говорит:

— Почему ты не сказала, что посылаешь меня к Ленину?

Я ответила:

— Узнав, что я посылаю тебя к Ленину, ты стал бы сочинять свой доклад, вместо того чтобы все рассказать ему просто и ясно.

Вспоминается мне партийная конференция, происходившая сперва на Загородном проспекте, в Петербурге, а затем в Териоках. На заседании в Териоках выступали ораторы — и большевики и меньшевики¹. Вспоминаю выступление Федора Дана. Он обращался к слушателям подобно тому, как говорил бы старый царский генерал с солдатами: снисходил до них. Вслед за ним выступил Владимир Ильич. Он говорил ярко, образно. После выступления его со всех сторон обступили товарищи. Помимо того, что Владимир Ильич был нашим руководителем, он вместе с тем был для нас самым близким другом, к которому мы могли прийти со всякой нашей бедой, со всеми недоумениями, со всяким вопросом — не только политическим, но и личным.

В 1906 году состоялись выборы в Государственную думу. Петербургский комитет был объединенным, так же как и Центральный Комитет. Мы вели агитацию за бой-

¹ После IV (Стокгольмского) съезда РСДРП организации большевиков и меньшевиков были объединены.

кот виттевской думы. В списке агитаторов, который находился у меня, был и Владимир Ильич Ленин. Вспоминаю, как меньшевики досадовали, что у них нет такого оратора в Петербурге.

Следует отметить исключительную дисциплинированность В. И. Ленина. Когда я вызывала его на явку (мы ведь работали нелегально), чтобы сообщить, куда он должен пойти для выступления, для доклада, то не было такого случая, чтобы он не пришел, точно так же, как не было случая, чтобы он опоздал. На следующий день Ленин всегда сообщал очень точно: сколько народу было на его докладе, какие вопросы были заданы и какие недостатки в той организации, куда мы его послали...

М. И. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН

Михаил Иванович Васильев-Южин (1876—1937) — член КПСС с 1898 года, профессиональный революционер, после II съезда РСДРП — большевик, работал в бакинском подполье, участник первой русской революции (Одесса, Москва, Баку). В 1905 году эмигрировал за границу, затем был направлен ЦК в Одессу с директивами команде восставшего броненосца «Князь Потемкин Таврический». Один из руководителей вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 года. В 1917 году — руководитель вооруженного восстания в Саратове.

С 1919 года — на ответственной партийной и государственной работе, в 1924 году — председатель Верховного Суда СССР. Автор воспоминаний «В огне первой революции».

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН»

Легко себе представить, какую сенсацию произвела за границей, особенно в среде эмигрантов, весть о восстании на броненосце «Потемкин Таврический». Известие о нем пришло, разумеется, с некоторым запозданием, многое было передано неверно, перепутано, извращено, преувеличено, но мы поняли и почувствовали, что вспыхнуло действительно серьезное вооруженное восстание, первое настоящее восстание.

Хотелось верить, что оно увенчается успехом, что его поддержит вся угнетенная, рвущая вековые оковы Рос-

сия, поддержит в первую очередь героический пролетариат, уже проявивший в борьбе свою беспредельную самоотверженность, уже получивший великое крещение огнем и кровью. И снова неудержимо потянуло назад в Россию. В нашем кружке вопрос о возвращении был главной темой разговоров, обсуждался ежедневно и на разные лады.

Я решил обратиться еще раз к самому Ильичу с просьбой отправить меня немедленно в Россию на какую угодно работу. И вдруг мне передают, что Владимир Ильич сам ищет меня по очень важному и срочному делу. Немедленно собираюсь идти к нему, но он предупредил меня и зашел сам или встретил меня на дороге — точно не помню. Разговор был недолгий.

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ Южин, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу, — начал Ильич.

Я вспыхнул от радости:

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлекался. В таком состоянии я раньше никогда не видел его. Особенно меня поразили и, каюсь,

очень удивили тогда дальнейшие его планы, расчеты и ожидания.

— Далее необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать решительно и быстро. Но конечно, сообразуясь с положением, — уверенно и твердо повторил он.

Впоследствии я убедился, что Владимир Ильич был во многом прав и верно оценивал положение. Но тогда, в Женеве, у меня такой уверенности не было. Года за три до того я жил в районе Одессы и несколько знал тамошние условия и обстановку. Настоящих рабочих-пролетариев в торговой Одессе было сравнительно немного, а херсонские крестьяне, особенно вблизи Одессы, представляли собой далеко не надежный в революционном отношении элемент. На легкое завоевание Черноморского флота я тоже не рассчитывал. Но я вполне разделял мнение Ильича, что нужно было действовать решительно, смело и быстро. Восстание «Потемкина» необходимо было использовать всемерно. Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессу, направиться с «Потемкиным» к кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно захвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой. Наконец, крестьяне Гурии (грузинская провинция) и других ближайших районов были настроены чрезвычайно революционно и шли за социал-демократами. Правда, там орудовали преимущественно меньшевики, но грузинские крестьяне, находившиеся, собственно, еще в крепостной зависимости у своих князей, по моему мнению, легко и охотно поддерживали бы восстание. Мне казалось, что Батум как ре-

волюционная база был наиболее надежным районом на всем Черноморском побережье.

Я, разумеется, повторил, что готов выехать немедленно, и уехал на следующий день. Перед отъездом Владимир Ильич еще раз говорил со мной и снова подчеркнул, что особенно необходимо заручиться активной поддержкой крестьян.

— Пусть они захватывают помещичьи, церковные и другие земли. Призывайте и помогайте им делать это.

Я всецело был согласен с такой политикой и тактикой в отношении крестьян, но все-таки напомнил Владимиру Ильичу только что принятую на III съезде партии резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению». В этой резолюции говорилось только, что «социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель». *О призыве к революционному захвату этих земель в ней ничего не говорилось.*

— Ваше предложение, Владимир Ильич, идет дальше этой резолюции. Я с ним целиком согласен. Но является ли оно общей директивой при агитации среди крестьян? И есть ли это директива Центрального Комитета?

Владимир Ильич ответил не сразу. Он немного подумал, а потом сказал более осторожно:

— Нет, такой общей директивы Центральный Комитет пока не дает. Все зависит от общей ситуации, а также от условий и обстановки в каждом данном случае. В Одессе сейчас такая обстановка, когда нужно поднять на борьбу все революционные силы.

Я передаю, разумеется, не дословно, а лишь приблизительно мой разговор на эту тему с Владимиром Ильичем, но за сущность, за содержание его я ручаюсь. Порученное мне дело было слишком серьезно, и я на всю жизнь запомнил все сопровождавшие его обстоятельства. Мы сердечно простились с Владимиром Ильичем; я обе-

шал аккуратно и подробно извещать его о ходе событий. Обещал прислать за ним в Румынию не только миноносец, а даже крейсер или броненосец, если восстание окажется действительно победоносным...

...Продолжаю мое повествование. На следующий же день после предложения со стороны Владимира Ильича я выехал курьерским поездом через Австрию в Россию. Для безопасности меня снабдили настоящим заграничным паспортом, выданным на имя какого-то генеральского сына (фамилию забыл). С этим паспортом я мог спокойно и открыто перебраться через границу. Для прописки же и проживания в России мы соорудили, кажется с Ильичем, очень примитивную фальшивку на имя рыбинского мещанина Михаила Андреевича Конкина. Действительно, пограничные жандармы предупредительно козыряли мне, принимая меня, очевидно, за подлинного генеральского сына. Мои вещи подверглись самому поверхностному осмотру.

Я опять в России! С радостью и волнением сажусь в вагон поезда, направляющегося в Одессу. Осторожно спрашиваю спутников, что происходит в Одессе. Никто толком не знает. Говорят о каких-то расстрелах и пожарах, об обстреле «Потемкиным» города из орудий. Ладно, скоро узнаю все в точности на месте.

В Одессу я приехал, к сожалению, ночью. Искать нелегальные квартиры по данным мне адресам было и рискованно и просто невозможно. Волей-неволей мне пришлось остановиться в гостинице и дать для прописки свою фальшивку. В городе было введено военное положение, однако моя фальшивка прошла совершенно благополучно; без всяких сомнений ее прописали, и я затем довольно долго пользовался ею как видом на жительство.

На следующий день я связался с нашей Одесской организацией. Хорошо помню, что встречался и говорил с тов. Емельяном Ярославским. Других одесситов сейчас припомнить не могу.

Выяснилось, что я опоздал. Броненосец «Потемкин»

уже ушел из Одесского порта, а в Одессе вместо восстания вспыхнул пьяный погром.

Как мне передавали (за историческую точность не ручаюсь), дело происходило приблизительно так. В Черноморском флоте давно уже велась успешная пропаганда и агитация. Особенно много распропагандированных матросов находилось на броненосце «Екатерина Вторая», на который и возлагались главные надежды во время готовившегося восстания. Предстояли летние практические занятия эскадры. Она собралась в плавание и на маневры, погрузив значительное количество боевых снарядов. Перед плаванием вся эскадра собиралась обыкновенно у маленького островка Тендер. На этот раз первым отправился к острову броненосец «Кн. Потемкин», остальная же эскадра задержалась в Севастополе.

Матросы «Потемкина» давно ненавидели своего командира Голикова и других офицеров за исключительно жестокое обращение и крайне бесцеремонное обворовывание команды. В первый же день плавания матросам приготовили обед из тухлого, кишашего червями мяса. Матросы стали выражать недовольство и заявили протест. Офицеры набросились на них с грубой бранью и угрозами, а командир Голиков убил выстрелом из револьвера популярного среди матросов протестанта Вакулинчука. Матросы под предводительством Матюшенко и других более сознательных товарищей схватились за винтовки и в течение нескольких минут перебили и выбросили за борт офицеров. Для управления восставшим судном был выбран комитет во главе с Матюшенко. Броненосец снялся с якоря и направился в Одессу.

Прибыв в Одессу, команда «Потемкина» обратилась к «господам одесситам» с воззванием, в котором изложила, что произошло на броненосце, и призывала одесское население поддержать их. Одновременно была послана делегация к местным властям с требованием не препятствовать похоронам убитого матроса и с предупреждением, что броненосец немедленно обстреляет город, если будут чиниться

препятствия или задержат делегацию. И действительно, когда полиция по приказу градоначальника попыталась задержать делегатов, броненосец дал несколько выстрелов. Я сам видел брешь на одном из зданий в центре города. К сожалению, вследствие, по-видимому, измены... прицел был взят неправильно и снаряды попали не в правительственные здания. Однако задержанных делегатов немедленно освободили.

Затем устроили демонстративные похороны убитого матроса Вакулинчука. С речами выступали матросы и представители местных революционных организаций. Были речи, были споры, слишком много речей и споров, но, очевидно, слишком мало было действий, решительных революционных действий. А между тем нужно было прежде всего действовать, и именно тем способом, который указывал, который намечал мне В. И. Ленин. Он оказался прав даже относительно возможности перехода на сторону «Потемкина» остального Черноморского флота.

Адмирал Чухнин выслал против «Потемкина» целую эскадру. Не помню теперь, был ли при эскадре сам Чухнин. Узнав об этом, «Потемкин» смело вышел навстречу идущему на него флоту. В ответ на требование о сдаче он выкинул боевой флаг, приготовил орудия и продолжал двигаться вперед. Вдруг от эскадры отделяется броненосец «Георгий Победоносец» и, выкинув красный флаг, присоединяется к «Потемкину»! Еще два небольших судна следуют его примеру. С некоторых судов остальной эскадры слышатся крики «ура», несутся горячие приветствия. Адмирал сигнализирует флоту команду повернуть назад. Весьма вероятно, что и другие суда, а может быть, и вся эскадра присоединилась бы к восставшим броненосцам, если бы они бросились преследовать отступающую эскадру, поддерживав своими решительными действиями колеблющихся. «Смелость, еще раз смелость, всегда смелость!» (*De l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace!*)— повторял когда-то великий мастер революции Дантон.

Но смелости, решительности и находчивости не было

проявлено до конца. «Потемкин» и «Георгий Победоносец» дали спокойно отступить расстроенной, волновавшейся эскадре, а сами направились в злосчастный Одесский порт. Между тем одесская полиция не дремала. Она мобилизовала и подпоила подонки одесских босяков, которых в этом торговом городе всегда было много. В районе порта начались грабежи и погромы, кончившиеся грандиозным пожаром порта.

Я приехал к концу пожара. Портовые постройки еще дымились. В порту «Потемкина» уже не было и стоял на якоре один «Георгий Победоносец». Оказывается, на этом броненосце матросы только арестовали, а не уничтожили командный состав. Среди матросов было много колеблющихся. Нерешительные действия, вернее, бездействие восставших броненосцев и пожар в Одесском порту усилили эти колебания. Арестованные офицеры со своей стороны стали агитировать за сдачу, обещая исходатайствовать полное помилование добровольно сдавшимся. Матросы «Георгия Победоносца» решили сдаться. Тогда «Потемкин» снялся с якоря и вышел в открытое море.

— Куда же он направился и что намерен предпринять? — допытывался я у одесских товарищей.

Мне ответили, что броненосец, видимо, пошел к кавказскому побережью, а каковы его планы, толком сказать никто не мог. У меня мелькнула надежда, что, может быть, «Потемкин» сам догадался попытать счастья у Батума, куда я предполагал в случае неудачи в Одессе направить его. Я узнал пароль, дававший возможность попасть на броненосец, и с первым же пароходом отправился на Кавказ. Но уже в Новороссийске я узнал, что «Потемкин» повернул на запад, к берегам Румынии. Как известно, в Румынии команда неудачно восставшего броненосца, этой «плавучей республики», высадилась на берег, сдав судно румынским властям. Так кончилось это первое вооруженное восстание 1905 года.

Я написал В. И. Ленину о постигшей нас неудаче, а сам решил направиться в Москву, не без оснований по-

лагая, что одним из главных центров революционного движения в ближайшее время должна стать Москва и вообще Центральный промышленный район. Московский пролетариат принимал пока очень слабое участие в революционном движении, но, что он в конце концов раскачается и двинет всей своей тяжелой массой, было несомненно для всякого революционера, знающего пролетариат.

Мои расчеты и надежды оказались правильными. В Москве началась октябрьская забастовка 1905 года, в Москве же организовалось крупнейшее вооруженное восстание 1905 года — историческое Декабрьское восстание.

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, Маршал Советского Союза.

Личное знакомство с В. И. Лениным состоялось в Петербурге, в 1906 году, накануне IV (Стокгольмского) съезда РСДРП. Будучи одним из руководителей Луганской большевистской организации и непосредственным участником революции, К. Е. Ворошилов во время съезда в беседе с В. И. Лениным дал объективную картину деятельности боевых дружин, забастовок и вооруженного восстания в Донбассе.

В 1907—1914 годах К. Е. Ворошилов неоднократно отбывал тюремное заключение, ссылки, удачно бежал и продолжал подпольную работу в Петербурге, Баку, Царицыне. В 1917 году активно участвовал в Октябрьской революции, в годы гражданской войны был одним из выдающихся военачальников Красной Армии. В 1918 году он командовал Царицынским фронтом. Когда 10-я армия сорвала попытку белогвардейцев отрезать Волгу от жизненных центров страны, В. И. Ленин в приветственной телеграмме защитникам Царицына писал, что вся «Советская Россия с восхищением отмечает их геройские подвиги».

К. Е. Ворошилов был одним из организаторов 1-й Конной армии, затем был командующим Северо-Кавказским военным округом.

По окончании гражданской войны К. Е. Ворошилов занимал пост народного комиссара по военным и морским делам и председателя Комитета Оборона СССР, в годы Отечественной войны являлся членом Государственного Комитета Оборона; в 1943 году участвовал в Тегеранской конференции. С марта 1953 года был Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

Весной 1906 года я приехал из Луганска в Питер с мандатом на предстоящий очередной партийный съезд. Это был мой первый приезд в столицу.

С вокзала направился прямо на явку (явка оказалась цекистской); нужно было зарегистрироваться и получить необходимые указания и сведения, относящиеся к съезду. На явке принимал делегатов член ЦК Загорский (Крохмаль) — яркий меньшевик. Узнав, что я из Луганска, Загорский сделал кислую мину и, глядя в записную книжку, процедил сквозь зубы, сильно заикаясь: «Б-б-б-ольшевик, к-к-онечно». Отвечаю: «Да»... Загорский предлагает идти мне к «своим».

В этих советах я не нуждался. Я знал, куда мне идти к своим, но мне хотелось узнать (провинциальная наивность!), в Питере ли Владимир Ильич и нет ли его, случайно, здесь, на явке. Спрашиваю Загорского, нет ли здесь тов. Ленина? С выпученными глазами, весь взъерошенный, уже совсем не выговаривая ни одного слова, набрасывается на меня этот благообразный, адвокатского вида джентльмен, пытаюсь выпалить какую-то дерзость или ругательство. Хотя и был я не из робких, но при виде столь свирепого цекиста, никак не могущего меня выругать за мою «провинность», я немного сдрейфил и счел благоразумным ретироваться.

Очутившись на свежем воздухе и придя в себя, я не мог удержаться от смеха. «Видно, наш Ленин заливают им за шкуру сала, как говорят у нас украинцы», — подумал я. В подавленном настроении шествую по Невскому. Иду отыскивать «Вперед» — наше большевистское книгоиздательство, куда у меня есть и явки и частные письма друзей.

В Питере я впервые. Блеск магазинов и улиц, шум и тысячи празднующейся, разряженной и упитанной

публики действуют ошеломляюще. Не без труда отыскиваю «Вперед». Нахожу кого нужно и узнаю, что я приехал рановато, что хотя делегаты уже и начали съезжаться, но еще многих нет. Кроме того, здесь же мне сказали, что я должен побывать в «Техноложке» (Технологический институт) и показаться Надежде Константиновне. Бонч-Бруевич сообщил, что тов. Ленин в издательстве «Вперед» сегодня не будет.

Глубокий провинциал, все время проживший в Донбассе и, кроме заводов, шахт и тюрем, ничего не видавший, я немножко плохо почувствовал себя в огромном городе, и в особенности после «официального» приема члена ЦК Крохмаля. Но, очутившись среди своей публики во «Вперед», я как-то ожил и уже в хорошем расположении духа направился в «Техноложку».

Надежда Константиновна с особенной мягкостью и лаской расспросила об организации, работниках, настроении рабочих и пр. Все записала, отметила в малюсенькой записной книжечке. Подробно инструктировала и сообщила все, что нужно и можно было сообщить о съезде. Не удержался и задаю вопрос, увижу ли, где и когда, тов. Ленина? Надежда Константиновна, улыбаясь, говорит, что не раз увижу и услышу.

Отныне я уже тесно связался с большевистским центром. Теперь все в порядке. Отъезд за границу еще не назначен, и, куда поедет, нам еще не сообщили. Приходится ждать.

Надежда Константиновна рекомендовала держаться осторожнее: «Шпиков в Питере тьма-тьмушая». Сколько дней еще придется жить в Питере, неизвестно.

Из «Техноложки» иду отыскивать знакомых. Д. И. Лещенко, бывавший в Луганске от ЦК, живет в Питере. Вскоре нахожу квартиру и застаю его дома. Расспрашивает о впечатлениях от Питера. Мне все нравится. Только я хочу скорее видеть тов. Ленина. Удивляется, что я еще не видел Владимира Ильича. Он теперь почти каждый день показывается во «Вперед» и основательно «ощупы-

вает» приезжающих делегатов съезда, говорит Лещенко.

На второй день, совсем рано, отправляюсь в издательство «Вперед». Решил сидеть целый день, если потребуются, чтобы не прозевать прихода Владимира Ильича. Вскоре у Бонч-Бруевича, заправлявшего тогда этим книгоиздательством, узнал, что Владимир Ильич обязательно должен быть: будет совещание с частью уже съехавшихся делегатов съезда.

Вооружаюсь терпением и жду. Через некоторое время один из делегатов, кажется сибиряк, приглашает следовать за ним. Не спрашивая, направляюсь вслед за товарищем. Внутренними ходами и коридорчиками мы быстро попадаем в небольшую квартирку на втором или на третьем (не помню точно) этаже и проходим в совсем маленькую комнатку. Народа сидело человек десять — двенадцать. Мы втиснулись и, не нарушая порядка, кое-как устроились сидеть. Заседание началось, мы опоздали. Говорил один из делегатов. Речь шла о настроении рабочих масс в связи с выборами в I Государственную думу. Говоривший все время упорно смотрел на одного из товарищей, который сидел рядом с кем-то и как-то особенно, изредка сощурив глаза, бросал взоры то на оратора, то на кого-либо из сидевших в комнате.

Это он, подумал я, это Ленин. И почему-то мне показалось, что я уже где-то и когда-то видел его, что я его знаю. Стал всматриваться в лицо, фигуру, в движения. Хотелось возможно скорее и основательнее запечатлеть в памяти все, относящееся к тому, о ком так много думал и кого так хотелось видеть. Тут же представляю себе, как я, возвратясь к себе, буду описывать нашего Ленина своей пролетарской братве. Знаю, что будут требовать рассказать «все» и «подробно» и не раз придется рассказывать и на собраниях и на заводе в перерывах.

Оратор кончил. Слово получает следующий. Краткие доклады с мест, догадываюсь я, и начинаю волноваться. После двоих — моя очередь. Я должен буду отчитываться перед самым Лениным. Сразу стало как-то страшновато,

даже жарко. А он спокойно слушает, изредка улыбаясь, и на бумажке быстро делает заметки.

Наконец моя очередь. Взгляд в мою сторону Владимира Ильича. Вопрос об имени и организации, мною представляемой. Помню ласковую улыбку и поощрительное какое-то замечание. Ободренный и успокоенный, я очень коротко сообщил об организации, настроении рабочих, выборах в Государственную думу и пр.

Доклады окончились. Владимир Ильич сжато формулировал общее положение и тут же перешел к беседам с делегатами.

Совещание носило совсем частный, предварительный характер: оно нужно было Владимиру Ильичу для ориентировки и других «ленинских» тактических и стратегических целей.

В разговорах Владимир Ильич много шутил и между шутками задавал то одному, то другому кучу разных, часто неожиданных вопросов. Его интересовало буквально все. Он с одинаковым интересом слушал и о том, как прошли выборы в Государственную думу, и о кознях меньшевиков, и о кадетях, о наших боевых дружинах, их обучении и вооружении, о казаках близлежащих от Луганска станиц и крестьянах, захвативших земли у помещиков, и пр. и пр.

Как сейчас помню, с каким воодушевлением Владимир Ильич подхватывал то или иное сообщение, которое отвечало его мыслям, подтверждало его предположения. Раза два и на мою долю выпало услышать от Ильича одобрительные замечания. Это было для меня истинным удовольствием. Я в собственных глазах как-то вырастал, становился значительнее и увереннее.

Перед самым уходом Владимир Ильич заговорил о съезде и наших (большевистских) перспективах. Владимир Ильич не верил в объединительную миссию предстоящего съезда и старался подсчитать наши силы. Делегаты еще съезжались, и мы полагали, что будем иметь большинство. Но Владимир Ильич уже тогда допускал, что и меки

(меньшевики) смогут иметь большинство на съезде и нам придется выдержать основательные бои с ними.

Слушали мы все Владимира Ильича и чувствовали такую громадную, мощную, титаническую силу в нем, что никакие «большинства» и махинации меньшевиков, о которых (махинациях) все присутствующие кое-что, и немало, порассказали, были нам не страшны. Теперь мы уже своими глазами видели и слышали того, кто являлся истинным строителем пролетарской революционной партии и неустанным ее стражем и вождем.

Мы чувствовали, что наш Ленин точно знает пути и средства для защиты революции и революционной социал-демократии, на долю которой выпало руководить великим освободительным движением в России. Мы все верили, что революционные волны еще вздымаются и девятый вал впереди. Почти повсеместный бойкот I Государственной думы, прошедший под руководством большевиков, подтверждал это наше мнение.

С повышенным настроением расходились участники этого маленького совещания.

Я чувствовал себя превосходно. Владимир Ильич произвел на меня огромное впечатление. Все в нем мне показалось необыкновенным. И его манера говорить, и его простота, и, главное, пронизывающие и сверлящие душу глаза.

Было хорошо и весело на душе. И я, позабыв на минуту о шпиках и прочей гадости, пошел бродить по улицам тогда еще чужого С.-Петербурга.

Д. И. ЛЕЩЕНКО

Дмитрий Ильич Лещенко (1876—1939) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1900 года. В 1905 году работал в боевой организации по изготовлению и хранению взрывчатых веществ и снарядов. Подвергался репрессиям царского правительства. В 1910—1911 годах сотрудничал в газетах «Звезда» и «Правда». Летом 1911 года ездил к Ленину в Париж. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, заведовал кинофотоотделом.

Осенью 1919 года В. И. Ленин, просмотрев привезенную Лещенко фронтовую кинохронику (освобожденный Орел, захваченный бронепоезд белых с лозунгом «На Москву!» и др. кадры), выразил удовлетворение работой кинохроникеров и дал указание направить их на Южный фронт. Одновременно было дано указание перевести их на академический паек.

ВОСПОМИНАНИЯ

Товарища Ленина я увидел впервые, если память мне не изменяет, ранней весной 1906 г. До этого я был знаком с его сестрой Анной Ильиничной, которая, между прочим, мне передавала еще в 1903 или 1904 г. печатные ноты «Интернационала», в то время совершенно неизвестного у нас. Немного позднее я познакомился с Надеждой Константиновной. Может быть, знакомство произошло и через

них или через А. А. Богданова (Малиновского), которого я знал раньше. Я вспоминаю, как тогда мы ехали с Владимиром Ильичем на извозчике из города на Петербургскую сторону, мимо градоначальства на собрание. Владимир Ильич всем крайне интересовался, и всю дорогу речь шла об аграрной программе последнего съезда¹; он обо всем и обо всех расспрашивал, был молод, энергичен и поразил меня необыкновенной внешней деликатностью и мягкостью. Теперь, конечно, трудно судить, но мне кажется, что я с первого же раза привязался к этому необыкновенному человеку.

В течение 1906 г. мне приходилось близко и часто встречаться с Владимиром Ильичем, так как в этот период выходил целый ряд последовательно сменявших друг друга легальных большевистских газет, в которых я был секретарем редакции («Волна», «Эхо» и т. д.). Сначала редакции и контора помещались на Литейном, кажется, № 60, но там Ленин бывал редко; тут же, на Литейном, находилось и издательство Бонч-Бруевича, где часто бывали редакционные собрания. Потом редакция переехала на Фонтанку, № 96, где помещалась большевистская типография «Дело»; здесь, во втором этаже, было несколько комнат, в которых некоторое время и происходили редакционные собрания. Владимир Ильич приходил всегда около 12 часов и засаживался за газеты, разговаривал, шутил. Мне вспоминается интересная мелочь в его манере работать: во время чтения он подчеркивал тонким штрихом те места текста, по поводу которых он, по прочтении газет, садился писать статью. Насколько припоминаю, он давал статьи (необязательно передовые, часто фельетоны) почти каждый день.

Очень часто собрания происходили вечером. Через некоторое время по конспиративным соображениям собрания на Фонтанке были прекращены и происходили почти еже-

¹ В. И. Ленин, по-видимому, говорил о принятой IV (Объединительным) съездом РСДРП, в апреле 1906 года, меньшевистской аграрной программе муниципализации земли.

дневно на моей маленькой квартире, на углу Глазовской и Звенигородской, где иногда, поздно приходя, Владимир Ильич оставался ночевать. Вставал он тогда между 10 и 11 часами и уже за чаем принимался за газету. Днем, после часа или двух, квартира наполнялась товарищами, и во всех трех комнатах писали. Владимир Ильич оставался в первой комнате один и закрывал двери, хотя к нему довольно часто входили. Здесь бывали гг. Богданов, Гольденберг, Луначарский, Свидерский, Базаров, Воровский, рабочий Фома, пользовавшийся симпатиями Ильича, Е. Д. Стасова, бывшая в то время, кажется, секретарем ПК¹, иногда приходили Красин и многие другие товарищи, часто приезжавшие из разных мест России.

Затем, мне вспоминается, была снята отдельная небольшая квартира в каком-то старинном доме в Свечном переулке, куда и была перенесена вся работа. Владимиру Ильичу была отведена отдельная светлая комната, со столом посредине, на который мы иногда ставили Ильичу цветы...

К осени столыпинская реакция стала свирепствовать, газеты часто меняли свои названия, редакторов сажали в тюрьму, а затем и вовсе пришлось прекратить выпуск газет. Сколько припоминаю, Владимир Ильич с Надеждой Константиновной переехали в Финляндию, в Куоккала, где заняли дачу (как будто бы называлась дача «Ваза») очень близко от вокзала. В этой небольшой даче внизу поселились Ленин и Линдов², а наверху Богданов³. Здесь, в столовой или в его маленькой комнатке, и происходили очень часто совещания. Вскоре после обыска на моей глазовской квартире и мне пришлось перейти на нелегальное

¹ ПК — Петербургский комитет партии.

² Линдов — партийная кличка Гавриила Давыдовича Лейтейзена.

³ Богданов — Александр Александрович Малиновский (один из представителей ревизионистской философии — махизма); в 1904—1905 годах, когда вопросы философии бурно развивающимися событиями были отодвинуты на второй план, разделял революционную тактику большевизма и проводил ее совместно с В. И. Лениным.

положение. Я помню, как в тот же день после обыска, еще взволнованный, я пришел к Ильичу на дачу. У него собралось несколько человек. Мне не хотелось прерывать их, и я скромно уселся. Вероятно, Владимир Ильич заметил какую-то во мне перемену, так как тотчас же прислал мне записку: «Что случилось?» Я ему ответил тоже запиской. Тогда он прервал совещание, заставил меня рассказать, всячески ободряя, и вообще отнесся с такой теплотой, что нельзя забыть. В доме у Владимира Ильича всегда толпились, и, вероятно, ему удавалось работать (а работал, писал он очень много) только по утрам. Для прогулок, отдыха у него абсолютно не было времени. Я, помню, пошел на дачу как-то днем, во время обеда, и меня особенно удивило одно обстоятельство: на даче была прислуга, которая убирала и готовила; когда же к обеду все сели за стол, то, подавши, она тоже села вместе со всеми. Это была, кажется, финка, и меня тогда удивило это: не только в теории, но и на практике в доме у Ильича было полное равенство для всех... Комната, которую занимал Владимир Ильич, была крайне скромно обставлена: стол, пара стульев, кровать. Я помню, он просил привезти ему шпилек, на которые вешают бумаги, штук 10—15. Я привез, и тотчас по всем стенам оказались подвешенными газеты — даже в такой скромной обстановке Владимир Ильич старался соблюсти порядок и удобство в работе.

...Ранней весной 1907 года я уезжал в агитационную поездку в Екатеринослав и зашел к Ильичу попрощаться; он долго беседовал со мной, а затем прибавил: «Ну увидимся на съезде». Действительно, на Лондонском съезде¹ он играл большую роль. Съезд был «объединенный», т. е. вместе с меньшевиками, он происходил в какой-то кирке, для заседаний фракции большевиков было отведено большое помещение. Председательствовал Ленин. Я помню, на одном продолжительном и напряженном заседании Владимиру Ильичу приходилось так много кричать, что он со-

¹ V (Лондонский) съезд партии состоялся в мае — июне 1907 года.

вершенно потерял голос. На другой день он только смеялся и показывал на горло — говорить совершенно не мог. Вообще голос у Владимира Ильича был не особенно сильный, во всяком случае не пронзительный, но благодаря своеобразной манере говорить, чрезвычайной пламенности речи, стройной логичности и невыразимому жесту и движению речи его были слышны очень далеко и производили на всякого слушателя глубокое впечатление. В нашей партии есть много замечательных ораторов, я знаю также французских ораторов с вычурными жестами, — Владимир Ильич не был оратором в этом смысле: он был настоящий народный трибун.

После Лондонского съезда я видел Владимира Ильича на большом собрании петербургских рабочих в Териоках (Финляндия). По внешности его трудно было даже узнать: без бородки, подстриженные, как у немцев, усы (тогда таких усов еще не носили), в соломенной живописной шляпе...

Летом, после разгона 2-й Думы, мне пришлось жить довольно далеко в Финляндии, около 40 километров от ст. Усси-Кирко, близ маяка Стирсудден. В этом же месте жил и Ленин с Надеждой Константиновной у зоолога профессора Книповича. Мы жили очень близко, и я виделся с ним каждый день; здесь же жила старая партийная работница-большевичка Книпович — «Дяденька», как мы ее все звали. Владимир Ильич здесь отдыхал, т. е. читал, делал отметки... Он очень любил ездить на велосипеде, гулял, играл в крокет, очень любил детей. Там же была прекрасная консерваторская певица, и мы все вечерами собирались. Сначала пели обыкновенные песни этого круга: «Дубинушка», «Обитель», «Из страны...» и т. д. Владимир Ильич все время подпевал, хотя, мне кажется, слух у него был средний, а затем он вставал и требовал «серьезной музыки», т. е. выступала певица. Правда, вещи, которые она исполняла, были романсы, отрывки из опер и т. д., но Владимир Ильич называл это «серьезной музыкой».

Осенью 1907 г. он уехал из Финляндии за границу, и я долго не виделся с ним. В 1911 г. я был у Владимира Ильича в Париже, собственно под Парижем, в Лонжюмо — крошечное отвратительное местечко в несколько домов. Владимир Ильич жил там вместе с Надеждой Константиновной и ее старушкой матерью, занимал маленькую квартирку. В то время наши заграничные товарищи занимались в партийных школах, и вот такая школа после Капри, кажется, была устроена в Лонжюмо. Владимир Ильич был страшно занят, и побеседовать удалось мало, но он чрезвычайно живо интересовался происходящим в России, доставкой литературы и т. п. Надежда Константиновна вела колоссальную секретарскую работу.

С того времени я не видел Ильича до его приезда в апреле 1917 г. в Россию. Все помнят незабываемую встречу его на Финляндском вокзале, откуда он ехал в ЦК (дворец Кшесинской) на броневике, освещенный прожекторами, и чуть не в каждом квартале ему приходилось произносить речи. Его речь, с которой он выступил тогда же вечером в доме Кшесинской, никогда не изгладится из памяти. Я скажу без колебаний, что это было совершенно новое понимание, новый взгляд на все происходящее. И надо сказать правду, что именно эта речь, на другой день развитая в Таврическом дворце на большом собрании, оттолкнула некоторых большевиков, я такие примеры знаю: до такой степени мы все, живущие в России, пережившие керенское засилье, не могли правильно учитывать событий, и до такой степени ясно, отчетливо все видел и предвидел Ильич...

Ленин поселился, как известно, на Широкой улице, около Геслеровского переулкa, у покойного Елизарова, где занимал маленькую комнату. В отличие от прежнего, он рано вставал. После дней 3—5 июля керенскими юнкерами и солдатами, которых привозили на грузовиках, был окружен не только дом, но и целый квартал: искали Ленина, но его уже не было.

Мне пришлось фотографировать Ленина, когда он жил

под открытым небом, в стоге сена, близ Сестрорецка. Несмотря на совершенно невероятную обстановку, Владимир Ильич был весело настроен, полон жизни и энергии. Его зажигательные статьи, печатавшиеся тотчас же в «Правде»¹, писались именно здесь... В октябрьские дни, после переворота, я встречал его часто в Смольном. Он был, как пущенная в ход машина, но... в существе, это был тот же Ильич, веселый, расспрашивающий, выпытывающий... Я помню еще, когда после поездки в качестве уполномоченного ВЦИК в 1918 г. в Костромскую и Ярославскую губернии и затем в 1919 г. в Гомель и др. места... мы приходили первым делом к В. И. Ленину, он внимательно-пытливо расспрашивал обо всем; и в то же время, если в рассказе встречался какой-нибудь юмористический момент, хохотал... но как хохотал! Такого заразительного, такого прекрасного смеха я больше не встречал... А ведь это было самое ужасное время для нашей республики. И пожалуй, никто не думал о ней и не страдал больше, чем Ильич.

¹ «Правда» — большевистская легальная газета, созданная по указанию В. И. Ленина; выходила в Петербурге с 1912 по 1914 год, была закрыта правительством накануне первой мировой войны. Издание возобновилось после свержения самодержавия, в марте 1917 года, как Центрального Органа партии большевиков.

М. Ф. АНДРЕЕВА

Мария Федоровна Андреева («Феномен»; 1868—1953) — известная русская артистка Московского Художественного театра, жена М. Горького. Член КПСС с 1904 года; с лета 1905 года М. Ф. Андреева была связана с боевой технической группой при ЦК РСДРП. Партийная кличка «Феномен» была дана ей В. И. Лениным.

С октября по декабрь 1905 года была издательницей газеты «Новая жизнь», которая с возвращением в Россию В. И. Ленина фактически стала Центральным Органом партии.

М. Ф. Андреева была тесно связана с замечательными большевиками Л. Б. Красиным, П. А. Красиковым, укрывала от преследований полиции Н. Э. Баумана, а во время московского Декабрьского вооруженного восстания квартиры ее и М. Горького была одним из центров боевых дружин, где хранилось оружие и боевики обучались обращению с бомбами.

В 1906 году Мария Федоровна вместе с М. Горьким выехала сначала в Западную Европу, затем в Америку для сбора средств на революцию.

М. Ф. Андреева вместе с М. Горьким эмигрировала на о. Капри. Во время V (Лондонского) съезда РСДРП помогала в организационно-хозяйственных делах. С 1908 года выполняла поручения В. И. Ленина, в частности организовала нелегальную пересылку через Италию в Россию большевистской газеты «Пролетарий».

В конце 1912 года под именем Гарриет Брукс она нелегально вернулась в Россию и до легализации жила в Финляндии. Владимир Ильич очень одобрял ее отъезд в Россию.

После Октябрьской революции М. Ф. Андреева была комиссаром театров и зрелищ Петрограда, затем директором Дома ученых в Москве.

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Обычно, приезжая в Петербург, Максим Горький останавливался на квартире книгоиздателя Константина Пятницкого, где у него были свои две небольшие комнаты. В дни его пребывания в Петербурге вся большая квартира Пятницкого с утра до вечера была наполнена самой разнообразной публикой: литераторами, художниками, артистами драмы и оперы, студентами и рабочими, что, конечно, делало эту квартиру предметом самого откровенного наблюдения царской полиции.

Когда мы в ноябре 1905 года собрались наконец поехать в Петербург, то еще в поезде Алексей Максимович сказал мне, что прежде всего мы проедем в редакцию «Новой жизни», а уже оттуда к Пятницкому, чтобы не смущать наблюдающих за его квартирой и не водить их за собой. Вещи наши взяли встретившие нас родные и друзья, а мы с Горьким направились в редакцию, помещавшуюся неподалеку от вокзала, на Невском.

Вот тут первый раз встретились и познакомились Горький и Владимир Ильич Ленин.

Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!

Когда мы пришли к Пятницкому, спустя долгое время Алексей Максимович сказал мне:

— Да-да!.. Видишь, в какие мы с тобой дела попали... Правда, очень хорош?

Конечно, я сразу догадалась, о ком он говорит, но, чтобы поддразнить его, нарочно спросила:

— Ты это о ком?

— Как о ком? Ну, конечно, о Ленине! Как хорош!.. И не хвастайся, что ты это раньше меня говорила, ты и видела его раньше меня, — совсем по-детски заключил он.

Он часто бывал похож на большое дитя.

* * *

Помню, как Горький встретился с Лениным в Лондоне в 1907 году, приехав на V съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Ленин повез нас в гостиницу «Империял», где-то неподалеку от Британского музея. Гостиница представляла собой огромный сырой и неуютный дом, но другого помещения почему-то найти не удалось.

Помню, как Ленин беспокоился за Горького:

— Простудим мы его! Ведь он привык к мягкому климату, хорошему уходу...

Действительно, в комнате, очень небольшой, было сыро и сумрачно, огромная кровать занимала половину места, большое окно выходило прямо в стену, газовый камин с искусственными дровами давал мало тепла. Был май месяц, но погода стояла сырая и холодная.

Ленин подошел к кровати, пощупал простыни и, зная, что Горький не любил, чтобы беспокоились о его здоровье, вполголоса сказал мне:

— Простыни-то совсем сырые, надо бы их посушить, хотя бы перед этим дурацким камином. Закашляет у нас Алексей Максимович, а это уж никуда не годится!

Удивительно трогательной показалась мне эта милая заботливость! Впоследствии я неоднократно имела возможность убедиться в том, с каким вниманием умел Ленин относиться к людям, особенно к товарищам, как он умел все видеть, все замечать и ничего не забывать.

Когда Ленин ушел, Горький долго ходил по неуютной комнате от окна к двери, мимо газового камина, крутил

и покусывал по привычке кончики усов, а потом тихо и задумчиво сказал:

— Удивительный человек!

Алексей Максимович был очень взволнован и радостно возбужден, получив приглашение на съезд, да еще с правом совещательного голоса. Это как-то особенно сближало его с товарищами рабочими, приехавшими из России. Он сильно страдал от вынужденной разлуки с родиной, хотя тщательно скрывал это даже от близких людей, да и сам себя старался убедить в том, что будто бы в Россию его не тянет.

Бывая на всех заседаниях съезда, Алексей Максимович жадно впитывал в себя речи и даже отдельные слова делегатов и с каждой новой встречей все больше и больше влюблялся в Ленина.

Г. В. Плеханов произвел на него плохое впечатление.

— Барин! — резко отзывался Горький о нем.

И горячо спорил с Богдановым, Строевым и даже с Лениным, когда те говорили ему о больших заслугах, эрудиции и уме Плеханова, хотя, конечно, и сам Алексей Максимович прекрасно понимал значение Плеханова для партии.

Очень презрительно относился Алексей Максимович к Либери и Дану. Горький вообще ненавидел меньшевиков всеми силами души, делая исключение только для Мартова, которого называл «заблудившаяся душа», да еще для Власа Мгеладзе, в просторечье именуемого «Триадзе». Этот последний нравился Алексею Максимовичу неукротимостью своей натуры и могучей внешностью. Впоследствии, когда этот Влас «Триадзе» приехал на Капри и прожил у нас довольно долгое время, Алексей Максимович сильно разочаровался в нем, и помню, как, тяжело вздохнув, однажды сказал:

— Нет, в больших дозах даже и хороший парень, ежели он меньшевик, непереносим!

Чтобы сколько-нибудь улучшить питание наших товарищей, большинство которых жило впроголодь, мы орга-

низовали доставку бутербродов и пива целыми корзинами в здание той церкви, где заседал съезд...

...Очень интересовался Ленин встречами Горького с английскими писателями. Горький познакомился с Бернардом Шоу, виделся с Г. Уэллсом, с которым встречался еще в бытность свою в Америке, и с другими, менее известными писателями, но говорил он об этих своих встречах неохотно: он весь был поглощен впечатлениями съезда и встречами с русскими товарищами.

* * *

В Лондоне Ленин дал Горькому обещание приехать на Капри после того, как будут закончены дела по съезду, и сдержал свое обещание.

Встречая его, Горький волновался, как мальчик. Ему страстно хотелось, чтобы Ленину понравилось у него, чтобы он отдохнул и набрался сил.

Ежедневная рыбная ловля на море ни того ни другого не укачивала, давала им возможность беседовать друг с другом без помехи: на лодке с ними были только рыбаки-каприйцы да я.

Горький рассказывал Ленину о Нижнем Новгороде, о Волге, о своем детстве, о бабушке Акулине Ивановне, о своей юности и своих скитаниях. Вспоминал отца. Много говорил о дедушке.

Ленин слушал его с огромным вниманием, блестя прищуренными по привычке глазами, и раз как-то сказал Горькому:

— Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно...

Горький сразу осекся, замолчал, покашлял смущенно и невесело сказал:

— Напишу... Когда-нибудь.

Горький с увлечением показывал Ленину Помпею, Неаполитанский музей, где он знал буквально каждый

уголок. Они ездили вместе на Везувий и по окрестностям Неаполя.

Горький удивительно рассказывал. Он умел двумя-тремя словами нарисовать пейзаж, обрисовать события, человека. Это его свойство особенно восхищало Ленина. Со своей стороны, Горький не переставал восхищаться четкостью мыслей и яркостью ума Владимира Ильича, его умением подойти к человеку и явлению прямо, просто и необыкновенно ясно.

Мне кажется, что именно с того времени Ленин нежно полюбил Горького. Не помню случая, чтобы Ленин сердился на него. Горький любил Ленина горячо, порывисто и восхищался им пламенно.

Уезжая в Париж, Владимир Ильич твердо обещал снова приехать на Капри вместе с Надеждой Константиновной. К сожалению, это обещание не было полностью исполнено, — во второй раз он приехал на Капри, но без Надежды Константиновны и очень ненадолго¹.

В то время на Капри жили А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров. Приехал из Берлина по делам издательства И. П. Ладыжников, старый друг и товарищ наш.

Еще когда мы шли от фуникулера до виллы Бэдус, на которой тогда жили, Алексей Максимович заговорил с Владимиром Ильичем о той горячей привязанности, которую питает к нему, Ленину, Богданов, о том, что Луначарский и Базаров — изумительно талантливые, умные люди...

Владимир Ильич посмотрел на Алексея Максимовича сбоку, прищурился и очень твердо отрезал:

— Не старайтесь, Алексей Максимович. Ничего из этого не выйдет.

Богданов, Базаров и Луначарский неоднократно делали

¹ В. И. Ленин приезжал на Капри в апреле 1908 года и возвратился в Женеву. В 1910 году Ленин второй раз приезжал к М. Горькому из Парижа и прожил на Капри с 1 по 13 июля.

попытки найти пути соглашения с Владимиром Ильичем, но от разговоров на философские темы Владимир Ильич, для которого ясна была полная бесполезность какой-либо дискуссии на данной стадии расхождения, определенно и твердо уклонялся, сколько ни старались втянуть его в такие беседы, в том числе и Алексей Максимович. А Горькому так хотелось понять суть разногласий, так глубоко волновало его резкое расхождение между товарищами.

В этот приезд Владимира Ильича Алексею Максимовичу редко удавалось побыть наедине с ним: мешали посторонние люди. Пробыл Владимир Ильич на Капри всего несколько дней, и после его отъезда у Горького было грустное настроение, с которым он долго потом не мог справиться.

А. С. ГРЕЧНЕВ-ЧЕРНОВ

Андрей Семенович Гречнев-Чернов (1881—?) — член КПСС с 1905 года, активный участник революции 1905—1907 годов в Горловке (Донбасс). Эмигрировал за границу, работал слесарем-механиком на одном из парижских заводов; входил в парижскую секцию большевиков. Неоднократно встречался с В. И. Лениным, делаясь с ним впечатлениями о жизни французских рабочих, о положении в синдикате (профсоюзе) механиков, о равнодушном отношении французских социалистов к деятельности профсоюзной организации.

Беседы их, в частности, касались вопросов о взаимоотношениях политических партий и профсоюзов. А. С. Гречнев-Чернов вспоминал, как горячо доказывал Ленин необходимость партийного руководства профсоюзами, без чего они не могут выполнить своей революционной роли.

В 1919 году вернулся на родину, был направлен на руководящую хозяйственную работу. Автор научных работ по вопросам экономики.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

В Париже, недалеко от улицы Толбияк, идущей прямо к парку Монсури, жила Инесса Федоровна Арманд, одна из активных работников партии. Она сняла комнату у находящегося в эмиграции уральского рабочего И. П. Мазанова. Я знал Мазанова по нелегальной работе в Донбассе. Посещая земляка, я довольно близко познакомился

с И. Арманд. Этому помогли наши совместные занятия музыкой: я играл на скрипке, а она на рояле, который брала напрокат. Играла она много, хорошо владела техникой игры и обладала чувством настоящего музыканта.

Владимир Ильич охотно слушал нашу игру. Он часто приходил к И. П. Мазанову, которого знал по ссылке в Сибири. С Инессой Арманд, которую Владимир Ильич очень ценил как работника, его также связывали дружеские узы. Иногда с ним приходила и Надежда Константиновна. Играла мы самые разнообразные вещи: и ноктюрны Шопена, и сонаты Бетховена; играли Моцарта, Баха, Венявского, Шумана, Шуберта, вариации Берио.

Владимир Ильич усаживался в кресло позади рояля и молча слушал. Владимир Ильич очень любил музыку и понимал ее. Он восторгался отдельными местами из сонат Моцарта, где торжественно и величественно звучали аккорды, он увлекался сонатами Бетховена, любил бурного и темпераментного Баха, спокойную, душевную музыку Шопена, Шуберта, Шумана, высокую технику вариаций Берио. Некоторые вещи, такие, например, как ноктюрн Шопена в ми-бемоль или «Легенда» Венявского, он просил повторять. Его оценка классиков музыки была всегда высокой.

Иногда Владимир Ильич вспоминал с И. П. Мазановым жизнь в Сибири, беседовал с его женой Катей о разных хозяйственных мелочах, играл с его дочерью и сыном.

В середине 1910 года группа рабочих выдвинула мысль об организации в Париже «Рабочего клуба». Необходимость создания такого клуба живо поддержал Ленин. Владимир Ильич нам всегда говорил, что там, где есть хотя два-три рабочих, среди них должен быть большевик.

Правление «Рабочего клуба» состояло из представителей разных партий и направлений, но руководящую роль играли в нем представители большевиков. Я долгое время был председателем клуба.

В правление входили большевики А. Г. Шляпников, А. А. Шпагин — член Государственной думы, А. С. Шапо-

валов. Для наблюдения и помощи к правлению был прикомандирован член Заграничного центра Антон (А. В. Бритман).

В клубе удалось хорошо поставить культурно-массовую работу.

Политическое влияние большевиков обеспечивалось тем, что они преобладали в правлении, а также постоянным руководством Ленина. Насколько серьезное значение придавал деятельности «Рабочего клуба» Владимир Ильич, видно хотя бы из того, что на пленуме ЦК мне пришлось делать сообщение о работе клуба.

«Рабочий клуб» организовал три или четыре вечера самодеятельности. Мы приглашали на эти вечера певцов с Монмартра. Один из них — Монтегюс — особенно полюбился русским рабочим. Его песенка о солдатах 17-го полка, отказавшихся стрелять в бастующих рабочих на виноградниках, была особенно в моде. Талантливо исполнял он и другие песни, например о забастовщиках и предпринимателе:

Я изругал патрона,
Сказав ему,
Что он грязная ворона,
Рабочих нужно уважать.
Я всю работу бросил
И начал бастовать.

Слушатели восторгались песнями Монтегюса и награждали его громкими рукоплесканиями и веселым смехом. На трех таких вечерах присутствовал и Владимир Ильич. Он охотно слушал наш любительский хор, оркестр народных инструментов, отдельные сольные выступления. Но, спокойно воспринимая нашу самодеятельность, он совершенно преображался, когда начинали выступать Монтегюс и другие представители Монмартра. Глаза его как-то особенно блестели, он широко улыбался и, чтобы ничего не пропустить из слов певца или декламатора, приставлял ладонь к уху. Политические остроты по адресу депутатов

муниципалитета, руководителей профсоюзов и членов правительства вызывали у него веселый, искренний смех.

Нужно отметить, что только один Ленин запросто бывал на самостоятельных вечерах в «Рабочем клубе», хотя приглашались туда и руководители других революционных направлений.

Владимир Ильич часто высказывал мысль, что для революционной марксистской работы в России было бы полезно иметь в разных рабочих организациях хорошо подготовленных, крепких пропагандистов-большевиков из рабочих. Он думал об организации школы для рабочих, присланных в Париж русскими организациями. Эту идею удалось осуществить только в 1911 году. Школа была организована под Парижем в деревне Лонжюмо. В состав учащихся вошли как приехавшие из России, так и некоторые товарищи из II Парижской группы, например, Захар (Бреслав), Семен (И. И. Шварц), Серго Орджоникидзе. Товарищи из Парижской группы назывались вольнослушателями. Занимались с приехавшими Владимир Ильич, Н. А. Семашко, А. В. Луначарский, Ш. Раппопорт, Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов. Основная доля лекторской работы лежала на Ленине. Работу семинаров вела И. Ф. Арманд. Все учащиеся школы, кроме вольнослушателей Захара, Семена и Серго, жили в Лонжюмо, в целях конспирации в Париже они не появлялись. Я знал и встречался с некоторыми из них. Это были Чугурин из Сормова и Манцев. От этих товарищей, а также от Кати Мазановой я получал сведения о жизни и работе учащихся.

Владимир Ильич был очень доволен деятельностью школы, об этом он говорил при встречах со мною в парке Монсури.

— Теперь, — не раз повторял он, — можно быть уверенным, что пропаганда революционных идей большевиков получит в русских организациях правильное направление...

С. Ю. БАГОЦКИЙ

Сергей Юстинианович Багоцкий (1879—1953) — активный участник революционного движения студентов в Петрограде и Киеве в 1900—1904 годах. Отбыв четырехлетнюю каторгу, бежал с поселения из Сибири в Галицию, продолжал медицинское образование в Краковском университете, вступил в Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы.

С момента приезда В. И. Ленина в Краков, в июне 1912 года, С. Ю. Багоцкий помогал ему устроиться и ориентироваться в новых условиях. Н. К. Крупская писала потом, что С. Ю. Багоцкий «взял шефство над нами и помогал нам во всех житейских и конспиративных делах». В частности, С. Ю. Багоцкий с помощью местных крестьян организовал пересылку через границу партийной корреспонденции. С. Ю. Багоцкий был спутником В. И. Ленина в его дальних туристских экскурсиях (они оба принадлежали к партии «прогулистов» в отличие от любителей кино — «синемистов»).

С. Ю. Багоцкий был свидетелем негодования, которое охватило Ленина, когда стало известно, что германская социал-демократическая фракция в рейхстаге проголосовала за военные кредиты в начале первой мировой войны. «Это конец II Интернационала, — воскликнул Ленин. — С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом».

После обыска у В. И. Ленина в Поронине, накануне его ареста, С. Ю. Багоцкий искал поручителей за него из числа влиятельных местных граждан.

Вскоре после освобождения и отъезда Ленина из Австрии Багоцкий также выехал в Цюрих, где неоднократно выполнял партийные поручения В. И. Ленина.

После Октябрьской революции С. Ю. Багоцкий был

одним из организаторов советского здравоохранения, затем представителем советского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста в Женеве. В 1950—1951 годах был старшим редактором медицинского отдела Большой советской энциклопедии.

В ТАТРАХ

Как только позволяла работа, Владимир Ильич выкраивал один-два дня для прогулок в горы. Он был очень выносливым туристом. Я на десять лет моложе его, иногда с трудом поспевал за ним. А остальные члены нашей поронинской колонии, тяжелые на подъем, отказывались от наиболее трудных экскурсий.

Особенно запомнился мне подъем на Рысы вскоре после возвращения Владимира Ильича из Швейцарии. Небольшой группой в ясное утро мы поехали в Закопане.

Без особых усилий мы дошли до живописной долины Халя Гонсеницова. Посредине ее, в небольшой котловине, окруженной со всех сторон высокими скалами, находился популярный и чаще других посещаемый Чарны став (Черное озеро), а недалеко от него — схрониско¹, где весь день топилась плита и бурлил в чайнике кипяток.

Мы расположились на скалах около схрониска и вынесли туда чай. Некоторые из наших спутников растянулись с папиросами на камнях. Мы с Владимиром Ильичем, как некурящие, сошли к озеру. Вода его, издали казавшаяся черной от отражавшихся в ней скал, в действительности была чрезвычайно прозрачной. Глубоко на дне можно было отчетливо различить отдельные камни и водные растения.

¹ С х р о н и с к о — туристская хижина.

После часового отдыха двинулись к перевалу Заврат. Скоро кончилась тропинка. Нужно было карабкаться по скалам. В наиболее крутых местах в скалы были вделаны железные скобки для облегчения подъема. С их помощью мы и стали осторожно подниматься вверх.

Вид с перевала вознаграждал нас за трудности подъема. Оттуда с одной стороны открывался обзор Хали Гонсеницовой и Чарного става, с другой — очаровательной продолговатой долины и дальше — извилистой цепи Высоких Татр. В долине, как жемчужины, сверкали пять небольших озер.

— Нам стоило сюда карабкаться! — сказал Владимир Ильич.

Спуск с перевала был сравнительно легким. Скоро мы выбрались на тропинку, которая правильными зигзагами шла полого вниз. В долине мы подошли к первому из пяти озер, освежились его почти ледяной водой и двинулись дальше.

В долине находилось еще одно схрониско. Мы не задержались там, ибо хотелось скорее добраться до цели нашей сегодняшней экскурсии — Морского ока (Морского глаза). Прошли долину. Начался второй, невысокий перевал; к нему вела удобная тропинка. Скоро мы очутились на перевале, откуда открылся вид на еще более интересную долину, в глубине которой, среди скал, виднелось озеро. Оно действительно производило впечатление глаза, глубоко сидящего в орбите.

Утром часть компании, напуганная рассказами о трудностях подъема на Рысы, предпочла вернуться домой, а мы с Владимиром Ильичем решили довести до конца ранее намеченный план.

Подъем оказался не таким трудным, как мы предполагали, но был очень утомителен и однообразен. Тропинка шла небольшими зигзагами по крутому склону горы. Оглядываясь назад, мы видели постоянно расширяющуюся панораму горных цепей, а внизу — кажущееся совсем маленьким Морское око. Владимир Ильич несколько раз

останавливался и старался разобраться в отдельных вершинах, которые отсюда имели совершенно другой вид, чем из Поронина.

Подходили почти к самой вершине. Осталось преодолеть небольшой, но самый трудный участок пути. Связь с массивом Рысы как бы прервалась. В нескольких метрах мы ясно различали тропинку, ведущую на вершину. Но чтобы на нее попасть, нужно было перебраться по острому гребню, имевшему вид седла, бока которого спускались почти отвесно в глубокие пропасти. Оглядываясь, Владимир Ильич на середине гребня задержался, но вот он движется и добирается до меня. Оказывается, он не вовремя посмотрел вниз и почувствовал головокружение, которое, однако, быстро преодолел.

Мы на вершине. Перед нами широкая горная панорама.

Посидели там около часа, отдохнули, пообедали взятыми с собой продуктами и стали готовиться к спуску.

Опасаясь, как бы осложнение на гребне не повторилось, предлагаю спускаться другой дорогой под предлогом, что там будут новые виды. Владимир Ильич сразу разгадал мой маневр и резко ответил:

— Не следует избегать трудностей! Нужно уметь их преодолевать! — И с этими словами двинулся вниз и скоро благополучно перебрался через гребень.

Без всяких инцидентов мы спустились в долину, удовлетворенные совершенной экскурсией.

А. Н. НИКИФОРОВА

Анна Никифоровна Никифорова (р. 1890) — член КПСС с 1910 года, экспедитор и технический секретарь большевистской легальной газеты «Звезда» в Петербурге. Неоднократно подвергалась преследованиям полиции, арестам, отбывала ссылку. Вернулась в Петроград в марте 1917 года, работала в издательстве «Прибой». В годы гражданской войны вела подпольную работу в тылу Колчака. С 1919 по 1934 год на партийной работе на Урале, затем, до 1955 года, в Свердловске.

21 ДЕНЬ В СЕМЬЕ В. И. ЛЕНИНА

В июне 1914 года я получила партийное поручение от И. А. Пятницкого выехать срочно в Петербург, чтобы получить разрешение от Русского бюро ЦК партии на созыв партийной конференции в Самаре. В Петербурге мне пришлось вести переговоры по этому вопросу с Г. И. Петровским. Он сообщил, что питерские товарищи не могут решить вопрос о созыве конференции партийных организаций Поволжья в условиях массовых провалов и участвовавших провокаций, и предложил мне поехать за границу к В. И. Ленину, чтобы рассказать ему о питерских делах, получить разрешение самарского вопроса и дальнейшие указания по партийной работе. Задача была трудная, но почетная, а главное, что обрадовало меня, — возможность в случае удачной поездки увидеться с Владимиром Ильичем. Я с радостью согласилась.

Мне был указан точный маршрут поездки. При благополучном переходе границы и приезде в Краков я должна была дать на имя депутата IV Государственной думы Г. И. Петровского условную телеграмму, чтобы по тому же пути вслед за мной могли ехать другие товарищи.

В Краков я приехала поздно вечером. Почти всю ночь провела на вокзале. Помня, что в Кракове уже безопасно, ходила смело. Нашла телеграф, дала условную телеграмму Г. И. Петровскому.

Рано утром дачный поезд довез меня до станции Поронин. Сошла я одна, не у кого было даже спросить, в какую сторону идти. Огляделась. За вокзалом слева были горы, а прямо — редкий лесок и зеленые полянки, за которыми вдали были видны жилые дома. Откуда-то вышла женщина с корзинкой. Я ее догнала и спросила, не знает ли она, где здесь живет Ульянов Владимир Ильич. Она остановилась и заговорила на каком-то славянском наречии, я поняла: все знают этого хорошего господина, он с женой третье лето приезжает сюда на дачу, и она указала на дом, где жил Ленин.

Продолговатый дом стоял одиноко — ни улицы, ни порядка домов. По фасаду шли несколько окон. Два входа вели в дом: через веранду, над которой был балкон мезонина, и второй — прямо с полянки. Я подергала одну и другую двери — они оказались запертыми. Было раннее утро, и я не стала беспокоить хозяев, а села на ступеньку веранды и стала ждать, пока из дома кто-нибудь выйдет.

Как и о чем я буду разговаривать с Лениным, с чего начать, как держаться — эти мысли беспокоили меня, пока я дожидалась встречи.

Долго ждать не пришлось. Дверь на веранду открылась, и из дома вышла женщина с гладко зачесанными, чуть седоватыми волосами, в простом сереньком платье. Миловидное лицо, серые добрые глаза располагали к доверию. Мы стояли друг против друга, она что-то сказала по-польски, я не поняла и спросила:

— Здесь живет Ульянов?

Получив утвердительный ответ, добавила, что приехала из России, из Петербурга от Г. И. Петровского. Женщина назвалась Надеждой Константиновной Крупской. Мы поздоровались, я коротко рассказала, как добралась до Поронина. Надежда Константиновна пригласила меня последовать за ней. Мы вошли в дом с полянки. Занявшись приготовлением чая, Надежда Константиновна стала подробно расспрашивать, как я ехала, как переходила границу, с кем встречалась на явках, из какой я организации, чем занималась, кого из петербургских членов партии знаю. Расспросив обо всем, Надежда Константиновна взяла меня за руки, привлекла к себе и поцеловала. Радостно стало на душе от такого приема.

— Все расскажете Владимиру Ильичу сами. Он скоро придет, — сказала Надежда Константиновна.

Вскоре из открытой на улицу двери появился человек в белой рубашке с засученными рукавами, с полотенцем на плече. Он вопросительно взглянул на Надежду Константиновну, очевидно, не ожидал встретить здесь постороннего человека. Я поняла, что это и есть Ленин.

Надежда Константиновна коротко объяснила ему, кто я и откуда приехала. Владимир Ильич повернулся ко мне, поздоровался, крепко пожав руку, и сказал:

— Нуте-с, рассказывайте, как вы сюда добирались?

Сам же подошел к раковине и стал умываться, в то же время, слушая меня, бросал короткие вопросы или реплики. Владимир Ильич спросил, знаю ли я, кто еще придет. Я не знала. Уходя, он сказал, что после чая побеседуем.

Против входной двери была лестница, ведущая вверх, и две двери с правой и левой стороны. «Это наша столовая», — сказала Надежда Константиновна.

Она накрыла стол, поставила посуду, принесла чайник. Вскоре пришли Владимир Ильич и мать Надежды Константиновны — Елизавета Васильевна, которой меня рекомендовали: «Это наш товарищ Аня. Она сегодня приехала из России».

За чаем все спрашивали меня о России: где бывала,

кого встречала. Тут же обсудили вопрос, где и как мне устроиться. Надежда Константиновна предложила поселиться в свободном мезонине. После чая Владимир Ильич посоветовал мне пойти наверх и хорошенько с дороги отдохнуть. Я слушала и не могла поверить. Неужели меня оставляют здесь и я буду жить под одной крышей с этими замечательными людьми? Я не знала, как выразить благодарность за такой прием, казалось, что я приехала в родной дом, к самым близким людям.

После чая Надежда Константиновна проводила меня наверх. Здесь стояли простая железная кровать, стол и стул, а у противоположной стенки и окна — полки с газетными подшивками.

— Устраивайтесь и отдохните. Я позову, когда надо, — сказала Надежда Константиновна. — У нас с Владимиром Ильичем нет детей — вот и поживете вместо дочки. (Потом, когда я уезжала, условились при переписке оставить за мной кличку «Дочка».) Нет смысла, — продолжала она, — устраивать вас в другом месте. Языка не знаете. Надо платить, а денег у вас нет, и у нас сейчас туго.

Действительно, моих денег хватило только на дорогу, даже на обратный путь не осталось. Тогда не существовало командировочных: общественные партийные деньги тратились на печать и на организационные расходы.

Оставшись одна, я думала о том, как хорошо и участливо встретили Ульяновы меня, простую работницу: разговаривали как с равной и приняли в свою семью. Затем Надежда Константиновна позвала меня к обеду, после которого мы вышли на веранду и Владимир Ильич повел со мной разговор о партийных делах. Я передала указы Г. И. Петровского, рассказала о цели моего приезда из Самары, о партийной работе в Сызрани и Самаре.

Владимир Ильич внимательно слушал, все время направляя мой рассказ на самое существенное, подсказывал нужное слово там, где я запиналась. Задавал вопросы, уточняя, когда и где был тот или иной факт, чем занимается товарищ, фамилию которого я называла, просил под-

робностей о жизни и работе интересовавших его людей.

Надежда Константиновна принимала самое активное участие в беседе, напоминала, о чем надо рассказать, дополняла меня и отвечала Владимиру Ильичу, который тут же уточнял у нее некоторые мои сообщения.

Я передала Владимиру Ильичу, в частности, просьбу Осипа (Пятницкого) написать статью для газеты «Заря Поволжья»¹.

— Какой Осип, почему он в Самаре, ты знаешь? — спросил В. И. Ленин Крупскую.

— Аня правильно говорит, — ответила Надежда Константиновна, — это Осип Пятницкий, наш профессионал. Он жил раньше в Вольске, и связь с ним была временно прервана.

Заговорили снова о Петербурге. Владимир Ильич предложил рассказать более подробно о работе газеты «Звезда»², о ее организации, составе редакции и сотрудников, организации подписки, о способах доставки газеты рабочим-подписчикам. Следовали вопросы: как обеспечивалась сохранность корреспонденций, рабочих средств, денежных сборов и конфискованных газет, попадают ли они подписчикам? Тут же Владимир Ильич перечислил номера «Звезды», которые он не получил. Я рассказала, что редакция «Звезды» занимала помещение бывшей дворницкой, из окон которой хорошо было видно, кто входил во двор, и при появлении полицейских мы успевали спрятать все экземпляры конфискованного номера. При конторе постоянно жил сторож-рабочий партиец Новоселов с женой и годовалым ребенком. Конфискованные номера газеты и важные документы, как правило, в конторе не держались. Иногда, при внезапных налетах полиции, их прятали в кипах старых газет и даже в кровати ре-

¹ «Заря Поволжья» — еженедельная газета-журнал; выходила в Самаре в 1914 году.

² «Звезда» — большевистская легальная газета; выходила в Петербурге с декабря 1910 года. Газета подвергалась репрессиям и была закрыта правительством в апреле 1912 года.

бенка. Ежедневно на ночь все материалы, документы и деньги уносили в квартиру депутата III Государственной думы Н. Г. Полетаева.

Сообщила также, что в «Звезде» я принимала все средства, собранные рабочими не только на рабочую печать, но и на оказание помощи бастующим и арестованным полицией рабочим. Рассказала про случай, когда один рабочий деньги, сданные на газету в контору меньшевистского «Луча», отобрал и принес к нам в «Звезду». Отобрал потому, что в конторе «Луча», приняв у него сбор на газету, отказались принять деньги в помощь бастующим, мотивируя это тем, что только большевики раздувают «стачечный азарт». Тогда он пошел в «Звезду». Владимир Ильич рассмеялся и сказал:

— Вот это хорошо! И много таких случаев?

Затем по просьбе Ленина стала вспоминать о том, как создавался «железный» фонд «Правды», как в дни полочки на заводах поздно вечером по темным переулкам я носила туго набитый мелкой монетой кожаный портфель на квартиру к Н. Г. Полетаеву, как был организован по инициативе М. А. Савельева и Демьяна Бедного банкет с приглашением знаменитых литераторов и артистов того времени: Шаляпина, Собинова, Вяльцевой, Блока, Теффи и др., которые не знали, что сбор пойдет на «Правду». В. И. Ленин был доволен всем услышанным.

После очередной беседы, выяснив, что политическая подготовка у меня слаба, Владимир Ильич сказал Н. К. Крупской:

— Надя, надо заняться Аней, дать литературу и помочь ей разобраться в прочитанном.

Видя постоянную занятость всех членов семьи Ульяновых, я просила Надежду Константиновну дать мне тоже какое-нибудь дело: мне хотелось хотя бы немного быть им полезной.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна все делали сами и были заняты целый день. Они вели обширную переписку, но адреса, фамилии были зашифрованы,

а правила конспирации не разрешали вводить в курс дела лишнего человека.

Владимир Ильич много писал, особенно ночами. По утрам Надежда Константиновна выносила из его комнаты толстые стопочки мелко исписанной бумаги. Все, что Владимир Ильич писал, переписывали от руки Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна. Надежда Константиновна иногда давала мне прочесть рукописи Владимира Ильича, а однажды попросила переписать его рукопись. У меня был неплохой и довольно четкий почерк, но грамотность моя оказалась мала для переписки рукописи Ленина.

В доме Ульяновых существовал строгий порядок: для каждого дела был свой час. Сразу после утреннего чая готовили материалы для отправки в Россию и другие страны. Все письма, бандероли, пакеты укладывались в рюкзак, и сам Владимир Ильич на велосипеде отвозил их на почту. Обрато он привозил еще более набитый рюкзак писем, газет, журналов и другой литературы. Все содержимое рюкзака вываливали на большой стол на веранде и разбирали. Помечали, иногда прочитывали вслух. Затем все уносили в комнату Владимира Ильича.

В последних числах июня к Владимиру Ильичу приехали еще два товарища из Петербурга, направленные Г. И. Петровским, — Алексей Киселев, председатель Петербургского союза металлистов, и Николай Глебов-Авилов.

Они прибыли тем же путем, что и я, вполне благополучно. Этот путь был закреплен для дальнейших переправ.

По указанию Надежды Константиновны они сняли на селе комнату на двоих и там же устроились с питанием. В первые дни по их приезде Владимир Ильич и Надежда Константиновна подолгу беседовали с ними.

В последующие дни товарищи приходили утром ко времени возвращения В. И. Ленина с почты. После обеда, в хорошую погоду, все поднимались на горку, которая

возвышалась на уровне крыши дома, в плохую оставались на веранде либо в столовой. Владимир Ильич и Надежда Константиновна подробно интересовались всем, что происходило в России, рассказывали нам о жизни политической эмиграции. Просто, без поучений говорили о достопримечательностях европейских городов и советовали нам самим посмотреть их. Эти душевные беседы были для нас, тогда молодых рабочих, серьезной общеобразовательной школой.

Только с приездом Киселева и Глебова-Авилова я узнала, что мы все мобилизованы для работы по подготовке к VI партийному съезду¹ и будем участвовать в совещании Центрального Комитета по этому вопросу. Совещание задерживалось, съехались не все, в частности, ждали из России Г. И. Петровского и других депутатов Думы...

...Однажды Н. К. Крупская сообщила, что Владимир Ильич сегодня прочтет лекцию. Мы не ожидали, что лекция проводится только для нас.

Был теплый день. Мы уселись кружком на траве, на горке за домом. Быстрыми шагами подошел Владимир Ильич, он сел рядом с Надеждой Константиновной и сразу начал доклад о задачах партии. В руке у него был маленький квадратик бумажки, в который он и не заглядывал. Своим мягким спокойным голосом рассказывал он нам, что мы живем в такое время, когда хищнический капитализм перерастает и в ряде стран уже перерос в монополистический империализм, который требует передела мира, что назревает мировая империалистическая война, в результате которой в России может произойти революция.

¹ Шестой съезд РСДРП в 1914 году не состоялся ввиду начала империалистической войны. Не состоялся и Венский конгресс II Интернационала, так как большинство руководителей европейских социалистических партий перешло на сторону империалистических правительств, выдвинув лозунг «гражданского мира». Интернационал распался. Только большевики остались верны знамени пролетарского интернационализма и провозгласили лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую — против своих правительств.

Владимир Ильич подробно рассказал нам о соглашательской продажной политике профсоюзных вождей в Европе, о социалистических партиях II Интернационала и их оппортунистических вождях. Мы слушали затаив дыхание. В заключение Владимир Ильич сформулировал задачи партии: продолжать организовывать массы рабочих и крестьян на борьбу против царизма и буржуазии, против великодержавного шовинизма и местного национализма, разоблачать меньшевиков и эсеров как врагов социалистической революции.

Надежда Константиновна сказала, что мы должны будем при выступлениях на местах руководствоваться этой лекцией.

...В ожидании совещания мы знакомились с близлежащими Белым Дунайцем и Закопане и два раза поднимались на Карпатские горы...

Первый раз с нами в горы ходил Владимир Ильич, выбрав воскресный денек для своего отдыха. Н. К. Крупская с нами не пошла, потому что ей нездоровилось. Поднимались на самую высокую вершину. Поход был сложный и трудный, продолжался почти сутки. Туризмом никто из нас раньше не занимался, и Владимиру Ильичу мы доставили немало забот и хлопот.

Владимир Ильич руководил походом, мы шли строго по его команде. Каждому из нас хотелось оправдать его доверие, не показать своей слабости и не причинить ему этим неприятности.

По дороге мы наблюдали, как многие простые люди, местные жители, запросто подходили к Ленину, здоровались с ним, обмениваясь рукопожатиями, разговаривали.

Весь день в походе Владимир Ильич был веселый, разговорчивый, обращал наше внимание на красоту Карпатских гор, рассказывал нам о народностях, живущих в этих местах. В лучах заходящего солнца на самой вершине горы мы пели революционные и народные песни. Владимир Ильич запевал и дирижировал нашим хором.

Испытание на выносливость нами было выдержано.

«Владимир Ильич был доволен прогулкой», — сказала нам Надежда Константиновна.

Совещание Центрального Комитета началось и проходило в первых числах июля по старому стилю. Накануне его открытия Надежда Константиновна предупредила товарищей, живущих в селении, чтобы они приходили пораньше.

Утро стояло ясное, участники совещания пришли раньше назначенного срока. Владимир Ильич встречал всех, оживленно разговаривал с товарищами.

Заметив подходившего к дому человека с черной бородкой, Владимир Ильич пошел ему навстречу, поздоровался и, взяв его под руку, начал о чем-то говорить. Поднявшись по ступенькам на веранду, Ленин громко объявил:

— Из России товарищ Петровский прибыл, больше нам ждать некого — начнем работу.

Владимир Ильич открыл совещание. В своем вступительном слове он изложил задачи нашей партии в условиях надвигающейся империалистической войны и революционного подъема рабочего класса в России.

...Вопрос о работе, проделанной в России и за границей для подготовки VI партийного съезда, обсуждался на второй день. Сообщения делали Н. К. Крупская и кто-то из членов ЦК.

...Горячо обсуждался участниками совещания вопрос о месте и времени открытия съезда.

...Многие склонялись к созыву съезда в Поронине по ряду соображений: разместить и содержать делегатов можно дешевле и по условиям конспирации Поронин удобнее — часть работы съезда можно провести в лесу, в горах.

О времени созыва съезда говорили, что съезд должен работать одновременно с Международным социалистическим конгрессом.

В. И. Ленин предлагал открыть VI съезд обязательно до начала заседаний Международного социалистического

конгресса, чтобы информировать делегатов из России о намерениях меньшевиков и ликвидаторов, поддерживаемых лидерами II Интернационала, которые хотели вновь попытаться ликвидировать партию большевиков как самостоятельную революционную рабочую партию.

— Мы должны дать почувствовать оппортунистам II Интернационала, что только наша партия — РСДРП большевиков — стоит во главе российского организованного пролетариата, за которым идут весь рабочий класс и беднейшее крестьянство, и она будет стоять непоколебимо и существовать самостоятельно, — подчеркивал В. И. Ленин. — Делегатами на Международный социалистический конгресс, — говорил он, — мы должны послать авторитетных членов партии от крупных промышленных районов, твердокаменных большевиков...

...По окончании совещания Г. И. Петровский выехал в Петербург, мы еще остались на 2—3 дня в Поронине. Ленин был очень занят подготовкой материалов к Международному социалистическому конгрессу и к съезду партии. Надежда Константиновна занялась нами: мы практиковались шифровать и расшифровывать, учились вести конспиративную переписку с ЦК письмами или, используя брошюры, журналы, газеты, путем незаметных отметок слов и букв. Заучивали адреса, пароли, отзывы, уславливались, как поступать в случае отсутствия адресата. Записывать нам ничего не разрешалось. Так мы готовились к отъезду.

Владимир Ильич еще раз напоминал нам: на съезд не должны попасть неустойчивые элементы.

— К сожалению, не перевелись еще примиренцы и соглашатели в наших рядах, — говорил он. — Тщательно проверяйте избранных на съезд делегатов путем личных бесед по принципиальным вопросам и по их делам. Обязательно пишите возможно чаще и обстоятельнее. Нам нужна полная информация, — наказывал Владимир Ильич. И еще наказывал — строго конспирироваться, даже в Австрии; не держаться и не ходить группой по Кракову,

не сидеть всем вместе и не болтать в вагоне, быть настороже, не упуская друг друга из виду.

Надежда Константиновна проверяла, как мы запомнили шифры, адреса, пароли. Она сказала, что обратно мы едем через границу поездом по полупаскам¹, которые получим в Кракове.

Владимир Ильич дал записку в Краков к товарищу (не помню его фамилии, он работал в типографии), у которого мы получили 50 рублей на билеты и временные студенческие удостоверения-полупаски, по которым поехали через границу поездом прямого сообщения. Мой полупасок был на имя студентки Львовского университета Ганны Домбровской.

В последнее утро перед отъездом мы собрались в столовой, еще раз проверили шифры, адреса и получили дополнительные наказы на случай непредвиденных осложнений. Ключ шифра записали на папиросной бумаге, спрятали в швах одежды, чтобы можно было быстро достать, а если надо — проглотить.

Прощание было очень душевным. Владимир Ильич и Надежда Константиновна желали нам удачи, возвращения к съезду, давали много практических советов и наказов, всех по очереди обняли, крепко пожали руки и вышли проводить. Было грустно расставаться, и в то же время все были в приподнятом настроении от большого доверия и чести. Все горели желанием выполнить наказы Владимира Ильича. Мне особенно было грустно: я прожила в доме Ленина 21 день, с 16 июня по 5 июля, и очень полюбила Ульяновых.

¹ Пропуска через границу для местного населения.

Ф. Н. ИЛЬИН

Федор Николаевич Ильин (1876—1944) — член КПСС с 1897 года, профессиональный революционер, один из организаторов вооруженного восстания в Ростове в 1905 году. После тюремного заключения в 1907 году бежал из ссылки, эмигрировал сначала во Францию, затем в Швейцарию. Участвовал в VI (Пражской) конференции РСДРП.

После Октябрьской революции Ф. Н. Ильин работал в Московском Совете, был членом Ревтрибунала, членом коллегии НКПС, членом Верховного Суда. В 1926 году был ректором Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), в 1927—1929 годах — управляющим делами Госплана РСФСР, затем директором Музея изобразительных искусств им. Пушкина.

Воспоминания Ф. Н. Ильина относятся к драматическому моменту встречи В. И. Ленина с Г. В. Плехановым, отказавшимся от интернационалистских позиций в начале первой мировой войны, перешедшим в лагерь социал-патриотов, сторонников Антанты.

Н. К. Крупская писала, что, прочитав воспоминания Ф. Н. Ильина, она увидела Владимира Ильича, «как живого», увидела, как волновался он, как «ушел в себя», переживая еще один отход Плеханова от дела революционного марксизма, отход, в который Ленин долго не мог поверить.

«НЕУЖЕЛИ И ПЛЕХАНОВ ИЗМЕНИЛ?»

Вскоре после переезда Ленина из Кракова в Берн (в августе 1914 года) я поехал к нему с группой товарищей из Шайи под Лозанной, где мы тогда жили. Владимир Ильич расспрашивал нас, знаем ли мы что-нибудь об отношении Плеханова к войне.

Мы рассказали, что до нас дошли, правда не проверенные еще, слухи о том, что Г. В. Плеханов выступал в Париже как оборонец с призывом к русским социал-демократам вступить добровольцами в ряды французской армии.

Владимир Ильич сперва не хотел этому верить. Несколько раз он повторил тревожно: «Неужели и Плеханов изменил?»

Прощаясь с нами, Ленин просил информировать его обо всем, что нам удастся узнать о Плеханове.

Спустя некоторое время стало известно, что меньшевистская группа РСДРП в Лозанне пригласила Плеханова сделать для единомышленников доклад о войне и Плеханов согласился, но не указал точной даты...¹ Ленин ответил просьбой непременно добиться, чтобы на этот доклад были допущены и большевики, подчеркнув при этом, что о нем не должно быть и речи.

Член Лозаннской группы большевиков М. И. Мовшович (партийная кличка «Володя») добился такого согласия.

Мы узнали, что собрание состоится в воскресенье 11 октября в 6 часов вечера. 10 октября мы послали Ленину телеграмму с извещением о дне и часе реферата.

В воскресенье, около трех часов дня, на адрес Е. И. Ривлиной пришла ответная телеграмма: «Приедем 4.20. Ленин»...

Бернский поезд подходил, когда мы вышли на перрон.

¹ Г. В. Плеханов жил в это время в Женеве.

Первым вышел из вагона Владимир Ильич с маленьким саквояжем в руке...

...Народный дом, в котором обычно устраивались рефераты, представлял собою унылое одноэтажное строение в виде барака, узкое и длинное, с многочисленными окнами по боковым стенам.

Простые скамьи без спинок стояли в два ряда с проходом посередине. Дощатая дверь вела в «зал» прямо со двора, без ступеней.

У двери сидел один из организаторов собрания, принимая плату за вход. Я прошел вперед, чтобы заслонить собою Ленина, и, когда остановился у двери, Владимир Ильич быстро проскользнул в зал и занял место на предпоследней скамье, у самой стены, по левой стороне.

Известно, что Владимир Ильич всегда избегал быть на виду. Здесь же это было вызвано еще и необходимостью скрыть, хотя бы ненадолго, свое присутствие.

В зале собрались человек 60—70. Кроме меньшевиков, пришли бундовцы и беспартийные студенты.

Я сел рядом с Владимиром Ильичем, стараясь прикрыть его собой. Неподалеку от нас, на той же скамье, разместились И. Арманд и Е. Розмирович.

Ждали Плеханова, он запаздывал. Ленин сидел, не снимая шляпы, опершись локтями в колени. Он держал в руке какую-то записку, делая вид, что внимательно изучает ее, поэтому первое время оставался незамеченным.

Однако вскоре вдоль рядов послышался шепот: «Ленин здесь! Ленин здесь!» — и десятки глаз устремились в нашу сторону. Но Ленин был так «поглощен чтением» записки, что, казалось, ничего не замечал.

Пошел уже седьмой час, а Плеханов все не появлялся. Встревоженный этим, Ленин повернул ко мне голову и прошептал:

— Что это значит — его нет? Не узнал ли он, что мы здесь, не сбежал ли? Выясните, пожалуйста.

Я встал и направился было к дверям, где стояли орга-

низаторы собрания, но в этот момент показался Плеханов. Окруженный своими единомышленниками, он величественно шел к трибуне — и вдруг увидел меня. Мы поздоровались, так как были давно знакомы.

Присутствие большевика явно вызвало у него беспокойство. Сдвинув свои густые брови, он окинул орлиным взглядом зал. Но о том, что здесь Ленин, он узнал, по видимому, лишь на трибуне, обменявшись несколькими словами с председателем собрания.

Владимир Ильич решил, что больше нет нужды «скрываться». Он снял шляпу, пригладил ладонями волосы и принял свою прежнюю позу. Тут обнаружилось, что у него нет ни карандаша, ни бумаги: взволнованный предстоящей встречей с Плехановым, Владимир Ильич забыл взять из портфеля, оставленного у Мовшовича, свою записную книжку. Для Владимира Ильича такая забывчивость была совершенно необычной. Я тотчас же дал ему блокнот и карандаш.

Прежде чем приступить к докладу, Плеханов извинился за опоздание, а главное, выразил удивление по поводу столь многочисленной аудитории — его ведь пригласили сюда на собеседование в узком кругу единомышленников. К реферату он будто бы не готовился и заранее просит простить его, если доклад будет неполным.

При этих словах Ленин хитро улыбнулся. Повернувшись ко мне и прищулив правый глаз, он приставил ладонь к вытянутым губам:

— Жулябия! Стратегический прием! — произнес он шепотом.

В первой части реферата Плеханов охарактеризовал позицию немецких социал-демократов как изменническую. Владимира Ильича эта оценка, видимо, удовлетворяла. Временами он даже смеялся анекдотам, которыми Плеханов, по обыкновению, уснащал свою речь.

Владимир Ильич сидел в той же позе, держа у самых глаз блокнот. Неотрывно глядя слегка прищуренными глазами, он как бы гипнотизировал докладчика.

Плеханов тоже смотрел на Ленина, но старался скрыть это и прибегал к такому маневру: доставал пенсне, надевал его чуть не на кончик носа, делая вид, будто читает тезисы. На самом же деле глаза его смотрели поверх стекол на Ленина.

Многие, заметив эту игру, оборачивались и с улыбкой глядели на Владимира Ильича.

После первой части доклада объявили перерыв. Раздались долгие шумные аплодисменты. Владимир Ильич приподнял голову и, почти вытянув руки над головой, тоже стал аплодировать.

Выражая так демонстративно свое одобрение, Ленин, безусловно, пытался воздействовать на Плеханова. Он хотел, чтобы и вторая часть доклада была выдержана в духе той же непримиримости, с какой докладчик только что обрушился на немецкую социал-демократию.

Во время перерыва Владимир Ильич обменивался мнениями с товарищами и говорил с беспокойством:

— Да, с немцами он хорошо расправился, а вот что он скажет о французах?

Во второй части доклада Плеханов дал оценку поведению французских социалистов уже совсем с иных позиций.

Когда он пытался защищать их, «подкрепляя» свою мысль цитатами из Маркса, лицо Ленина менялось. Он нервно делал записи в блокноте, поглаживая при этом голову. В своем волнении он не обращал внимания на пытливые взгляды публики, что обычно вызывало у него раздражение.

Плеханов кончил. И вновь раздались долгие аплодисменты. Большевики, понятно, в этом не участвовали.

Ленин был единственным записавшимся оппонентом. Ему предоставили всего десять минут под предлогом, будто докладчик спешит на поезд. Уловка довольно неуклюжая, так как поезда в Швейцарии отправлялись каждые 15—20 минут.

Владимир Ильич шел к трибуне внешне совершенно

В. И. Ленин выступает в Лозанне в прениях по реферату Г. В. Плеханова «Об отношении социалистов к войне» 28 сентября (11 октября) 1914 года.

спокойный. Лишь резкая бледность выдавала его глубокое волнение.

Кто знает отношения между Лениным и Плехановым, легко поймет Владимира Ильича.

Плеханов, первый русский марксист, долгие годы был близок с Лениным, их связывала глубокая взаимная симпатия. Ленин высоко ценил заслуги Плеханова как ученого, как революционного деятеля. Когда в позиции Плеханова стали намечаться идейные шатания, Ленин старался помочь ему отделаться от своих заблуждений. На протяжении более двух десятков лет между ними не раз возникали принципиальные разногласия, но до разрыва дело не доходило.

Можно понять чувства, овладевшие Владимиром Ильичем, когда он поднимался на трибуну и когда должен был не только не подать руки бывшему другу, но и не назвать его товарищем (в своем слове Ленин называл Плеханова докладчиком).

Чтобы разбить такого противника, как Плеханов, реферат которого длился полтора часа, десяти минут было, конечно, недостаточно. Ленин успел развить лишь основные мысли. Когда он кончил, аплодировали ему только большевики.

Через два дня, 14 октября, в этом же помещении, с этой же трибуны, выступил с докладом Ленин.

Устройство всяких собраний местная полиция Лозанны тогда запрещала, и развешивать объявления мы не могли. Пришлось ограничиться устным сообщением по столовкам, где обедали эмигранты и студенты. Однако и этой информации оказалось вполне достаточно. Задолго до объявленного часа зал в Народном доме был набит битком.

Давно мы не видели Ленина в таком боевом, приподнятом настроении. Весь зал слушал его с напряженным вниманием. Восторженно хлопали ему даже некоторые меньшевики, те самые, которые чуть не накануне аплодировали Плеханову.

На следующий день, 15 октября, Ленин выступал в Женеве, а еще несколько дней спустя мы ехали с ним в Монтре (один из самых богатых курортов Швейцарии).

В поезде, когда мы направлялись в Монтре, я показал Владимиру Ильичу парижскую газету «Голос»¹, в ней были напечатаны отчеты о рефератах Ленина и Плеханова. Записал их, как мне передавали, один из присутствовавших там меньшевиков, подписавшийся инициалами «И. К.».

Ленин, прочитав эти отчеты, заметил с удивлением: «Довольно добросовестно изложены».

Замечу, кстати, что оба реферата были застенографированы полностью, но редакция «Голоса» поместила их в выдержках, причем Плеханову уделила гораздо больше места, чем Ленину, хотя реферат Плеханова был короче.

Чего же еще можно было ожидать от «Голоса»?

¹ Газета «Г о л о с» издавалась меньшевиками.

Р. Б. ХАРИТОНОВА

Раиса Борисовна Харитонова (1886—1968) — член КПСС с 1905 года, участница первой русской революции в Николаеве, в августе 1906 была арестована, в 1907 году эмигрировала за границу (Германия, Швейцария), работала на швейных фабриках, активно участвовала в рабочем движении, была членом Цюрихской секции большевиков.

В декабре 1917 года была арестована в Цюрихе за распространение воззвания к солдатам. В январе 1918 года вернулась из эмиграции в Петроград. С 1918 по 1926 год работала в органах народного образования, была членом Петроградского, Свердловского, Саратовского городских Советов рабочих депутатов. Затем до 1950 года была на преподавательской работе. Автор статей по педагогическим вопросам.

В. И. ЛЕНИН В ЦЮРИХСКОЙ СЕКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ (1917 год)

Наступил январь 1917 года — приближалась годовщина 9 января. Владимир Ильич согласился выступить на митинге молодежи в Народном доме на тему, посвященную революции 1905 года. Выступить на немецком языке для В. И. Ленина не представляло большой трудности — он свободно владел этим языком. Он написал весь текст своего доклада на немецком языке и обратился ко мне с просьбой прослушать его.

Вечером, накануне доклада в Народном доме, Владимир Ильич пришел к нам домой вместе с Надеждой Константиновной. Я успела заранее внимательно просмотреть небольшую стопку листков, формата несколько меньше тетради, исписанных на одной стороне мелким, размашистым, не очень разборчивым почерком Ленина.

— Здравствуйте! Вот и докладчик явился, — смеясь, обратился ко мне Владимир Ильич, когда я открыла им дверь.

На ходу он продолжал:

— Что ж, сейчас и начнем. Уже восемь часов, а вам ведь рано вставать на работу.

Не мешкая, мы уселись за стол. Я вернула ему его рукопись. Просмотрев листки, Владимир Ильич снял с цепочки свои большие карманные часы и положил их перед собой на стол. Я села с левой стороны, чтобы было удобнее заглядывать в его текст. Отметив время по часам, Ленин начал читать доклад, стараясь несколько сдерживать свойственный ему быстрый темп речи. Содержание доклада мне было знакомо, но, читая его накануне, я сосредоточила все внимание на языковой стороне дела, на оборотах речи, как и просил меня Владимир Ильич. Теперь я следила за ходом его мысли.

Доклад в большом зале Народного дома 9(22) января 1917 года был с энтузиазмом встречен огромной аудиторией рабочих и молодежи. Особенное впечатление произвела та часть его речи, в которой Ленин излагал ближайшие перспективы революционного движения в Европе.

* * *

В воспоминаниях о В. И. Ленине Надежда Константиновна Крупская часто говорила о том, как напряженно Ленин работал, как много тратил душевных сил и как временами уставал, как нуждался в отдыхе. Оба они очень любили природу, и Надежда Константиновна стара-

лась создать ему передышку в работе и отдых на лоне природы.

Одним из излюбленных мест, куда они направлялись в часы досуга, был Zurichberg — невысокая лесистая гора за чертой города. На нее можно было подняться по фуникулеру или пешком по пологой извилистой тропе. Изредка, по воскресеньям, мы с мужем присоединялись к ним для совместной прогулки. «Ильичи» обычно подъезжали к нам на трамвае. Отсюда начинался подъем на гору, сначала мимо красивых коттеджей, расположенных по склону горы, а затем по открытой тропе, которая постепенно переходила в узкую извилистую тропинку. С обеих сторон ее тянулись обширные луга, покрытые чудесными душистыми травами и полевыми цветами. Поднимаясь вверх, мы часто останавливались, чтобы глубоко вдохнуть аромат цветов и чистый горный воздух.

Взобравшись на вершину горы, мы обычно заходили в безалкогольный ресторанчик, где утоляли жажду, покупали шоколад и расходились по лесу в разные стороны, чтобы побродить и отдохнуть в тенистых местах. Владимир Ильич и Надежда Константиновна отправлялись в свои излюбленные уголки, и мы старались не нарушать их покоя.

Вспоминаю, как Владимир Ильич и Надежда Константиновна пришли к нам в гости, на именины моей дочери, 30 января (12) февраля 1917 года¹. Девочке исполнилось два года. Мы просили Владимира Ильича и Надежду Константиновну прийти к 4 часам в воскресенье. Наше приглашение было встречено с радостью. Но они запоздали. Давно пришли Мария и Илья Мирингофы, явился и Гриша Усиевич и другие товарищи, а «Ильичей» все не было. Мы гурьбой летели к дверям, как только раздавались шаги на нашей лестнице, и, не ожидая звонка, распахивали их. Видно, что-то непредвиденное задержало Владимира Ильича. Все приуныли. Вдруг раздался рез-

¹ Здесь неточность. Это было 29 января (11 февраля) 1917 года.

кий звонок. Это они! Бежим вдоль коридора, а за дверями уже слышен веселый смех Владимира Ильича. Распахиваем двери. Входят улыбающиеся Надежда Константиновна и Владимир Ильич с небольшим пакетом в руке. Оба они явно чем-то очень довольны.

Не выпуская пакета из рук, Владимир Ильич поздоровался со всеми товарищами и начал развязывать веревочку и разворачивать бумагу. Он торопился: ему не терпелось скорей показать свою удачную покупку. Смеясь, он при этом рассказывал:

— В магазине игрушек у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. «Купим вот ту красивую куклу», — говорит Надя. «Нет, это не пойдет, — отвечаю я, — не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее». Продавец все подавал нам игрушки: были тут и зайцы, и кролики, и котята, и мячи, и т. д. «Нет, — говорю я, — все не то». Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. «Вот, — говорю я Наде, — эту собачку мы и возьмем!» Ну, какова? Нравится?

Владимир Ильич при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любясь ею сам, что мы все пришли в восторг. Надежда Константиновна глядела на Ильича, и лицо ее светилось радостью: Владимир Ильич отдыхал от напряженного труда, и именно это радовало ее. Безусловно, это была ее инициатива пойти вместе в магазин игрушек, и как естественно было ее предложение купить для двухлетней девочки куклу! Но предложение не пришлось по душе Ильичу. Ему хотелось найти игрушку, созвучную его настроению. И он остановил выбор на собачке с красной ленточкой. Владимир Ильич принес девочке не только понравившуюся ему игрушку, но и радость, которую он испытал от удачной покупки.

А имениннику больше всего занимал весело смеющийся дядя, который смотрел на нее сияющими глазами, протягивал чудесную собачку с бубенцом на шее. Она схватила игрушку обеими ручками и бросилась ко мне...

Прошли долгие, долгие годы. Мы сохранили подарок Владимира Ильича и Надежды Константиновны как семейную реликвию. В 1960 году я сдала эту игрушку в Музей Революции.

* * *

Было начало апреля 1917 года. Мучительно переживал В. И. Ленин в последние дни своего изгнания отрыв от родины, где бушевала революция. Кончились наконец муки неизвестности: как вернуться в Россию? Пришло сообщение от Фрица Платтена, что состоялось соглашение о проезде русских политических эмигрантов из Швейцарии в Россию через Германию. В. И. Ленин объявил нам, что надо немедленно готовиться к отъезду. Дел было много. Надо было оповестить все секции большевиков, рассеянные по многим городам Швейцарии, помочь выехать товарищам, у которых не было денег, организовать отъезд, устроить остающиеся семьи. В. И. Ленин придавал большое значение тому, чтобы выехало как можно больше политэмигрантов, и прилагал к этому немало усилий. Перед отъездом в ресторане «Züringerhof» в обеденный час была устроена прощальная встреча отъезжающих с остающимися в Швейцарии политэмигрантами. Это было многолюдное, бурное собрание. После выступления В. И. Ленина был прочитан текст подписки участников поездки, в котором они заявляли, что возвращаются на родину, невзирая на угрозу Милюкова предать суду тех, кто поедет в Россию через Германию.

В последний день пребывания в Цюрихе Владимир Ильич вручил мне свою сберегательную книжку, в кото-

рой значился остаток вклада в 5 франков и 5 сантимов, с просьбой «реализовать» эти деньги и принять их в уплату членских взносов за себя и Надежду Константиновну за апрель месяц. «Простите, что обременяю вас этим поручением, но не хватило времени сделать это самому», — с извиняющейся улыбкой сказал Владимир Ильич, пожимая мне руку на прощание.

Я была ошеломлена. В такой волнующий момент В. И. Ленин подумал об уплате членских взносов за апрель месяц. Никто из отъезжающих товарищей не вспомнил об этом. Да и я, как казначей Цюрихской секции большевиков, не напомнила им об этом, так как считала, что еще в апреле они будут в Петрограде.

Сберегательную книжку В. Ульянова я не сдала в банк, решив сохранить ее на память о встречах с Лениным и Крупской в политической эмиграции. Я привезла ее с собой, когда вернулась на родину, и впоследствии сдала в Истпарт. Теперь она хранится в архиве Института марксизма-ленинизма...

ФРИЦ ПЛАТТЕН

Фридрих (Фриц) Платтен (1883—1942) — деятель швейцарского и международного социалистического движения, в 1906—1907 годах вел революционную работу в Риге. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, левый циммервальдист.

В марте — апреле 1917 года был главным организатором переезда В. И. Ленина и группы русских социалистов-эмигрантов в Россию через Германию и сопровождал их до Торнео. В Россию Временное правительство Фрица Платтена не пустило. Затем, в июне и декабре, Платтен сопровождал еще две группы эмигрантов, также возвращавшихся на родину через Германию, и только с третьей группой, после Октябрьской революции, в самом конце декабря он получил возможность приехать в Петроград.

1 (14) января 1918 года Фриц Платтен был принят Лениным и вместе с ним ездил в Михайловский манеж, где Ленин выступал с приветственной речью на проводах на фронт первого отряда новой социалистической армии. На обратном пути автомобиль Ленина был обстрелян террористами. Ленин не пострадал, так как Платтен прикрыл его от пуль, а сам был легко ранен.

Фриц Платтен был одним из участников создания III, Коммунистического Интернационала в 1919 году, членом президиума I конгресса и членом Бюро Коминтерна.

В 1919—1920 годах при поездках за границу неоднократно арестовывался (финляндскими, румынскими, литовскими, германскими и петлюровскими властями).

В 1921—1923 годах был секретарем Коммунистической партии Швейцарии. С 1923 года работал в СССР, возглавлял сельскохозяйственную коммуну швейцарских эмигрантов, затем работал в Международном аграрном институте и Московском педагогическом институте иностранных языков.

ЦЮРИХ — ТОРНЕО

С переездом Ленина из Берна в Цюрих мои отношения с ним стали более близкими, и по мере нарастания политических событий участились его посещения секретариата швейцарской социал-демократической партии. Политическая деятельность Ленина в Швейцарии заслуживает того, чтобы о ней было написано специальное исследование. Первая международная конференция во время войны, в которой приняли участие так называемые интернационалисты и которая состоялась в горной деревушке Циммервальде, в трех часах езды от столицы Швейцарии, Берна, впервые обнаружила, что даже среди интернационалистов имеются три фракции, ссорящиеся между собой.

Левой руководил Ленин, в ней было всего 8 человек, центром — Троцкий и Гримм, правой — Аксельрод и Мартов.

Все предостережения, все попытки уговорить Ленина и его товарищей по убеждениям оказались бесплодными, он не отступал от своих взглядов.

Противники говорили, что политическая линия Ленина ведет в безвоздушное пространство и т. п. Тремя годами позже это безвоздушное пространство оказалось одной шестой частью земли, а сейчас уже оно не ограничивается и этими пределами. Не приходится сомневаться, что это только вопрос времени и что наступит момент, когда вся земля будет охвачена революцией.

Вторая конференция интернационалистов в Кинтале обнаружила сильный рост левой.

Я сопровождал Ленина из Швейцарии до Торнео (Финляндия), и общение с ним в дороге дало мне возможность ближе разобраться в его политическом мировоззрении, бросить более глубокий взгляд в его политическую психологию. 15 апреля 1917 года мы доехали до Торнео, где тогда проходила русская граница со Шве-

цией. Мне, как иностранцу, не разрешили проехать в Россию.

Беседы с Лениным во время поездки через Германию уже тогда в главных чертах рисовали все будущее развитие русской революции.

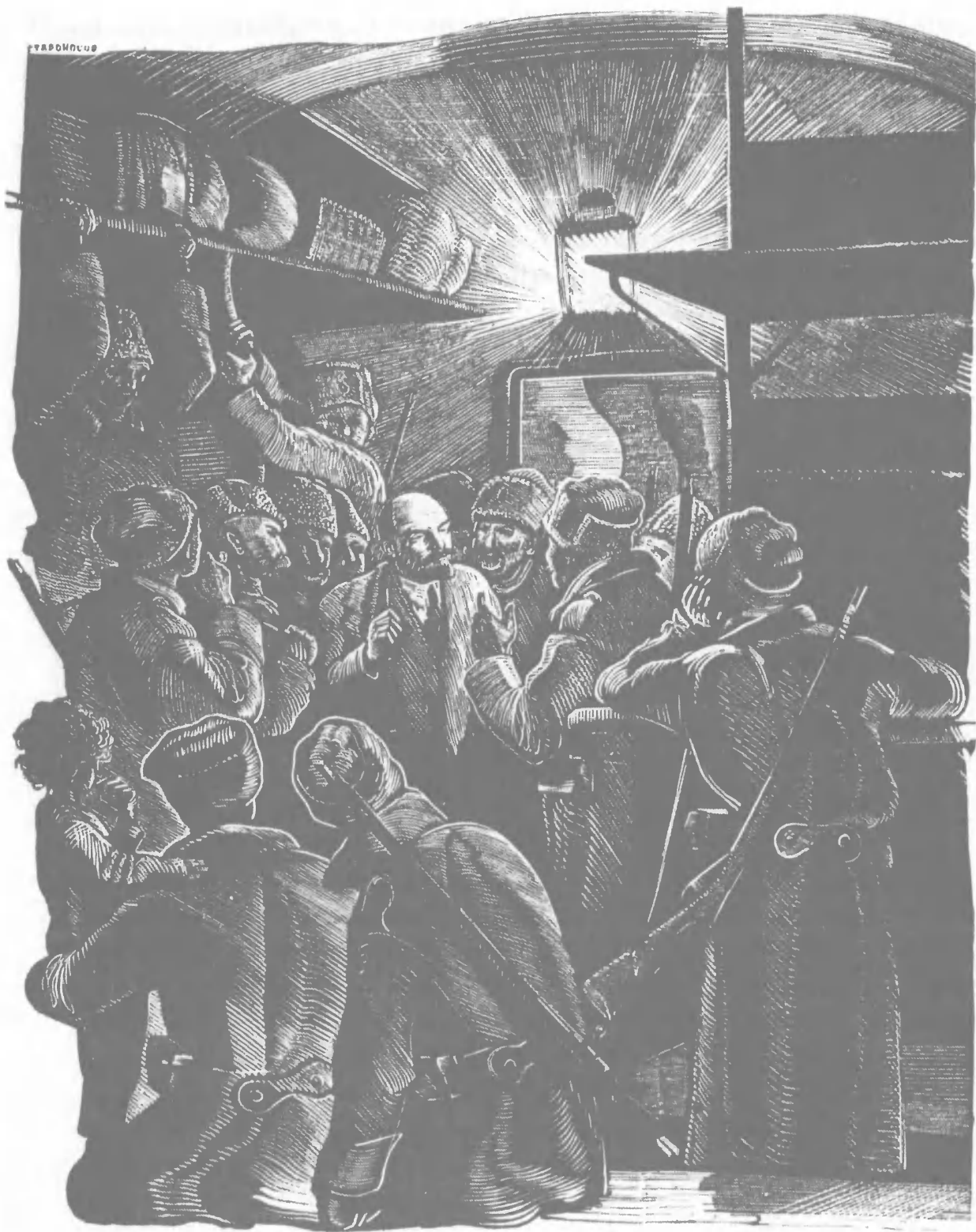
Живо помнится мне один разговор с Лениным. Ленин учитывал, что всех 32-х приехавших через Германию революционеров легко могут арестовать, как только они вступят на русскую почву, и что их, возможно, предадут суду. Он рисовал картину того, что произойдет в этом случае, намечал, каков, по его мнению, будет ход событий. Внезапно он остановился и задал мне вопрос, что я думаю об их роли в русской революции. Я ответил, что для меня само собой разумеется, что борьба, как он ее изображает, должна вестись в интересах пролетариата, но что он и его верные товарищи представляются мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, которым угрожает опасность, что их разорвут дикие звери. Таково было мое мнение тогда. Сейчас можно о нем судить как угодно, но судьба Либкнехта и Розы Люксембург доказывает, что в Западной Европе такое мнение нельзя отбросить так просто, одним взмахом руки. Каков же был ответ Ленина?

Взрыв искреннего смеха.

Кто — кого? Сколько мудрости в этой лапидарной формуле. Мне кажется, что он уже и тогда разрешал этот вопрос в твердом убеждении: мы — их!

Я считаю эту уверенность в себе, эту веру в собственные силы, убежденность в том, что пролетариат, руководимый умелым, верным рабочему делу вождем и применяющий новые методы революционной борьбы, обладает непобедимой силой, — самой выдающейся чертой характера Ленина.

Ленин всегда казался мне оптимистом, его оптимизм действовал освежающе и ободряюще. Всякий, кто с ним соприкасался, возвращался полным новой силы и бодрости к своей работе. Но его оптимизм был и другого рода. У большинства людей оптимизм и пессимизм являются

*В. И. Ленин в вагоне Финляндской железной дороги.
Апрель 1917 года.*

результатами той или иной оценки, безразлично правильной или неправильной, данного положения или явления. У Ленина это было не так. Его глубоко продуманное мировоззрение, полнота, с которой он владел революционной боевой тактикой и стратегией, находчивость и способность не потеряться в любых обстоятельствах не оставляли места для пессимизма. Все эти элементы были в нем развиты гармонически, как ни у одного другого из наших современников.

ОТТО ГРИМЛУНД

Отто Гримлунд (1893—1969) — шведский журналист. В годы первой мировой войны — левый социал-демократ, интернационалист. В апреле 1917 года по поручению шведских левых социал-демократов встречал В. И. Ленина в Мальмё, при возвращении его из эмиграции в Россию через Германию, и сопровождал его вплоть до отъезда группы эмигрантов из Стокгольма.

Представлял левую Социал-демократическую партию Швеции на I конгрессе III, Коммунистического Интернационала. В 1921 году эта партия была переименована в Коммунистическую партию Швеции. Впоследствии отошел от политической деятельности.

Отто Гримлунд неоднократно приезжал в Советскую Россию и встречался с В. И. Лениным. Сохранились два портрета В. И. Ленина с дарственными надписями Отто Гримлунду. На портрете, подаренном 15 апреля 1920 года, надпись: «Дорогому другу товарищу Отто Гримлунду. Вл. Ульянов (Ленин)».

В библиотеке В. И. Ленина в Кремле имеется брошюра О. Гримлунда «Владимир Ульянов-Ленин. Его жизнь и борьба», изданная в 1919 году в Копенгагене.

В один из последних приездов, в 60-х годах, Отто Гримлунд передал ИМЛ при ЦК КПСС большое количество документов, фото и изданий, собранных им в первые годы революции в России.

НА ПЕРЕВАЛЕ

На юге Швеции расположен маленький городок Треллеборг. Он связан паромным сообщением с Германией. Холодным апрельским вечером 1917 года я ожидал в этом городке прибытия парома. Солдат на посту, несколько таможенных служащих — больше никого вокруг не было. Никто не знал, кого ждали.

Но вот паром у пристани. На верхней палубе его показалась рослая фигура с непокрытой головой. Это Фриц Платтен, швейцарский социалист. Ему доверил Ленин организацию этой поездки. Вокруг него несколько десятков человек. Я киваю Платтену, и вскоре все начинают кивать и улыбаться. Спускается трап, я спешу на борт. Сердечные объятия и поцелуи по русской традиции.

Несколько отдельных спальных вагонов, готовых немедленно отправиться в Стокгольм, ждали гостей.

Ленин подошел ко мне, и мы обсудили план дальнейшей поездки. В Мальмё, крупном городе, расположенном в 30 километрах от Треллеборга, поезд должен был задержаться на несколько часов. Там, в гостинице, был заказан обед.

Вскоре мы покинули гостиницу. Проезжие пробудили большой интерес ее обитателей. Они докучали мне своими вопросами: «Кто эти странные люди?» Разумеется, никто из них не мог и предположить, что эти люди станут через полгода хозяевами великой России.

Вернувшись к поезду, мы начали располагаться на ночь. Ленин, я и еще два товарища заняли спальное купе. Женщины заняли другие купе. Всего было одиннадцать женщин, из них две-три с детьми.

Заснуть в эту ночь никому не удалось. Сначала Ленин рассказал о трудностях переезда из Швейцарии, о попытке проехать через страны Антанты, которые отказались предоставить визу, и о переговорах, которые Платтен вел

в Германии¹. Потом я услышал красочное описание того, как во время поездки шведско-немецкий социал-шовинист Вильгельм Янсон, представляющий немецкое профсоюзное движение, пытался на одной из станций проникнуть в поезд, чтобы поговорить с Лениным.

А затем градом посыпались на меня вопросы Ленина: Брантинг и его влияние? (Брантинг был лидером шведской правой социал-демократии.) Положение нашей партии, ее численность и воля к борьбе, сколько членов партии в риксдаге, что они сделали и т. д.? Профсоюзы, их отношение к политическим течениям, их кассы, кто вожди, как велики стачки? Молодежный союз, как велик, каково его значение, какова тактика? И т. д. и т. п.

Спустя час я попытался взять реванш, достал блокнот и ручку и стал задавать вопросы об отношении к Европе, об общем политическом положении и о революции в России. Интервью это не было опубликовано. До сих пор оно лежит в одном из ящиков моего письменного стола. Но для меня эти ночные часы, пока поезд грохотал, двигаясь на север, были более чем интервью. Это был урок социализма, полет над полем борьбы, который я никогда не забуду.

Ленин был не из тех, кому обязательно нужна была большая аудитория, чтобы развивать свои мысли. Он считал, что молодому журналисту из маленькой Швеции также нужно изложить свои взгляды на политическое положение в мире.

Он ясно определил отношение своей партии к тогдашней стадии русской революции. Он посмеялся над социалистами Керенского и буржуазными империалистами. Он очертил в эти ночные часы программу действий большевиков, которую несколько дней спустя должен был обнародовать, выйдя из поезда на Финляндском вокзале в Петрограде. Всю власть в руки рабочих Советов! Мир народу! Землю крестьянам!

¹ В действительности — с германским посланником в Берне.

В Стокгольме, куда мы прибыли утром, русские оставались на один день. Для Ленина было важно встретиться с руководителями шведской партии. И встреча была организована. На ней присутствовали некоторые из членов ЦК, часть партийцев из риксдага. Ленин развил там те же мысли, что и ночью в разговоре со мной.

После обеда нам удалось уговорить Ленина прогуляться по городу. Мы собирались купить ему костюм. Ленин вместе с Крупской пошли в большой универмаг и купили костюм, который теперь демонстрируется в Музее Ленина в Москве. Ленин ворчал, считая, что старый костюм мог бы ему послужить еще некоторое время. Купить ему еще что-нибудь было совершенно невозможно. «Я еду домой, в Россию, не за тем, чтобы открывать там какое-нибудь ателье, а делать революцию!» — шутил он.

Ночью поезд отправился дальше через Хапаранду в Финляндию, а затем в Петроград, в Россию. Я остался в Стокгольме.

Встречался я с Лениным и позднее, уже в России.

В январе 1918 года я приехал в Петроград.

Мой приезд совпал с созывом Учредительного собрания. Большинство Учредительного собрания не отражало интересов и желаний народа и было враждебно настроено к большевикам.

В день открытия Учредительного собрания Петроград был взбудоражен уличными демонстрациями. Получив номер в гостинице, я тотчас отправился в Таврический дворец, где должно было заседать Учредительное собрание. Оно открылось под неописуемый шум, аплодисменты справа и свист слева.

Но вдруг шум затих. Кто-то пробивал себе дорогу через людские массы у боковых входов. Делегаты поднялись, вытянули шеи, чтобы посмотреть, что случилось. От человека к человеку пронеслось: Ленин!.. А через мгновение разразился гром аплодисментов, криков одобрения, приветствий друзей вождю новой России.

Я пытался со своего места увидеть Ленина. Он сидел на лестнице, которая вела к трибуне.

Полчаса просидел он так, в одиночестве, о чем-то размышляя. Никто ему не мешал. Но вдруг Ленин поднял лицо: решение принято. Он что-то сказал близко стоящим друзьям. Когда проходило голосование, большевики уже покинули зал. Весь вечер и всю ночь правые лидеры говорили и говорили. В четыре часа утра охрана дворца решила, что болтовни слишком много. Несколько матросов поднялись к председательствующему и заявили: «Мы хотим спать. Лучше всего прервать заседание!»

Так бесславно закончилось Учредительное собрание свое существование...

Два дня спустя я встретил Ленина поздно вечером, около 12 часов. Это было то небольшое мгновение, которое он мог предоставить самому себе, урывая от своего сна. В другие дни мы лишь кивали друг другу при встрече в маленькой столовой Смольного. Несмотря на все заботы в эти первые тяжелые месяцы, связанные с беспорядками, с тяжелыми переговорами в Брест-Литовске, он был всегда веселым и улыбающимся.

«О, вы увидите, что все будет хорошо. Мы уже сделали это, это и это. Будьте уверены, сделаем!» Это был удивительный оптимизм, который заражал окружающих, придавал им уверенность и мужество в работе.

Мы часто встречались и в 1919 году. Швеция являлась для новой России «отдушиной» в мир. Ленин внимательно относился к шведским товарищам. Я получил от него фотографию с дружеской надписью.

В 1919 году был образован Коммунистический Интернационал. Я был на I конгрессе единственным представителем шведской партии. В эти дни Ленин был, как всегда, прост и общителен.

Однажды вечером несколько человек: французский писатель Анри Гильбо, Фриц Платтен, наш друг — спартаковец Альберт (Гуго Эберлейн) и я — решили посмотреть город. На лестнице мы встретили Ленина.

— Разрешите быть вашим чичероне, — сказал он.

Мы хотели тут же поговорить с ним. Об этом он не хотел и слышать. Было решено: сначала сделаем небольшую прогулку, а потом выпьем кофе.

Итак, мы отправились в путь, побеседовали о бюстах Дантона и Каляева у городской думы, посмотрели на белое мерцание луны над Красной площадью, над старыми кремлевскими стенами и главами церквей и пошли домой по пустынному Кремлю. Ленин весело смеялся по пути:

— Разве не «обсудили» бы меня в Центральном Комитете, если бы узнали, что я был на ночной прогулке вместо того, чтобы сидеть и работать...

Несколько дней спустя после конгресса часть делегатов нанесла короткий визит в Петроград. Приехал сюда и Ленин¹. Случилось так, что я, Платтен и Гильбо встретились с ним в поезде на обратном пути в Москву. После небольшой трапезы Ленин пригласил нас в вагон. Началась оживленная дискуссия. В поезде была сестра Ленина, комиссар железных дорог Невский² и жена Максима Горького — симпатичная артистка Андреева.

Андреева втянула нас в бурную дискуссию о современном искусстве. Ленин только улыбался. Было видно, что он думал о чем-то другом.

Вскоре он увлекся беседой с комиссаром железных дорог. Проблема транспорта и связанная с ним проблема обеспечения продовольствием городов была очень актуальной. Около четырех утра мы легли немного вздремнуть. А Ленин все еще обсуждал вопросы реорганизации железных дорог...

¹ В. И. Ленин вместе с сестрой Марией Ильиничной Ульяновой приезжал в Петроград на похороны Марка Тимофеевича Елизарова, старого большевика, мужа старшей сестры Ленина — Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Пробыл в Петрограде с 12 по 13 марта. Вечером 13 марта В. И. Ленин в оперном зале Народного дома выступил с докладом о внутреннем и международном положении Советской Республики на многотысячном митинге рабочих, матросов и красноармейцев Петрограда.

² Невский Владимир Иванович (1876—1937) — член КПСС с 1898 года; народный комиссар путей сообщения.

Л. Н. СТАЛЬ

Людмила Николаевна Сталь (1872—1939) — член КПСС с 1897 года. Участница революции 1905—1907 годов; в 1905 году — член Московского, в 1906 году — член Петербургского комитетов РСДРП. Работала в Петербургской военной организации большевиков. С 1907 по 1917 год — в эмиграции, член Парижской секции большевиков, член Французской социалистической партии. Неоднократно выполняла партийные поручения В. И. Ленина.

В 1913 году В. И. Ленин рекомендовал напечатать в «Правде» отрывок из поэмы американского поэта-рабочего Тробеля «Мужчины и женщины только...» в переводе Л. Н. Сталь. Отрывок был напечатан 30 мая 1913 года.

Л. Н. Сталь работала по сплочению левых элементов в социалистических партиях, по подготовке международной конференции социалисток и т. п. После Февральской революции вернулась в Петроград, встречала В. И. Ленина в Белоострове, без колебаний включилась в пропаганду «Апрельских тезисов», разъясняя их на собраниях большевиков и в рабочих организациях. В годы гражданской войны была на военно-политической работе, затем в Коминтерне, ЦК ВКП(б), Госиздате, Музее Революции СССР.

ВОЖДЬ ОКТЯБРЯ

Ленин предсказывал правильно: Февральская революция была началом превращения войны империалистической в войну гражданскую. Она дала возможность Ленину

вернуться в Россию. Когда он приехал вместе с Надеждой Константиновной и другими, мне посчастливилось встретить его на финляндской границе в Белоострове. В тот день я выступала в Сестрорецке по поручению Петербургского комитета. В конце доклада я сообщила, что Ленин сегодня приезжает в Петроград.

Это был праздничный день, в газетах нельзя было оповестить рабочих о приезде Ленина. Я привезла эту радостную весть в Сестрорецк. И меня опять, как и в 1905 году, поразило, как рабочие и работницы отнеслись к известию о возвращении Ленина.

Надо было видеть, что сделалось с рабочими и работницами! С каким восторгом и подъемом была встречена эта весть!

Снарядить поезд в Белоостров отправился т. Емельянов (член Сестрорецкого партийного комитета) по предложению т. Зофа — секретаря партийного комитета.

...В делегации, приехавшей встречать Ленина, преобладали работницы. Кроме Зофа и Емельянова, был еще Афанасьев, член партии, и Б. А. Бреслав.

К делегации присоединилась еще группа финнов, работавших на станции. Они говорили в вагоне, что финская буржуазия очень хитрая, что финским рабочим надо учиться у российских рабочих, как надо бороться с буржуазией.

Поезд шел медленно. Настроение у всех было повышенное. Всю дорогу пели песни. На станции Белоостров к нам примкнули солдаты, охранявшие станцию. С нетерпением мы ждали прихода поезда; наконец он подошел.

Ленин выступил с короткой революционной речью, закончив ее призывом к борьбе за социалистическую революцию.

После своих выступлений Ленин пошел на вокзал вместе с встречавшими его Коллонтай, Марией Ильиничной и др.

Речи на платформе продолжались. Я просила Надежду Константиновну Крупскую сказать несколько слов. Она

*В. И. Ленин произносит речь с броневика
3(16) апреля 1917 года.*

отказалась и просила, в свою очередь, меня. Но я от волнения не могла говорить.

Из Белоострова я поехала в Питер вместе с Лениным. В вагоне было шумно, все двери купе были открыты. Ленин, взволнованный, переходил из одного купе в другое. Мы подъезжали к Петрограду. Как встретят Ленина? Сумели ли оповестить пролетариат Питера, революционных матросов Кронштадта? На слабо освещенной платформе выстроился почетный караул из кронштадтских матросов во главе с офицером. Это первое, что бросилось в глаза.

Был Чхеидзе и другие меньшевики из Исполнительного комитета.

Авторитет Ленина был так велик, что они не решились не встретить его.

Делегации, встречавшие Ленина, пригласили его в бывшие царские комнаты. Я прошла прямо на площадь. Она была залита народом: рабочими, солдатами-красноармейцами¹.

Восторженное «ура» встретило появление Ленина.

Не успели мы оглянуться, как он уже стоял на броневике с прожектором, ярко освещавшим его путь.

Так Ленин ехал до бывшего дворца Кшесинской, где помещались Центральный и Петроградский комитеты большевиков, восторженно приветствуемый массами.

В ночь его приезда в Петроград, 4 (17) апреля в 4 часа утра, Ленин сделал свой доклад во дворце Кшесинской. Он следующим образом обосновал свой лозунг социалистической революции: 1) вся власть Советам, — пролетарская демократия, вместо буржуазной демократии, 2) ликвидация войны, 3) конфискация помещичьей земли, 4) создание III Интернационала.

...Вскоре после приезда Ленина состоялась партийная конференция в Петербурге. На этой конференции ряд то-

¹ Описка автора воспоминаний Л. Н. Сталь: следует читать: «красногвардейцами».

варищей выступали еще против Ленина. Только на Всероссийской Апрельской конференции ленинские тезисы завоевали всю партию¹.

На Апрельской городской конференции я резко выступила против ряда товарищей, критиковавших Ленина, и тут же получила от Ленина записку (к сожалению, она утеряна: мы тогда еще не научились ценить и хранить каждое слово и каждую записочку, написанную Лениным). В этой записке он писал мне приблизительно следующее: «Тов. Людмила, нельзя так резко выступать, нельзя так ругать рабочих. Надо объяснять и учить, если они еще не понимают. На примерах ближайших событий они поймут свою ошибку. Мы должны убеждать, мы должны среди рабочих завоевать большинство».

В борьбе за пролетарскую революцию партии пришлось бороться на два фронта. В то время как Каменев и Зиновьев тянули партию вправо, были «левые» товарищи, которые еще в июльские дни 1917 года звали к захвату власти.

¹ Петроградская общегородская конференция открылась 14 апреля; VII Всероссийская — 24 апреля 1917 года.

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Григорий Константинович Орджоникидзе («Серго»; 1886—1937) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член КПСС с 1903 года; революционную работу вел в западной Грузии, Абхазии, Баку. В 1911 году был слушателем ленинской партийной школы в Лонжюмо, на VI (Пражской) конференции был избран в ЦК РСДРП(б).

Активный участник вооруженного восстания в Петрограде в 1917 году.

В начале 1918 года на посту чрезвычайного комиссара Украины Г. К. Орджоникидзе прилагал самые энергичные усилия для снабжения продовольствием Петрограда, Москвы, рабочих центров.

В конце января (начале февраля) В. И. Ленин телеграфировал ему: «От души благодарю за энергичные меры по продовольствию. Продолжайте, ради бога, изо всех сил добывать продовольствие... сбор и ссыпку хлеба... Вся надежда на Вас, иначе голод к весне неизбежен». А в октябре 1919 года на одном из писем, полученных от Орджоникидзе, Ленин писал: «По отзывам Уншлихта и Сталина, Серго надежнейший в о е н н ы й работник. Что он вернейший и д е л ь н е й ш и й революционер, я знаю его сам больше 10 лет».

В годы гражданской войны — член Реввоенсовета 16-й, 14-й армий и Кавказского фронта. В 1921 году — один из организаторов борьбы за Советскую власть в Азербайджане, Армении, Грузии. С 1926 года — председатель ЦКК ВКП(б) и народный комиссар Рабоче-Крестьянской инспекции. С 1921 года был членом ЦК партии, с 1930 — членом Политбюро ЦК ВКП(б).

ИЛЬИЧ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

В дни 3—4 (16—17) июля 1917 года была сделана первая серьезная попытка покончить с властью коалиционного правительства Керенского — Терещенко — Церетели. Попытка не удалась, и началась бешеная травля нашей партии и наших вождей. Тов. Ленин был объявлен германским шпионом, и одновременно правительство отдало приказ о его аресте.

Юнкера рыщут повсюду — ищут Ленина, но его уже нет на квартире. Разговоры: «Удрал к Вильгельму», «Найдешь ты его, как бы не так». Таврический дворец. Здесь только и говорят о вчерашнем дне, о нашем выступлении, о том, что у нас в организации не все обстоит благополучно. Так говорят левые с.-р., так говорят даже некоторые довольно видные большевики. В рабочих районах минутное смущение, но оно живо проходит. Среди павловцев и измайловцев довольно ясно слышны голоса: «Подвели, мы не знали, что большевики — германские шпионы». Ленина ищут, но не находят. Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться. «Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами». «Вождю партии брошено тяжкое обвинение, он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию». Так рассуждали очень многие видные большевики.

...Спешим к Ильичу. Там уже Н. К. Крупская, Ногин и В. Яковлева. Пошли разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать арестовать себя. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Таково было мнение значительной части московских товарищей. Владимир Ильич со свойственной ему ясностью доказал, что никакого гласного суда не будет. Сталин решительно против явки к властям. «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге», — говорит он. Ильич, по всему видно, тоже против, но не

много смущает его Ногин. Как раз в это время заходит Е. Стасова и сообщает о вновь пущенном по Таврическому дворцу слухе, что Ленин якобы по документам архива департамента полиции провокатор.

Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он тоном, не допускающим возражения, заявил, что надо ему сесть в тюрьму.

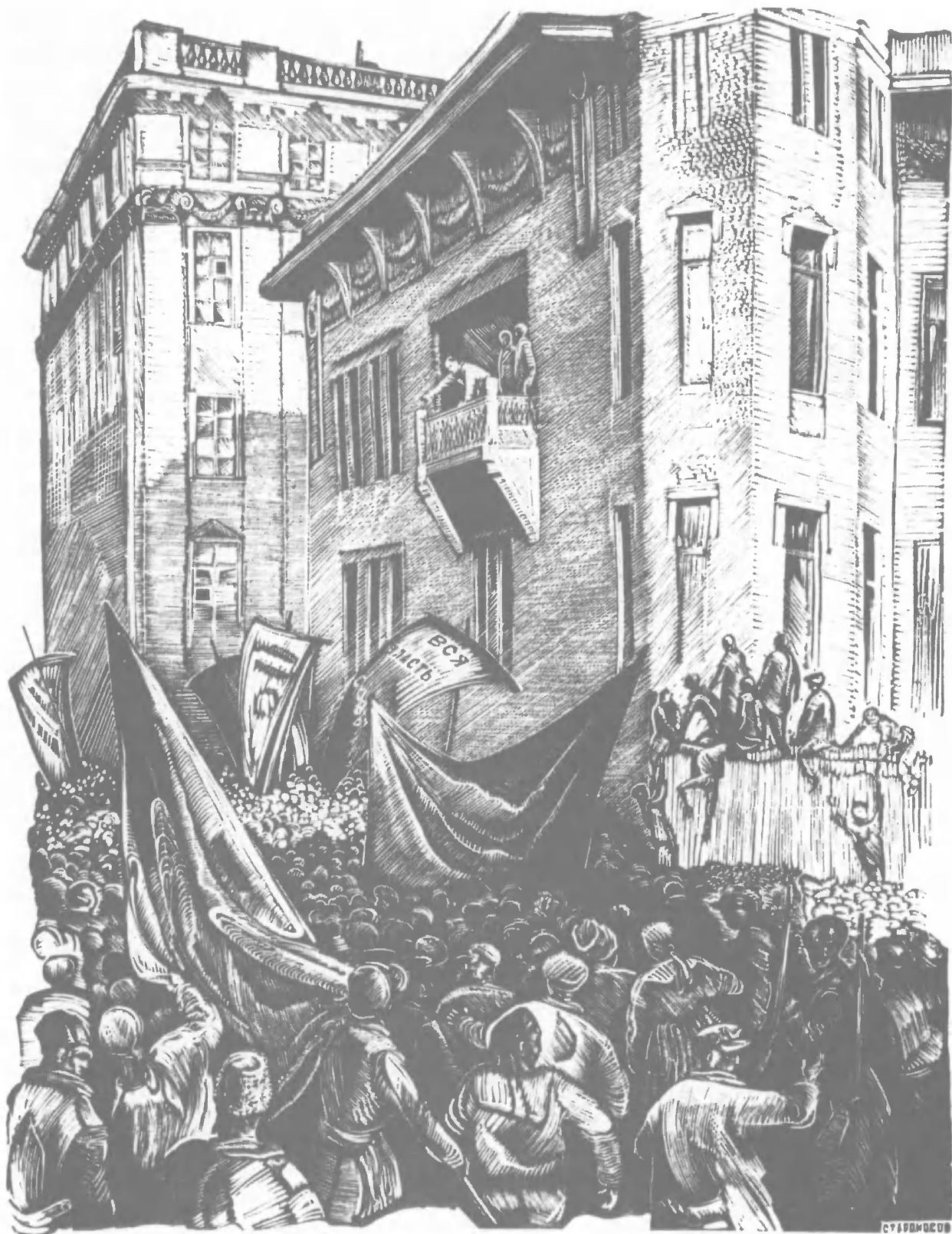
Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом президиума ВЦИК и Петроградского Совета Анисимовым об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы должны были добиться гарантий от него, что Ильич не будет растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш), или же если он будет посажен в «Кресты», то добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и будет назначен гласный суд. В случае утвердительного ответа Анисимова под вечер Ильича везут в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если бы этой величайшей преступной глупости суждено было совершиться.

Анисимов на Петропавловку не согласился. Что касается гарантий в «Крестах», заявил, что, конечно, будут приняты все меры. Я решительно потребовал абсолютных гарантий (чего, конечно, никто не мог дать), пригрозив, что в случае чего-либо перебьем всех их. Анисимов был рабочий Донбасса.

Мне показалось, что его самого охватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут, и я заявил ему: «Мы вам Ильича не дадим».

Ногин тоже согласился с этим.

Спешу обратно и при выходе встречаю тов. Луначарского, поручившего мне передать Ленину, чтобы он ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции находится власть только формально, фактически она в руках корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним.

*В. И. Ленин произносит речь с балкона дворца Кшесинской
4 (17) июля 1917 года.*

Я передал Ильичу... разговор с Анисимовым, мнение т. Луначарского и прибавил, что Анисимов не знает, в чьих руках будет завтра он сам. Решили, что никаких разговоров дальше не может быть. Ильич вместе с т. Зофом (ныне военным комиссаром флота) и с одним рабочим из Сестрорецка благополучно вышли из города.

Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВ

Николай Александрович Емельянов (1871—1958) — рабочий, участник трех революций в Петрограде, член КПСС с 1904 года. В 1905 году в Сестрорецке организатор заводской боевой дружины, был арестован и выслан в Новгород на пять лет.

В 1918 году — на военной работе, в 1921-м участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Имя Н. А. Емельянова никогда не будет забыто — ему доверила партия заботу о Ленине в момент смертельной опасности, нависшей над Владимиром Ильичем в июле 1917 года.

Н. А. Емельянов был, по характеристике Ленина, одним из лучших представителей «старой партийной гвардии Питера». В 1921 году, в письме Л. Б. Красину и В. В. Воровскому, Ленин писал: «Прошу оказать ему (Н. А. Емельянову.— Ред.) полнейшее доверие и всяческое содействие».

Дружеские отношения Ленина с Н. А. Емельяновым, встречи и беседы с ним по злободневным вопросам хозяйственной политики продолжались после победы Октябрьской революции. Ленин получал при этом объективную картину жизни деревни, рабочего поселка, предприятия.

Н. К. Крупская писала в своих воспоминаниях, что к Емельянову и его семье у Ильича сохранилось до конца очень теплое отношение. Когда Владимир Ильич узнал о приезде жены Емельянова Надежды Кондратьевны в Москву в мае 1919 года, он написал ей записку с просьбой сообщить, сколько она пробудет в Москве, и о своем и Надежды Константиновны желании встретиться с ней.

В ПОСЛЕДНЕМ ПОДПОЛЬЕ

О том, что Ленин едет из Финляндии в Россию, сестрорецкие рабочие узнали 2(15) апреля. 3(16) мы добились, чтобы в наше распоряжение дали несколько железнодорожных платформ. На них мы и отправились на станцию Белоостров встречать Владимира Ильича. Встречать Ленина приехала также делегация петроградских рабочих.

Пассажирский поезд медленно подошел к станции. На площадках стояли люди. Мало кто знал Ленина в лицо, но когда он вышел из вагона, его сразу узнали.

Загремело «ура!». Вверх полетели фуражки. В толпе слышалось: «Ильич! Наш Ильич!»

В помещение станции Владимира Ильича внесли на руках. Там он выступил с речью. Говорил он коротко, ясными словами, о том, что после свержения царя у власти осталась буржуазия и что рабочим нужно взять власть в свои руки.

Снова загремело «ура!».

Поезд ушел. Я тогда и думать не мог, что вскоре близко встречу с Владимиром Ильичем и даже некоторое время буду жить с ним рядом.

После июльских дней Ленин был объявлен Временным правительством вне закона. Большие деньги обещал Керенский за его выдачу. В эти дни Владимир Ильич вынужден был скрываться у рабочих. На квартире, где прежде он жил, несколько раз производились тщательные обыски.

Остаться в Петрограде Владимиру Ильичу с каждым днем становилось все опаснее и опаснее. ЦК партии решил укрыть Ленина в более надежном месте, нужно было сберечь Владимира Ильича во что бы то ни стало.

Я жил в отдельном домике на станции Разлив. Ко мне приехал доверенный ЦК, которого я хорошо знал по Сестрорецкому заводу. Он сказал:

— Товарищ Емельянов, Центральным Комитетом тебе поручено укрыть Ленина.

— Очень рад, — ответил я.

И сейчас же меня охватило тревожное чувство ответственности: сберечь Ленина! Я сказал:

— Скрою, но сейчас еще не знаю как!

— Хорошенько об этом подумай.

Он уехал. Я начал советоваться с женой. Она тоже была членом партии. Скрывать Владимира Ильича в доме — опасно. Кругом дачники. Почти одновременно нам пришла мысль: жители Разлива часто нанимали финнов косить сено за озером. Мы и решили под видом нанятого косаря поселить Ленина в шалаше за озером.

Назавтра приехал доверенный ЦК. Я доложил ему свой план.

— Ловко придумано! — согласился он.

Вскоре он снова был у меня и сообщил, что ЦК одобрил мое предложение. Возник вопрос, как безопаснее перевезти Ленина из Петрограда в Разлив.

— Лучше всего поездом, который идет в два часа ночи, — предложил я. — На нем обычно едет разношерстная, загулявшая допоздна публика. Его так и зовут — «пьяный поезд». На нем безопаснее всего.

Договорились и о других подробностях. Вечером 11(24) июля¹ я поехал в Петроград. Тогда в Петрограде конечная станция Приморской железной дороги была в Новой Деревне. Я заранее купил три билета. В зале ожидания и на перроне было много дезертиров, они могли навлечь облаву. Я решил провести Ленина через товарные ворота. Нужно было пробираться под товарным составом, стоящим на рельсах, но зато этот путь к поезду самый безопасный.

В условленное время я встретил В. И. Ленина и сопровождавших его И. В. Сталина и С. Я. Аллилуева у Большой Невки.

¹ Это было в ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) июля 1917 года.

— Идите вперед, показывайте дорогу.

Выбранным заранее путем я привел их к поезду. Товарищи одними глазами попрощались с Лениным, и вскоре поезд тронулся. Владимир Ильич сел на подножку вагона.

— Ведь так можно упасть.

— Я нарочно сел, — ответил он. — В случае чего — соскочу!

Мой дом — в пяти минутах ходьбы от станции Разлив. По дороге Владимир Ильич спросил, как зовут мою жену.

— Надежда Кондратьевна.

Вот и дом. Вошли. Ленин поздоровался с женой и сказал:

— Надежда Кондратьевна, прошу вас никому обо мне не говорить. Абсолютно никому! И не защищайте меня в разговорах и не спорьте обо мне...

Жена уверила Ленина, что она знает правила конспирации и дети тоже знают. Ленин спросил, сколько у меня детей.

— Семеро.

Он узнал, как кого зовут, и познакомился с ними.

Из кухни на сеновал вела лесенка. На сеновале я поставил стол, стул. Постель Владимиру Ильичу устроили прямо на душистом сене. Там Ленину жить даже нравилось, но обстановка была тревожной. Дачники да и соседи — народ любопытный. А на случай, как говорит пословица, немного надо! Нужно было торопиться перевозить Владимира Ильича за озеро, но для этого требовалось заарендовать сенокосный участок, построить шалаш, перевезти туда все необходимое — одним словом, подготовиться так, чтобы комар и носа не подточил. На это у меня ушло несколько дней. К Ленину приезжали члены ЦК. В первый раз жена (я был за озером) не хотела допустить их к Ленину, она не знала в лицо двух приехавших товарищей. Но потом установили роль.

Когда все за озером было готово, Владимира Ильича

на лодке переправили через озеро и поселили в шалаше. Довольно неказистое сооружение из веток, покрытых сеном; оно стояло на том месте, где теперь установлен гранитный памятник Ленину «Шалаш». Художники иногда рисуют Владимира Ильича сидящим на пне возле шалаша. На самом деле было несколько не так. Ленину для работы рядом с шалашом, в густом кустарнике, я расчистил небольшую площадку, напоминавшую собой беседку из живого кустарника. Пня там не было. Стоял чурбан, служивший табуреткой. Возле шалаша была устроена кухня, на кольях висел котелок.

Донимали комары, особенно ночью. Укрыться от них было невозможно. Но с этим приходилось мириться. Пищу и газеты на лодке привозили жена или сын. Газет Владимир Ильич получал много; все, какие только выпускались тогда. Чтобы не вызвать подозрений покупкой большого их количества, между сыновьями было распределено, кому какие газеты доставать.

Помню, в газетах встречались заметки, описывающие, каким образом Ленин скрылся за границу: фигурировали и подводные лодки и аэропланы. Верным было только одно: водой, но не на подводной лодке, а на простой, двухвесельной был совершен его переезд. Читая подобные заметки, Владимир Ильич от души смеялся и называл буржуазных писак «гороховыми шутами»...

...Время шло. Подступала осень. Все чаще и чаще стали поливать дожди.

Постепенно становилось все холоднее и холоднее. Жена привезла из дому почти всю теплую одежду, но и это почти не спасало нас от холода и сырости. Да и слухи стали распространяться разные: Ленин под видом слесаря скрывается на Сестрорецком заводе, Ленин укрылся в Курорте и тому подобное.

Пора было искать для Владимира Ильича новое место, более надежное и безопасное. ЦК решил переправить Ленина в Финляндию.

Рабочие Сестрорецкого завода, жившие в Райволе,

имели пропуска для переезда границы. Как работающий по изобретательству, депутат Совета и староста, я мог входить в кабинет начальника завода Дмитриевского. На столе у него я заметил пропуска за его подписью. Пришел пораньше. Караульный был мне хорошо знаком. Со стола начальника я взял пять пропусков и принес их Ленину. Он выбрал один, с фамилией Иванов. Владимира Ильича загримировали, надели на голову парик. Приехал Д. И. Лещенко и сфотографировал его. Знакомый гравер искусно дорисовал на фотографии печать.

Дали пропуск Ленину. Он смотрел, смотрел — не подкапашься.

— Да, хорошо! Молодцы!

Теперь оставалось лесом добраться до Финляндской железной дороги, затем поездом доставить Владимира Ильича в Петроград, а оттуда под видом кочегара переправить в Финляндию. Это было поручено сделать финским большевикам.

В день отъезда Владимира Ильича в Петроград мы поджидали товарища из ЦК. За кустами показался человек.

— Кто там идет? — спросил Владимир Ильич.

— Сосед.

— Зачем?

— Да, наверное, вас нанимать косить. Уж очень хороший стог сена у вас.

Подошел сосед, поздоровался.

— Это кто косил у тебя?

— Да финн.

— По-русски говорит?

— Нет.

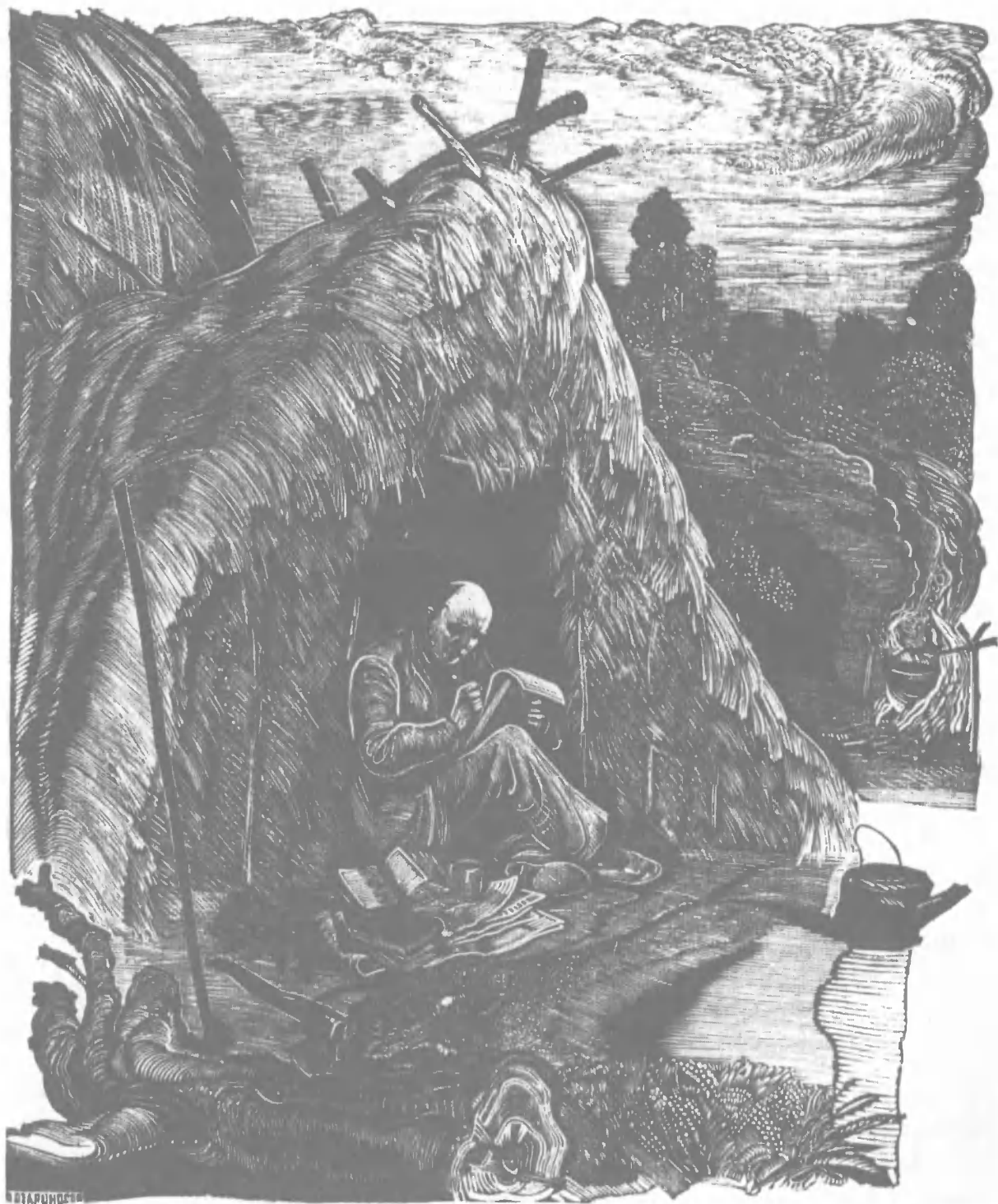
— А пойдет ли он поработать ко мне?

— Нет, и не зови.

— Жалко. Я сам хвораю, а сын не может работать.

Надо искать косаря...

Сосед ушел. Владимир Ильич встал и с обычной шутливостью сказал:

В. И. Ленин в шалаше за озером Разлив. Июль 1917 года.

— Спасибо, Николай Александрович, что меня в батраки не отдал!

Вечером Владимир Ильич, я и приехавшие за ним товарищи через лес пешком пошли к Финляндской железной дороге. Было темно. Вышли мы к станции Дибуны, сели на скамейку. Ленин, строго соблюдавший правила конспирации, и здесь был верен себе. Он тотчас встал и сказал:

— Всем сидеть на скамейке нельзя. Двоим надо спрятаться в кусты.

Эта предосторожность оказалась далеко не излишней. Только Ленин с товарищем Рахья успел скрыться, как из помещения станции вышел человек с шашкой на боку. Осмотрев перрон, он направился к нам:

— Ваши документы?

У товарища оказалось удостоверение служащего Финляндской железной дороги.

— А у тебя есть удостоверение? — спросил он у меня.

— Только рабочий номер Сестрорецкого завода.

— А зачем ты здесь так поздно?

— А разве нельзя?

Я уже сообразил, что это офицер контрразведки, и понял, какая опасность грозит Ленину. «Моя вина, моя оплошность, что заранее не осмотрел станцию», — подумал я и решил любыми средствами отвлечь внимание офицера от поезда, который пойдет на Петроград.

— Иди за мной! — скомандовал офицер.

— А зачем мне идти?

— Иди! — Он взял меня за руку.

В комнате было много штатских и гимназистов, вооруженных винтовками.

Офицер сел за стол. Я тоже уселся, небрежно развлясь.

— Говори, кто ты?

— Да я рабочий Сестрорецкого завода.

— Рабочий? А ведешь себя как! Встать! Обыскать его!

Мне в пути Ленин дал депутатский билет одного товарища петроградца для передачи ему. Билет этот я выбросить не успел.

— Да ты большевик!

— Билет этот не мой. Я работаю и живу в Сестрорецке.

— Загадка... Сколько лет на заводе работаешь?

— Тридцать лет.

— Тогда все начальство должен знать. Говори по фамилиям.

Я перечислил всех, даже чиновников, а стрелка на часах ползет медленно. Решил уже ударить офицера, чтобы вызвать скандал, заварить кашу и выиграть время. Но случай выручил меня.

Вдруг офицер спросил:

— А кто старший врач завода?

— Гречин. Ох и взяточник он!

Офицер вскочил разъяренный.

— Как ты смеешь, негодяй, оскорблять моего дядю!

Подошел поезд. Офицеру доложили об этом. Но он ни на что не обращал внимания. Сел, стал писать и в мою сторону прошипел: «Я тебя расстреляю!»

Приоткрылась дверь, и в щели я узнал лицо товарища. Значит, Владимир Ильич, вероятно, уже в поезде.

Пока офицер писал, подошел второй поезд, идущий из Петрограда. Под дулом револьвера меня вывели на перрон и заперли в вагон. На ходу я решил не прыгать. Надеялся, что товарищи в Сестрорецке меня выручат.

В Белоострове в вагон зашел унтер-офицер Смирнов — хороший мой знакомый. Он входил в состав нашего Сестрорецкого Совета.

— Ты как, товарищ Емельянов, попал сюда?

— Ваше начальство арестовало.

Он открыл дверь вагона:

— Беги!

Домой я пробрался потихоньку и сразу же лег спать.

Я очень устал от всего. Разбудил меня крик. Вижу, моя жена плачет: «Что наделали, что наделали!»

Оказалось, пришла наша связная. Она не видела, что я сплю, и сказала обо мне:

— Его арестовали, но он, кажется, ушел.

Жена, подумав, что речь идет о Ленине, не выдержала и начала причитать. Я вскочил с кровати — и всё разъяснилось.

Потом пришло радостное известие: Ленин благополучно перебрался в Финляндию!

Вскоре к нам в Разлив приехала Надежда Константиновна. Ей необходимо было увидеть Владимира Ильича, а для этого надо было достать пропуск через границу в Финляндию. Знакомый мне писарь в Райволе изготовил такой пропуск, дал его на подпись старшине и скрепил печатью, Надежда Константиновна тоже благополучно переехала границу как сестрорецкая работница, уроженка Райволы Агафья Атаманова.

КАК Я ФОТОГРАФИРОВАЛ В. И. ЛЕНИНА

После июльских дней 1917 года в Петербурге было очень беспокойно. Бушевала самая бешеная, разнузданная реакция. Черносотенная керенщина — полиция, юнкера, батальоны смерти и всякая другая сволочь — прямо неистовствовала: обыски, аресты, избиения, даже убийства стали обычными явлениями. В тогдашних черносотенных кадетских газетах выливались на Ленина и на всех его сторонников целые ушаты самой гнусной клеветы, на стенах и заборах расклеивались призывы беспощадно расправляться с большевиками. Я жил тогда на Петербургской стороне, на углу Лахтинской улицы и Геслеровского переулка, и хорошо помню, как во многих местах Большого проспекта, особенно у Введенской и Каменноостровского, были развешаны наскоро составленные листки, даже не напечатанные, а написанные на машинке, с гнусными выпадами против Ленина и других большевиков. Эти листки были подписаны Алексинским, бывшим в 1906—1907 гг. большевиком, а в годы войны ярым оборонцем. После Февральской революции он был решительным сторонником Временного правительства и вел бешеную клеветническую кампанию против большевиков.

Когда среди большевиков наконец стало известно, что Владимира Ильича нет в Петербурге, это внесло в наши ряды успокоение. Но где находился Владимир Ильич, никто не знал. Теперь мы знаем, что по постановлению Центрального Комитета партии большевиков Ленин с 6(19) июля 1917 года перешел на нелегальное положение. Надежда Константиновна Крупская, которая, конечно, все знала, оставалась в городе, продолжала работать в культурно-просветительной комиссии Выборгской районной

думы. И только по печатавшимся по ночам в помещении Выборгской думы на машинке для «Правды» с рукописей, написанных мелким бисером на папиросной бумаге, статьям Ленина можно было нам, немногим, близко к ней стоящим, догадываться, что она находится в самом тесном контакте с Владимиром Ильичем.

В то время я жил в двух шагах от того дома на Широкой улице, в котором жил по приезду из-за границы Владимир Ильич, занимая вместе с Надеждой Константиновной одну комнату в квартире своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. А в моей квартире, занимая маленькую комнату, жил А. В. Луначарский. В городе происходил форменный погром: были разгромлены редакция «Правды», дворец Кшесинской, где помещался Петроградский комитет партии большевиков. Всюду по городу разъезжали грузовики, переполненные юнкерами, полицией, вооруженными с ног до головы белогвардейцами. Они рыскали всюду, но их главное внимание было направлено на поиски Ленина.

Вот в это самое время ко мне обратился кто-то из товарищей — не помню уже кто — дать фотографический аппарат для съемки Владимира Ильича, которому спешно была нужна его карточка для наклейки на удостоверение. За аппаратом пришла молодая женщина, наш партийный товарищ, которая и должна была сфотографировать Ленина, но она никогда не занималась фотографией и не имела о ней понятия. Она просила меня растолковать, что ей нужно делать. Конечно, как ни просто обращаться с фотографическим аппаратом, но все же надо его знать, и нужна практика, а этого именно и не было. Но так как никакого другого выхода не было, то я выбрал из небольшой своей коллекции фотографических аппаратов наиболее простой, зарядил его и подробно рассказал, как им пользоваться.

Числа около 12(25) июля, точно не помню, мне прислали на квартиру сверток с «домашними вещами», которые надо передать Владимиру Ильичу, и сказали, что за свертком зайдет та большевичка, которая будет сни-

мать Ленина и которая этот сверток передаст ему. Условились, что она зайдет ко мне на следующий день в 11 часов утра. Я положил этот сверток, мягкий на ощупь пакет, на диван в своей комнате. Поздно вечером вернулся А. В. Луначарский; мы с ним потолковали о разных событиях, я рассказал ему о листках, подписанных Алексинским, мы попили чаю и улеглись спать: он — в одном конце квартиры, в своей комнате, я — в другом.

В эту же ночь, поздно, часов около трех, я вдруг почувствовал, что кто-то тащит мою подушку, и в спальню вошли какие-то люди, стуча сапогами. Когда я зашевелился, один из них крикнул: «Кто здесь есть?» Спальня полна народу — какие-то военные, дворник; а кто-то в штатском засунул руку под подушку, очевидно, искал оружие или еще чего. Я быстро встал, оделся при «свидетелях» и перешел в другую комнату. Оказывается, в квартире происходил обыск. Обыскивали главным образом комнату Луначарского, но поверхностный обыск был произведен и во всей квартире. У Луначарского взяли письма, рукописи и другие вещи, и он был арестован и отвезен в «Кресты».

Не обошлось и без курьеза. В передней, среди всякого хлама, нашли несколько десятков рисованных от руки географических карт. Как назло, оказалась... Германия. (Дело в том, что я когда-то короткое время преподавал в одной частной школе (Черняева) географию и задавал ученикам на дом работу — чертить карты; эти карты у меня случайно и остались от старых времен.) Как я ни старался все это объяснить, мне не поверили; все эти карты были взяты и занесены в протокол.

Во время обыска я вспомнил, что на диване в моем кабинете лежат «домашние вещи». Что там было, я этого не знал, и чтобы скрыть этот сверток от обыскивающих, я просто сел на него и так просидел до конца, пока не уехали.

Обыск продолжался очень долго, только часов в десять утра вся эта банда убралась из квартиры. Луначар-

ского взяли, а меня оставили. Когда шум отъехавшего автомобиля затих и по моим наблюдениям из окон, выходявших на Геслеровский переулок, выяснилось, что все уехали, я запер дверь квартиры на ключ и на крючок и прежде всего взялся за «домашние вещи» и развернул пакет. Каково же было мое удивление, когда я там увидел несколько различных париков! Я, конечно, понял, что эти парики предназначались для Владимира Ильича при фотографировании, чтобы его нельзя было узнать по карточке.

Едва я успел завязать эти так называемые «домашние вещи», как раздался звонок. Не скажу, чтобы самочувствие у меня было очень приятное. Но оказалось, что это пришла, как было условлено, за этим самым свертком женщина, которая должна была снимать Владимира Ильича. Я, конечно, в кратких словах рассказал, что у меня только что происходило, а также и об аресте Луначарского. Я помню, какое это произвело сильное впечатление...

В это время, в июле 1917 года, на Выборгской стороне открылся VI съезд большевиков¹. На этом съезде я был одним из секретарей. Как-то вечером, часов в 6—7, перед началом заседания меня отозвал в сторону А. В. Шотман и сказал, что предполагавшаяся съемка Владимира Ильича, для которой я давал аппарат, не удалась: женщина не знала, что с аппаратом делать, все забыла, что я ей рассказывал, — и что Владимира Ильича надо спешно сфотографировать, так как карточка ему нужна для удостоверения, то есть карточка небольшого размера...

— Вы можете сейчас же поехать снимать Владимира Ильича? — спросил Шотман.

— Конечно, могу, надо взять только с собой аппарат. Но ведь скоро будет темно и снимать нельзя. А куда же надо ехать?

— Мы поедem вместе по направлению к Сестрорецку.

¹ VI съезд РСДРП (большевиков) состоялся в конце июля — начале августа 1917 года.

Так мы и условились: Шотман едет в Новую Деревню, где в то время помещался Приморский вокзал, с которого и отходили все поезда в Сестрорецк, покупает там два билета — для себя и для меня — и ждет меня на перроне. Я же должен заехать к себе домой, на Лахтинскую, за аппаратом, зарядить его и тоже ехать на Приморский вокзал, и там, встретившись с Шотманом, ехать дальше. Ясно, что мне надо было торопиться.

На трамвае, заплатив кондуктору какую-то почтовую марку (тогда ни медных, ни серебряных денег не было, были только бумажки, а как мелочь употреблялись марки), я добрался до квартиры. Выбрал и зарядил камеру.

Как это часто бывает, в нужный момент нарезанных пластинок размером $10 \times 12,5$ см. не оказалось, времени на разрез не было, и я вместо пластинок зарядил адептор камеры дюжиной плоских пленок (Premo Film Pack). Штатива, конечно, я никакого не брал вовсе, так как зеркальной камерой удобно снимать именно с рук. Вот с этой-то камерой в руках я и отправился на извозчике на Приморский вокзал. Шотман меня ждал там с билетами в руках и уже начал беспокоиться. Дачные поезда в Сестрорецк ходили часто, и мы скоро отправились. Приехали мы на станцию Разлив, когда уже стемнело. Раньше я там никогда не бывал и потому совершенно не ориентировался. Выйдя со станции, мы спустились куда-то вниз. Шотман оставил меня подождать, а сам куда-то ушел. Скоро он вернулся с молодым человеком, несшим на плечах два весла. Мы спустились к берегу какого-то водного пространства; там стояла лодка. Шотман со мной распрощался, а мы вдвоем сели в лодку и поплыли куда-то.

Ехали мы в лодке, как мне показалось, довольно долго. Наконец пристали к какому-то берегу и прошли небольшое расстояние пешком. В темноте, конечно, трудно было что-нибудь разобрать. Мне казалось, что это совершенно ровная, гладкая местность со скошенной травой. С одной стороны вдали чернел лес, а с другой — были видны яркие огни. Мой спутник сказал, что это — фонари на погранич-

ной станции Финляндской железной дороги Белоостров. Невдалеке чернела невысокая куча сена. Мы подошли к ней, и там что-то зашевелилось, какой-то знакомый голос спросил: «Что надо?»

Это и был знаменитый «шалаш», в котором некоторое время жил Ленин. Владимир Ильич быстро меня узнал и предложил залезть в шалаш. Привезший меня товарищ уехал или куда-то ушел, и до обратного отъезда я его больше не видел.

Владимир Ильич рассказывал, что к ним как-то забрели какие-то дачники, а потом еще приходили какие-то подозрительные люди, но все это бывало днем. Мы улеглись в шалаше рядом на земле, прикрытой сеном, причем ноги высовывались из шалаша. Можно, стало быть, судить о его размерах; стоять в нем нельзя было, можно было только сидеть. Я помню, из шалаша высовывался приклад ружья, а на сене была какая-то одежда. Так мы проговорили до утра, пока не рассвело. Владимир Ильич был абсолютно спокоен — простой, естественный, как всегда. Он был очень разговорчив и весел, по обыкновению шутил.

— Уж вы извините, пожалуйста, что у нас нет никаких культурных приспособлений, вроде стульев, на которых можно было бы сидеть, — подшучивал Владимир Ильич.

Мы лежали на животах, опершись на локти, и разговаривали. Не только стоять, но даже, кажется, сидеть в этом низеньком сооружении из палок и сена было невозможно и было настолько тесно, что нельзя было даже и повернуться.

Владимир Ильич очень интересовался и подробно расспрашивал обо всем, что делается в Питере. Я рассказывал, что знал, и, между прочим, рассказал о бывшем несколько дней назад в моей квартире обыске и аресте Луначарского. Владимир Ильич только покачал головой. А когда я стал рассказывать, как у меня забрали детские географические карты, то он много хохотал.

Так мы проговорили до рассвета. Владимир Ильич

передал мне большую статью, написанную мелким бисером (но очень разборчиво) на папиросной бумаге, для редакции «Правды» или для передачи на съезд.

Как только стало показываться солнце, мы выползли из шалаша, и тут же, в нескольких шагах от него, я и занялся съемкой.

Света еще было совершенно недостаточно, но Владимир Ильич меня торопил, чтобы я поскорей снимал и уезжал. В моем аппарате самая малая скорость затвора была 1/10 секунды, а мне хотелось взять диафрагму объектива F:9, и надо было ожидать недодержки. Но было еще и другое неудобство. Зеркальной камерой, конечно, можно снимать и с выдержкой, но для этого ее непременно надо установить на штативе, чтобы она не могла колебаться, но штатива у меня не было. При съемке же с рук приходится зеркальную камеру держать на груди и даже немного ниже, так как при наводке на фокус приходится смотреть на матовое стекло сверху вниз. Чтобы снять портрет, проще и удобнее всего усадить модель, но... здесь не было решительно ничего, на что можно было бы усадить модель, не было нигде даже камня.

Когда я стал наводить на фокус, то лицо Владимира Ильича не попадало на пластинку: дело в том, что, как я уже сказал, Владимир Ильич стоял, а мой зеркальный аппарат надо держать на груди, даже несколько ниже, и потому лицо не попадало. Владимир Ильич увидел, что я нахожусь в затруднении, и когда узнал, в чем дело, то сказал мне: «А если я стану на колени, то тогда ведь мое лицо будет находиться как раз на одном уровне с объективом?» И ведь как это просто! Именно так я его и снимал. Это было единственное удобное положение.

Часто мне задают вопрос, как относился Владимир Ильич к съемке, как он вел себя, что делал, что говорил и т. д. Владимир Ильич относился ко всему в высшей степени просто, и если угодно, то даже по-деловому, сам принимал ближайшее участие в процессе съемки. Фотографическая карточка была ему нужна для определенной

и важной цели: ему нужно было получить с Сестрорецкого оружейного завода удостоверение — билет, по которому он потом и жил нелегально. Такие билеты выдавались рабочим, и на левой стороне билета наклеивалась фотографическая карточка, а затем на это удостоверение накладывалась печать сестрорецкой «милиционной комиссии», притом так, что половина печати приходилась на карточку, а вторая половина — на удостоверение. Вот точный текст удостоверения, которое было выдано Владимиру Ильичу:

СЕСТРОРЕЦКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД

№

Предъявителю сего Константину Петровичу Иванову
разрешается вход в магазинную мастерскую завода
до 1 января 1918 г.

А слева наклеена сделанная мною карточка Владимира Ильича, и посредине поставлена печать милиции.

Владимир Ильич отлично понимал все это и потому старался всячески помочь мне выполнить мою задачу, чтобы получить карточку как можно скорее.

Тут была еще и другая, довольно парадоксальная, на первый взгляд, задача: надо было изготовить такую карточку, которая не была бы похожа на Ленина и в то же самое время была бы похожа на ее предъявителя, т. е. на того же самого Ленина. И действительно, Ленин был тогда не таким, каким мы его знали все. На пустыре в Разливе он был весь бритый, на голову он надел парик — вероятно, один из тех, на которых я сидел во время обыска и которые тогда назывались «домашними вещами». Таким точно он и вышел на карточке.

Насколько мне известно, переезд Владимира Ильича в Финляндию, его жизнь там в течение некоторого времени и предъявление этой самой карточки прошли совершенно благополучно; а ведь это-то именно и являлось главной и единственной задачей фотографирования.

Конечно, на этой фотографии Владимир Ильич не тот, каким мы все его знали, но всякий, кто знал Ленина лично, конечно, тотчас же узнает все черты его лица до мельчайших подробностей. Но шпики, которые в то время всюду рыскали в поисках за Владимиром Ильичем, по этой фотографии не могли его узнать, а ведь это только и требовалось.

Закончив съемку Владимира Ильича в Разливе, что было сделано очень быстро, я тотчас же на той же самой лодке был отвезен обратно на станцию Разлив и, кажется, с первым поездом вернулся в Петроград.

Г. Э. ЯЛАВА

Гуго Эрикович Ялава (1874—1950) — машинист паровоза № 293 Финляндской железной дороги, на котором в 1917 году В. И. Ленин под видом кочегара был дважды перевезен через финляндскую границу.

Активный участник революционных событий на Финляндской железной дороге в 1905 году, возглавлял стачечный комитет. После поражения первой русской революции перевозил через границу революционеров и нелегальную литературу. Накануне Октябрьской революции его квартира использовалась в конспиративных целях: 14(27) октября на этой квартире состоялась встреча В. И. Ленина с руководящими работниками партии большевиков и Военной организации при ЦК РСДРП(б). На совещании обсуждались вопросы подготовки вооруженного восстания, в том числе о штабе восстания — Военно-революционном комитете.

Г. Э. Ялава после Октябрьской революции работал в аппарате ЦИК Карельской АССР, в 1941—1945 годах был инспектором по жалобам Свердловской железной дороги.

Член КПСС с 1925 года.

В 1921 году, когда Г. Э. Ялава был арестован (по ложному доносу), В. И. Ленин затребовал все документы, связанные с арестом и конфискацией имущества, и писал заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту: «Лично зная тов. Ялаву с 1917 года, я подтверждаю его несомненную честность и прошу распорядиться о немедленной выдаче ему отобранных у него денег».

После июльских событий 1917 года контрреволюция в России, как известно, перешла в наступление. Ленин вынужден был вновь уйти в подполье.

В конце августа, когда ночи были уже холодными, за-
явились ко мне вечером товарищи. Посидели, потолковали,
а потом спросили:

— Ну как, старый конспиратор, возьмешься переправить через реку одного старичка? Предупреждаем, что работа будет ответственная и опасная. Сможешь ли?

Я, конечно, согласился, и мы тут же разработали до мельчайших подробностей план переправы Ильича через границу.

22 августа (4 сентября) 1917 года из Петрограда по расписанию вышел дачный поезд № 71. Он держал путь на Райволу. Паровоз был подан вовремя; на нем стоял номер 293¹. На подходе к станции Удельной, что в десяти верстах от Петрограда, я стал внимательно всматриваться в темноту, как вдруг увидел среднего роста коренастого человека, быстро идущего к паровозу. Человек был в кепке, в старой «тройке» — обычной одежде питерского рабочего, с гладко выбритым лицом. Он подбежал к машине, не говоря ни слова, цепко схватился за поручни и вскарабкался в паровозную будку.

Ленин — а это был он — приветливо поздоровался и снял пальто. Он попытался было пошутить с моим помощником, но, увидев, что тот ни слова не понимает по-русски, весело рассмеялся, а затем, вскочив в тендер, дружелюбно хлопнул помощника по плечу и этим дал знать, что тот может спокойно сидеть на своем месте и курить. А что касается дров, то... Ильич, легко взобравшись на дровяной штабель, с необычайной сноровкой и ловкостью начал аккуратно укладывать дрова в клетку.

¹ В 1957 году паровоз № 293 был торжественно передан правительством Финляндии Советскому Союзу.

Ильича нужно было довести до станции Териоки. На границе — в Белоострове — всегда проходила тщательная проверка документов всех едущих пассажиров. Проверить документы могли и у паровозной бригады.

Поезд стоял в Белоострове 20 минут. Здесь полагалось набирать воду. Колонка находилась в стороне. Прибыв на станцию, я заметил, что по платформе в этот раз сновало особенно много полицейских и юнкеров. Я быстро отцепил паровоз от состава, отъехал к колонке и простоял там с таким расчетом, чтобы подойти обратно к поезду к самому отправлению.

Как только раздался третий звонок, я прицепил паровоз к составу, дал резкий свисток и поехал. А через несколько минут мы были уже по ту сторону границы, в Финляндии. Владимир Ильич стал оживленно беседовать со мной. Он расспрашивал о настроении финских рабочих, о событиях в Финляндии, говорил о перспективах финляндской революции.

На станции Териоки, на пятидесятом километре от русской границы, Ленин сошел с поезда. Перед тем как сойти, Ильич дружески пожал мне руку. На платформе Ильич еще раз приветливо махнул рукой в сторону паровоза и вместе со встретившими его товарищами отправился в деревню Ялкала, где и прожил до переезда в Гельсингфорс.

7(20) октября 1917 года я вновь вез Владимира Ильича Ленина. На этот раз из Финляндии в Петроград¹. Сел он ко мне на паровоз на станции Райвола.

Затем, уже в годы Советской власти, я навещал Ленина в Москве, в Кремле, и всегда встречал с его стороны теплый и сердечный прием.

¹ Точная дата приезда В. И. Ленина в Петроград не установлена. Постановление ЦК РСДРП(б) о возвращении Ленина вынесено 3 (16) октября. В воспоминаниях современников называются также даты 22 и 29 сентября.

В. И. Ленин у паровой топки. 1917 год.

Г. С. РОВИО

Густав Семенович Ровио (1887—1938) — член партии с 1905 года, по профессии токарь. За участие в революционном движении дважды был в ссылке и дважды бежал. С 1910 года жил и работал в Финляндии, был членом Социал-демократической партии Финляндии, а с 1913 по 1915 год секретарем Социал-демократического союза молодежи. В апреле 1917 года был выдвинут рабочими на должность начальника милиции Гельсингфорса. В августе — сентябре 1917 года в его квартире скрывался В. И. Ленин, при его посредстве В. И. Ленин сносился со Стокгольмом, где было Русское бюро ЦК, при его помощи переправлял свои статьи и письма в Петроград, переехал из Гельсингфорса в Выборг.

Ровио был активным участником рабочей революции в Финляндии. После ее разгрома, в августе 1918 года, был принят В. И. Лениным, беседовал с ним о положении в Финляндии. Через него В. И. Ленин сносился с представителями рабочего движения Финляндии, оказывал им помощь. В удостоверении, врученном Г. С. Ровио в августе 1918 года, В. И. Ленин писал:

«Удостоверение.

Прошу все советские учреждения и военные власти оказывать всяческое содействие подателю, товарищу Густаву Ровио, лично мне известному и заслуживающему полного доверия.

Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Заметка В. И. Ленина: «NB Ровио (Питер) Достать игрушек (7 лет)», сделанная среди записей во время заседаний III конгресса Коминтерна (1921), свидетельствует о том, что у Ленина сохранялись с Ровио не только деловые, но и личные сердечные отношения.

КАК ЛЕНИН СКРЫВАЛСЯ У ГЕЛЬСИНГФОРССКОГО «ПОЛИЦМЕЙСТЕРА»

Приехал Шотман и говорит с самым таинственным видом:

— ЦК партии поручил мне организовать переезд и подыскать квартиру здесь, в Финляндии.

— Сюда приезжала одна девица по этому делу, и я с ней уже сговорился, — заметил я с своей стороны.

— Она неправильно сделала, мне поручено устроить товарищей здесь, в Гельсингфорсе, но чтобы об этом никто не знал. Ты не имеешь права никому об этом сообщать, — сказал мне Шотман.

— Хорошо. Я готов помочь чем могу, хорошо. Самой собой понятно, что от меня никто не узнает, — ответил я.

Так как Шотман очень торопил с перевозкой Ленина, то мы решили, что он привезет Ленина прямо ко мне на квартиру, а потом уже подыщем для него более подходящую квартиру.

В начале апреля 1917 года рабочие организации выбрали меня начальником милиции Гельсингфорса. Позже я был утвержден генерал-губернатором и сенатом с соблюдением всех параграфов законов «старшим помощником гельсингфорсского полицмейстера», а полицмейстером — некий поручик фон Шрадер. Но ввиду обострившейся классовой борьбы Шрадер не выдержал атаки буржуазии и ее прессы, обливавшей ежедневно грязью милицию, состоявшую почти поголовно из рабочих социал-демократов, и ушел. Таким образом, я оставался врид начальника милиции до самой рабочей революции в январе 1918 года.

У меня была квартира (одна комната и кухня) на Хагнесской площади (дом 1, кв. 22).

Так как ко мне никто не приходил, а моя жена в то время была в деревне, то мы и нашли самым удобным и

безопасным сначала поселить Ленина у меня. Шотман даже пошутил:

— Приеду в Питер, скажу нашим, что поместил Ленина у гельсингфорсского полицмейстера. Вот уж, наверное, будут удивляться и смеяться, когда узнают. И я убежден, что ни один черт из агентов Керенского и не подумает заглянуть в твою квартиру.

Мы условились с Шотманом, что он сначала привезет Ленина в город Лахти и оттуда позвонит по телефону мне в Гельсингфорс в управление милиции. Из Лахти они поедут к депутату Вийку на квартиру, так как он жил не в самом городе Гельсингфорсе, а в дачной местности, у станции Мальм. Когда все было обдумано и взвешено, Шотман уехал довольный и радостный.

Через пару дней у меня зазвонил телефон. Шотман сообщил из города Лахти, что «все благополучно. Завтра вечером буду у тебя».

На следующий день мне звонил Вийк и просил вечером назначить свидание, так как меня хочет видеть один товарищ. Я назначил в 11 часов вечера на тротуаре у Хагнесского рынка.

Заблаговременно я вышел в условленное место и стал ждать. Через несколько минут ко мне подошли два человека, разговаривая по-французски. Один из них был Вийк, и я с ним поздоровался.

— Товарищ Ровио? — спросил меня спокойно по-русски, подавая мне руку, второй товарищ.

Это был Ленин, которого я впервые здесь увидел. Я ответил утвердительно и пожал его руку. Мы направились на мою квартиру. Это было в конце июля или в первых числах августа — точно не помню¹. Осмотревшись предварительно кругом и не заметив ни души на улице, мы взобрались на пятый этаж в мою квартиру.

Я чувствовал некоторое легкое возбуждение, став вдруг квартирохозяином Ленина. Конечно, я не мог и подозре-

¹ В. И. Ленин приехал в Гельсингфорс 10 (23) августа.

вать в то время, что через четыре месяца Ленин будет руководителем великой державы, но, читая ежедневно русские буржуазные и соглашательские газеты и видя, какое внимание уделяется в них «шпионажу» Ленина, я понимал вполне конспирацию Шотмана и не мог не чувствовать легкого напряжения. Тем более, что мне по службе чуть ли не каждый день приходилось иметь дело с контрразведкой Керенского, а иногда и с финляндским генерал-губернатором октябристом М. А. Стаховичем.

Я заварил чай и предложил его своему «квартиранту». Вийк ушел. Ленин стал расспрашивать, как получать русские газеты. Я объяснил, что вернее всего можно получать их по приходе поезда из Петрограда на вокзале ежедневно часов в 6—7 вечера.

— Вам придется ходить каждый день на вокзал и брать мне все русские газеты. Потом вам надо будет наладить переправку писем по своей почте, мы не можем доверяться официальной почте, — стал мне давать распоряжения Ленин.

Все это я обещал выполнять точно. Сообщил Ленину, что у меня есть вполне надежный товарищ, железнодорожный почтальон в вагоне, который курсирует между Гельсингфорсом и Питером, и при помощи его я смогу наладить нелегальную почту, лишь только получу указание, куда письма в Питере должны доставляться.

Когда Ленин узнал все необходимое для его работы, он мне сказал, чтобы я лег спать, а он еще сядет за работу. И, несмотря на то что было уже поздно и он только что поселился в новой квартире, Ленин преспокойно сел за стол, взял русские газеты и стал их просматривать и писать. Не знаю, сколько времени он писал, потому что я заснул. Утром я встал часов в девять и посмотрел на стол. Тут лежала тетрадь с заголовком «Государство и революция». Ленин еще спал, а я пошел на службу. Когда я днем, часа в четыре, пришел домой, Ленин говорит мне:

— Я просмотрел ваш книжный шкаф. У вас много хороших книг, мне они как раз нужны.

Потом он просил меня купить для него яиц, масла и пр. Я предложил приносить обеды из столовой кооператива, куда я обыкновенно ходил обедать, но он категорически отказался, объясняя, что на газовой плите он сумеет вскипятить воду для чая и сварить яиц, а больше — что ж, для него того вполне достаточно.

— Мне главное — газеты. Вот газеты не прозевайте, — сказал он мне.

Я пошел на вокзал и принес кипу газет. У нас так и наладилось: по вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал мне их для пересылки в Питер. Днем он сам себе готовил пищу.

Прожил у меня Ленин недели полторы; тогда Вийк нашел для него другую квартиру — у т. Усениуса. Поздно вечером мы перевезли его туда. Но через несколько дней мне пришлось опять поселить Ленина у себя, так как тот товарищ, в квартире которого он поселился, неожиданно вернулся и пребывание там Ленина стало невозможным.

Когда Ленин прожил вновь у меня с неделю, мы нашли новую квартиру у Теле в бездетной семье рабочего Б.¹ Я не хочу называть настоящей фамилии товарища, потому что он был после подавления финской революции арестован и приговорен к расстрелу и я до сих пор не знаю, расстреляли его или нет. Товарищ этот дал в распоряжение Ленина комнату, его жена приготавливала кушанье и вообще всячески заботилась обо всех удобствах Ленина. Ленин был весьма доволен своей квартирой и квартирохозяевами.

Я приезжал к нему каждый вечер, привозил газеты и брал письма для отсылки и был переводчиком между Лениным и квартирохозяевами, которые очень сожалели,

¹ Блумквист Артур (1878—1951) в 1917 году был членом рабочей организации финских шведов.

что не могут непосредственно объясниться с Лениным. Ленин также сожалел, что не владеет ни финским, ни шведским языком, и добавил, что теперь уже поздно для него изучать финский язык. На этой квартире Ленин прожил все остальное время своего пребывания в Гельсингфорсе, приблизительно месяц или больше, до конца сентября или начала октября, когда он переехал в Выборг¹.

Вспоминая теперь, после пяти лет, подробности работы и жизни Ленина в подполье в Гельсингфорсе, многое я уже позабыл. В памяти остались лишь отрывочные, наиболее яркие картины и эпизоды из повседневных наших встреч.

Ленин жил среди финского рабочего класса как раз в тот момент, когда рабочие организации, не зная об этом, постановили пригласить его на свой праздник, в Финляндию. Дело в том, что в последнее воскресенье августа всюду в Финляндии устраивается рабочими организациями традиционный праздник труда, чистый сбор с коего поступает в кассу Центральной организации профсоюзов Финляндии.

И вот в Гельсингфорсе комиссия, устраивающая праздник, постановила еще до июльских дней пригласить Ленина в качестве оратора на этот праздник. Мне было поручено составить и послать с этой целью приглашительное письмо Ленину. Я письмо написал, но не успел его послать, как уже Ленин очутился у меня «квартирантом». Однажды я показал письмо Владимиру Ильичу и рассказал, что это за праздник. Ленин улыбнулся и сказал:

— Мне придется теперь воздержаться от речей. Правда, праздник недалеко, но оставим это до другого раза.

«Финансовый» вопрос требовал разрешения. Не в том смысле, что у Владимира Ильича не было денег, но, к несчастью, у него деньги были русские. Ввиду непрерывного

¹ В. И. Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг 23 или 24 сентября (6 или 7 октября).

падения курса русских денег, в то время как курс финской марки не так быстро падал, и ввиду, кроме этого, валютной спекуляции русскими деньгами, банки в Гельсингфорсе меняли русские деньги только на десять марок одному лицу. У меня же в день на одни газеты больше расходовалось денег. Сам я не мог менять достаточного количества денег, и неудобно было в качестве начальника милиции ежедневно менять русские деньги, потому что всех меняльщиков считали спекулянтами и вся пресса вела против них кампанию.

Как быть? Как объяснить обилие русских денег у меня? Я обратился к своим товарищам в управлении и объяснил, что у меня есть от партии секретное поручение и мне нужно менять русские деньги на финские, для чего мне нужна их помощь. «После я вам объясню, и ваши имена будут занесены по этому случаю в историю», — пошутил я в заключение. Таким образом я смог пятерых товарищей сразу послать менять деньги, и «финансовый кризис» Владимира Ильича был благополучно разрешен.

Знал ли кто о пребывании Владимира Ильича в Гельсингфорсе? Из русских, проживавших в Финляндии, знал лишь Смилга. Когда Ленин поселился у меня, он попросил привести к нему Смилгу. Я ходил к Смилге и привел его к себе на квартиру. Владимир Ильич стал у него расспрашивать о настроении моряков, гарнизона, о газете, типографии и прочем. Из финских товарищей знали лишь некоторые члены ЦК, как Маннер, Куусинен, так как я им сообщил и устроил свидание с Владимиром Ильичем. Маннер был в то время тальманом (или председателем) сейма, и в один прекрасный день мы на извозчике поехали с Владимиром Ильичем к нему на квартиру. Беседа велась частью на немецком, частью на русском языке, и я уже забыл содержание ее, помню лишь, что вопрос шел об антимилиитаризме...

...Товарищ Куусинен имел свидание с Лениным как раз перед отъездом его в Выборг. Разговор шел исключи-

тельно на немецком языке, и поэтому я, как не понимающий этого языка, забыл все, что мне про этот разговор было рассказано.

Шотман приезжал несколько раз. Он дал мне адреса, куда должны были доставляться письма, и вообще организовал почту в Питере. Вот раз он приезжает, кажется после корниловских дней, и говорит мне:

— Знаешь, через четыре месяца Владимир Ильич будет у нас премьер-министром, — и стал объяснять и доказывать свою правоту.

Когда мы пришли к Ильичу, он и говорит:

— Владимир Ильич, через четыре месяца вам придется составлять кабинет, вы будете премьером.

Владимир Ильич стал у него расспрашивать подробнейшим образом про все.

Не помню, Шотман ли или Смилга рассказывал про пресловутое Демократическое совещание и называл его болотом. Владимир Ильич назвал работу совещания болтовней и сказал, что надо бы взять солдат, окружить Александринку и арестовать целиком это гнилое болото: достаточно уже наболтали. И спрашивает, хитро усмехаясь, нельзя ли это как-нибудь нечаянно сделать?

Один раз приезжала к Владимиру Ильичу Надежда Константиновна¹. Ленин нарисовал план, как к нему можно пройти, и послал это в письме к Надежде Константиновне. И вот по этому плану Надежда Константиновна приехала в Гельсингфорс и разыскала квартиру Владимира Ильича.

По мере обострения классовой борьбы и по мере усиления влияния нашей партии Владимиру Ильичу становилось невтерпёж в Гельсингфорсе. Ближе к событиям, ближе к Питеру. В один прекрасный день Владимир Ильич объявил мне, что он хочет ехать в Выборг и я должен достать ему парик, краску для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге.

¹ Н. К. Крупская приезжала к В. И. Ленину в Гельсингфорс два раза.

Я приступил к выполнению задания. Отыскал в газетах объявление театрального парикмахера и позвонил к нему относительно парика, как можно заказать таковой. Он объяснил, что надо прийти лично, он снимет мерку и изготовит какой угодно.

На следующий день, рано утром, мы пошли, стараясь идти по безлюдным улицам, на Владимирскую улицу. Вошли в парикмахерскую. Парикмахер оказался старым петербуржцем, работал там в Мариинском театре и был специалистом своего дела. Он рассказывал нам, как он «омолаживал» князей, графов, генералов и прочих аристократов и аристократок. На вопрос Владимира Ильича, когда парик будет готов, он объяснил, что не раньше двух недель, потому что это очень кропотливая работа. Вот тебе и на. А Владимир Ильич предполагал через пару дней уехать.

— Может, у вас готовые есть? — спросил Владимир Ильич.

Парикмахер снял мерку с головы Владимира Ильича и спросил, какого цвета нужен парик. Владимир Ильич сказал, что парик должен быть с сединой, примерно так, чтобы он был похож на шестидесятилетнего. Бедняга парикмахер чуть не упал в обморок от удивления.

— Что вы? Вы еще такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать. Зачем же вы берете такой парик? Да у вас седина-то еще не выступила!

Парикмахер стал самым красноречивым образом убеждать Владимира Ильича не брать себе преждевременной старости. Несмотря на все возражения Владимира Ильича, он долго убеждал не брать седого парика.

— Да вам-то не все ли равно, какой парик я возьму? — сказал Владимир Ильич.

— Нет, я хочу, чтобы вы сохранили свой молодой вид, — начал опять убеждать парикмахер.

Владимир Ильич стал рассматривать шкафы и, заметив там седой парик, попросил парикмахера испробовать. С укоризной взял парикмахер парик и стал приме-

рять. Парик оказался почти подходящим, нужно было чуть-чуть распороть и перешить. Парикмахер обещал сделать к завтрашнему утру. На следующий день мы пришли снова, парик был готов. Примерили и окончательно пригнали к голове Владимира Ильича. Парикмахер дал указания, как его носить, и мы расплатились и распрощались...

...Когда я на следующий день зашел к Владимиру Ильичу, он рассказал мне, что учится ходить в парике. Надел парик и спрашивает:

— Ну как, заметно, что у меня парик?

Я осмотрел тщательно и говорю:

— Кто не знает, не заметит.

Потом я достал через своих товарищей краску для бровей и финский паспорт и предоставил все это Владимиру Ильичу. Квартиру в Выборге я просил подыскать депутата Хуттунена. Когда все было приготовлено и налажено, я распрощался с Владимиром Ильичем, и его повезли в Выборг, а оттуда через некоторое время — в Питер. Нелегальная жизнь кончилась...

Описывая подробно один из самых замечательных моментов жизни Владимира Ильича, нельзя не попытаться охарактеризовать его личность. Общеизвестна старая истина, что характер человека наилучше выявляется в критической обстановке. Каков был Владимир Ильич в самую гнусную эпоху, в послеиюльские дни керенщины?

Удивительное самообладание и хладнокровие. Приехал прямо с дороги, где всегда можно было ожидать ареста, и сразу сел за письменный стол за работу. Именно в Гельсингфорсе Владимир Ильич закончил свою книгу «Государство и революция».

За все время пребывания в Гельсингфорсе я не заметил во Владимире Ильиче ни малейшей нервности. Всегда он был в хорошем настроении. Когда слышал какую-нибудь забавную вещь, смеялся от души.

Работал Владимир Ильич регулярно и усидчиво. Когда работа выполнена, тогда можно пойти и прогуляться.

Иногда вечером в темноте мы выходили на улицу и совершали прогулки по городу. Когда к Владимиру Ильичу приехала Надежда Константиновна, он мне сказал:

— Завтра вы не приходите ко мне, я приду за газетами к вам на квартиру.

И действительно, на следующий день Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной пришли через большой парк из Теле на Хагнесскую площадь, на мою квартиру.

Я заметил, что Владимир Ильич при всех обстоятельствах сохраняет трезвую оценку событий. Воля у него не железная (это, пожалуй, будет мягко сказано), а стальная. Уж он своего добьется.

Когда я не выполнял вовремя данных заданий, Владимир Ильич укорял меня:

— Что же вы? Почему не сделали?

И, как я ни оправдывался, он настаивал на своем, пока все не было сделано, как он хотел.

Что касается личных нужд и потребностей, то Владимир Ильич отличался необычайной скромностью. Даже враги не могут ничего не только сказать, но и придумать на этот счет.

Как личность Владимир Ильич — человек в высшей степени симпатичный, обаятельный. Это революционер с головы до пят.

ЮККА ЛАТУККА

Юкка Латукка (1884—1925) — финский журналист, член Социал-демократической партии Финляндии с 1904 года, сотрудник Выборгской газеты «Тюз» («Труд»). О том, как В. И. Ленин скрывался у него в Выборге, Ю. Латукка пишет в своих воспоминаниях.

После поражения рабочей революции в Финляндии (1918) неоднократно был принят В. И. Лениным. В частности, в августе 1918 года В. И. Ленин, направляя Ю. Латукка к Г. В. Чичерину, писал ему: «... тов. Латукка, финский социал-демократ, помогавший нам много, когда мы прятались в Финляндии. Надо теперь всячески помочь ему... Он журналист».

Речь шла о работе Ю. Латукка в полпредстве РСФСР в Швейцарии.

ЛЕНИН В 1917 ГОДУ В ПОДПОЛЬЕ В ФИНЛЯНДИИ

В последние дни сентября 1917 года в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контрреволюцию оказалась битой. Призыв «Вся власть Советам!» неся со всех угол-

ков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь этот призыв сплачивает ряды беднейших и малоземельных крестьян, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь — солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронт.

Владимир Ильич Ленин по постановлению ЦК РСДРП(б) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у тов. Ровио. Но так как из Гельсингфорса связь с Центральным Комитетом партии, находившимся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ильича где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье, 30 сентября¹, в день, назначенный для приезда Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемой Таликкала.

От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

«Привезти» Ильича из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты Хуттунен, на квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня провели в комнату: «Где же Ильич? Дайте мне посмотреть на него поскорей». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним? Сейчас увидишь, обожди минуточку» — и вышел.

Немного погодя Хуттунен позвал меня, сказав, что т. Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода Иванова²) ждет меня на

¹ По уточненным данным, В. И. Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг позднее: 6 или 7 октября (23 или 24 сентября) 1917 года.

² У Владимира Ильича был не паспорт, а удостоверение на имя Константина Петровича Иванова.

кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — потихоньку сказал он мне, причем по его глазам можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание, а Ильич остался у него до вечера. И только вечером, забрав «багаж» (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились ко мне на квартиру.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы понравились Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту квартиру вы, товарищ, предоставляете мне?» — Ильич пожал мне руку и сказал: «Здесь я смогу хорошо поработать».

И действительно, в своем новом «рабочем кабинете» он работал. Рабочий день был распределен у него точно по часам. Установлены были определенные часы подъема, обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось. «Ну, это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного, — сказал Ильич, добавив: — Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы как партийные работники не считаемся со своим рабочим временем». И этот план Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Ильич сидел у письменного стола. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты «Тюэ» — «Труд»), я заглядывал к нему в комнату, так как Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его. Он всегда справлялся, когда вернусь, просил сообщать новости и т. д. «Следите за телеграммами

«РОСТА»¹, я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте», — говорил он мне не раз. И я давал обещание следить за телеграммами, исполняя его поручения.

Дни шли. Мы очень подружились; беседовали, когда Ильич устал от работы. Шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции, при этом Ильич говорил: «Быть может, и вам, товарищи (т. е. финнам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами». И он, как это показали затем последовавшие в 1918 году события, не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Ильича у меня.

По газетам он тщательно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (их получали в Выборге в 11 часов утра) он ожидал, как голодный обеда. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет: ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газет крайних правых партий?» — спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ильич на черносотенные газеты. Ведь они критиковали действия Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контрреволюцию. А это нужно было Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Ильич также интересовался. Узнав, что я в качестве представителя ЦК выборгских рабочих организаций часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение выборгского гарнизона к больше-

¹ В 1917 году существовало «ПТА» (Петроградское телеграфное агентство). «РОСТА» (Российское телеграфное агентство) было создано в сентябре 1918 года на базе «ПТА».

викам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил благодаря тт. Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении расквартированных в Выборге полков.

Ильич давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу в армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эсерки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И несмотря на то, что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «Прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно». «Этого я не отрицаю, товарищ Ленин, — ответил я, — но по многим причинам это нельзя устроить без риска для вас быть схваченным агентами Временного правительства».

На счастье, у меня мелькнула мысль, с которой Ильич тотчас же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с собой одного товарища, знающего стенографию. «Полная проверенная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада», — сказал я Ильичу. На следующий день было получено известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Ильичу, и он успокоился и, шутя, разбирал вопрос, какая кара была бы мне от партии в том случае, если бы я не удержал Ильича и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит на кануне своего падения, Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню — 6 или 7 октября я получил вечерние газеты, со-

державшие официальное сообщение о смене кабинета¹. Ильич, узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: «Значит, наконец, последнее правительство Керенского сформировано». Хотелось мне ему сказать, что, следовательно, следующее будет правительство «тов. Иванова», но все же не сказал, так как прочел это в его глазах.

В те же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню, в какой, было сообщено еще, что из 17 000 солдат московского гарнизона 14 000 отдали свои голоса большевистскому списку. «Я не понимаю, почему при таких обстоятельствах они не берут власть в свои руки?!» — вырвалось у Ильича.

Ильич жил революцией и сам бурлил как революция. Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, что «история не простит нам, если мы не возьмем власти теперь».

На одно свое письмо Ильич по каким-то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд тов. Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило тов. Шотману уговорить Ильича остаться еще на неделю.

Ильич согласился, но тов. Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии не разрешает самовольного приезда Ильича в Петроград. «А подпись? — заметил Ильич. — Поставь и дату». Эту историческую бумажку я взял от тов. Шотмана

¹ Новый кабинет 3-го коалиционного Временного правительства был сформирован 25 сентября (8 октября) 1917 года.

и сунул в ящик комода. Там она осталась после Ильича и после моего бегства. Когда власть в Финляндии взяли белые, мои родственники из опасения репрессий сожгли ее.

В последнюю неделю пребывания Ильича у меня он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу 20 октября прибыл наконец долгожданный тов. Эйно Рахья с поручением от ЦК партии доставить Ильича в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделавший нашего Ильича неузнаваемым — финским пастором.

При расставании я пожелал Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов, стоявших на повестке дня в России. «Следуйте нашему примеру», — был сердечный ответ Ильича, и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 часа 35 минут дня дал свисток — «Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции Райвола наши путешественники оставили площадку вагона; часа через два Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был тов. Ялава, с тов. Эйно Рахья в первом вагоне поезда переехали границу и на станции Ланская оставили поезд¹.

Через 2 недели, 7 ноября, Октябрьская революция стала фактом.

* * *

Мне пришлось, как это предвидел Ильич, после поражения финляндской революции стать эмигрантом.

В 1918 году я два раза бывал у Ильича в Москве в Кремле. Первый раз, 30 июля, беседовали около полуто-

¹ Возвращаясь нелегально из Выборга в Петроград на паровозе № 293, В. И. Ленин доехал не до станции Ланской (в то время слишком многолюдной), а до станции Удельной (в то время глухой и пустынной), откуда направился на квартиру М. В. Фофановой.

ра часов. «У меня найдется всегда время для друзей», — сказал он, когда я, покончив со своим делом, хотел уйти, зная, что он занят более важными государственными и другими делами. Его интересовали тогда причины поражения финляндских рабочих в гражданской войне. «Посещайте меня, звоните, номер 36-182, вас я всегда приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам)», — говорил мне Владимир Ильич. Еще раз, 19 августа, побывал я у Ильича, когда прибывшие в Петроград беженцы-финны начали сильно голодать. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше мне не приходилось его видеть, так как я был командирован на работу в Петроград.

М. В. ФОФАНОВА

«М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя в квартире.

С революции Октября 1917 года работает все время не покладая рук», — так писал В. И. Ленин 17 января 1922 года.

Именно такому энергичному и преданному человеку и вручила Надежда Константиновна Крупская судьбу Ленина в дни его последнего подполья. Квартира на Сердобольской улице была законспирирована так строго, что даже сестра Владимира Ильича Анна Ильинична после июльских дней увидела его первый раз в Смольном 26 октября (7 ноября), когда он на II съезде Советов огласил Декреты о мире, о земле и об образовании рабоче-крестьянского правительства.

Маргарита Васильевна Фофанова (1883—1976) выполняла все поручения Ленина, что требовало осторожности, находчивости, быстроты, осведомляла его о нарастании напряженности в «низах», на улицах Петрограда, в рабочих районах. С нею делился Ленин своим планом положить в основу Декрета о земле крестьянский наказ о земле, подписанный 242 депутатами с мест.

Живя постоянно в тревоге за Ленина, особенно когда он уходил на встречи с товарищами, заседания ЦК и т. п., Маргарита Васильевна не вносила в быт никакой нервозности, проявляла поистине большевистскую выдержку.

С Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной у нее сохранились дружеские, сердечные отношения. В начале 1918 года ей был вручен выписанный В. И. Лениным постоянный пропуск на право прохода в Смольный и его квартиру. Она навещала Владимира Ильича после

ранения в августе 1918 года, советовалась с ним по поводу национализации одного из крупных имений для создания в нем показательного государственного хозяйства.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ В ДНИ ПОСЛЕДНЕГО ПОДПОЛЬЯ

Свое последнее подполье в сентябре — октябре 1917 года Владимир Ильич провел в Петрограде, на Выборгской стороне, в моей квартире, которая находилась на углу Большого Сампсониевского проспекта и Сердобольской улицы в доме № 92/1, в квартире № 41, на последнем, четвертом, этаже. Теперь здесь Музей-квартира В. И. Ленина, он значится по адресу: Сердобольская улица, дом 1/106, квартира № 20.

При обсуждении своего распорядка дня и моих обязанностей Владимир Ильич называл моей «первейшей и главнейшей» задачей доставать ему решительно все газеты и журналы, которые тогда выходили, и доставлять их непременно утром, к девяти-десяти часам, не позднее.

— А что достанете пораньше — засовывайте под дверь ко мне, — добавил Владимир Ильич.

— Неужели я должна ежедневно покупать и все черносотенные газеты? Да ведь их у нас, на Выборгской стороне, и достать трудно. (Еще со времени корниловского мятежа действовало обязательное постановление Совета о запрещении торговли буржуазными газетами в Выборгском и Лесном районах.)

Владимир Ильич ответил:

— Обязательно, и их в первую очередь. Ведь это газеты наших врагов. Чтобы успешно бороться с врагами, надо их изучать.

Не всегда мне удавалось к завтраку доставать все газеты. Иногда я приносила некоторые из них только к обеду, примерно к четырем-пяти часам. Владимир Ильич выходил в столовую обедать с записочкой в руках, в которой были отмечены мои газетные долги. Он их не прощал.

Такое огромное количество газет ежедневно читал Владимир Ильич, что приходилось просто удивляться, как он успевал это делать. Ведь ему в те дни приходилось очень много работать, решать архиотвественные вопросы, руководя всей подготовкой вооруженного восстания.

В столовой, в правом ее углу, у окна, стоял мой небольшой письменный стол, рядом — стеллаж с книгами. У меня была небольшая, в основном сельскохозяйственная, библиотечка. Владимир Ильич успел познакомиться с ней настолько хорошо, что о многих книгах мы с ним специально разговаривали. Часть этих книг скоро перекочевала в комнату Владимира Ильича, на его «письменный» стол (это был стол моей дочери-школьницы, с простой доской, обтянутой коричневой клеенкой, с одним неглубоким ящиком).

Первый раз разговор зашел об авторе двух книг, на которые Владимир Ильич обратил особое внимание. Этот автор — зоолог прошлого столетия Модест Николаевич Богданов (уроженец Симбирской губернии, учился в гимназии в Симбирске и окончил Казанский университет со званием кандидата естественных наук). Помимо своей научной деятельности, М. Н. Богданов писал очерки и рассказы для детей о русской природе и ее обитателях. При жизни автора они были напечатаны в журнале «Родник» и в детском сборнике «Муравей». После смерти Богданова друг покойного, профессор Н. Вагнер, собрал их и издал отдельной книжкой «Из жизни русской природы», для которой написал предисловие и биографию самого автора.

— Богданов — мой земляк. Я учился в той же гим-

нази в Симбирске, но я и родился в Симбирске и тоже, как Богданов, поступил в Казанский университет, только не окончил его, — заметил Владимир Ильич.

Он просматривал книгу «Из жизни русской природы» много раз и восторгался рассказами, так талантливо написанными, читал мне вслух отрывки из них. Особенно любил читать из рассказа «В лесной глуши» про белую совушку, которая «добирается до широких полей средней России, ковыльных степей Украины и Поволжья», и о рыси — «хозяйке, лесных трущоб владелице». Рассказ «О чем горевали птички» не раз прочитывал вслух весь целиком — он всего на двух листочках. Таким же восторженным вниманием у Владимира Ильича пользовался «Скворушка».

Читая эту книгу, вспоминал Владимир Ильич родной Симбирск, свое детство и юность.

Вторая книжка М. Н. Богданова — «Мирские захребетники» — рассказывала о таких обитателях природы, которые, ничего не делая, живут на чужой счет, словом, о даровых нахлебниках и просто вредителях, особенно в сельском хозяйстве. Автор очень подробно описывал жизнь и повадки этих вредителей для того, чтобы человек хорошо знал их.

Владимир Ильич восторгался очень удачным, по его мнению, названием книжки и говорил, что организованная борьба с «захребетниками» может быть по-настоящему налажена только в социалистическом государстве.

— Вот возьмем власть в свои руки, тогда и ополчимся на врагов природы, — говорил он.

Книга «Мирские захребетники» до Октябрьской революции выдержала 18 изданий, 19-е издание вышло в 1923 году.

Мне не удалось еще установить, кто предложил и внес ее в план Госиздата, но думаю, что это было сделано без участия Владимира Ильича.

Третья книжка, которая заинтересовала Владимира Ильича, — «Болота» В. Н. Сукачева (ныне он академик, а в то время был преподавателем на Высших женских сельскохозяйственных курсах имени И. А. Стебута, где я училась, и в Лесном институте, преобразованном теперь в Лесную академию). Эта книжка входила в программу зачета по луговодству, я по ней занималась и оставила ее на столе в столовой. Как-то раз Владимир Ильич говорит мне:

— Знаете, я поинтересовался, что вы читаете, и прочел эту книжку. Там же замечательные мысли! И как интересно, захватывающе она написана! Какое громадное практическое, хозяйственное значение имеют болота! Подумайте, что творится в нашей матушке-России. Подумайте, какой огромный процент земли находится под болотами. А ведь они могут стать центрами богатейших торфяных разработок, добычи дешевого топлива и, значит, дать нам дешевое электричество.

Возможно, что эта книга послужила толчком к первоначальному замыслу Владимира Ильича о плане ГОЭЛРО. В этой связи можно вспомнить слова Г. М. Кржижановского: «Мне выпало счастье знать многие ленинские мысли, предшествовавшие появлению этого плана. Еще в декабре 1919 года Владимир Ильич обратил наше внимание на широкие возможности использования торфа в качестве источника электрической энергии. Он указывал на его огромные запасы, географически удобное местонахождение, на тепловую ценность и сравнительную легкость добывания».

Тогда же, в ходе беседы, я узнала, что Владимир Ильич — большой любитель поохотиться. Помню, как он говорил:

— А вот на болотце с ружьем посидеть. Как хорошо! «Болота» Сукачева Владимир Ильич забрал к себе на стол.

Было видно, что мысли об использовании болот не покидали его: он не раз возвращался в разговоре к этой теме и как-то раз спросил меня:

— Вы не знаете, работы по осушению болот в России где-нибудь ведутся?

Я рассказала Владимиру Ильичу, что весной 1916 года мне пришлось быть на практике на Сиворицком болотном опытном участке под Петроградом. Нужно было проводить дискование. Решили достать лошадей посильней. У ломовых извозчиков в Петрограде были крупные лошади-тяжеловозы. На булыжных мостовых они сбивали копыта и быстро выходили из строя. Кто-то надоумил работников опытной станции купить тяжеловозов, расковать их и пустить работать на болоте. Но у этих лошадей очень большие щетки на ногах, тяжеловозы стали вязнуть в болоте. Тогда решили сделать лошадям брезентовые башмаки с кожаными ремнями, и работа пошла успешно. Кончился сезон, у лошадей ноги хорошо отдохнули на мягкой почве. Лошадей обратно продали в город ломовым извозчикам, не понеся на них убытка — вся стоимость конной работы равнялась только затратам на корм.

В 1920 году я была членом коллегии Наркомзема — руководила управлением животноводства. На Смоленщине к этому времени не осталось совсем лошадей, не на чем было выехать в поле. Вызывает меня Владимир Ильич и спрашивает:

— Маргарита Васильевна, на коровах можно пахать?

— На Смоленщине не только на коровах, на волах никогда не пахали...

— А помните, я у вас читал книжку о болотах, и вы говорили, что лошадям, чтобы они могли работать на болоте, сшили брезентовые башмаки. Так вот, нельзя ли коровам сшить башмаки и пустить их на полевые работы?

— Попытаемся помочь. Нельзя допускать, чтобы женщины впрягались в соху.

Четвертая книжка, о которой Владимир Ильич говорил со мной, — А. Гарвуд «Новая земля», рассказ о победах современного земледелия в Америке.

Как-то после обеда Владимир Ильич подошел к книжным полкам и говорит:

— Я в вашей библиотеке откопал замечательную книжку. Просто замечательную. И формат очень удобный — можно положить в карман. Вот как только возьмем власть, обязательно переиздадим ее. С этой книжкой должен ознакомиться каждый работающий в сельском хозяйстве, в особенности должны уяснить ее мысли и доводы руководители деревни и ученые в сельском хозяйстве, в естествознании.

Смотрите, что автор говорит в первой главе: «Пришла к нему на выручку наука — та чуткая наука наших просвещенных дней, которая видит свою конечную цель не в одном только раскрытии новых истин, но и в их приложении к жизни, та наука, которая испытывает высшую радость не в одном только формулировании законов природы, но и в облегчении тяжелого бремени трудящегося люда».

И в конце этой главы сказано: «По мере того как мы будем подвигаться в своем повествовании, будет выясняться, сколько нового и поразительного уже создано в эту еще краткую эпоху обновленной земли. Развертывающаяся перед нами картина — не какая-нибудь эпоха Ренессанса, не Возрождение, нет, это начало новой творческой эры, быть может, самой замечательной в летописях истории».

Подумайте, как много предстоит сделать, какие трудности нас ждут впереди — перевернуть старое на новое будет нелегко.

В 1918 году, как только Советское правительство переехало в Москву, Владимир Ильич позвонил мне и спро-

сил, захватила ли я с собой книжку Гарвуда «Новая земля», и попросил ее послать ему в Кремль.

Владимир Ильич направил книжку профессору К. А. Тимирязеву с просьбой просмотреть ее и написать к ней предисловие. Книжка должна была быть срочно подготовлена к печати.

К. А. Тимирязев изменил заглавие книжки — назвал ее «Обновленная земля», написал предисловие, и в начале 1919 года книжка вышла из печати.

Владимир Ильич прислал мне два экземпляра «Обновленной земли». У него на столе в кремлевском кабинете всегда лежала стопка «Обновленной земли». Приходящих к нему, в особенности руководителей деревни, он знакомил с книжкой и предлагал распространять ее.

В 1924 и в 1925 годах «Обновленная земля» вышла еще в двух изданиях...

Владимир Ильич придавал большое значение широкому распространению этой книги.

Были у нас с Владимиром Ильичем разговоры и о других книгах.

В заключение хочется сказать, что личное общение с Владимиром Ильичем, даже если это был очень короткий разговор, всегда давало что-то новое. Владимир Ильич, как никто другой, умел выслушать собеседника и сказать ему в ответ самое существенное, самое важное для человека.

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883—1939) — член КПСС с 1917 года, видный советский военный деятель; в революционном движении с 1901 года; в 1905 году — член боевой и военной организации, участник совещания членов ЦК РСДРП с «Военкой» по вопросу о поддержке Московского вооруженного восстания.

В 1917 году — секретарь Петроградского Военно-революционного комитета; на чрезвычайной конференции Социал-демократии Латвии, по поручению В. И. Ленина, ознакомился с состоянием латышских частей и возможностью их технически военного использования.

25 октября командовал штурмом Зимнего дворца, в первом Совнаркоме — член комитета по военным и морским делам, ведающий военным управлением и внутренними фронтами. В годы гражданской войны — командующий войсками против Каледина, Центральной Рады, войсками Юга России, Украинским фронтом.

В январе (феврале) 1918 года В. И. Ленин телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко: «По поводу побед над Калединым и К° шлю самые горячие приветы и пожелания и поздравления Вам! Ура и ура! Жму крепко руку.

Ваш Ленин».

В 1922—1924 годах В. Антонов-Овсеенко — начальник Политуправления Реввоенсовета СССР. С 1924 года — полпред в Чехословакии, Литве, Польше.

С 1934 года был прокурором РСФСР, с 1936-го — генеральным консулом в Барселоне.

ВОЖДЬ

(Из книги «В революции»)

В какой день? Должно быть, 17(30) октября...

— Идемте, Владимир Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь...

Наспех отпустив несколько посетителей, дав необходимые указания заместителю по секретарству в Военно-революционном комитете, выхожу следом за Подвойским и Невским.

Отчаливаем в открытом авто... Входим в большой дом, ярко освещенный, полный шума, суетливых людских передвижений и разговоров. К нам навстречу поднялся Зиновьев. Расспрашивает.

Отвечаю скупо, замкнуто: недоверчиво настраивает его оппозиционность решениям ЦК.

— Если вы сможете доказать, что, взяв власть, продержимся хотя бы две недели, — насмешливо тянет Зиновьев, — то я буду за восстание.

И высказывает несколько тусклых соображений о незрелости революционной ситуации на Западе, о слабости наших боевых сил, о крупных боевых достоинствах противника, о гигантских трудностях положения.

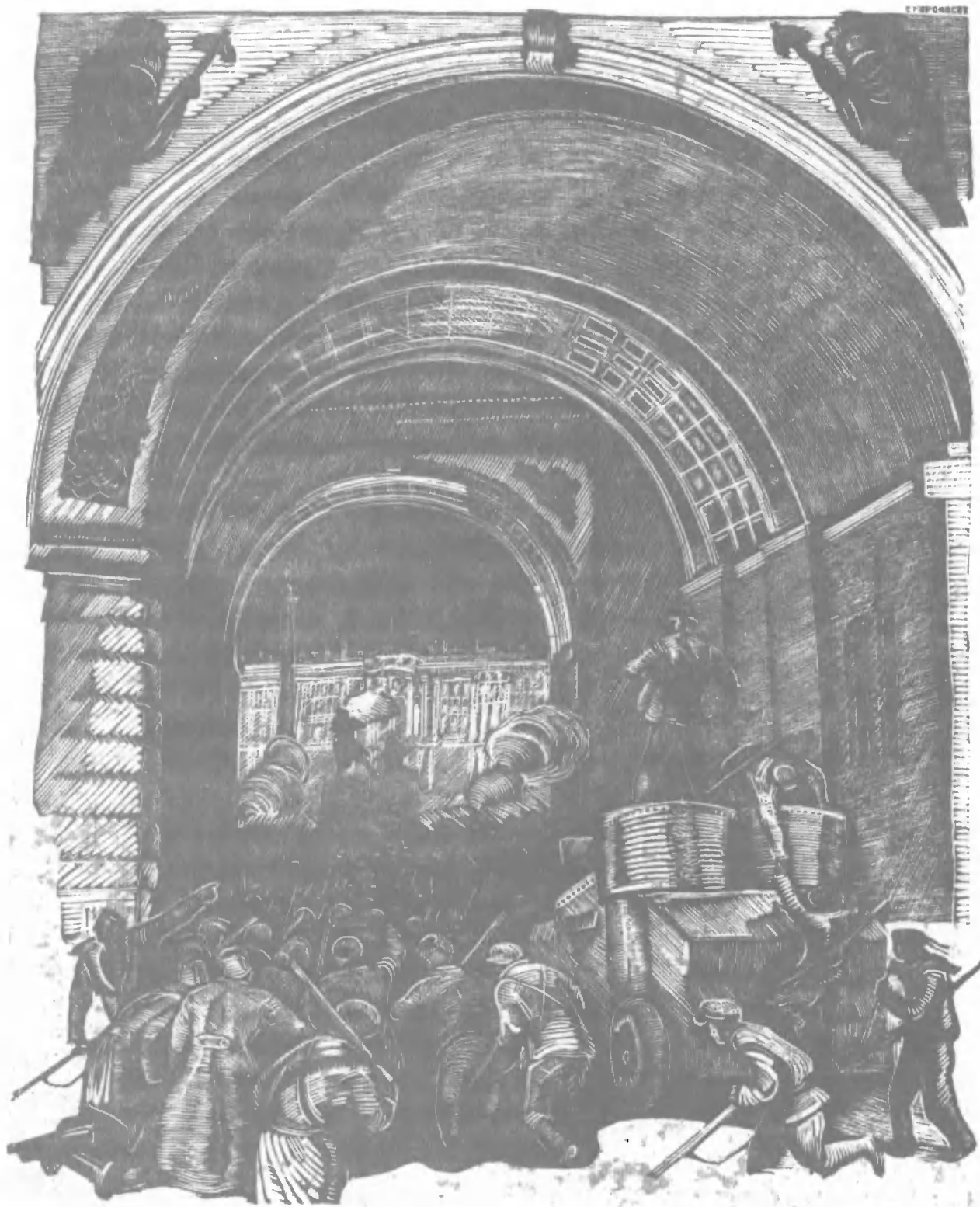
— Спорить бесцельно, — говорю я. — Выхода нет. Мы уже в бою. Надо победить или умереть!

Узнав адреса, тронулись спешно.

...В белесых сумерках осеннего вечера автомобиль долго крутит разными закоулками, наконец останавливается на одной из улочек Выборгской стороны... Прошли еще несколько переулков, внимательно оглядываясь. Наконец, убедившись в отсутствии слежки, проскользнули в ворота одного из неказистых домов.

На условный стук открывают. Приземистый пожилой рабочий крепко ощупывает нас взглядом...

— Так... Так... Знаю... Входите, Владимир Ильич сейчас будет...

Взятие Зимнего дворца 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Ждали недолго.

Ну кто бы его узнал, нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого товарища, вождя! Перед нами седенький, с очками, довольно бодренький старичок добродушного вида: не то учитель, не то музыкант, а может быть, букинист.

Ленин снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом сразу окинул нас.

— Ну, что нового?

Новости наши не согласовывались. В вопросе о нашей готовности к выступлению В. И. Невский и Н. И. Подвойский были настроены довольно скептически. Я же указывал, что в Питере мы гораздо сильнее, чем это им кажется. Северный съезд показал, что окрестные гарнизоны также с нами¹. Рассказываю о положении в Финляндии. Моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты тоже, но команды некоторых миноносцев и подводок малонадежны, свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы внушают опасения, но Выборгский гарнизон берется не выпускать их из Финляндии.

Владимир Ильич перебивает:

— Нельзя ли направить весь флот к Питеру?

— Нет. Прежде всего, фарватер не допустит, потом, крупные суда побаиваются подводок и миноносцев. Наконец, оголять фронт матросы не захотят.

— Но должны же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике!

— Не очень понимают.

— Что же можно сделать?

— Можно дать два-три миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборгцев. Всего тысячи три.

— Мало, — недовольно и укоризненно говорит Ленин. — Ну, а Северный фронт?

— По докладу его представителей, там прекрасное

¹ Речь идет об областном съезде Советов Северной области.

настроение, и можно ждать оттуда большой помощи против частей, двинутых с других фронтов. Но, чтобы знать точно, надо бы туда съездить.

— Съездите. Нельзя медлить.

Эта деловая четкость Владимира Ильича бодрит, рассеивает сомнения моих спутников, крепит мою энергию. Да, надо дать «полный ход».

...Осторожно выходим на улицу. У самых ворот высокая фигура прилаживается на велосипед.

Неужели шпик? Только сегодня в газетах было заявление Временного правительства, что напали на след Ленина и что арест «большевистских вождей» неминуем.

Невский возвращается обратно в дом предупредить. Прохожу, сжимая револьвер, за угол. Подвойский — на другом углу.

Велосипедист тронулся. Через пару минут Владимир Ильич, вновь неузнаваемый, переправляется в другое место.

Мы успокоенно шагаем к автомобилю.

Э. А. РАХЬЯ

Эйно Абрамович Рахья (1886—1936) — член партии с 1903 года. В 1905—1907 годах работал в Петербурге на Финляндской железной дороге, принимал активное участие в революционном движении. В 1908—1910 годах — секретарь, а затем председатель русского отделения Социал-демократической партии Финляндии.

После июльских дней 1917 года принимал активное участие в конспиративной переправе В. И. Ленина в Финляндию и затем, в октябре, обратно в Россию. В последнем подполье В. И. Ленина в Петрограде Э. Рахья сопровождал Ленина на конспиративные заседания ЦК партии и встречи с руководящими работниками, знакомил его с положением на фабриках и заводах, приносил копии резолюций, принятых на рабочих собраниях.

27 октября (9 ноября) Э. Рахья был назначен комиссаром Финляндской железной дороги.

7 (20) января 1918 года В. И. Ленин писал заместителю наркома по военным делам К. А. Мехоношину: «Податель — тов. Рахья, старый партийный работник, лично мне известный, заслуживает абсолютного доверия. Крайне важно помочь ему (для финского пролетариата) выдачей оружия...»

В марте 1918 года Э. Рахья командовал отрядами Красной гвардии в Таммерфорсе, а после разгрома рабочей революции в Финляндии выполнял ряд ответственных поручений партии, неизменно пользуясь поддержкой В. И. Ленина.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

В сентябре 1917 года настроение в Петрограде было уже напряженное. Рабочие начали выступать смело. Активность масс выросла. Чувствовалось приближение серьезных событий.

Я получил через Надежду Константиновну записку от Владимира Ильича из г. Выборга, где он проживал в квартире тов. Латукка (финна), с предложением прибыть к нему и устроить ему безопасный путь в Петроград.

Мною было все выполнено, и мы с Владимиром Ильичем благополучно прибыли в Петроград.

Квартира, где он поместился, была найдена Надеждой Константиновной, с ведома Владимира Ильича, в доме служащего трамвайного парка у станции Ланской, на Выборгском шоссе. Хозяева квартиры были мне неизвестны. Из конспиративных же соображений я, конечно, не спрашивался, кто они. Для меня было вполне достаточно, что Владимир Ильич их знает. Видел несколько раз уже совершенно седую женщину, которая на данный мною условный стук открывала дверь и на мой вопрос, дома ли Константин Петрович (Владимир Ильич), пропускала меня в квартиру.

Впоследствии я был уже настолько занят, что совершенно забыл справиться, кто были люди, давшие Владимиру Ильичу приют при переезде его из Финляндии в Петроград.

Владимир Ильич по прибытии в Петроград лихорадочно принялся за работу. Писал несметное количество статей в «Правду», принимал некоторых товарищей¹. Посетил несколько собраний, созванных по его инициативе. Были собрания с членами ЦК. Помню собрание в Лес-

¹ С руководящими работниками партии В. И. Ленин встречался в разных местах, в строго конспиративной обстановке. На квартире М. В. Фофановой бывали только Н. К. Крупская и Э. Рахья.

ном, в доме районной думы, 16 (29) октября, при участии, кроме членов ЦК, еще многих ответственных товарищей. На этих собраниях Владимир Ильич поставил категорически вопрос о взятии власти.

Я на все эти собрания сопровождал его в качестве «телохранителя», «конвоира».

События назревали особенно быстро, и 23 октября (по старому стилю) я отнес письмо Владимира Ильича, предназначенное для распространения по районам. В Выборгском районе письмо передал Жене Егоровой, которая перепечатала его на машинке и разослала по районам¹.

Мне приходилось особенно тяжело, так как все данные Владимиром Ильичем поручения из-за плохих средств передвижения очень трудно подчас было выполнить, а выполнить было надо, иначе Владимир Ильич пробирал меня хотя и вежливо, но внушительно.

По его заданию я посещал заводы и собрания, на них знакомился с настроением рабочих, приносил ему копии принятых резолюций. Посещал казармы с той же целью, а вечером Владимир Ильич меня расспрашивал подробно обо всем мною виденном и слышанном.

Наконец 24 октября (6 ноября) я получил сведения, что правительство Керенского намеревается развести все мосты по реке Неве. По городу были усилены патрули, мосты охранялись отрядами солдат.

Решил ехать к Владимиру Ильичу на квартиру.

Прибыв к нему, доложил о надвигающихся событиях, о том, что если войскам Керенского удастся развести мосты, то в одиночку каждый район будет разбит. Только на Выборгской стороне власть фактически была в руках Красной гвардии, которая хотя и не особенно хорошо, но

¹ В этом письме Владимир Ильич настаивал на решительных со стороны партии действиях, говоря: «Промедление в выступлении смерти подобно». Подлинник этого письма остался у меня, но во время моего пребывания в Финляндии затерялся.— Э. Р. (По-видимому, Э. Рахья ошибся в дате и речь идет не о письме, рассылаемом по районам, а о последнем перед взятием власти письме В. И. Ленина в ЦК, написанном 24 октября (6 ноября) 1917 года.)

все же была вооружена и достаточно спаяна. Имелся даже руководящий штаб. Владимир Ильич выслушал меня и заявил: «Да, сегодня должно начаться». Мы попили чаю и закусили. Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал.

Вдруг он заявил мне, что необходимо найти т. Сталина, и как можно скорее. На это я ему заявил, что это невозможно, так как я не уверен в том, что можно будет застать его в редакции «Правды». Возможно, что он в Смольном. Идти в Смольный и обратно — надо потратить несколько часов, так как, по всей вероятности, трамваи уже не ходят. Придется идти пешком. По моим расчетам, раньше полуночи т. Сталин не сможет прибыть.

Выслушав мои соображения, Владимир Ильич заявил: «Тогда пойдем мы в Смольный».

Я его стал отговаривать от этого плана, доказывая всячески, какой большой опасности он себя подвергает, если кто-нибудь его узнает. Не понимал я тогда, что совершаю преступление по отношению к революции, отговаривая Владимира Ильича ехать в Смольный.

Владимир Ильич с моими доводами не согласился и категорически заявил: «Едем в Смольный».

Для безопасности решили все-таки замаскироваться. В меру возможности переменили на нем одежду, перевязали щеку достаточно грязной повязкой, на голову напялили заваливающуюся кепку. У меня было в кармане припасено на всякий случай два пропуска в Смольный. Пропуска были очень грубо подделаны: резинкой подчищены бывшие надписи и взамен их написаны несуществовавшие фамилии членов Петроградского Совета, причем чернила расплылись, так что явно бросалась в глаза подделка. Все-таки за неимением лучшего решено было пробраться с имеющимися «липовыми» пропусками.

Было уже около 8 часов вечера, когда мы вышли из дома и пошли по направлению к Сампсоньевскому проспекту.

Минут через десять нас у самой остановки нагнал

трамвай, шедший в парк. Трамвай был почти пустой. Мы взобрались на заднюю площадку прицепного вагона и благополучно доехали до угла Боткинской улицы, где трамвай сворачивал для дальнейшего следования в парк. Пошли пешком. У Литейного моста на Выборгской стороне на охране стояли красногвардейцы в порядочном количестве. Прошли охрану. Нас никто ни о чем не спросил. Дойдя до середины моста, мы заметили на другом конце его солдат Керенского. Это была также охрана, требовавшая у прохожих пропуска. Пропусков, конечно, у нас не было.

Солдат окружили рабочие и вели с ними оживленный спор. Владимир Ильич, заметив рабочих, которых не пускали через мост, все-таки решил попытаться пройти. Подошли к группе спорящих. Оказалось, солдаты требуют пропуска, а у большинства так же, как и у нас, таковых не было. По словам солдат, пропусками нужно было запастись в штабе. Рабочие были возмущены и отчаянно ругали солдат. Мы воспользовались спором и прошмыгнули мимо часовых на Литейный проспект, потом свернули на Шпалерную и направились к Смольному.

Мы прошли уже порядочное расстояние по Шпалерной, когда навстречу показались два верховых юнкера. Поравнявшись с нами, они скомандовали: «Стой! Пропуска!» Я шепнул Владимиру Ильичу: «Идите, я с ними сам разделаюсь». У меня в кармане было два револьвера. В грубой форме я вступил с ними в пререкания, заявляя, что никому не известно о том, что введены пропуска, а потому и мы, дескать, не могли таковых своевременно получить. В это время Владимир Ильич потихоньку отдалился от нас. Юнкера угрожали мне нагайками и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей вероятности, они в конце концов решили не связываться с нами, по их мнению, бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера отъехали.

Я догнал успевшего уже отойти на порядочное рас-

стояние Владимира Ильича, и с ним вместе мы пошли дальше.

Подошли к Смольному. У дверей толпились люди. И вот тут выясняется, что пропуска членов Петроградского Совета, бывшие ранее по цвету белыми, переменены на красные. Это препятствие было уже похуже, к тому же в ожидающей толпе не было никого из наших товарищей. Толпа ожидающих возмущалась невозможностью пройти в Смольный. Я же возмущался больше всех и громче всех, негодуя, размахивал в воздухе своими «липовыми» пропусками и кричал, как это меня, полноправного члена Петроградского Совета, не пропускают. Я кричал впереди находившимся товарищам, чтобы они не обращали внимания на контроль и проходили, а в самом Смольном мы разберемся. По примеру карманников я устроил давку. В результате контролеры были буквально отброшены. Мы вошли в Смольный, прошли во второй этаж. В конце коридора, у окна, рядом с актовым залом, Владимир Ильич остановился, послав меня искать т. Сталина. Я его разыскал, и вместе мы вернулись к Владимиру Ильичу.

Так как разговаривать в коридоре было неудобно, мы прошли в комнату рядом с актовым залом...

Во время разговора из актового зала, где происходило заседание Совета, вошли в нашу комнату три человека — сливки меньшевиков, лидеры их партии Дан и Либер, а с ними, кажется, Гоц (эсер). Один из них (кто именно — не помню) из пальто, висевшего здесь, вынул сверток, приглашая прибывших с ним субъектов закусить, так как у него, по его заявлению, есть булка с маслом, колбаса и сыр. Ведя разговор между собою, они совершенно не обращали на нас внимания. Взятый из кармана пальто сверток разложили на противоположном конце стола, за которым сидел Владимир Ильич. Развертывавший пакет поднял голову и тут только узнал Владимира Ильича, несмотря на его повязку. Страшно смутился, поспешно собрал свою снедь, и все трое, как настеганные, вышли

в актовый зал. Этот случай привел Владимира Ильича в веселое настроение, и он от души хохотал.

Мы тоже вышли, отправившись в одну из комнат Смольного, куда к нам вскоре пришло много товарищей из руководящего ядра партии, приступив без лишних слов к делу — обсуждению создавшегося положения.

В это время в городе шел бой. Отлично слышна была ружейно-пулеметная пальба.

В актовом зале заседание было закончено: меньшевики торопились к выходу, сознавая, что их карта бита.

Около полуночи было назначено заседание Петроградского Совета¹. Члены Петроградского Совета не расходились. Заседание началось речью председателя, который при абсолютнейшей тишине объявил: «Власть Керенского свергнута. Часть министров арестована. Оставшиеся не арестованными будут в скором времени арестованы». Слова эти были встречены аплодисментами.

После этой речи председательствующий заявил: «Слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину». Что произошло в зале от взрыва восторга и энтузиазма присутствующих — я описать не могу. Во всяком случае, ружейно-пулеметной стрельбы слышно не было: ее заглушали аплодисменты, которые длились несколько минут, пока не дали наконец возможность говорить Владимиру Ильичу.

По окончании заседания направились в нижний этаж². Там собрались, кроме Владимира Ильича, Сталин, Ногин, Милютин и др., а следом за ними и я — во исполнение своих обязанностей охраняющего Владимира Ильича.

Все расселись на стульях за столом, для меня же стула не оказалось, и я уселся на полу у двери в уголочке, поджав колени к подбородку.

¹ Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (экстренное) открылось 25 октября (7 ноября) в 2 часа 35 минут дня.

² Далее Э. Рахья описывает заседание большевистской фракции II съезда Советов, состоявшееся 26 октября (8 ноября) 1917 года, на котором было сформировано Советское правительство, утвержденное затем съездом.

Разговор у товарищей шел об организации правительства. Встал вопрос о том, как назваться: министры — это название считалось неподходящим. Кто-то предложил название: «комиссары» — «народные комиссары». Так и порешили. Потом стали персонально назначать на должности.

Все это время я сидел в углу и слушал.

Мое дело было закончено, и я оказался «безработным».

СМОЛЬНЫЙ В ВЕЛИКУЮ НОЧЬ

Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех его комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет. Несколько девушек, совершенно измученные, тем не менее героически справляются с неимоверным натиском приходящих за разъяснениями, указаниями и с различными просьбами и жалобами лиц.

Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или иным мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делают тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны восставшим городам России свои приказы.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовой голос революции.

Заседание II съезда Советов началось в Белом зале

Смольного вечером¹. Настроение собравшихся — праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то что идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносят известия самого тревожного свойства.

Когда я говорю — никакой паники, я говорю о большевиках и об огромном большинстве съезда, стоявшем на их точке зрения. Наоборот, объаты паникой злобные, смущенные, нервные правые «социалистические» элементы.

Когда заседание наконец открывается, настроение съезда выясняется вполне. Речи большевиков принимаются с бурным восторгом. С горячим восхищением выслушиваются молодцы-матросы, явившиеся рассказать правду о боях, идущих вокруг Зимнего дворца, которые кончились, как известно, потерей нескольких человек убитыми с нашей стороны.

Какой несмолкаемой бурей аплодисментов встречено долгожданное сообщение о том, что Советская власть проникла наконец в Зимний дворец и министры-капиталисты арестованы! Между тем меньшевик поручик Кучин, игравший большую роль в армейской организации того времени, выйдя на трибуну, грозил нам немедленно привести в Петроград солдат своего фронта. Он читал резолюции против Советской власти от имени 1-й, 2-й, 3-й и так далее до 12-й, включая особую, армий и закончил прямыми угрозами по адресу осмелившегося пойти на «такую авантюру» Петрограда.

Это никого не пугает. Никого не пугает также заявление, что все крестьянское море развергнется перед нами и поглотит нас.

Владимир Ильич чувствует себя, словно рыба в воде: веселый, не покладая рук работающий и уже успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, о мире и о земле, которые когда-то сделаются — это мы уже

¹ А. В. Луначарский вспоминает о первом заседании II Всероссийского съезда Советов, на котором он огласил написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам». В. И. Ленин на этом заседании не присутствовал.

теперь знаем — знаменательнейшими страницами истории нашего века.

Прибавлю к этим беглым штрихам еще мои воспоминания о первом назначении Совета Народных Комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатухе Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснилось вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить.

Как он был прав! Иные, конечно, сменились, иные остались на местах. Сколько было таких, которые не без робости приступали к поручаемому делу, а потом оказались вполне на высоте его. У иных, конечно, — не только из зрителей, но и из участников переворота, — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми. Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта парохода.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955)— советский партийный и государственный деятель, доктор исторических наук, член КПСС с 1895 года, после II съезда РСДРП — большевик. В период раскола агент Бюро комитетов большинства. Участник трех революций, неутомимый организатор большевистской печати, сотрудник «Искры», «Вперед», «Пролетария», принимал активное участие в выпуске «Звезды». Бонч-Бруевич выполнял важнейшие поручения В. И. Ленина, в том числе при издании трудов Владимира Ильича в России и за границей.

После Октябрьской революции — управляющий делами Совета Народных Комиссаров, на руководящей издательской и научной работе. В. Д. Бонч-Бруевич был организатором и директором Государственного Литературного музея, сосредоточив в нем огромные литературные и художественные фонды, а также Музея истории религий и атеизма.

Владимир Дмитриевич был близок со всей семьей Ульяновых до революции. Владимира Ильича связывали с ним не только партийные и деловые, но и личные отношения. Ему и его жене Вере Михайловне Величкиной Владимир Ильич лично выписал пропуск в Совнарком и свою квартиру в Смольном.

30 августа 1918 года Вера Михайловна была одним из первых врачей, оказавших Владимиру Ильичу помощь после ранения террористкой Каплан, и затем дежурила около него все первое трудное время.

Узнав о безвременной смерти Веры Михайловны, Владимир Ильич писал В. Д. Бонч-Бруевичу 1 октября 1918 года: «Только сегодня утром мне передали ужасную весть. Я не могу поехать в Москву, но хотя бы в письме хочется позвать Вам крепко, крепко руку, чтобы выразить

любовь мою и всех нас к Вере Михайловне и поддержать Вас хоть немного, поскольку это может сделать человек, в Вашем ужасном горе...»

КАК ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ПИСАЛ ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

После того, как Зимний дворец был взят революционными, большевистскими войсками и Владимир Ильич, сильно волновавшийся из-за медлительности действия наших военных вождей, наконец вздохнул свободней, он тотчас снял свой незатейливый грим и явился окруженный своими давнишними политическими друзьями на ожидавшее завершения событий заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Нельзя сказать — гром, а нечто большее, воистину потрясающее, — вихрь человеческих чувств пронесся в зале, когда Владимир Ильич появился на кафедре. Заседание открылось. И снова приветствия, и снова возгласы, и снова радость... Так бурно и пламенно проходило это знаменитое историческое заседание.

Наконец все дела закончены, и мы поздно ночью двинулись ко мне на квартиру на ночевку. Поужинали кое-чем, после ужина я постарался предоставить все для отдыха Владимира Ильича, который был хотя и возбужден, но, видимо, крайне переутомлен. Еле удалось уговорить его занять мою постель в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека.

Я лег в соседней комнате на диване и решил заснуть только лишь тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит. Для большей безопасности я за-

пер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привел в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича; ведь только первая ночь наша — всего можно ожидать! На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов, чтобы впопыхах не перезабыть.

Владимир Ильич у себя в комнате погасил уже электричество. Прислушиваюсь — спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет в комнате, где находился Владимир Ильич. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати; тихонько приотворил дверь ко мне и, удостоверившись, что я «сплю» (конечно, я не спал), тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел к письменному столу, сел за него, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги. Он писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видно, стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лег в постель и заснул.

Утром, когда надо было вставать, я предупредил всех домашних, что надо быть потише, так как Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлен. Вдруг, когда его еще никто не ждал, он показался из комнаты, совершенно одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шутливый.

— С первым днем социалистической революции! — поздравил он всех, и на его лице не было заметно никакой усталости, как будто бы он великолепно выспался, а на самом деле спал-то он два-три часа, самое большее, после такого ужасного, двадцатичасового трудового дня.

Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел нам свой знаменитый Декрет о земле.

— Вот только бы объявить его и широко опубликовать и распространить! Пускай попробуют тогда взять его назад! Нет, шалишь, никакая власть не в состоянии была бы отнять этот декрет у крестьян и вернуть земли помещикам. Это — важнейшее завоевание нашей Октябрьской революции. Аграрная революция будет совершена и закреплена сегодня же.

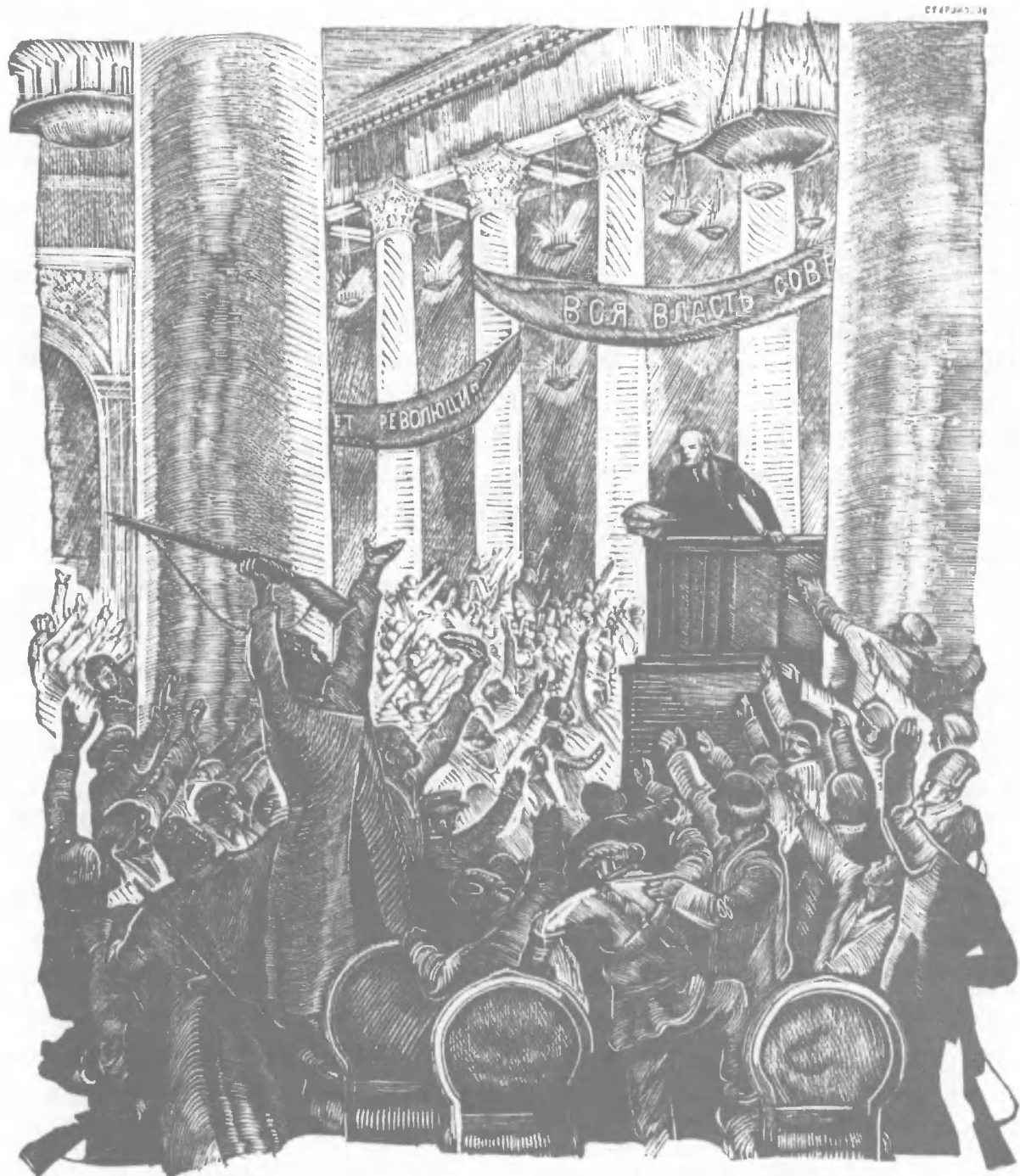
Когда ему кто-то сказал, что на местах еще будет много всяких земельных не порядков и борьбы, он тотчас же ответил, что все это уже мелочь, все это приложится, лишь бы основу поняли и прониклись бы ею. И он стал подробно рассказывать, что этот декрет потому будет особенно приемлем крестьянам, что в основу его он положил требования всех крестьянских наказов своим депутатам, которые отразились в общих наказах на съезд Советов.

— И все это были эсеры. Вот и скажут, что мы от них заимствуем, — заметил кто-то.

Владимир Ильич улыбнулся.

— И пускай скажут. Крестьяне ясно поймут, что все их справедливые требования мы всегда поддержим. Мы должны вплотную подойти к крестьянам, к их жизни, к их желаниям. А если будут смеяться какие-либо дурачки — пускай смеются. Монополию на крестьян мы эсерам никогда не собирались давать. Мы — главная правительственная партия, и вслед за диктатурой пролетариата крестьянский вопрос — самый важный вопрос.

В этот же день, вечером, Декрет о земле нужно было провозгласить на съезде. Решили немедленно переписать его на машинке и сдать в набор в газеты, чтобы завтра он был опубликован. Тут же возникла мысль у Владимира Ильича о опубликовании декрета об обязательном печатании во всех газетах всех правительственных сообщений. Декрет о земле решили напечатать сейчас же отдельной книжкой не менее 50 тысяч и раздавать его прежде всего всем солдатам, возвращающимся в деревни, ибо через них-то декрет быстрее всего дойдет в самую глубокую массу. Это и было великолепно выполнено в ближайшие дни.

В. И. Ленин на II съезде Советов. 26 октября (8 ноября) 1917 года.

Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах. С нетерпением дожидался Владимир Ильич вечера. После принятия Вторым Всероссийским съездом Декрета о мире он с особой четкостью прочел Декрет о земле, с восторгом единогласно принятый съездом.

Как только декрет был принят, я тотчас же разослал его по всем петроградским редакциям с нарочными, а в другие города — сейчас же по почте и телеграфу. Наши газеты его заверстали предварительно, и наутро его читали уже сотни тысяч и миллионы людей, и все трудящееся население принимало его с восторгом. Буржуазия же шипела и лаяла в своих газетах. Но кто на них тогда обращал внимание?

Владимир Ильич торжествовал.

— Только это одно, — говорил он, — уже оставит след в нашей истории на долгие-долгие годы.

Эпоха богатейшего революционного творчества началась весьма удачно. Владимир Ильич еще долгое время интересовался, всегда желая знать, сколько экземпляров Декрета о земле, помимо газет, распространено среди солдат и крестьян. Его перепечатывали много раз книжечкой и бесплатно рассылали во множестве экземпляров не только в губернские и уездные города, но и во все волости России.

Декрет о земле стал действительно общеизвестным, и, пожалуй, ни один закон не распубликовывался у нас так широко, как этот закон о земле — один из самых основных законов нашего нового, социалистического законодательства, которому Владимир Ильич отдал так много сил и энергии и которому он придавал такое огромное значение.

ДЖОН РИД

Джон Рид (1887—1920) — видный деятель американского рабочего движения, писатель и публицист. В годы первой мировой войны, будучи военным корреспондентом в Европе, выступал против империалистической войны.

В 1917 году приехал в Россию, принимал участие в событиях Октябрьской революции, неоднократно был принят В. И. Лениным. В частности, 31 октября (13 ноября) 1917 года В. И. Ленин передал Риду Обращение к революционному пролетариату всего мира. Рид присутствовал на открытии Учредительного собрания. События Октябрьской революции он отразил в книге «10 дней, которые потрясли мир». В 1919 году он был одним из организаторов Коммунистической партии США и с октября 1919 — членом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

В конце 1919 года В. И. Ленин написал предисловие к американскому изданию книги Джона Рида об Октябрьской революции. В этом предисловии Ленин писал, что желал бы видеть ее «распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».

Джон Рид принимал участие в работах II конгресса Коминтерна. Умер в Москве, похоронен на Красной площади, у Кремлевской стены.

18 октября 1920 года В. И. Ленин дал указание перевести на английский язык медицинское заключение о болезни и смерти Джона Рида и траурное извещение следующего содержания: «В ночь с 16 на 17 октября от брюшного тифа скончался член Исполнительного Комитета Коммуни-

стического Интернационала, представитель Объединенной Коммунистической партии Америки товарищ Джон Рид». Текст предназначался для заграницы. По-русски извещение было напечатано в «Правде» 19 октября.

10 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯЯСЛИ МИР¹

НЕУДЕРЖИМО ВПЕРЕД!

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них². Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных страсти, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

¹ Печатаются фрагменты из V главы книги.

² Д. Рид рассказывает о втором заседании II Всероссийского съезда Советов, открывшемся 26 октября (8 ноября) 1917 года в 21 час.

Читали отчет о действиях Военно-революционного комитета: отмена смертной казни в армии, восстановление свободы агитации, освобождение солдат и офицеров, арестованных за политические преступления, приказы об аресте Керенского и о конфискации запасов продовольствия на частных складах... Бурные аплодисменты.

Снова представитель Бунда. Непримируемая позиция большевиков губит революцию, поэтому делегаты Бунда вынуждены отказаться от дальнейшего участия в съезде.

Выкрики с мест: «Мы думали, что вы ушли еще прошлой ночью? Сколько раз вы будете уходить?»

Затем представитель меньшевиков-интернационалистов. Крики: «Как! Вы еще здесь?» Оратор разъясняет, что со съезда ушла только часть меньшевиков-интернационалистов, а часть осталась на съезде.

«Мы считаем передачу власти Советам опасной и, быть может, даже гибельной для революции... (Шум.) Но мы считаем своим долгом оставаться на съезде и голосовать против этой передачи».

Выступили и другие ораторы, по-видимому получившие слово без предварительной записи. Делегат от донецких углекопов призывал съезд принять меры против Каледина, который мог отрезать столицу от угля и хлеба. Несколько солдат, только что прибывших с фронта, передали собранию восторженное приветствие от своих полков.

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий: без аннексий, без контрибуций, на основе сво-

бодного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»¹

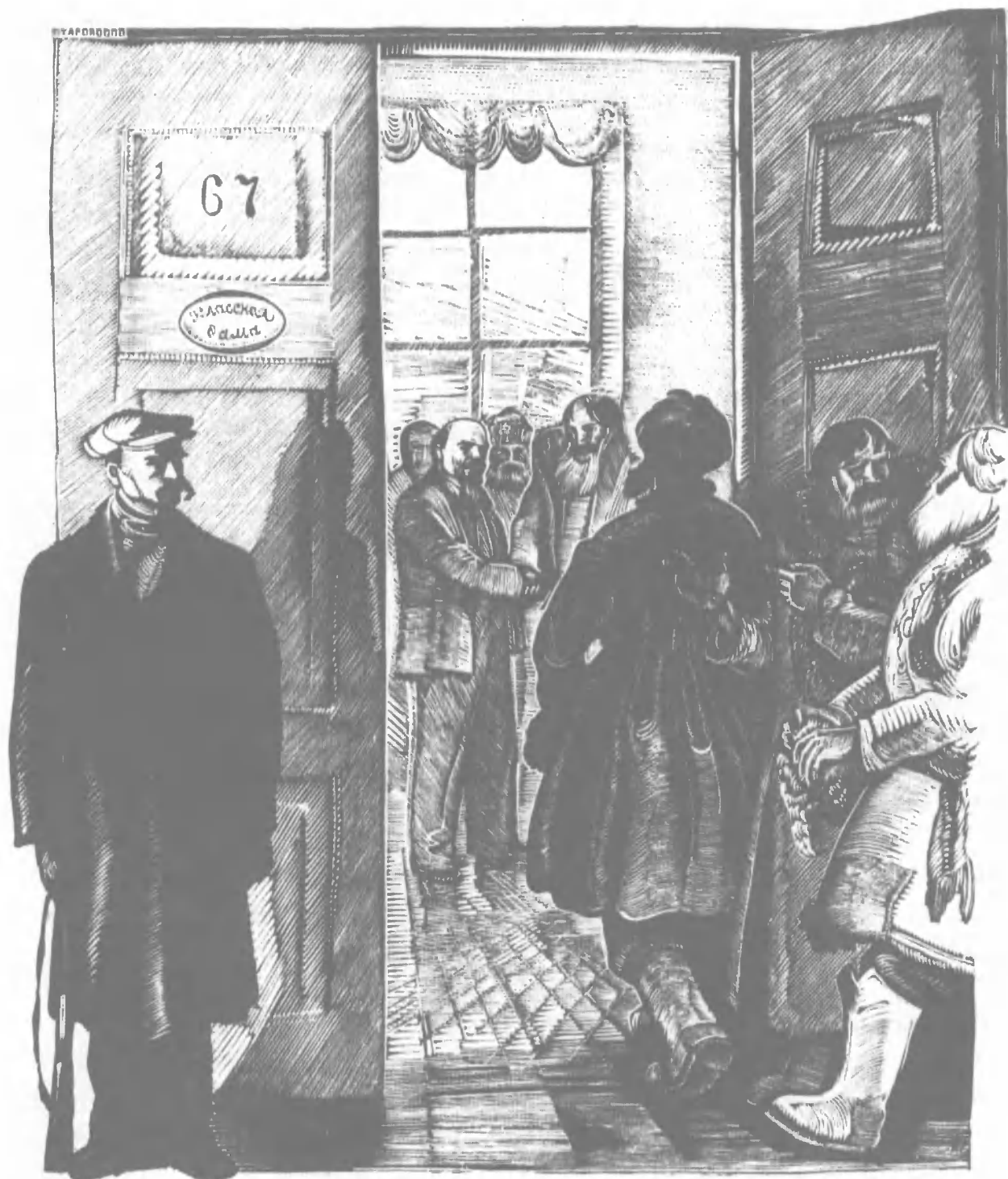
Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикологии. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания...

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

«Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним народам воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим...

Революция 24—25 октября, — закончил он, — открывает собою эру социалистической революции... Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение...»

¹ Д. Рид излагает доклад В. И. Ленина о мире.

В. И. Ленин принимает делегацию крестьян в Смольном.

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

Было внесено и открытым голосованием немедленно принято предложение предоставить слово только представителям фракций и ограничить время ораторов 15 минутами.

Первым выступил Карелин от имени левых эсеров: «Наша фракция не имела возможности предложить поправки к тексту обращения, поэтому оно исходит от одних большевиков. Но мы все-таки будем голосовать за него, потому что вполне сочувствуем его общему направлению...»

От социал-демократов интернационалистов говорил Крамаров, длинный, узкоплечий и близорукий человек, которому суждено было стяжать не вполне лестную известность шута оппозиции. Только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, заявил он, может обладать достаточным авторитетом, чтобы решаться на столь важное выступление. Если такая социалистическая коалиция образуется, то наша фракция поддержит всю программу, если же нет, то она поддержит ее только частично. Что до обращения, то интернационалисты всецело присоединяются к его основным пунктам...

После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, польской и латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию... Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», другой — о «новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью...». Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: «Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом гово-

рите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть — значит принять...»

Ленин сейчас же вскочил с места: «Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом... Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция...

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну... Но главное — мы хотим покончить с войной...»

Было ровно 10 часов 35 минут, когда предложили всем, кто голосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, сидящий солдат плакал как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забытых

масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

Ленин оглашал Декрет о земле...

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС

Альберт Рис Вильямс (1883—1962) — прогрессивный американский деятель и публицист, приехавший в Россию летом 1917 года вместе с Джоном Ридом. Очевидец и участник Октябрьской революции, он 25 октября был в рядах отрядов, штурмовавших Зимний дворец. Вильямс в 1918 году вступил в ряды Красной Армии и, с одобрения В. И. Ленина, организовал Интернациональный легион. 23 февраля, в момент наступления германской армии, В. И. Ленин обратился в редакцию «Правды» с просьбой отпечатать воззвание А. Вильямса и др. ко всем иностранцам, проживавшим в России и являвшимся сторонниками Советской власти, с призывом вступать в Интернациональный отряд Красной Армии.

Отношения В. И. Ленина с А. Вильямсом выходили за рамки отношений главы правительства с иностранным корреспондентом. Искреннее сочувствие Вильямса делу пролетарской революции в России вызывало у Ленина желание помочь ему основательнее разобраться как в вопросах марксистской теории, так и в практике первого в мире пролетарского государства. В самые критические для Советской Республики дни Ленин предлагал Вильямсу организовать небольшую группу иностранцев — друзей России для изучения истории, принципов и целей большевизма и обещал заниматься с ними раз в неделю.

А. Вильямс одним из первых за рубежом написал книгу очерков о Ленине «Ленин-человек и его дело», изданную в Нью-Йорке в 1919 году, в 1921 году издал книгу «Народные массы в русской революции», а после приезда в Россию в 1931 году и посещения Мавзолея Ленина напечатал очерк «Величайшая в мире приемная». Во время второй мировой войны (1943) вышла его книга «Русские. Страна, народ и за что он сражается».

ЛЕНИН-ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ЛЕНИН ВВОДИТ СТРОГИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК В ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВА

9 ноября 1917 года я хотел получить разрешение сопровождать красногвардейцев, чьи колонны шли тогда по всем дорогам на бой с казаками и контрреволюционерами. Я предъявил Ленину свои документы, на которых стояли подписи Хилквита и Гюисманса¹. Я считал их очень внушительными документами. Ленин думал иначе. С лаконичным «нет» он вернул мне бумаги, словно я получил их в какой-нибудь филантропической буржуазной организации.

Инцидент пустячный, но он говорит о серьезном и строгом отношении к делу, которое зарождалось в пролетарских Советах. До того времени массы во вред себе были чрезмерно великодушны и доверчивы. Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата. Предпринимая какие-нибудь действия, например приступая к национализации банков,

¹ К. Г ю и с м а н с — секретарь Международного социалистического бюро; М. Х и л к в и т — американский социал-шовинист, член МСБ.

Советская власть действовала теперь энергично и эффективно. Ленин знал, в каких случаях нельзя медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия?

— Конечно, — сказал Ленин и взял со стола чистый бланк, — если бы все зависело от меня, то все решалось бы очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут проставить название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну, вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк, — продолжал Ленин, — я должен задать вам несколько вопросов. Прежде всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин. — Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции?

Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи, — сказал Председатель Совнаркома, — не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода...

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму, который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты — его конек. Ольгин¹ говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с поразительной остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые послышки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страстность».

Временами он оживляет свою мысль шутливым отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал поговорку: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят».

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, наоборот, — он не опасен, он даже охраняет ее.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую оче-

¹ О л ь г и н — псевдоним писателя и критика М. Н. Новомейского. — *Ред.*

редь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина¹. Это случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда на фронт отправлялся первый отряд защитников Советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делая длинные ряды броневиков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней бронеавтомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение, пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из бронеавтомобилей и начал говорить. В полумраке слушавшие его люди вытягивали шеи и жадно ловили каждое слово. После окончания выступления раздались бурные аплодисменты.

Когда Ленин, закончив свою речь, спустился с броневика, Подвойский объявил:

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ.

Толпа наострила уши. Я поднялся на автомобиль.

— Прекрасно, — сказал Ленин, — говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

— Нет, я буду говорить по-русски, — отважился я в каком-то безотчетном порыве.

Ленин следил за мной искрящимися глазами, словно предвкушая возможность позабавиться. Ждать ему пришлось недолго. Израсходовав весь имевшийся у меня запас готовых фраз, я запнулся и замолчал. С большим трудом я подыскал еще несколько слов. Что бы ни делал

¹ Автор имеет в виду «Речь на проводах первых эшелонов социалистической армии 1(14) января 1918 г.».

иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными. Они умеют ценить если не умение, то во всяком случае старание начинающего. Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска. Мне хотелось сказать им, что, если наступит критический час, я сам с радостью вступаю в ряды создаваемой Красной Армии. Я остановился, мучительно подбирая нужное слово. Ленин поднял голову и спросил:

— Какого слова вам не хватает?

— Enlist, — ответил я.

— Вступить, — подсказал он.

После этого всякий раз, когда я запинаясь, Ленин тут же подсказывал мне нужное слово, я его тотчас подхватывал и с американским акцентом бросал в зал. Это, а также то, что я представлял собой живой и осязаемый символ интернационализма, о котором все они столько слышали, вызывало веселое оживление и гром аплодисментов. Ленин от всей души смеялся и аплодировал.

— Ну вот, как бы там ни было, начало в освоении русского языка сделано, — сказал он мне. — Но вы должны продолжать заниматься им серьезно. А вы, — сказал он, повернувшись к Бесси Битти, — вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обменяться уроками. И потом просто читайте, пишите и говорите только по-русски. С американцами не разговаривайте — все равно пользы от этого не будет, — добавил он, улыбаясь. — Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую...

НЕОБЫЧАЙНОЕ САМООБЛАДАНИЕ ЛЕНИНА

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом про-

демонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания проходило бурно¹. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми разражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек, — все это наэлектризовывало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду логи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрчивает свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в Бюро пропаганды². Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удастся переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем

¹ Заседание состоялось 5 (18) января 1918 года в Таврическом дворце.

² Бюро существовало при Федерации иностранных групп РКП(б), созданной в начале 1918 года. Оно состояло из литераторов и агитаторов иностранцев; занималось подготовкой и распространением печатных изданий, а также агитационно-пропагандистской работой среди войск империалистических держав.

мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах, да! — воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневи́ка. — Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов, — ответил я уклончиво.

— В том-то и дело, — заметил Ленин, — им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о своем методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова: выучить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нем увлек Ленина.

Он сидел, перегнувшись через барьер ложи, и говорил, подчеркивая слова выразительными жестами. Глаза у него блестели. Наши коллеги — репортеры сгорали от зависти. Они думали, что Ленин в этот момент разоблачает преступления оппозиции, или выдает нам тайные планы Советов, или, может быть, разжигает в нас революционный пыл. В подобный критический момент, несомненно, такую вспышку энергии у главы великого Русского государства могли вызвать только подобные темы. Но наши коллеги заблуждались. Глава Советского правительства просто-напросто излагал свой взгляд на методику изучения иностранного языка, с удовольствием воспользовавшись возможностью отвлечься за дружеской беседой.

Когда во время дебатов противники подвергали Ленина критике, он обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив

речь на IV съезде Советов, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин иронически усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ ЛЕНИНА

Не вызывает сомнения, что своей славой государственного деятеля, умеющего предвидеть дальнейший ход событий, Ленин обязан отнюдь не какой-то мистической интуиции или провидению, а способности отбирать и использовать факты. Он продемонстрировал эту свою способность в работе «Развитие капитализма в России». В ней Ленин бросил вызов экономической мысли своего времени, выступив с утверждением, что половина русского крестьянства была пролетаризирована, что, несмотря на владение некоторой земельной собственностью, эти крестьяне являлись, по существу, наемными рабочими с наделом. Смелая и дерзкая мысль Ленина нашла свое подтверждение в исследованиях последующих лет. Это не было одной лишь догадкой. К такому твердому выводу он пришел после тщательного изучения и отбора огромного статистического материала земств и других источников.

Однажды, когда разговор зашел о престиже Ленина, Петерс заметил: «Часто на закрытых заседаниях нашей партии Ленин вносил определенные предложения, основанные на своем анализе положения дел. Мы голосовали против. Позже оказывалось, что Ленин был прав, а мы нет».

По вопросу о тактике одно время между Лениным и другими членами партии развернулась борьба, в процессе которой последующие события обычно подтверждали правильность его суждений.

Известно, что Каменев и Зиновьев считали, что воору-

женное восстание, которое готовили большевики, может кончиться неудачей. Ленин говорил, что революция, пролетариат должны победить. Ленин был прав.

Некоторые руководители большевиков утверждали, что хотя они и в состоянии взять власть, но удержать ее не смогут. Ленин говорил, что с каждым днем силы большевиков будут расти. Он был прав. После двух лет борьбы с врагами, зажавшими в огненное кольцо Советскую Россию, Красная Армия успешно продвигается на всех фронтах.

Троцкий в переговорах с немцами следовал политике «затягивания», старался завлечь их в какую-то ловушку, но подписывать договор отказывался. Ленин говорил, что надо подписать мир на тех условиях, какие они предлагают, иначе придется его подписать на гораздо худших условиях.

И опять Ленин оказался прав. Русские были вынуждены подписать «похабный», «разбойничий» Брестский мир.

Весной 1918 года, когда весь мир смеялся над мыслью о возможности революции в Германии и когда кайзеровская армия громила союзнические войска во Франции, Ленин в разговоре со мной заметил, что падения власти кайзера нужно ждать в течение этого года. Так оно и получилось. Девять месяцев спустя кайзер Вильгельм бежал от своего собственного народа.

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию».

Ленин написал это быстро, легко, остановившись лишь один раз. Он не мог подыскать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал ultimately.

— Да, — сказал он, — революция победит. Может быть, скоро, а может быть, — он поднял глаза на меня и улыбнулся, — ultimately. Может быть, потребуется и два десятка лет. Во всяком случае, мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху пролетарских революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года.)

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

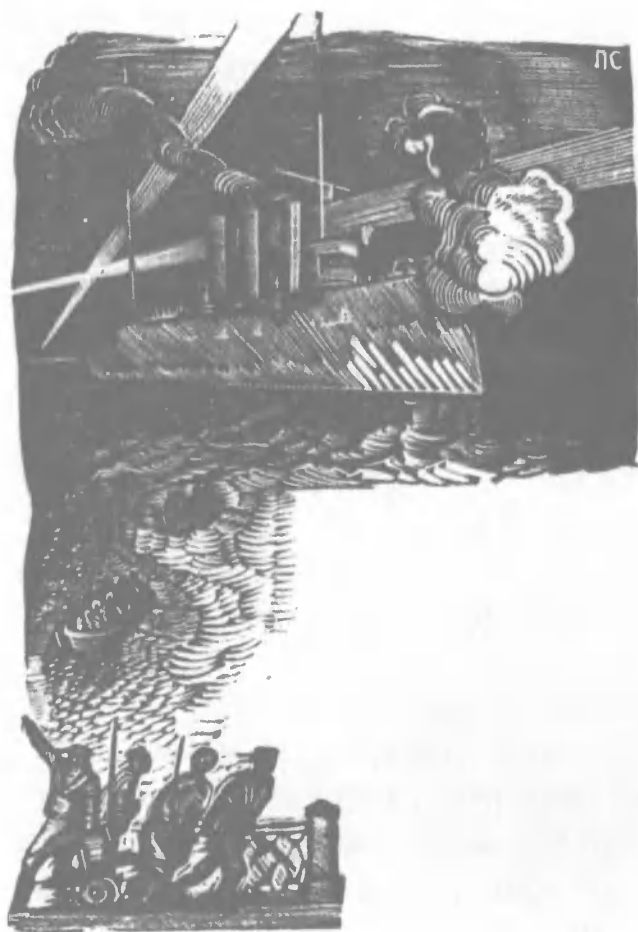
— Этого не может быть! — возразил я. — Знаете ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса, есть надежды на признание Америкой Советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да, — сказал Ленин, — но Робинс является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехи, англичане, японцы и другие союзники спускали флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Ленинские предсказания так часто сбывались, что его взгляд на будущее представлял всегда особый интерес... «...Опыт показывает, что каждый народ идет к социализму своим собственным, особым путем. Будет множество переходных форм и разновидностей, но все они будут различ-

ными фазами революции, которая ведет к одной и той же цели. В случае установления социалистического строя во Франции или Германии ему будет несравненно легче утвердиться, чем у нас в России. Ибо на Западе социализм найдет формы организации, всевозможные интеллектуальные средства и материалы, которых нет в России».

А. М. КОЛЛОНТАЙ

Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952) — профессионал-революционер, в социал-демократическом движении с 90-х годов, участница первой русской революции 1905—1907 годов, талантливая журналистка и писательница. С начала первой мировой войны — интернационалистка, член КПСС с 1915 года. По поручению В. И. Ленина работала в Скандинавских странах и США по сплочению левых элементов среди социалистов. Участвовала в подготовке Циммервальдской конференции.

После Февральской революции 1917 года, перед отъездом из Христиании в Петроград, А. М. Коллонтай получила от В. И. Ленина два письма «Из далека» для передачи Русскому бюро ЦК и «Правде».

«Восхищена Вашими идеями», — телеграфировала она Ленину в Цюрих.

3 апреля она встречала Ленина в Белоострове, а на объединенном собрании большевиков и меньшевиков 4 (17) апреля, после доклада Ленина, выступила с горячей защитой «Апрельских тезисов».

Весь период от февраля к октябрю выполняла ответственные поручения В. И. Ленина; преследовалась Временным правительством.

В первый Совет Народных Комиссаров А. М. Коллонтай вошла в качестве наркома призрения (впоследствии Наркомата социального обеспечения).

В дальнейшем А. М. Коллонтай была на партийной и советской работе и в течение многих лет полномочным представителем Советского Союза в Швеции и Норвегии, затем в Мексике.

ЗВЕЗДЫ

Январь 1918 года. Сумерки. Смольный в огнях светится. И за окнами жизнь шумит и кипит по-обычному. На лестнице встречаю матросов с наганами, красногвардейцев, которые взволнованно что-то обсуждают и спешат. На широкой лестнице Смольного, как всегда, накурено и спертый, тяжелый воздух. Пулеметы и ящики с военным снаряжением.

На вечер назначено совещание Совнаркома. Но я нарочно пришла пораньше, чтобы застать Якова Михайловича Свердлова. Пришла я настолько рано, что иду прямо в кабинет Ленина и, уверенная, что там никого нет, не постучавшись, отворяю дверь. В комнате темно, но я могу различить у окна стоящего человека и по силуэту, вырисовывающемуся на фоне ясного зимнего неба, узнаю, что это Владимир Ильич. Я замираю от неожиданности и неловкости, что ворвалась, не постучав.

Владимир Ильич стоит неподвижно, спиной к двери. Он смотрит в окно, высоко подняв голову, очевидно, глядит на небо. А небо зимнее, светлое и очень звездное¹. Я боюсь пошевелиться. В комнате тихо-тихо. Неожиданно голос Владимира Ильича прерывает тишину.

— Звезды, — говорит он. — Какие звезды сегодня! Очевидно, мороз покрепчал.

И вдруг, повернувшись в мою сторону, спрашивает:

— А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

Мой ответ:

— Когда бываю на океане или в деревне.

— На океане? Ах да, ведь вы были в Америке! А я в ранней юности очень хорошо знал все созвездия, теперь

¹ Надежда Константиновна Крупская, вспоминая о первых неделях становления Советской власти, писала о том, с каким напряжением обдумывал Ленин задачи создания новых форм государства. «Особенно врезался в память один ночной разговор на прогулке, он так созвучен был с ясной звездной ночью. Ильич любил такие звездные ночи, любил подолгу смотреть на звезды».

начинаю забывать. Некогда... Вы, собственно, к кому, ко мне?

Я ответила, что к Якову Михайловичу.

— Да, он обещал прийти пораньше.

Я выхожу из кабинета и сталкиваюсь с комиссаром флота Измайловым. По выражению его лица сразу понимаю, что случилось что-то очень серьезное. От товарищей, столпившихся в соседней комнате, узнаю о том, что матросы устроили самосуд над двумя эсерами¹.

Я поспешила обратно в кабинет Ленина. Никогда я еще не видела Владимира Ильича таким возбужденным и рассерженным. Всегда бледное его лицо побагровело, и в голосе звучали непривычные грозные ноты. Высокий, плечистый матрос, комиссар Балтфлота Измайлов, показался мне вдруг маленьким, растерянным и напуганным.

— Самосуд! — говорил Владимир Ильич. — Мы не потерпим этого. И виновных предадим законному народному суду. Скажите вашему Балтфлоту: то, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости. Можете идти.

И затем, повернувшись ко мне, Владимир Ильич уже другим тоном, но очень внушительно и серьезно добавил:

— Советую вам, товарищ Коллонтай, сейчас же поехать к вашим друзьям — балтфлотовцам и разъяснить им, что Советская власть не терпит анархии. И пусть они бросят свои самостийные штучки. Мы их за это по головке не погладим. Нет. Анархии мы не потерпим!

Можно себе представить, с каким чувством я поехала в Наркомат флота.

Когда я вернулась в Смольный, Владимир Ильич был совершенно спокоен и выдержан, как всегда. Лицо его было бледно, а глаза даже улыбались, когда он, повернувшись ко мне, сказал:

— Вот вам и гляди на звезды!

¹ Речь идет о расправе группы анархически настроенных матросов над двумя бывшими членами Государственной думы.

Г. О. ГРАФТИО

Генрих Осипович Графтио (1869—1949) — советский ученый-энергетик, инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства, академик. В 1918—1920 годах — помощник главного инженера, а в 1921—1927 годах — главный инженер строительства Волховской гидроэлектростанции. Участвовал в Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Впоследствии руководил строительством ряда крупных гидроэлектростанций.

Когда 13 августа 1920 года В. И. Ленину стало известно, что председатель домового комитета, в нарушение закона, угрожает Г. О. Графтио конфискацией имущества, В. И. Ленин телеграфировал председателю Петроградского Совета: «Графтио — заслуженный профессор, свой человек. Необходимо оградить его от самоуправства преддомкомбеда».

ВСТРЕЧИ

Стоял январь 1918 года. Холодный зимний Петроград был накануне грозных событий. Интервенты стягивали свои силы к колыбели пролетарской революции.

В эти трудные дни глава Советского правительства и руководитель партии Владимир Ильич Ленин строил уже свои первые планы восстановления разрушенного хозяйства страны. Однажды покойный ныне тов. Смидович сообщил мне по поручению Владимира Ильича, что надо срочно заняться сметой волховской гидроустановки.

Я был поражен. И действительно, на первый взгляд казалось рискованным начинать в такое трудное время строительство огромной гидростанции, от которого в мирных условиях отказалась царская Россия.

Я вспомнил в эти минуты прежнюю безрезультатную борьбу за Волхов. Первые проекты этой гидростанции были разработаны мною в 1911 году. Три года я потратил на эту работу. Потом проект был предложен правительству. Но царское правительство оказалось бессильным построить на территории гигантского государства одну гидростанцию...

Произошло то, что всегда бывает в странах капитала. Дешевая гидроэнергия, которая была выгодна стране, грозила принести огромные убытки электрическим компаниям. Они сделали все, чтобы похоронить проект волховской станции. «Общество 1886 года» скупило земли на берегу Волхова. Строительство оказалось невозможным.

Волховстрою суждено было возникнуть лишь после революции по инициативе В. И. Ленина.

Январь 1918 года. П. Г. Смидович сказал мне:

— Владимир Ильич хочет обязательно построить волховскую станцию. Он просит разработать смету в течение нескольких дней...

Я с радостью сел за работу. Были извлечены давно забытые чертежи. Надо было торопиться. Через неделю Владимир Ильич хотел поставить вопрос о Волховстрое на заседании Совнаркома.

Так проблема Волхова была внесена в повестку дня заседания правительства. Ленин сам хотел говорить о первой советской гидростанции.

Но трудные революционные будни были неумолимы. Намеченное заседание Совнаркома не состоялось. Правительство переехало в Москву.

Немного времени прошло, и Ленин снова вспомнил о Волховстрое. Собственно, он никогда и не забывал о нем, и лишь обстоятельства временно заставили Ильича отложить осуществление его замечательной идеи.

В июле 1918 года я был у Владимира Ильича. Разговор, продолжавшийся несколько минут, решил дело. Будем строить волховскую станцию! Это были замечательные минуты. Я впервые увидел тогда гениального пролетарского вождя, видящего далеко впереди себя, бесстрашного и хладнокровного.

Нужно было изумительное ленинское революционное чутье, чтобы в то трудное время начать громадное хозяйственное строительство. Ленин был непреклонен. Он провел решение о постройке волховской станции через Совнарком.

Правительство отпустило первые средства. И стройка началась.

Трудно приходилось первым строителям волховской станции. Не хватало людей, оборудования, денег. Но мы бодро смотрели на будущее, так как знали, что в самую тяжелую минуту всегда найдем помощь и защиту у Владимира Ильича.

Даже в самые тяжелые месяцы для молодой Советской Республики, когда гремели орудия белых генералов, когда все лучшее отправлялось на фронты, Ленин не забывал о Волхове.

Когда снабжение Волховстроя ухудшилось настолько, что над нами нависла угроза срыва строительства, я решил обратиться к Владимиру Ильичу. Написал ему письмо и с нетерпением стал ждать ответа. Ленин, как всегда, ответил делом. Не прошло и нескольких дней, как нам было предоставлено все необходимое, а отдельные товарищи, недооценившие в то время значения волховской станции, получили выговор.

Так постепенно при непосредственной помощи Владимира Ильича разворачивалось огромное по тем временам строительство.

Я вспоминаю очередное заседание Совета Труда и Оборона в 1921 году. Председательствует Ленин. Он усаживает меня рядом с собой и пытливо расспрашивает о последних новостях. Как радостно бывало слушать каж-

дое слово, каждое указание Владимира Ильича, с какой жадностью принимался каждый его совет.

На заседании СТО стоял важный вопрос. Волхов требовал первых валютных ассигнований на покупку заграничного оборудования. Нам нужны были турбины. Первые турбины для первой советской гидростанции. Ленин, не задумываясь, внес предложение. Волхов получил шесть с половиной миллионов рублей золотом.

После обсуждения предложений фирм ряда стран мы заказали турбины в Швеции. Мне пришлось выехать в Стокгольм. Когда заказ был оформлен, я неожиданно получил из Москвы сообщение, что надо прервать переговоры и запросить другие фирмы. Мысль о том, что станция останется без оборудования, не давала покоя. Я телеграфировал Ленину. Кажется, первые слова телеграммы начинались так: «Сказка про белого бычка. Теперь, когда все готово, придется начинать сначала...» Я просил Ленина разрешить мне закончить начатое дело и получил это разрешение. Турбины для Волхова были заказаны.

Позже, когда здоровье не позволяло Владимиру Ильичу систематически заниматься делами, он требовал все же, чтобы я периодически писал ему доклады о Волховстрое. Десятки таких докладов передавались Ленину тов. Горбуновым. И если находились чиновники, которые мешали волховскому строительству, Ленин беспощадно одергивал их.

Владимир Ильич не увидел волховскую станцию в эксплуатации. Но она оправдала его надежды...

М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870—1956) — советский военачальник, генерал-лейтенант, доктор военных и технических наук.

В первую мировую войну — начальник штаба и Главнокомандующий Северным фронтом. После Октябрьской революции, в 1917—1918 годах, — начальник штаба Верховного главнокомандующего, председатель Высшего Военного Совета, работник Всероссийского главного штаба и Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

М. Д. Бонч-Бруевич был представителем высшего кадрового офицерства, ставшего на защиту пролетарского государства в критический для Советской Республики момент. Защита Родины была для него единственной целью жизни и деятельности.

М. Д. Бонч-Бруевич неоднократно встречался с В. И. Лениным, пользовался его доверием и консультировал его и после ухода с военных постов. Так, в марте 1920 года В. И. Ленин беседовал с ним о возможности освобождения Крыма со стороны Таманского полуострова.

15 марта 1920 года, рекомендуя Реввоенсовету Республики ряд мер для ускорения разгрома Деникина, Ленин ссылаясь на эту беседу, указывая на необходимость «приготовить морские средства (мины, подводки и т. п.) и возможное наступление с Тамани на Крым», он писал: «(помнится, Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич говорил мне о легкости этого)».

ЗНАКОМСТВО С В. И. ЛЕНИНЫМ

Пожалуй, никто из наших писателей не дал такой верной и точной картины Петрограда в первые месяцы Великой революции, как Александр Блок в своих незабываемых «Двенадцати».

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Эти строки, открывающие поэму, я вспоминаю каждый раз, когда мысль моя обращается к прошлому и перед взором моим как бы возникают пустынные, с мертвыми, давно не зажигающимися фонарями и черными провалами окон улицы ночного Питера, замеченные февральским снегом мостовые, гигантские сугробы у заколоченных подъездов, непонятные выстрелы, буравящие ночную тишину, и ветер, свирепый февральский ветер, настойчиво бьющийся в смотровое стекло автомобиля, на котором мы неслись в Смольный.

Обезлюдивший Загородный, безмолвный Владимирский, такой же вымерший Невский, черные провалы Суворовского и, наконец, ярко освещенный, бессонный и многолюдный Смольный. По бывшему институтскому скверу не проехать: на снегу около оголенных лип — походные кухни, броневики, патронные двуколки, красногвардейцы в полушубках и потертых рабочих пальтишках, иные в каких-то кацавейках, иные в истертых солдатских шинелишках, кто в чем... Горят костры, дымят факелы, с которыми многие пришли с заводов. Ощущение не то вооруженного табора, не то неистовствующей толпы, идущей на штурм...

Пропуска для нас были уже готовы; вслед за каким-то

лихим матросом, вышедшим к нам навстречу, мы торопливо прошли по забитой вооруженной толпой широкой лестнице Смольного. На нас недоуменно озирались — все мы были уже без погон, но и покроем шинелей, и по-особому сшитые защитные фуражки, и генеральская седина, и даже походка обличали людей иного класса и сословия, нежели те, кто с нечищеными трофейными винтовками за спиной и новенькими подсумками, свисавшими с ремня на нескладные полы «семисезонного» пальто, долго еще смотрели нам вслед, так и не решив, кто мы: арестованные саботажники или зачем-то вызванные в Смольный «спецы».

Наш проводник бесцеремонно работал локтями и подкреплял свои и без того красноречивые жесты соленым матросским словом. В расстегнутом бушлате, с ленточками бескозырки, падавшими на оголенную, несмотря на зимние морозы, широкую грудь, с ручными гранатами, небрежно засунутыми за форменный поясной ремень, он как бы олицетворял ту бесстрашную балтийскую вольницу, которая так много успела уже сделать для революции в течение лета и осени 1917 года.

— Пришли, товарищи генералы, — сказал он, останавливаясь около ничем не примечательной двери, и облегченно вздохнул. И тут только я понял, сколько неумной энергии и настойчивости проявил этот здоровяк, чтобы так быстро проташить нас сквозь людской водоворот, клокочущий в Смольном. Едва успев заметить на предупредительно распахнутой матросом двери номер комнаты — семьдесят пятый, я переступил порог и увидел радостно поднявшегося брата.

— Тебя и твоих коллег ждут с нетерпением, — поцеловавшись со мной, сказал Владимир Дмитриевич и, не давая никому из нас даже перевести дыхание, стремительно провел нас в небольшую комнату, вся обстановка которой состояла из большого некрашеного стола и жалкой табуретки у входной двери — вероятно для часового. На столе лежала десятиверстная карта, включавшая Петро-

град, Финский залив, Нарву, Чудское озеро и местность к югу от этого района, — все это я успел рассмотреть, пока, оставив нас в комнате одних, брат вышел через вторую имевшуюся в комнате дверь.

Прошло несколько минут, и дверь эта, только что еще плотно притворенная, распахнулась, и в комнату вошли несколько человек того характерного вида, который в до-революционные годы был присущ профессиональным революционерам: утомленные лица, небрежная одежда, простота и непринужденность манер...

Первым порывисто вошел плотный, невысокий человек с огромным, увеличенным лысиной лбом, очень зоркими живыми глазами и коричнево-рыжеватой бородкой и усами. Скромный, едва ли не перелицованный, пиджак, галстук в белый горошек, потом сделавшийся известным многим миллионам людей, поношенные башмаки, очень живые руки, пальцы которых так и норовили забраться под проймы жилетки, — все это сразу помогло мне узнать в вошедшем Владимира Ильича Ленина. Таким не раз описывал мне организатора большевистской партии брат, таким я запомнил его по немногим фотографиям, которые хранились у Владимира. Следом за Лениным шли прячущий свои прекрасные глаза за стеклами пенсне, видимо, не расстающийся с потертой кожаной курткой Свердлов, надменный Троцкий, которого я признал по взъерошенной шевелюре и острой, хищной бородке, и неизвестный мне высокий и очень худой партиец в солдатской суконной гимнастерке и таких же неуклюжих шароварах, чем-то смахивавший на Дон Кихота. Он оказался Подвойским, о котором я уже слышал как о члене коллегии по организации Красной Армии.

Пожав торопливо протянутую мне Лениным руку, я представил ему приехавших со мной генералов.

Владимир Ильич явно торопился, и я волей-неволей провел церемонию представления главе Советского правительства основных сотрудников моего штаба с той стремительностью, которая в этот ночной час отличала все жесты

и манеру говорить Ленина. Рискаю показаться нам невежливым, хотя, как позже я убедился, он был на редкость хорошо воспитанным и учтивым человеком, Владимир Ильич быстро подошел к разложенной на столе карте и почти скороговоркой сообщил, адресуясь ко мне и остальным бывшим генералам, что немцы наступают на город Нарву, а кое-какие конные части их появились уже и под Гатчиной.

— Вам с вашими товарищами, — продолжал Ленин, — надо немедленно заняться соображениями о мерах обороны Петрограда. Войск у нас нет. *Никаких*, — подчеркнул он голосом. — Рабочие Петрограда должны заменить вооруженную силу¹.

— Я не думаю, товарищ Ленин, чтобы на Нарву могли наступать значительные силы германцев, — сказал я.

— Почему вы это решили? — спросил Ленин, вскинув на меня свои острые глаза.

— Достаточно сделать простой расчет, — ответил я. — Большая часть дивизий давно переброшена немцами на западный театр войны. Но и те сравнительно небольшие силы, которыми германское командование располагает в ближайших к столице районах, нельзя было так быстро передвинуть к Нарве и Пскову. Следовательно, немецкое наступление предпринято только с расчетом на отсутствие всякого сопротивления и ведется ничтожными силами.

— Совершенно с вами согласен. Немецкое наступление на Нарву мы расцениваем точно так же и потому и готовимся дать ему отпор силами одних рабочих, — сказал Ленин и, извинившись, что занят, ушел.

Присутствовавший при разговоре брат мой, Владимир Дмитриевич, провел меня и остальных генералов в комнату «семьдесят шесть» и предложил в ней обосноваться и заняться разработкой нужных оборонительных мероприятий.

¹ Указание начальнику штаба Главковерха М. Д. Бонч-Бруевичу о формировании рабочих отрядов было дано В. И. Лениным в ночь с 22 на 23 февраля.

— Ты слышишь? — спросил он меня. Из-за двойных, совершенно заиндевелых стекол в комнату врываются не вполне понятные звуки, похожие, впрочем, на одновременный рев многочисленных фабричных гудков.

— Это заводы и фабрики революционного Петрограда объявляют боевую тревогу, — подтвердив мою догадку, продолжал Владимир Дмитриевич. — В течение ночи Центральный Комитет поставит под ружье 50 тысяч рабочих. Остановка — за разработкой оперативных планов и организацией нужных отрядов.

Отлично понимая, как важно выгадать время, я тут же включился в работу, попросив брата связать меня с теми, от кого мы могли бы получить точные сведения о том, что происходит под Гатчиной и Нарвой. Несмотря на неизбежную противоречивость в рассказах очевидцев и сообщениях представителей отступивших воинских частей и местных Советов, очень скоро я и мои товарищи смогли представить себе характер немецкого наступления и примерные силы, которыми оно располагает в интересующих нас районах. Еще немного, и мы уже составили черновые наброски некоторых, еще весьма общих, соображений по обороне Петрограда.

Тем временем в одной из соседних комнат началось чрезвычайное заседание расширенного Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Председательствовал Свердлов. Меня и остальных генералов попросили принять участие в этом заседании, и Яков Михайлович, очистив для меня место рядом с собой, предложил мне рассказать собравшимся о тех основных мерах, которые мы, военные специалисты, рекомендуем принять.

Кроме большевистских лидеров, на заседании присутствовали и левые эсеры, и я получил сомнительное удовольствие впервые в жизни увидеть пресловутую Марию Спиридонову, «вождя» левых эсеров. Некрасивая, с узким лбом и напоминающими парик гладкими волосами, она производила впечатление озлобленной и мстительной истерички.

Делая свой короткий, но трудный доклад, я сказал, что, по мнению всех нас, штабных работников, надлежит с утра 23 февраля выслать в направлении к Нарве и южнее ее разведывательные группы, человек по двадцать — тридцать каждая. Эти группы должны быть выдвинуты по железной дороге возможно ближе к Нарве и к югу от нее — до соприкосновения с противником. Каждой из групп будет указан участок для сбора сведений о действиях и расположении неприятеля. Все разведывательные группы обязаны поддерживать между собой взаимную связь и присылать в Смольный нарочными и по телеграфу срочные донесения.

В поддержку разведывательным группам решено направить отряды человек по 50—100 каждый. Формирование разведывательных групп и поддерживающих отрядов поручалось штабу обороны Петрограда и его окрестностей. Последний подчинялся уже созданному в Смольном Комитету обороны, возглавлявшемуся Лениным.

Всю ночь штаб обороны формировал, вооружал и снабжал по моим нарядам всем необходимым разведывательные группы и поддерживающие отряды. Я с Лукирским заготавливал для тех и других письменные распоряжения; генерал Сулейман инструктировал начальников разведывательных групп, исходя из задачи, поставленной перед каждой из них. Раттеля я отпустил на вокзал для формирования нового поезда взамен того сборного, в котором мы прибыли из Могилева. Было ясно, что оставаться долго в Петрограде не придется; новому штабу следовало рассчитывать на пребывание там, где в этом явится необходимость.

Не выкроив и получаса для сна и отдыха, мы добились того, что в течение ночи и следующего дня на фронт Нарва — Себеж были направлены все намеченные нами разведывательные группы. Формирование же отрядов продолжалось и 24 февраля. Так зародилась «завеса» как форма обороны революционной России от вероломного нападения милитаристской Германии.

23 февраля днем я снова побывал у Ленина. Он принял меня в своем кабинете, скромно обставленной комнате в Смольном, хорошо известной теперь миллионам трудящихся.

Я доложил Владимиру Ильичу, что разведывательные группы уже высылаются, так же как и поддерживающие их отряды. Вероятно, речь моя была полна привычных военных терминов, вроде «срочных донесений», «оперативных сводок», «соприкосновения с противником» или «разведки боем».

— Все это очень хорошо, — похвалил меня Ленин и, неожиданно усмехнувшись и хитро прищурившись, сказал: — А все-таки ваше военное дело часто походит на какое-то жречество.

— Извините, Владимир Ильич, — обиженно возразил я. — Военная наука так же точна, как и всякая другая точная дисциплина. Во всяком случае у нас, в России, мы располагаем отлично разработанной военной теорией. В частности, Владимир Ильич, в области стратегии, — запальчиво продолжал я, — мы имеем такого непревзойденного знатока, как генерал Леер, а в тактике — генерал Драгомиров. И, наконец, Милютин дал нам блестящие образцы того, что касается устройства войск.

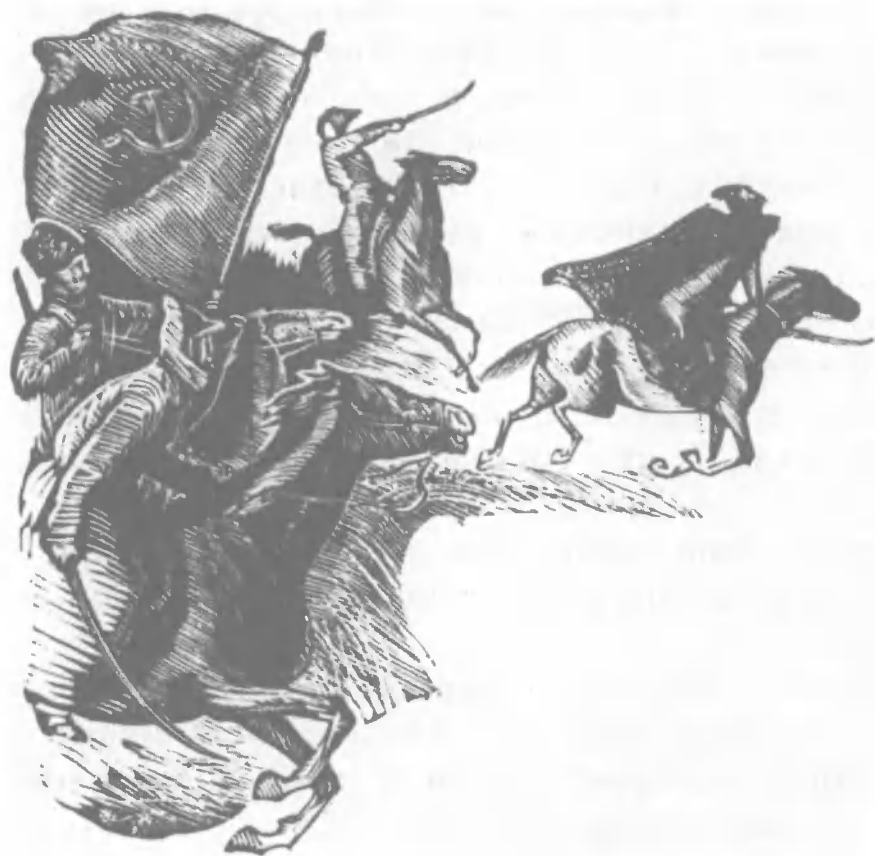
— Я не отрицаю значения военной науки, — уже серьезно сказал Ленин, — но, по правде говоря, я больше занимался экономическими вопросами.

Он спросил у меня, что написал Леер. Я тут же расхвалил трехтомную его «Стратегию», и Владимир Ильич заинтересованно сказал, что обязательно ознакомится с этим трудом.

Он сдержал свое обещание и, как передавал мой брат, попросил кого-то из сотрудников достать для него учебник Леера.

Ленин, как я впоследствии убедился, отлично разобрался в основных военных вопросах, и особенно в характере и обстоятельствах участия России в первой мировой войне. Работать с ним было легко и даже радостно.

Владимир Ильич умел, как никто, слушать и делал это так, что я, например, ощущал душевный подъем после каждого своего доклада, независимо от того, принимал Ленин или не принимал мои предложения. Это умение сказывалось прежде всего в сосредоточенном внимании, с которым тебя выслушивал Владимир Ильич, в глубоком понимании вопроса, о котором говорили его реплики, во всей той не передаваемой словами атмосфере простоты, товарищества и уважения к каждому, кто с ним работает, которая была присуща приему у первого Председателя Совета Народных Комиссаров...

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ЛЕНИН В СОВНАРКОМЕ

При Ленине в Совнаркоме было дельно и оживленно. Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту. Но вместе с тем не было заметно ни самонаименьшего привкуса бюрократизма, игры в высокопоставленность или хотя бы напряжения людей, производящих непосильную работу. Больше, чем когда-нибудь, при Ленине казалась эта работа при всей своей ответственности «легкой».

Сам Ленин любил всегда смеяться. Улыбка на его лице появлялась чаще, чем у любого другого. Рансом, наблюдательный англичанин, отметил эту наклонность к веселому, беззаботному смеху у величайшего из людей нашего времени и правильно ее понял. «*Это смех силы*, — говорит Рансом, — и эта сила заключается не только в огромных способностях Ленина, но и в его коммунизме. Он обладает таким совершенным ключом для отмыкания общественных тайн и трудностей, коммунизм дал ему такую уверенность в незыблемости прогноза, что, конечно, никакой другой деятель не может быть так уверен в себе, своих планах, своих проектах».

Так или приблизительно так (за смысл ручаюсь) говорит Рансом.

Работали в Совнаркоме споро, работали бодро, работали с шутками.

Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро текла река докладов, обмена мнений, решений.

Надо было видеть, как слушает Ленин. Я не знаю лица прекраснее, чем лицо Владимира Ильича. На лице его покоилась *печать необычайной силы*, что-то львиное ложилось на это лицо и на эти глаза, когда, задумчиво смотря на докладчика, он буквально впитывал в себя каждое слово, когда он подвергал быстрому, меткому дополнительному допросу того же докладчика.

Хотя в Совнарком было много первоклассных светлых голов, но Ленин обыкновенно быстрее других прорабатывал все вопросы и приходил к законченному решению. Однако в этом не было ни малейшего стремления, так сказать, искусственно проявить свое первенство. Если кто-либо предлагал подходящее решение, Ленин быстро схватывал его целесообразность и говорил: «Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказанулось».

Сердился Ленин, особенно в Совнарком, чрезвычайно редко. Но сердился крепко. Выражений он при этом не выбирал. С его уст слетали всякие слова, вроде: «советские садовники, у которых ум за разум зашел», «ротозейство», «головотяпство» и другие неприятные определения, которые попадают иногда в его бумагах, телеграммах, телефонограммах и т. д.

Но никто никогда не обижался за «проборку» от Ленина. Коммунист или вообще советский человек, «обижающийся» на Ленина, — это какая-то безвкусица и даже просто невероятная фигура.

Ленина, наоборот, все с каждым часом все больше и больше любили, помогал ли он, хвалил ли, журил ли.

Когда Ленин заболел, Совнарком чувствовал себя

осиротелым. И когда после длительного периода болезни он вновь появился на заседании — событие это было встречено с какой-то тревожной, таившей в себе грусть, радостью.

Ленин был не совсем тот. Он надел большие очки, чтобы предохранить глаза, и это меняло его. Он по-прежнему бодро вел заседание, прекрасно вникал в суть дел, предлагал окончательные резолюции, но в его речи чувствовалась какая-то беспокоившая затрудненность. Наркомы шептались между собой: «Поправился, выздоровел, еще есть следы болезни, но пройдет, наладится», но вместе с тем где-то в глубине сердца таилось мучительное сомнение. И Ленин вновь скрылся с нашего горизонта, и на этот раз уже окончательно.

Н. А. СЕМАШКО

Николай Александрович Семашко (1874—1949) — один из старейших членов КПСС (с 1893 года), активный участник вооруженного восстания 1905 года в Нижнем Новгороде. В годы эмиграции (1906—1917) был членом Женевской, затем Парижской группы большевиков, секретарем Заграничного Бюро ЦК большевистской партии.

Н. А. Семашко был тесно связан с В. И. Лениным в самые тяжелые для партии годы борьбы с ликвидаторством, участвовал в VI (Пражской) конференции 1912 года, разрабатывал для нее проект резолюции «Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих».

Н. А. Семашко участвовал в подготовке вооруженного восстания 1917 года, а после победы Октябрьской революции посвятил себя работе в области здравоохранения. При создании Народного комиссариата здравоохранения Ленин предложил ему пост народного комиссара, на котором Семашко оставался до 1930 года.

В тяжелое время гражданской войны, в условиях разрухи, голода, эпидемий, Н. А. Семашко показал образцы выдержки, инициативы при организации медицинской и санитарной помощи населению в тылу и на фронтах, куда он систематически выезжал для непосредственного руководства санитарными и медицинскими мероприятиями.

Н. А. Семашко был одним из инициаторов организации курортного дела, возникновения ряда научных медицинских учреждений, одним из первых поставил вопрос об охране окружающей среды, особенно заботился о крупнейших ученых, создавая условия для их плодотворной деятельности.

С именем этого замечательного человека и большевика, близкого соратника Ленина связано становление советского здравоохранения — одного из самых крупных достижений Великой Октябрьской социалистической революции.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И НАРКОМЗДРАВ

Надо, чтобы каждый, кто знал ту или другую черту характера Владимира Ильича, поделился своими сведениями и таким образом помог восстановить его многогранный образ. Из таких лоскутков воспоминаний составитя потом целостное представление о великом человеке.

Нам, деятелям здравоохранения, надо вспомнить отношение Владимира Ильича к нашей работе. Это — наша обязанность.

Самое возникновение нашего комиссариата обязано Владимиру Ильичу. Напомним, что при создании Наркомздрава сама эта идея встречала местами холодное, а местами и враждебное отношение. На историческом заседании Совнаркома, когда обсуждался этот вопрос, с самыми резкими выпадами против меня выступали и партийные (д-р Вечеслов и д-р Веггер), и беспартийные (д-р Цветаев) товарищи. Каких страшных и едких слов не было здесь наговорено! И то, что я создаю бюрократическую утопию, что я заболел рейновской отрыжкой¹ и т. д.

Хозяйственники были против: Троцкий сказал, что он «не верит» в начинание. Позиция наша была трудная. И только твердая, ясная поддержка Владимира Ильича спасла положение: огромным большинством Наркомздрав был создан; все поправки, против которых высказывались мы, были по предложению Владимира Ильича отвергнуты.

Так был создан новый наркомат. Надо было «собрать медицины». Уперлись страховики со своими больничными кассами. И здесь Владимир Ильич нас поддержал.

Вопрос был поставлен в ЦК партии, и после пятиминутных речей моих и моих противников Владимир Ильич предложил без дальнейших прений утвердить объединение больничных касс в Наркомздраве; через несколько дней

¹ Рейн — министр царского правительства, внесший в Государственную думу проект организации Министерства здравоохранения, конечно, на бюрократических началах. — Н. С.

появился за подписью Владимира Ильича соответствующий декрет Совета Народных Комиссаров¹.

Организация создана; угрожают эпидемии.

Народный комиссариат здравоохранения составляет проект декрета о борьбе с сыпным тифом, и вместе с А. Н. Сысиным мы проводим его в полчаса в Совнаркоме при энергичной поддержке Владимира Ильича. Он постоянно беседует со мной и о ходе эпидемии, бросает гениальные идеи о формах привлечения населения к участию в эпидемической борьбе (рабочие комиссии на фабриках и заводах — его идея). Мало того, он ставит вопрос о борьбе с сыпняком как громадной важности политическую проблему и на съезде Советов² провозглашает знаменитый лозунг: *«Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!»*

Освобождается от белогвардейцев Крым. Владимир Ильич горячо приветствует идею создания в Крыму все-российской здравницы, и при его поддержке проходит декрет, которым предусматривается широкое развитие курортного дела в Крыму в таких размерах, которых мы до сих пор еще не достигли. Он постоянно интересовался курортным делом, радовался успехам, бранил за неудачи.

Все принципиальные вопросы в нашей деятельности, все основные законопроекты Наркомздрав предварительно докладывал Владимиру Ильичу и согласовывал с ним, и основные принципы советской медицины всегда находили в нем лучшую поддержку. В нашем деле он учил нас, что нужно защищать единство медико-санитарной организации, бороться за план против хаоса и беспорядка.

¹ Декрет об учреждении Народного комиссариата здравоохранения был подписан В. И. Лениным 11 июля 1918 года.

² Имеется в виду доклад В. И. Ленина на VII Всероссийском съезде Советов 5 декабря 1919 года.

Н. Д. ВИНОГРАДОВ

Николай Дмитриевич Виноградов (1885—1980) — архитектор. С 1918 года помощник народного комиссара имуществ Республики. С августа 1918 года был ответственным за проведение плана монументальной пропаганды (декрет «О памятниках республики»).

2 июля 1918 года В. И. Ленин писал А. В. Луначарскому: «Я сегодня говорил с Виноградовым. Производит хорошее впечатление».

Затем Н. Д. Виноградов работал в Московском совете по охране памятников искусства и старины и в Музее русской архитектуры в Москве. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

ВСТРЕЧИ С ВОЖДЕМ

Передо мной мандат, выданный 3 августа 1918 года и гласящий: «Тов. Виноградов является ответственным лицом, а потому все, кто может быть полезен в его работах и в состоянии их выполнить, обязаны исполнять его просьбы, связанные со снятием памятников царей и их слуг, а также и по вопросам, связанным с постановкой памятников революционному народу и его героям.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Весной 1918 года я вернулся с фронта в Москву и был принят в Наркомат государственных имуществ Республи-

ки, которым руководил тогда П. П. Малиновский. Этот наркомат, просуществовавший недолго, ведал дворцами, бывшими императорскими театрами и училищами, ценнейшими памятниками России, в том числе и Кремлем. Здесь он, кстати, и помещался. Мне, молодому тогда архитектору, поручались всякого рода строительные и инспекторские работы, связанные с сохранением архитектурных ценностей.

12 апреля 1918 года вышел декрет, подписанный В. И. Лениным, в котором, между прочим, говорилось: «Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс».

Как-то раз в мае нарком захворал и попросил меня присутствовать на заседании Совнаркома вместо него. Я, разумеется, с восторгом согласился: какой случай близко увидеть Ленина!

И я увидел в этот вечер Владимира Ильича. Заседание происходило в большой комнате, по соседству с кабинетом Ленина. Народу было много, повестка дня была сложная, но лица присутствующих выражали бодрость, жизнерадостность. Ленин вел заседание свободно, легко. Запомнился такой эпизод. Поднялся представитель Наркомздрава. Владимир Ильич обратился к нему:

— Сколько вам нужно для доклада?

— Часа полтора, Владимир Ильич.

— Уложите в пятнадцать минут, и мы будем вас слушать.

— Пятнадцать минут!.. Речь идет о создании медицинского института, Владимир Ильич!

— Все равно. Ни минуты больше. Начинайте.

За минуту до истечения срока Ильич постучал по циферблату своих часов, напоминая докладчику о времени. Когда тот закончил и сел, Владимир Ильич в нескольких словах изложил суть его доклада и спросил:

— Так я вас понял?

Последовал утвердительный ответ. Присутствовавшие рассмеялись. Оказалось, что полуторачасовой доклад можно было изложить в нескольких словах.

Однажды П. П. Малиновский вызвал меня и сказал, что отныне я буду ответственным лицом за проведение в жизнь декрета о снятии и постановке памятников. И добавил: Владимир Ильич хочет со мной познакомиться и поговорить. Я отправился на заседание Совнаркома, полагая, что мне удастся улучить минуту и побеседовать с Лениным. Но заседание затянулось, и только около часа ночи я подошел к Владимиру Ильичу.

— Очень рад познакомиться, товарищ, — сказал Ленин и пожал мне руку, — но уже поздно, сегодня нам потолковать не удастся. Приходите завтра в десять утра. Обязательно приходите!

В назначенный час я был у Владимира Ильича и по его просьбе подробно рассказал, как выполняется декрет и кто мешает его выполнению. С интересом он выслушал мой рассказ о том, что рабочие завода бывшего Гужона (ныне «Серп и молот») по собственной инициативе сняли памятник Скобелеву против здания Моссовета.

— Требуйте обязательного выполнения декрета, — сказал мне Владимир Ильич, — и о всех случаях саботажа или уклонения докладывайте мне. Нажимайте на Луначарского, пусть помогает вам. Регулярно, два раза в неделю, приходите и рассказывайте, как продвигается дело и кто мешает вам. Желаю вам успеха!

С тех пор моей обязанностью стало регулярно докладывать Владимиру Ильичу о снятии и постановке памятников в Москве.

Ярко проявилось заботливое отношение В. И. Ленина и к литературным памятникам. В конце марта 1918 года вдова Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна обратилась с ходатайством к правительству о выдаче ей пенсии на поддержание дома-усадыбы «Ясная Поляна». Владимир Ильич не только подписал постановление об удовлетворении этого ходатайства, было принято дополнение — ука-

зять местному Совету на необходимость всячески охранять имя великого писателя.

3 июня 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома о национализации Третьяковской галереи, а 19 декабря — постановление о национализации художественных собраний А. Морозова, И. Остроухова и И. Морозова.

До сих пор живо помню, как заботился Владимир Ильич о восстановлении кремлевских курантов, поврежденных артиллерийским снарядом.

В конце апреля 1918 года Малиновский предложил мне созвать московских часовщиков и узнать у них, могут ли они взяться за восстановление часов и переделать музыку курантов¹. В Кремль были приглашены представители фирмы «Павел Буре» и других фирм. Осмотрев повреждения, они согласились восстановить часы и переделать музыку курантов, запросив за эти работы двести сорок тысяч рублей. Такая огромная сумма была назначена ими с явной целью сорвать восстановление кремлевских курантов.

Об этом было доложено Владимиру Ильичу. Сумма была настолько велика, что вопрос о реставрации кремлевских часов на Спасской башне был временно отложен.

Но мысль о восстановлении курантов не оставляла Ленина, и он снова вернулся к этому вопросу в июле того же года. Во время одного из моих докладов Владимир Ильич спросил у меня:

— Как бы нам все-таки починить часы на Спасской башне и заставить куранты исполнять «Интернационал»?

Тут же было принято решение.

Вскоре работы начались. Трудились над курантами слесарь-механик Кремля Н. Беренс и художник М. Черемных.

Горячая, искренняя забота Владимира Ильича Ленина о культурных ценностях нашей Родины незабываема!

¹ До Октябрьской революции кремлевские куранты исполняли «Коль славен наш господь в Сионе...» и могли исполнять марш Преображенского полка. Реставрация курантов была закончена в сентябре 1918 года.

И. А. ВАЙМАН

Иван Андреевич Вайман (1893—1962) — член КПСС с 1917 года, заместитель народного комиссара художественно-исторических имуществ и комиссар Управления народными дворцами.

В мае 1918 года В. И. Ленин вместе с И. А. Вайманом, В. Д. Бонч-Бруевичем, П. Д. Мальковым обошел все здания, дворцы, стены Кремля, а в феврале 1919 года И. А. Вайман, к этому времени назначенный комиссаром Управления Московскими народными дворцами, сделал доклад в Малом Совнаркоме о санитарном состоянии Кремля.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ, ИСКУССТВА

С первых дней Советской власти Владимир Ильич уделял исключительное внимание сохранности исторических и культурных ценностей. Учитывая близость военной зоны, Ленин уже в ноябре 1917 года распорядился приступить к проверке и эвакуации этих ценностей из Петрограда и пригородных дворцов в Москву. Там они хранились в кремлевских зданиях, Оружейной палате. Надо ли говорить, что все это было сохранено для будущих поколений благодаря заботам Владимира Ильича!

По указанию Ленина был организован самостоятельный Народный комиссариат художественно-исторических имуществ. Ему подчинили бывшие дворцовые и удельные ведомства, музеи, государственные театры, отдел охраны

памятников старины и т. д. Создание такого комиссариата в то тяжелое время было проявлением большой заботы о сохранении исторических ценностей. Партия большевиков располагала для этого замечательными кадрами. Наркомат возглавил тов. Малиновский, а в комиссиях работали гг. Сидович, профессор Фриче, художник Орловский, архитектор Виноградов и другие.

Владимир Ильич интересовался, правильно ли организована охрана, надежна ли она, как отапливаются помещения, где хранятся исторические ценности. Ленин не согласился с мнением некоторых ответственных работников, пытавшихся доказать, что весь персонал младших служащих бывшего дворцового ведомства нужно распустить и оставить лишь одну военную охрану. Владимир Ильич настоял на том, что прежняя гражданская охрана из проверенных младших служащих должна быть сохранена наряду с надежной военной охраной.

На всех наиболее ответственных пунктах были организованы посты военной и гражданской охраны. В Оружейную палату, где хранились исторические ценности и реликвии искусства (известная шапка Мономаха, шапка и скипетр царя Михаила Романова, коллекция оружия разных веков и просто ценности из золота и драгоценных камней), доступ был еще сложнее. В это помещение, где ученым хранителем был оставлен профессор Трутовский, вход разрешался только в присутствии ответственных дежурных, назначаемых комендантом Кремля тов. Мальковым, комиссаром Управления народными дворцами и профессором Трутовским. Исключений не делали ни для кого.

Нельзя при этом не вспомнить и об исключительной роли тов. Ольминского. Его знают как верного соратника Ильича, литератора и преданнейшего большевика, но как организатор охраны исторических и художественных ценностей он мало кому известен. Между тем его роль администратора и прекрасного организатора в этом важном деле была немалая.

Изо дня в день тов. Ольминский следил за тем, чтобы правильно охраняли ценности, он даже ночью проверял, чтобы в помещениях была нужная температура, иначе дорогие картины и фрески могли испортиться.

Назначение М. С. Ольминского комиссаром кремлевских дворцов было сделано по указанию Владимира Ильича, причем это связано с обстоятельствами, не совсем приятными для меня.

Как-то в холодное время при обходе кремлевских дворцов и других сооружений Кремля я высказал Владимиру Ильичу мысль о том, что, на мой взгляд, можно снизить на несколько градусов температуру воздуха в тех помещениях, где хранятся картины, ибо с топливом трудновато. Выслушав меня, тов. Ленин с беспокойством спросил:

— Неужели вы это уже практиковали?

Не догадываясь, в чем дело, я ответил, что пока продолжаем топить по-прежнему, но, если топлива не хватит, придется снизить температуру в помещениях, где не живут люди. Я полагал, что картинам вреда не будет от небольшого снижения температуры в помещениях.

Владимир Ильич объяснил мне несуразность такого предложения и категорически запретил снижать температуру воздуха в помещениях, где хранились ценные картины и фрески. Он знал, что такое «хозяйственное» предложение могло возникнуть у меня только из-за неопытности. В отношении дров Ильич велел обратиться к Якову Михайловичу Свердлову. По мандату ВЦИК дрова в Кремль были доставлены. Чтобы предотвратить «рациональные предложения» такого порядка, был рекомендован тов. Ольминский как опытный в этих делах человек.

Расширяя коммунистическое ядро в Кремле, способное организовать охрану исторических ценностей, народный комиссар Малиновский со своими помощниками продолжал работу по выявлению и учету новых художественных ценностей на территории РСФСР, не захваченной оккупантами и белогвардейцами. Во дворцах Московской области — Архангельском, в Кускове, Покровско-Стрешневе

и других — была организована охрана памятников искусства и старины. Для этого привлекались в отдельных случаях даже бывшие управляющие, которые, видимо ожидая возвращения своих хозяев, проявляли заботу о ценностях. Их работа ставилась под особый контроль местных Советов.

Для выездов вне пределов Москвы тов. Ленин давал нам свою автомашину. Таким образом нам удалось объехать и организовать охрану Архангельского дворца, замечательного памятника культуры XVIII—XIX веков, панорамы Бородинского боя 1812 года и т. д.

И. В. ЖОЛТОВСКИЙ

Иван Владиславович Жолтовский (1867—1956) — советский архитектор, заслуженный деятель науки и искусств РСФСР, академик архитектуры, лауреат Государственной премии СССР. Один из авторов плана реконструкции Москвы (1918—1923), руководил архитектурным проектированием Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве; по его проектам были построены павильоны СССР на Международной выставке в Милане (1925—1926); автор крупнейших сооружений (Госбанк, ипподром) и жилых домов в Москве.

И. В. Жолтовский много сделал для воспитания художественных кадров.

В 1918-м

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву я получил записку с приглашением прийти к В. И. Ленину. На небольшом плотном листе бумаги, который и поныне хранится мною как драгоценная реликвия, рукой Владимира Ильича был написан адрес бывшей городской думы на площади Революции и час, назначенный мне для беседы. Ильич указал также номер кабинета, по-видимому, для того, чтобы избавить от необходимости долго разыскивать его.

К тому времени в Москве для руководства городским строительством были созданы необходимые органы — законодательный отдел, отделы подземного и наземного

строительства. Была организована архитектурная мастерская для разработки плана строительства в Москве.

Владимир Ильич сразу же стал расспрашивать, как подвигается наша работа над этим планом. Я доложил Владимиру Ильичу основную идею плана, с которой он полностью согласился.

В Москве, как известно, господствуют юго-западные ветры. Учитывая это, было предложено развивать новое жилищное строительство в юго-западном направлении, в районе Воробьевых гор¹, Новодевичьего монастыря. Ленин горячо поддержал эту мысль.

Во время беседы Владимир Ильич уделил большое внимание вопросам озеленения города. По его мнению, насаждения должны серьезно учитываться при новой планировке Москвы. Он рекомендовал нам, архитекторам, учесть опыт европейских столиц; Лондона — с зеленым массивом Гайд-парка, Парижа — с его Елисейскими полями, Вены — с ее живописным Рингом. Владимир Ильич заботился о создании для жителей Москвы здорового, насыщенного кислородом резервуара воздуха и для этой цели советовал предусмотреть озеленение берегов Москвы-реки.

Большая теплота, чуткое внимание и терпение, с которыми Ленин выслушивал мнение собеседника, живое остроумие делали встречи с ним такими яркими и радостными событиями моей жизни! Он любил садиться совсем рядом со своим собеседником, и самый деловой разговор с ним приобретал характер душевной беседы.

Слушая Ленина, я отчетливо представлял себе, каким прекрасным городом должна стать будущая Москва. По совету Владимира Ильича была благоустроена Театральная площадь², Охотный ряд был освобожден от уродливых лабазов.

¹ Теперь Ленинские горы, где сооружено высотное здание Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

² Теперь площадь Свердлова.

При обсуждении проекта городского хозяйства и транспорта, разработанного нами вплоть до метрополитена, Владимир Ильич просил учитывать необходимость устройства глубокого ввода для транзитных поездов.

Одной из работ по осуществлению плана строительства в Москве, одобренного Лениным, явилось сооружение в 1923 году сельскохозяйственной выставки, спроектированной на месте свалки на берегу Москвы-реки, — ныне там находится Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Создание зеленых массивов выставки в этом районе мыслилось как звено в зеленой цепи, которая должна была протянуться от Воробьевых гор до Кремля.

Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа. В этой связи он подчеркивал значение культурного наследия, говорил, что нужно использовать достижения науки, техники, искусства.

Говоря о пути развития советской культуры, Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, сказал он, исходить от прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества.

В то же время он предупреждал об опасности проникновения в наше искусство мещанства. На всю жизнь запомнились мне слова, которые однажды сказал при прощании Владимир Ильич: «Делайте красиво, но только помните, без мещанства!»

Мне довелось неоднократно бывать у Владимира Ильича в Кремле. Его советы, проникнутые заботой о нуждах простых людей, помогли нам, архитекторам, в решении многих и многих проблем.

Вспоминается такой пример. Москва ощущала в те годы серьезные продовольственные затруднения. К тому же доставка продовольствия в столицу осложнялась из-за транспортных неполадок. Развивая мысль о новой, рациональной планировке города, Ильич предложил создать на

берегу Москвы-реки, у Симонова монастыря, второй ярус набережной по примеру одной из набережных Лондона, с тем чтобы овощи, поступающие в Москву водным путем, можно было выгружать в вагоны трамвая и ночью развозить их по рабочим районам.

О глубокой человечности Ленина, об отзывчивости и теплоте его можно судить и по такому случаю. Однажды меня пригласили к Владимиру Ильичу для того, чтобы ознакомиться с книгами по искусству, поступившими из Берлина. По прибытии в Кремль я извинился за то, что не могу в этот день выполнить поручение, так как мне предложено немедленно освободить квартиру.

Ленин стал расспрашивать: на каком основании, чье это распоряжение? Я объяснил. Возмущенный Ленин тотчас же продиктовал своему секретарю текст отношения (оно хранится у меня поныне) с просьбой приостановить выселение. В этом документе, между прочим, сказано: «Если это потребуется, просьба будет поддержана тов. Лениным».

В этих будничных на первый взгляд деталях, в этих штрихах, запомнившихся на всю жизнь, — бесконечно дорогой и любимый образ мудрого, великого Ленина.

С. Т. КОНЁНКОВ

Сергей Тимофеевич Конёнков (1874—1971) — советский скульптор, действительный член Академии художеств, народный художник СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда.

С. Т. Конёнков был активным участником революционных событий 1905 года в Москве, которые нашли отражение в его творчестве («Рабочий боевик 1905 года Иван Чуркин»). После Великой Октябрьской социалистической революции, будучи председателем профсоюза московских скульпторов, С. Т. Конёнков привлек к осуществлению ленинского плана монументальной пропаганды как признанных мастеров, так и молодые кадры.

За долгие годы своей творческой жизни Конёнков создал прекрасные монументальные композиции, психологические портреты, фольклорно-сказочные образы (мрамор, дерево).

Воспоминания С. Т. Конёнкова переносят читателя в обстановку первых бурных лет революции, призвавшей к свободному труду передовые силы творческой интеллигенции.

ЛЕНИН: «Я НАЗВАЛ БЫ ЭТО МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДОЙ»

11 апреля 1918 года большую группу художников, архитекторов, скульпторов пригласили в Моссовет. Было выдвинуто предложение о создании Московской коллегии

по делам изобразительного искусства. Такого рода совещательный орган успешно действовал в Петрограде. Функции коллегии — координация работы художественных учреждений, оказание им помощи. В состав коллегии избрали В. А. Веснина, И. В. Жолтовского, А. В. Щусева, К. А. Коровина, П. В. Кузнецова, А. Н. Златовратского и меня. На первом рабочем заседании 14 апреля коллегия наметила практические меры по осуществлению принятого за два дня до этого декрета Совета Народных Комиссаров «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции».

Этот декрет, а также последующие постановления Совнаркома о памятниках вошли в историю как ленинский план монументальной пропаганды. Бессмертно значение этих документов. Они говорят о первостепенном значении искусства в социалистическом обществе. План монументальной пропаганды сблизил художников с идеями партии большевиков. Реализацией ленинской идеи искусство молодой Советской Республики показало всему миру путь возрождения монументального художественного творчества, убитого задолго до Октября 1917 года пошлостью, продажностью буржуазного общества.

Владимир Ильич рассматривал наши творческие способности как активную силу в созидании нового человека, новой жизни. «Вы помните, — говорил он А. В. Луначарскому, — что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же... Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой... В разных видных местах, на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях

для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулой, дающие оценку тому или другому великому историческому событию... Пусть это будут какие-нибудь бетонные плиты, а на них надписи возможно более четкие. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю... Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы. Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры... Особое внимание надо обратить и на открытие таких памятников...

Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно повторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, отчетливо связывая его с нашей революцией и ее задачами».

На мою долю выпало счастье принимать участие в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Я горд этим. В первой части декрета Совета Народных Комиссаров от 12 апреля 1918 года говорилось, что «...памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц». Был дан срок — 1 мая. Но из-за ведомственной неразберихи — за исполнение декрета отвечали Народный комиссариат художественно-исторических имуществ, Наркомпрос и Моссовет — за разборку памятников царям взялись только в летние месяцы. Я помню, как рабочие приставляли лестницы, приступая к разрушению массивного истукана — памятника Александру II в Кремле. Затем таким же образом развалили и увезли памятник Александру III у храма Христа Спасителя.

Будучи председателем профессионального союза Московских скульпторов, я состоял в Художественной коллегии отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Мне с товарищами-скульпторами поручено было подготовить доклад, с которым предстояло выступить на заседании Совнаркома. В результате горячего обсуждения мы выработали целый ряд принципиальных положений, которые составили содержание записки отдела изобразительных искусств Наркомпроса в Совет Народных Комиссаров...

...Этот текст, а также предложения Художественной коллегии Наркомпроса составили содержание моего выступления на заседании Совнаркома 17 июля 1918 года. Там я впервые увидел Ленина.

Когда я пришел в Кремль, заседание уже началось. Меня пригласили занять место за длинным столом, накрытым зеленым сукном. С докладом о сооружении в Москве памятников великим людям выступал заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский, затем председательствующий — Владимир Ильич Ленин — предоставил слово мне. Я поднялся и начал говорить. Владимир Ильич подался вперед, и я сразу же почувствовал, что он слушает меня с большим вниманием. Это помогло мне тогда как-то сразу войти в русло деловой обстановки заседания. Говорил я недолго, а в заключение зачитал список революционных и общественных деятелей, которым предполагалось воздвигнуть памятники.

Началось обсуждение. Народные комиссары дополняли список. Были названы имена Спартака, Робеспьера, Жореса, Гарибальди... Эти имена тут же были внесены в список.

Владимир Ильич спросил меня, какие меры необходимо принять, чтобы незамедлительно приступить к делу.

Я ответил, что, учитывая короткие сроки, намеченные Совнаркомом, надо установить постаменты и фигуры до наступления морозов. Скульпторы должны представить

проекты памятников в гипсе, в натуральную величину. Я подчеркнул, что особенно важны первые проекты, которые будут приняты как показательные.

Владимир Ильич тут же спросил меня о примерной стоимости каждого монумента.

— Примерно восемь тысяч рублей, как в Петроградской коммуне. Там стоимость каждого памятника определена в 7 тысяч 910 рублей, — ответил я.

Владимир Ильич, внимательно выслушав мой ответ, подчеркнул, что именно такая сумма должна быть выделена каждому скульптору вне зависимости от его имени, а потом спросил меня, устроит ли нас, если все суммы будут выделены в трехдневный срок.

Я ответил:

— Вполне.

«Запишите в протокол: в трехдневный срок», — сказал Владимир Ильич и обычную фразу «вопрос исчерпан» произнес как-то особенно приветливо, сопроводив ее одобрительной улыбкой.

Мне показалось, что мое участие в заседании длилось одно мгновение. Я раскланялся и вышел. В приемной остановился и перебрал в памяти только что происшедшее в моем присутствии.

Ленин. С этого часа он для меня дорогой и близкий человек. Как строго и деятельно вел он заседание! Насколько естествен и впечатляющ каждый его жест, каждое движение! Весь он озарен глубоким внутренним сиянием. Огромный, поистине сократовский лоб окаймлен слегка вьющимися волосами. И волосы, и блеск глаз — золотистые.

Трудно передать сейчас, как понравился мне Ильич. Какой заряд сил влила в меня его бодрость!

Помню, как прямо с заседания Совнаркома я поехал к ожидавшим меня в одной из комнат ИЗО Наркомпроса московским скульпторам. С волнением говорил я о том, какая ответственная и небывалая по своим масштабам задача возложена на нас теперь. Все присутствовавшие

были чрезвычайно обрадованы, вдохновлены. Хотелось, не мешкая, приступить к работе.

15 августа, когда окончательно вывели и согласовали список предполагаемых памятников, состоялось общее собрание скульпторов, и весь небывало грандиозный заказ на основе принципа свободного внутреннего распределения был разобран немногочисленным, но, как оказалось, дружным коллективом московских скульпторов...

Скульпторы в России в ту пору поднимались превосходные, и ближайшие годы показали, на что они способны. Шервуд, Голубкина, Синайский, Мухина, Андреев, Меркуров, Шадр, Домогацкий — эти имена говорят сами за себя... Все признанные мастера, а также и молодые скульпторы включились в работу по реализации плана монументальной пропаганды. В этой подвижнической деятельности — сроки были крайне жесткие, условия работы тяжелейшие — мы росли и мужали, всем сердцем, сознанием своим впитывая в себя музыку революции.

1 марта 1918 года Александр Блок записывает в дневнике: «Революция — это: я — не один, а мы».

* * *

Сооружение памятников приобретало большой размах только благодаря стремлению всех членов Московского профессионального союза скульпторов. В трудной и увлекательной работе нам сопутствовала атмосфера товарищества. Мы, скульпторы, в своем кругу пылко обсуждали творческие и организационные вопросы. В работе выездного жюри и на общих собраниях неизменно присутствовал Николай Дмитриевич Виноградов, которому В. И. Ленин поручил практическое руководство программой монументальной пропаганды. На каждом шагу благодаря посредничеству Н. Д. Виноградова мы опирались на помощь Ленина. Владимир Ильич вникал во все наши беды и затруднения, предлагал места для постановки памятника.

Владимир Ильич не давал покоя Луначарскому, не раз упрекал Московский Совет в медлительности, требовал привлекать к ответственности всех тех, кто саботировал нашу работу.

Глубоко знаменательно, что Владимир Ильич Ленин задачи пропаганды возложил и на монументальную скульптуру. Этот вид искусства по своей природе обращен и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. Ничто не имеет такой неисчерпаемой, массовой аудитории, как памятник на площади города.

Владимиру Ильичу принадлежит инициатива создания мемориала в память павших героев Октябрьской революции. В постановлении Совнаркома от 17 июля 1918 года записано: «Обратить особое внимание Народного комиссариата по просвещению на желательность постановки памятников павшим героям Октябрьской революции и, в частности в Москве, сооружения, кроме памятников, барельефа на Кремлевской стене, в месте их погребения».

В августе Моссовет предложил шести скульпторам и архитекторам принять участие в конкурсе. Среди этих шести был и я. В середине сентября жюри рассмотрело проекты. Четыре из них — скульпторов Бабичева, Гюрджяна, Мезенцева и художника Нивицкого — были отвергнуты. Мой проект и проект архитектора Дубиневского при голосовании получили равное число голосов. После открытого обсуждения комиссия избрала мой проект, дав такую мотивировку своего решения: «Преимущество произведения Конёнкова, по мнению экспертов, выражается в том, что, как цветное, оно побеждает тот серый полумрак, который царит в этом месте. Помимо этого, по своему внешнему виду доска будет вполне гармонировать со всей площадью, где находится многоцветный собор Василия Блаженного, золото куполов и крашеная черепица башен.

По своему художественному построению произведение это вполне гармонично: все части уравновешены, линии

просты и легко воспринимаемы глазом, отношение глубины рельефа к широким плоскостям его правильное, не развлекающее глаз и обеспечивающее ясность восприятия темы «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Темой взяты не временные моменты борьбы, а конечные идеалы, изображая победу мира над войной, причем мощь фигуры указывает на силу того, кто несет этот мир».

Этот отзыв о моем проекте 21 сентября 1918 года напечатала «Правда»...

А в мастерской — пыль и гром. Я вместе со своими помощниками, старыми друзьями Иваном Ивановичем Бедняковым, форматерами Савинским и Королевым, расчищал место для будущего монументального барельефа размером 7×8 аршин. Приходилось забывать о сне и отдыхе: работу, на которую в обычных условиях было бы мало года, надо было совершить за месяц. Предстояло разрешить и многие технические трудности. Чтобы этакая махина не развалилась при монтаже, решили «разрезать» ее на 49 кусков и каждый кусок прикрепить специальным болтом к соответствующей металлической плахе, вделанной в Кремлевскую стену.

Тут же, в тесной мастерской, отливались и окрашивались цементные куски мемориальной доски. Приходилось разрешать и довольно сложные скульптурно-живописные задачи: я все время помнил, что доска должна смотреться «живописным пятном на затемненном фоне Кремлевской стены». Вся мастерская заставлена чанами с глиной и мешками цемента; теснота, спешка. И все же самое трудное позади.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать» — как это проникновенно сказано Блоком. Но как средствами пластики достойно продолжить взволнованный монолог гениального поэта?

Я стремился подняться над частностями, обыденностью. Задача требовала образа мирового звучания.

Ключ к решению найден был, конечно же, не в заоблачных высях, а на земле. Я вспомнил виденный мною в барском доме моей тетки Марии Федоровны Шупинской гобелен «Америка».

Женщина из племени Орла. Гордая дочь племени североамериканских индейцев с венцом из орлиных перьев на голове дала толчок фантазии. Тонкие шелка гобелена, вышитого крепостными девушками, подсказали — барельеф на Кремлевской стене будет цветным. (Впоследствии, живя в Америке, я узнал, что орел у североамериканских индейцев — символ Солнца. Сам того не зная, я воспользовался мировой символикой.)

Никогда я не работал с таким увлечением. Один набросок следовал за другим. Зрелище освобожденного Кремля, заря над Москвой, гобелен, вышитый еще во времена крепостного права, — эти видения возбуждали фантазию, в бесчисленных карандашных рисунках слагались в патетический образ. Во время работы над реальной доской он уточнялся, вбирая в себя все новые краски жизни, возбуждая в нас революционное чувство.

В октябрьские дни 1918 года, когда Советская республика готовилась отметить первую годовщину своей жизни, на улицах звучали революционные песни, и мне так хотелось, чтобы на древней Кремлевской стене зазвучал гимн в честь грядущей победы и вечного мира.

Во время установки мы дневали и ночевали у Кремлевской стены. Во время работы ночью стояла охрана и горел костер.

Проходившие спрашивали: «Что тут происходит?» А одна старушка поинтересовалась:

- Кому это, батюшка, икону ставят?
- Революции, — ответил я ей.
- Такую святую я слышу в первый раз.
- Ну что ж, запомни!

Наконец все готово.

Торжественный красный занавес скрыл широкими складками доску, которую должен был открыть Владимир

Ильич. Возле доски возвышался помост, а чуть в стороне — высокая, со многими ступенями трибуна.

С утра 7 ноября 1918 года Красная площадь начала заполняться делегациями заводов и фабрик, красноармейских частей. День ясный, холодный.

Было известно, что Владимир Ильич прибудет на Красную площадь вместе с колонной делегатов VI съезда Советов. Выглядывая долгожданную колонну, я несколько растерялся, когда увидел Ленина, идущего к Сенатской башне. На нем было пальто с черным каракулевым воротником и черная каракулевая шапка-ушанка. Он поздоровался со всеми присутствующими, со мной, как со старым знакомым, сказав: «Помню, помню нашу беседу в Совнарком».

Началась короткая церемония открытия.

К стене была приставлена небольшая лесенка-подставка, на которую должен был взойти Владимир Ильич, чтобы разрезать ленточку, соединявшую полотнища занавеса. Ленточка была запечатана. Я держал в руке специально сделанную мной ко дню открытия живописную шкатулку, в которой лежали ножницы и выполненная мною деревянная печатка. На ней значилось: «МСРКД» (Московский Совет рабоче-крестьянских депутатов).

Владимир Ильич обратил внимание на шкатулку и на печатку:

— А ведь это надо сохранить. Ведь будут же у нас свои музеи, — взял и стал внимательно рассматривать печатку, а потом передал шкатулку с печаткой одному из товарищей, стоявшему рядом.

— Передайте в Моссовет. Это надо сохранить, — сказал Владимир Ильич.

Я передал ножницы Владимиру Ильичу. Он разрезал красную ленту. Когда раскрылся занавес, заиграл военный духовой оркестр и хор Пролеткульта исполнил кантату, написанную специально ко дню открытия. Автором музыки был композитор Иван Шведов, слова написали поэты Есенин, Клычков и Герасимов.

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.
Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.
Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

Под звуки кантаты все собравшиеся у Кремлевской стены в молчании внимательно рассматривали мемориальную доску.

Крылатая фантастическая фигура Гения олицетворяет собой Победу. В одной ее руке — темно-красное знамя на древке с Советским гербом; в другой — зеленая пальмовая ветвь. У ног фигуры — поломанные сабли и ружья, воткнутые в землю. Они перевиты траурной лентой. А за плечами надмогильного стража восходит солнце, в золотых лучах которого написано:

ОКТЯБРЬСКАЯ 1917 РЕВОЛЮЦИЯ

На мемориальной доске, внизу, начертаны слова:

**ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА МИР И БРАТСТВО
НАРОДОВ**

Эти слова были девизом моей работы, и мне радостно сознавать, что они были одобрены и утверждены В. И. Лениным.

Только замолкли окрестр и хор, как Владимир Ильич поднялся на трибуну и произнес свою теперь широко известную речь, посвященную борцам Октябрьской революции.

«На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая

почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу...

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы», — говорил Владимир Ильич, и его с величайшим вниманием слушали все собравшиеся на Красной площади.

Десять лет спустя Владимир Маяковский в октябрьской поэме «Хорошо!» отдал дань святому для каждого советского человека месту — братской могиле красногвардейцев, погибших при штурме Кремля:

И лунным
пламенем
озарена мне
площадь
в сиянье,
в яви
в денной...
Стена —
и женщина
со знаменем
склонилась
над теми,
кто лег под стеной.

Мемориальная доска принадлежит истории. Она напоминает о личном участии В. И. Ленина в становлении советского монументального искусства и революционных традиций.

Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и брат-

ство народов» находилась на Сенатской башне Кремля до 1948 года, когда из-за повреждения была снята. В 1963 году в канун своего девяностолетия я отреставрировал памятную доску, и она после этого экспонировалась на юбилейных выставках в Москве и Ленинграде. Сейчас мемориальная доска включена в экспозицию Русского музея, а для Кремлевской стены изготавливается из вечных материалов дубликат.

П. И. ТРАВИН

Петр Иванович Травин (Слетов; 1885—1970) — член КПСС с 1919 года. Принимал участие в революции 1905—1907 годов, работал в военной организации в Риге, где вступил в Латышскую социал-демократическую партию. В 1906 году эмигрировал за границу; участвовал в рабочем движении Америки. В августе 1918 года выехал в Россию. В конце 1918 года доставил в США письмо В. И. Ленина к американским рабочим.

Вместе с «Письмом» в США были доставлены Конституция РСФСР и текст ноты Советского правительства президенту Вильсону с требованием прекратить интервенцию. Все эти документы были напечатаны в американских газетах, «Письмо» же было издано большим тиражом, а кроме того, печаталось в буржуазной печати США и стран Западной Европы.

После возвращения из США в Советский Союз П. И. Травин находился на руководящей инженерно-технической работе.

ПИСЬМО ЗА ОКЕАН

...Весть о Великой Октябрьской социалистической революции, о том, что в Петрограде пролетариат захватил власть в свои руки, застала меня в Соединенных Штатах Америки. Много лет я был политическим эмигрантом, спасаясь на чужой земле от «столыпинского галстука» — виселицы, которая мне грозила за активное участие в революционных событиях 1905 года.

Услышав о революции, я решил немедленно вернуться на Родину. Но сделать это было не просто. Американские власти сумели разобраться в существе происходившего в России и чинили всякие препоны на пути эмигрантов, стремившихся домой. Хитроумным путем, под чужой фамилией, мне удалось наконец наняться судовым кочегаром на корабль, шедший в Европу.

Когда мы пришли в Норвегию, я ночью бежал с корабля. Местные социал-демократы оказали мне большую помощь и помогли перебраться в Стокгольм, где советским полпредом был Вацлав Вацлавович Воровский.

Здесь, в Стокгольме, после длительной беседы с Вацлавом Вацлавовичем и была решена судьба ленинского поручения. Помню, что, получив предложение вернуться в США, я был просто ошарашен. Ведь я так стремился домой, на Родину, которую не видел двенадцать лет!

Но важность поручения заставила меня забыть обо всем. В номере одной из стокгольмских гостиниц я впервые прочел ленинское письмо¹ — несколько машинописных страничек. Первая же фраза письма заставила меня невольно вздрогнуть. «Товарищи! — писал Владимир Ильич. — Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведенный в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам».

Как мог знать Ленин, что именно мне придется везти письмо? Минуту я терялся в догадках, а потом сообразил, в чем дело: речь в первой фразе шла не обо мне, а о моем товарище по эмиграции Кирилле Бородине, который сумел доставить письмо из Москвы в Стокгольм.

Я снова углубился в письмо. Это был один из самых замечательных документов, с которыми мне приходилось встречаться. Ленин говорил о богатейшей из капиталистических стран на языке, который не знает дипломатических экивоков. Он с гневом разоблачал буржуазию, награвив-

¹ Речь идет о «Письме к американским рабочим».

шую на войне миллиарды долларов, побивающую рекорд по утонченности лицемерия, оправдывающую свой грабительский поход против России стремлением «защитить» ее от немцев.

Убедительность и прямота ленинских суждений захватывали с первой страницы. Машинописные строки дышали неумолимой, железной логикой, непоколебимой уверенностью в непобедимости революции. Россия, писал Ленин, была первой страной, которая сломала цепь империалистической войны. Русские революционеры принесли тяжчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но сломали ее. Конец письма, помнится, я взволнованно читал почти вслух:

«Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленнее*, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма... Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция».

Ниже этих слов косо бежала подпись: «*Н. Ленин*».

Я хорошо знал об обстановке и настроениях в Америке. Публикация ленинского письма в американской печати могла не только взорвать машину буржуазной пропаганды, распространявшей ложь и клевету, но и круто повернуть общественное мнение на сторону Советской России. В ленинских строчках была заключена величайшая правда, а правда не могла не дойти до сердца народа.

Не буду подробно рассказывать о том, как именно мне удалось доставить письмо Ленина в Америку. Рейс был трудным, довольно долгим и временами действительно опасным. Он потребовал всего моего опыта подпольщика и конспиратора. На первом же этапе я был вынужден

уничтожить дипломатический паспорт, выданный мне в Стокгольме. Приходилось менять фамилии, скрываться от слежки, выдавать себя за моряка-американца, случайно отставшего от своего корабля.

Всеми правдами и неправдами мне удалось устроиться на лайнер «Хелиг Олаф», отплывавший из Копенгагена в Нью-Йорк. На этом корабле я нашел себе помощника — молодого датчанина матроса Йенсена, который очень сочувственно относился к русской революции. Помощник был необходим: я опасался, что суровые нью-йоркские таможенники отнесутся к «мистеру Слетову» куда менее либерально, чем американский консул в Копенгагене.

Так оно и вышло. Таможенные чиновники признали мои документы «недействительными» и решили отправить меня назад, в Европу. Оставался последний путь — побег с корабля. Поздно вечером я вышел на палубу. Во всю ширь в морозной мгле горели огни Нью-Йорка. Часовые стояли на мостике у трапа. Йенсен, замерший в тени надстроек, кивком головы дал мне понять, что все готово. Я дождался, пока часовой на мостике повернулся ко мне спиной, быстро преодолел расстояние до поручней, перемахнул через них и, схватившись за канат, исчез за бортом.

Побег прошел успешно, несмотря на то что охрана задержала меня на выходе из порта: мне удалось откупиться несколькими долларами в форме «залога». Добравшись до первой аптеки, я позвонил человеку, на которого рассчитывал больше всего, — товарищу Джону Риду.

Джон Рид сыграл одну из главных ролей в публикации ленинского послания американскому народу. Именно этому замечательному американцу, журналисту, принадлежал план, который был успешно претворен в жизнь. Вначале письмо Ленина было опубликовано в органах рабочей и прогрессивной печати...

...Буржуазная печать была вынуждена начать полемику. Комментируя письмо, она не могла уйти от того, чтобы его не цитировать. Таким образом послание Ленина оказалось в центре общественного мнения.

Чтобы показать роль, которую сыграло письмо в советско-американских отношениях, в истории рабочего движения в Америке, сошлюсь на статью Уильяма З. Фостера «Октябрьская революция и американский народ», опубликованную много лет спустя после описываемых здесь событий, в октябре 1957 года.

Почетный председатель Коммунистической партии США писал: «Когда Октябрьская революция нанесла смертельный удар капитализму и империализму в России, ее встретили с большим воодушевлением. Но даже в социалистической партии лишь немногие были знакомы с деятельностью Ленина, вождя революции, и еще меньше людей знало и понимало программу его партии... Несмотря на отчаянные попытки оклеветать и уничтожить русскую революцию, сочувствие к ней охватило широкие народные массы. Великую вдохновляющую роль сыграло ленинское «Письмо к американским рабочим».

В Нью-Йорке возникла «Лига друзей России», которая требовала отзыва американских войск. Активисты «Лиги» рассказывали американцам правду о преобразованиях в Советской Республике. Докеры Сиэтла отказались грузить вооружение для контрреволюционного генерала Колчака, действовавшего в Сибири. В поддержку Советской России забастовали портовики Балтимора.

В начале 1919 года моя миссия была окончена, я отправился в обратный путь. О том, насколько это было сложно, скажет такой факт: первый же рейс в Европу доставил меня... в Южную Америку. Вернувшись в США, я добрался до Скандинавии, оттуда попал в Германию. Осенью 1919 года, назвавшись представителем крупной американской фирмы «Мак-Кормик», я перешел линию фронта и попал в расположение частей Красной Армии.

Я ходил по Москве, ощущал под ногами камень ее мостовых и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Через неделю мне сказали, что меня примет Ленин. Я волновался, много размышлял над тем, что рассказать Владимиру Ильичу. Но он перепутал все мои

планы и заставил рассказывать о всей поездке от начала до конца. Он очень интересовался Америкой и задал мне десятки вопросов о политической обстановке в стране, о «Лиге по признанию Советской России», о Джоне Риде, о технической помощи России, о тейлоризме...

Затем, когда наш разговор закончился, я присутствовал на встрече Владимира Ильича с американским инженером, специалистом по научной организации производства, в качестве переводчика. Собственно, перевод не понадобился: Владимир Ильич говорил по-английски уверенно, не задумываясь, безукоризненно четко строя фразу. Мне довелось подсказать в разговоре лишь перевод нескольких специальных технических терминов.

Когда мы с американцем покинули ленинский кабинет, я увидел, что он находится в совершенном изумлении. Инженер сначала молча качал головой, а потом заметил:

— В Европе, а может быть, и во всем мире нет другого такого государственного деятеля, столь уверенно действующего во имя блага людей...

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов; 1883—1945) — советский писатель, зачинатель поэзии социалистического реализма. Член КПСС с 1912 года, сотрудник «Звезды» и «Правды», автор сатирических стихов, басен, фельетонов.

В. И. Ленин очень ценил Д. Бедного и дорожил его участием в большевистской печати. В 1913 году Ленин писал в редакцию «Правды»: «Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать». В 1914 году на расширенном заседании ЦК, под руководством В. И. Ленина, был зафиксирован ряд пунктов «К сведению редакции «Правды», в числе которых указывалось, что «Необходимо давать чаще беллетристику» и «Обязателен маленький фельетон Демьяна Бедного. «Суд» его с ликвидаторами ни при чем. Никакой «суд» не отнимет у него таланта».

Когда в конце 1917 года встал вопрос о работе Д. Бедного в аппарате Совнаркома, В. И. Ленин счел более целесообразным оставить его на творческой работе.

В последние месяцы жизни Владимир Ильич любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Н. К. Крупская писала позднее, что «нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные».

В 1917 году появилась поэма Д. Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю», а в 1922 году — «Главная улица». В. И. Ленину посвящено стихотворение «Никто не знал... (22 апреля 1870 года)» (1927).

В годы гражданской войны произведения Д. Бедного (стихи и тексты песен) были на вооружении Красной Армии, а сам Демьян Бедный выступал на фронтах как агитатор; во время Великой Отечественной войны сотрудничал в «Правде» и «Окнах ТАСС».

В 1923 году Демьян Бедный был награжден орденом Красного Знамени за «особо выдающиеся и исключительные заслуги».

В 1934 году на I съезде советских писателей Демьян Бедный выступал с речью, в которой отстаивал ленинский принцип народности, партийности и массовости литературы.

Вл. Маяковский исключительно высоко ставил творчество Демьяна Бедного.

1. «ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ»

Из предисловия к книге Л. Войтоловского

Припоминаю случай с В. И. Лениным. Владимир Ильич как-то в 1918 году, беседуя со мной о настроении фронтовиков, полувопросительно сказал:

— Выдержат ли?.. Не охоч русский человек воевать.

— Не охоч! — сказал я и сослался на известные русские «плачи завоеванные, рекрутские и солдатские», собранные в книге Е. В. Барсова «Причитания Северного края»:

И еще слушай же, родная моя матушка,
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И на войну пойдем, солдатушки несчастные,
И мы горячими слезами обливаемся,
И сговорим да мы бесщастны таковы слова:
«Уж вы, ружья, уж вы, пушки-то военные,
На двадцать частей, пушки, разорвитесь-то!»

Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. Взяв ее у меня, долго он ее мне не возвращал. А потом, при встрече, сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть. Старой песне противопоста-

вить новую песню. В привычной своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое, и т. д.».

Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация...

2. «МОСКВА...»

Владимир Ильич в часы отдыха не любил разговаривать, а я часто бывал с ним в часы отдыха и помню, что, очевидно, он просто любил думать что-нибудь свое в это время. С ним можно было проходить часа два и молчать. И он с благодарностью воспринимал, что ему помогали отдыхать.

Я лично не отрывал Владимира Ильича от отдыха, но однажды пристал к нему, пристал, как ярый питерец. Все мы, переехавшие тогда из Петрограда в Москву, как-то сначала остро ощущали разлуку с этим городом, остро и даже болезненно, и я надел на Владимира Ильича, как это мы покинули Петроград¹. А он мне на все мои вздохи и охи и на все аргументы — а аргументов я находил бесконечное количество, — прищуривши так один глаз, говорил всего одно слово:

— Москва...

Я ему сейчас же, понимаете, снова!.. А он опять:

— Москва...

И он мне так раз десять говорил:

¹ Автор воспоминаний говорит о переезде Советского правительства из Петрограда в Москву в марте 1918 года.

— Москва... Москва... Москва...

Но все с разными интонациями. И к концу речи я тоже начал ощущать: а ведь в самом деле Москва!

Это было у меня первое ощущение Москвы. Теперь мы все, и я в частности, невероятные москвичи, потому что срослись с той Москвой, которая все вытерпела, все создала. Москва... Это мировой город, и вся символика в этом удивительном слове.

Сейчас надо сделать какие-то заявки для книги, в которой участвовать — это уже честь. И я все думал, что бы мне взять. И вспомнил Ленина — Москва... И вот я думаю, что, если мне удастся написать что-нибудь, я так и напишу:

— Москва...¹

¹ Поэт выполнил свое обязательство. В двадцатую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября 1937 года, он написал стихотворение «Столица — народ».

ПАМЯТНАЯ ПРОГУЛКА

Вот кадр кинохроники 1918 года: В. И. Ленин на прогулке в Кремле. Кинолента была заснята в сентябре 1918 года, в дни, когда Владимир Ильич, поправляясь после ранения, стал приходить в свой кабинет в Совнаркоме¹.

О выздоровлении Ленина были опубликованы подробные сообщения. Но и после этих сообщений, так же как это было во время болезни Владимира Ильича, в Управление делами Совета Народных Комиссаров поступали бесконечные запросы о здоровье Ленина. Приходили одна за другой депутации от рабочих профсоюзов, от отдельных фабрик и заводов. За всем этим чувствовалась великая тревога, которая, как это позже выяснилось, была возбуждена провокационными слухами: враждебными элементами распространялось ложное известие о том, что Ленин будто бы умер.

Вывод был один: надо поскорее показать Владимира Ильича народу. Выступить на каком-нибудь митинге, как заявили врачи, Владимир Ильич мог не раньше, чем через три месяца. Тогда было решено во что бы то ни стало заснять Владимира Ильича для кинохроники. Но необходимо было так организовать съемку, чтобы Владимир Ильич не заметил кинооператоров, иначе он не стал бы сниматься. Наметили такой план: в хороший, солнечный день приедут в Кремль кинооператоры, установят аппаратуру за углами, в складках стен строений, около Царь-пушки и в других местах, где обычно прогуливался

¹ Киносъемка состоялась 16 октября 1918 года.

Владимир Ильич. Было условлено, что когда я пойду с В. И. Лениным на прогулку, то время от времени буду отходить в сторону, чтобы кинооператоры смогли заснять Владимира Ильича одного.

Вскоре выпал солнечный, теплый осенний день. Я по телефону дал знать киноработникам, что надо готовиться. Владимиру Ильичу было сказано, что около часа дня ему обязательно нужно пойти на прогулку, так как этого решительно требуют врачи.

В назначенное время я напомнил Владимиру Ильичу, что надо идти гулять. Он быстро встал, взял свою кепку и сказал:

— Пойду без пальто: нынче прекрасный день!

Выйдя из подъезда, мы направились к асфальтовой дорожке. Стараясь отвлечь внимание Владимира Ильича от окружающей обстановки, я рассказывал ему самые интересные сведения, только что почерпнутые из последней почты: о передвижении хлеба и иных продуктов по железным дорогам, о приспособлении по заданию Ленина ряда хороших дач в Сокольниках под диспансеры и лесные школы для больных детей. Забота о детях была одной из постоянных забот Владимира Ильича, и он всегда охотно выслушивал такие сообщения.

Владимир Ильич гулял с видимым удовольствием. По совету хирурга он все время старался упражнять раненую левую руку, закидывая ее за спину с тем, чтобы доставать правую лопатку. Прием этот ему еще не удавался, так как мускулы руки недостаточно окрепли и эластичность их не восстановилась.

В удобный момент я стал понемножку отходить от Владимира Ильича в сторону. От его взгляда не ускользнуло это.

— Что это вы, батенька, отходите? — сказал он. — Гулять — так вместе!

Так мы подошли к Царь-пушке. Я предложил Владимиру Ильичу пойти дальше.

— Соблазнительно, да нельзя: надо успеть до четы-

рых еще кое-что написать и принять двух товарищей, которые должны приехать.

И Ленин круто повернул обратно.

Пройдя несколько десятков шагов, он вдруг посмотрел вперед и сказал:

— Смотрите, там кто-то бежит, и у него что-то за плечами. Да это киношник!..

Я понял, что далее скрывать правду от Владимира Ильича нельзя.

— Совершенно верно, — ответил я ему, — это кинооператор, и их здесь много. Вас снимали...

— А кто же это вам разрешил? — спросил он у меня. — И почему вы меня не предупредили?

— Потому что вы не пошли бы сниматься, а это совершенно необходимо.

— Это верно, я бы не пошел. Так, значит, вы меня обманули? Как же это так, Владимир Дмитриевич? — сказал он укоризненно.

— Вас надо было во что бы то ни стало показать рабочим. Выступить вам нельзя еще три месяца...

— Ну, это положим...

— Так говорят врачи. Рабочие волнуются: хотят знать, как вы поправляетесь? И мы решили показать вас на экране во время прогулки. Хронику пустим прежде всего по всем рабочим клубам.

— Ну, если это надо рабочим, тогда грех вами испугать...

Посмеявшись и пошутив над тем, как все это было устроено, мы пошли дальше.

Кинооператоры, заметив, что «заговор» раскрыт, выскочили со всех сторон и засняли сцену нашего разговора. Кадры эти особенно удачны: Владимир Ильич заснят весело смеющимся.

Ленин пошел к дому довольно скоро. Я попросил его замедлить шаг и приостановиться, а сам отошел в сторону. Кинооператоры, действовавшие уже открыто, запечатлели Владимира Ильича стоящим на асфаль-

товой дорожке, со спрятанной в кармане правой рукой.

После съемки мы направились к подъезду. Я поднялся с Владимиром Ильичем, чтобы проводить его до кабинета.

Бодрый, довольный, освеженный прогулкой Ленин, войдя в кабинет, сразу углубился в чтение писем и бумаг.

Через некоторое время после просмотра ленты в Кремле, она была смонтирована Картину под названием «Прогулка Владимира Ильича в Кремле» выпустили в свет. Прежде всего ее демонстрировали на экранах в рабочих кварталах Москвы, а потом стали показывать всюду.

Восторг зрителей был неописуемый. При появлении Владимира Ильича на экране все вставали и долго рукоплескали, оглашая залы возгласами: «Да здравствует Владимир Ильич!» Многие плакали от радости, видя горячо любимого вождя живым и бодрым.

А. М. НИКОЛАЕВ

Аким Максимович Николаев (1887—1937) — член КПСС с 1904 года, участник первой русской революции 1905—1907 годов; в годы реакции эмигрировал за границу. В 1916 году был направлен в Россию с заданием проникнуть на фронт для революционной пропаганды среди солдат.

В 1917 году — один из организаторов революционного переворота во Владимире. В 1918—1924 годах — член коллегии Наркомпочтеля и председатель Радиотехнического совета. С 1925 года — торгпред в Норвегии, заместитель торгпредов в Швеции и Франции, затем был членом Президиума Госплана СССР, заместителем председателя ВОКС.

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ ЭТО РАДИО...»

...Второй случай относится ко времени германской революции¹.

«Не будь радио, мы долго не узнали бы о том, что делается в Германии», — говорил Владимир Ильич, когда по радио были получены первые сведения о германской революции.

¹ Первый случай использования радиосвязи относится к июлю 1918 года. В момент восстания левых эсеров, когда мятежники захватили телеграф, Ленин от имени Совнаркома распорядился по радио сообщить всем приемным радиостанциям, что телеграммы с момента захвата телеграфа эсерами следует считать провокационными.

Ясно помню этот эпизод. На Ходынке¹ было перехвачено сообщение германской радиостанции о захвате революционными рабочими и солдатами поездов и о продвижении вооруженных рабочих к германской столице. Вечером, когда мне сообщили об этом с Ходынки, я немедленно позвонил Владимиру Ильичу. Он просил меня приехать и зайти прямо к нему в комнату, где помещался телефонный коммутатор, около его кабинета². В ответ на его просьбу подробно рассказать содержание перехваченной радиোগраммы я предложил позвонить прямо на станцию и записать то, что принято радистом. Так и сделали. Я связался с радиостанцией, там оказались еще новые известия из Германии. Мне передают по телефону содержание этих радио, а Владимир Ильич записывает: «Вооруженные отряды фронтовиков и рабочих захватывают поезда...» Дальше говорится о вооруженных столкновениях. Владимир Ильич восклицает: «Это наш июль!» Отчетливо помню эту реплику и сияющее лицо Владимира Ильича. Потом он нетерпеливо говорит: «Дайте мне трубку, я сам буду слушать и записывать, так быстрее». Я понял, что ему непосредственно со станции хочется слушать об этих исторических событиях, имеющих огромное влияние на судьбы мировой революции.

Никогда не забуду этих 20 минут. Владимир Ильич на маленьком столике записывает огненные слова о первых революционных победах германского пролетариата. В одной руке у него карандаш, в другой — телефонная трубка. Он весь напряжение, вскидывает на меня сияющие глаза, повторяет вслух наиболее интересные места радиোগраммы, чтобы и я слышал. Подает реплики: «За ними пойдут другие», «Все идет хорошо!» Напишет несколько фраз и снова: «Это очень хорошо!» Лицо Владимира Ильича отражало все его переживания: смелую уверенность, радость, восторг... Вот тучка набежала. Я думаю:

¹ На Ходынке была радиостанция.

² Это было в ночь с 9 на 10 ноября, после двух часов ночи.

«Ну, что-нибудь неладное!» Владимир Ильич прекратил запись. Я гляжу на него вопросительно. Он останавливает диктовавшего радиста: «Подождите, товарищ. Не разберу, повторите слово перед этим...» С каждой новой приятной вестью оттуда, из Германии, он весь оживлялся. Ему было страшно неудобно писать, на стуле он сидел беспокойно. Я все ждал: вот вскочит он и будет быстро ходить по комнатухе, потирать руки и говорить об открывающихся перспективах. Отдельные места радиogramмы Владимир Ильич читал вслух. Я был заражен его возбуждением, не мог оторваться от лица Владимира Ильича. Таким прекрасным было оживленное лицо незабвенного вождя!

«Все? Спасибо, товарищ», — говорит в трубку Владимир Ильич.

Потом он обращается ко мне: «Радиogramма принята» — и просит, чтобы я в любое время звонил ему, как только еще что-нибудь будет перехвачено из Германии. Условились также о немедленной пересылке ему всех перехваченных из-за границы радио. Тут Владимир Ильич заторопился. Я понял, что ему захотелось скорее поделиться свежими радостными вестями с его ближайшими соратниками. Так хотелось мне от него услышать оценку событий в Германии! Ведь это должно было ускорить и углубить развитие нашей революции, закрепить наши первые победы! Но задерживать его было неудобно. «Да, у немцев июль! Посмотрим, как они перейдут к Октябрю», — угадывая мои мысли, сказал Владимир Ильич и, прощаясь, добавил: «Замечательная вещь это радио...»

С. С. КАМЕНЕВ

Сергей Сергеевич Каменев (1881—1936) — советский военачальник, командарм первого ранга, член КПСС с 1930 года. В первую мировую войну — командир полка. В гражданскую войну, в 1918—1919 годах — командующий войсками Восточного фронта, в 1919—1924 годах — Главнокомандующий Вооруженными Силами республики. Затем, с 1927 года, С. С. Каменев был заместителем народного комиссара по военным и морским делам и председателя РВС СССР.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

...Первая моя встреча с Владимиром Ильичем произошла в исключительной для меня обстановке. 1 апреля 1919 года Восточный фронт перешел в наступление, которое с первых же шагов имело успех. Разворачивалась большая операция, закончившаяся впоследствии полным разгромом Колчака.

Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, 5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма «деликатной» форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что я был отстранен от командования — я и до сего дня не знаю.

Крайне тяготясь своей вынужденной бездеятельностью в такое горячее время, я 15 мая 1919 года отправился

в Москву просить о предоставлении мне какой-либо работы. В Москве я со своей просьбой обратился непосредственно к зампреду РВСР Э. М. Склянскому. Не получив определенного ответа, я в достаточно подавленном настроении ушел на вокзал для возвращения в Симбирск. Едва я прибыл на вокзал, как комендант станции передал мне приказание тов. Склянского немедленно вернуться в РВСР. Прибыв к тов. Склянскому, я получил приказание ехать с ним, и только в автомобиле он сказал, что мы едем к Владимиру Ильичу. Езды от РВСР до Кремля не более 2—3 минут, а при быстрой езде тов. Склянского, я думаю, и того меньше.

Сообщение о том, что мы едем к Владимиру Ильичу, само собою разумеется, меня больше чем взволновало, тем более что тов. Склянский ни слова не сказал, по каким вопросам мне предстояло сделать доклад, да и к тому же я не имел при себе никаких материалов.

Приехав, мы поднялись на лифте. Мне предложено было подождать на площадке лестницы. Тов. Склянский ушел. Через минуту дверь была открыта, и я очутился сразу же в кабинете Владимира Ильича.

Владимир Ильич, смеясь, о чем-то говорил с тов. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте. В начале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издание Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад. Эту карту я никогда не забуду, на ней имелись только основные ориентиры. От волнения у меня исчезли из памяти все названия деревень, где находились части Красной Армии и разворачивались боевые действия. Вероятно, заметив мое затруднительное положение, Владимир Ильич облегчил мне доклад подачей реплик, на которые давать ответы было уже много легче.

Обращая внимание Владимира Ильича на красивое в военном отношении развитие операции, я стал восхищаться ее красотой. Владимир Ильич немедленно подал

реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

Это замечание Владимира Ильича имело глубокий смысл. Я был военным специалистом старой школы, обученным и воспитанным на так называемых классических операциях, родивших «вечные и неизменные принципы» войны. Замечание Владимира Ильича, несомненно, отрезвляло меня и возвращало к реальным формам борьбы сегодняшнего дня.

Владимир Ильич интересовался, насколько достигнутые успехи устойчивы, что намечено и что делается для закрепления и для дальнейшего развития удара. Мое волнение еще и еще усилилось в связи с докладом об обстановке на фронте, с изложением перспектив возможного развития дальнейших операций. Меня тянуло сказать, что это только мои соображения, что я не у дел и являюсь только зрителем того, что происходит на фронте. Хорошо помню, что вопрос обо мне ни Владимиром Ильичем, ни тов. Склянским затронут не был. На этом закончилась моя первая встреча с Владимиром Ильичем.

Выйдя из кабинета, я, негодуя на себя за свою растерянность, ожидал возвращения тов. Склянского.

На обратном пути тов. Склянский ни слова мне не сказал. Из РВС я опять отправился на вокзал, и тут опять повторилась старая история, то есть вскоре комендант станции вновь передал мне приказание немедленно явиться к тов. Склянскому. На этот раз за мной была уже прислана машина.

В РВС тов. Склянский мне сообщил, что мне приказано возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом. Такого оборота дела я никак не ожидал и даже считал это просто невозможным, о чем незамедля и сказал тов. Склянскому. Как же я могу вернуться на должность командующего фронтом, когда буквально две недели назад был с этой должности снят? Кто же меня будет слушаться? За это тов. Склянский

меня достаточно внушительно отчитал, указав на неуместность моих сомнений.

Одновременно мне было передано приказание Владимира Ильича немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб главнокомандующего, и «договориться» с последним. Неожиданности этого дня продолжались и в Серпухове, где я узнал от главнокомандующего, что я был снят за неисполнение его приказа и вообще за недисциплинированность, о чем я узнал впервые, и самым категорическим образом стал протестовать. Тут-то трудное поручение найти «общий язык» чуть было не обратилось в невыполнимое, и только вмешательство члена РВС, сколько помню, тов. Аралова привело к благополучному выполнению поручения. Уже поздно ночью возвратился я от главнокомандующего в Москву. Мысленно я решил на будущее быть абсолютно дисциплинированным и уж никак не давать повода главнокомандованию обвинять меня в этом недостатке.

Несмотря на это, в июне я в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу.

* * *

8 июля 1919 года я был перемещен на должность главнокомандующего. По этой должности мне не приходилось принимать систематического участия в работах СНК и СТО. Лишь в отдельных случаях главнокомандующий вызывался для участия в обсуждении отдельных вопросов, стоящих на повестке дня.

В памяти сохранилась проводимая Владимиром Ильи-

чем работа на этих заседаниях СНК и СТО¹. Яркое сохранившийся в памяти характер этой грандиозной работы особенно подчеркиваю. В процессе обсуждения того или иного вопроса повестки дня Владимиру Ильичу непрерывно направлялись записки. На эти записки Владимир Ильич неуклонно давал письменные же ответы. Сам Владимир Ильич также задавал вопросы такими же записками и, само собою разумеется, получал ответы на заданные вопросы. От РВС постоянно присутствовал на заседаниях СНК и СТО зампред РВС тов. Склянский.

Такого рода записки на этих заседаниях получал и я. Содержание их относилось к вопросам обстановки на том или другом участке фронта, или они являлись проверкой исполнения отданного раньше Владимиром Ильичем распоряжения и постановления СНК или СТО. Получал я такие записки Владимира Ильича и через тов. Склянского, когда последний не мог немедленно дать там же, на заседании СНК и СТО, требуемый ответ. Исполнение по этим запискам шло в минимальные сроки: иначе — получались уже другого рода записки...

...Э. М. Склянский аккуратно сохранял эти записки Владимира Ильича. В день кончины Владимира Ильича в понятном порыве воспоминаний мы с Э. М. Склянским пересмотрели ряд этих записок, и перед нами раскрылась картина их значимости.

Сколько важнейших вопросов было разрешено, выяснено или намечено такого рода перепиской на заседаниях СНК и СТО! И что особенно поражает, так это та грандиозная осведомленность до мельчайших деталей Владимира Ильича во всех вопросах по Наркомвоенмору. Именно эта осведомленность и позволяла Владимиру Ильичу буквально с полуслова понимать, о чем идет речь в этих коротких, лаконически изложенных записках, и столь же короткими ответами давать решения по ряду ответственных вопросов...

¹ Речь идет о заседаниях Совнаркома и Совета обороны, который был преобразован в Совет Труда и Обороны в 1920 году.

...Первый мой как главнокомандующего доклад Владимиру Ильичу по оперативным вопросам был в последних числах июля 1919 года в связи с угрожающим положением под Курском. Явно назревающие здесь события вызвали тревожные телеграммы местных ревкомов с просьбой принятия мер отпора белогвардейцам. Владимир Ильич потребовал соображения главнокомандования по организации этого отпора. Доклад о предстоящей операции был заслушан Владимиром Ильичем лично.

Операция имела ограниченную задачу — предупредить наступление противника встречным ударом с целью отбросить белогвардейщину от Курска и захватить харьковский узел. Время на подготовку было больше чем ограничено, приходилось пользоваться тем, что было под рукой. Операция началась в начале августа и на первых шагах развернулась довольно успешно: части Южного фронта заняли Валуйки, Купянск, Волчанск и подходили к Чугуеву, но тут были приостановлены белогвардейской конницей генерала Шкуро, после чего наше наступление захлебнулось. Кроме того, 10 августа Южный фронт был прорван конницей Мамонтова, прошедшего рейдом по нашим тылам.

Неудачная операция вскрыла большое неблагополучие общего порядка на Южном фронте и необходимость принятия мер как по линии подбора командования, так и по линии генеральной перегруппировки сил.

На Восточном фронте события продолжали развиваться успешно, в связи с чем первоочередность действий, естественно, перемещалась на Южный фронт. Однако подготовиться к генеральным событиям Южный фронт не успел. Владимиром Ильичем было назначено новое командование. Перегруппировку же сил пришлось производить уже в процессе начатых белогвардейщиной операций, сразу же развернувшихся не в нашу пользу.

17 сентября 1919 года добровольческая армия Деникина перешла в наступление, захватив у нас Курск и развив наступление на Орел. Для руководства обороной Южного

фронта ЦК назначил тов. Сталина. 16 октября 1919 года армия Деникина остановилась на путях к Туле. Для парирования этого удара Деникина нами спешно создавались две контрударные группы: одна — в районе Карачева, где была образована XIII армия Уборевича, и другая — в районе Воронежа, куда с Царицынского фронта перебрасывалась конница Буденного.

Одновременно с этими событиями с 11 по 16 октября 1919 года на Петроградском направлении перешел в наступление Юденич. Он овладел Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и Павловском, подкатываясь к Петрограду, и тут пришлось принимать чрезвычайные меры и группировать силы для контрудара.

Дни между 11 и 16 октября 1919 года были самыми тревожными. Наступление противника в указанных направлениях продолжалось, а собираемые нами для контрудара силы только сосредоточивались в исходных районах.

Донесения с фронтов получались чуть не ежечасно. Ответственнейшие решения приходилось принимать в минимальные сроки. Все важнейшие донесения и принимаемые решения тов. Склянский передает немедленно по телефону в Кремль Владимиру Ильичу. Как правило, мы расстаемся с тов. Склянским очень поздно, на рассвете. Следующий день опять тревожные звонки. Спешно встречаемся опять в кабинете тов. Склянского. Под Петроградом дела значительно ухудшились, приходится принимать крайние меры, бросать резерв, созданный специально для защиты Тулы. По телефону тут же тов. Склянский сообщает о принятом решении Владимиру Ильичу. Этот резерв был назван «пиковой дамой» — последний козырь, долженствующий дать нам выигрыш. Дорого стоила и главнокомандованию и тов. Склянскому эта «пиковая дама». Чувство ответственности принимаемого решения буквально жгло мозг.

Нагромождение всяких неблагоприятных событий создавало тревожную обстановку. Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню. Непо-

колебимое спокойствие Владимира Ильича в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования.

После ликвидации Юденича и успешного наступления нашей армии на Южном фронте, когда штаб Южного фронта перешел уже из Паточной в Харьков, однажды декабрьской ночью, около 2 часов, совершенно для меня неожиданно в мой кабинет вошел Владимир Ильич в сопровождении тов. Склянского.

Владимир Ильич оглядел обстановку, зашел в особую комнату, где на столе были разложены карты фронтов с суточными отметками местонахождения наших частей, задал несколько вопросов, касающихся обстановки на фронтах, и несколько вопросов общего порядка.

Затем Владимир Ильич переговорил по прямому проводу с Харьковом. Телефонный аппарат находился тут же в кабинете. Тов. Склянский и я на время разговора вышли из кабинета. После этого, задав еще несколько вопросов общего порядка, Владимир Ильич уехал в Кремль.

После отъезда Владимира Ильича мне немедленно позвонил Э. М. Склянский и спросил: «Ну, вы довольны, что Владимир Ильич зашел к вам?» Понятие «доволен» меньше всего подходило к определению того, что я чувствовал после ухода Владимира Ильича. Ведь Владимир Ильич, поскольку мне известно, был первый и последний раз в здании РВС и побывал в моем рабочем кабинете! Мои переживания в этот момент, думаю, понятны для тех, кто представит себя в моем положении.

* * *

Оперативный план белопольской кампании рождался не в пример всем остальным планам гражданской войны в больших потугах. Этому плану предшествовали проработки вариантов южного и северного направлений. Варианты докладывались Владимиру Ильичу. Докладывал начальник штаба П. П. Лебедев в присутствии тов. Склян-

ского и моем в кабинете Владимира Ильича. Владимир Ильич интересовался подробностями. Особо подробно было доложено состояние железных дорог. Тут же докладывался вариант переброски I Конной армии тов. Буденного походным порядком с Северного Кавказа на правобережье Днепра и попутная задача, возлагаемая на армию по ликвидации банд Махно. Окончательное решение на этом докладе принято не было. Оно было принято позднее.

6 мая 1920 года московский гарнизон провожал на белопольский фронт маршевые молодые рабоче-крестьянские батальоны¹. Московский гарнизон и батальоны, отправляемые на фронт, были построены на Театральной (ныне Свердлова) площади. Правый фланг примыкал непосредственно к зданию театра. Небольшая трибуна была построена в сквере, расположенном перед театром. С этой трибуны с речью выступил Владимир Ильич. Теперь, когда мы вынуждены воевать, говорил Владимир Ильич, вы должны помнить, что вы идете на фронт как братья польских рабочих и крестьян, что вы идете не как угнетатели, а освободители. С польскими рабочими и крестьянами у нас нет ссоры...

Речь Владимира Ильича была короткой, может быть даже очень короткой, и в то же время она была исключительно сильной — сильной своей простотой. Она отвечала тому, что у каждого в тот момент было на уме. Она была произнесена нашим Лениным, таким близким, таким дорогим и понятным каждому красноармейцу, каждому присутствующему на площади. Неизгладимо запомнился мне этот митинг, да, вероятно, и всем, кто тогда там был. Крепко запечатлелась у меня вся картина и настроение этого митинга. Чтобы понять тот восторг и энтузиазм, с которыми был встречен Владимир Ильич бойцами и провожающими их рабочими, надо было быть на площади.

¹ Проводы состоялись 5 мая.

В ходе операции против белополяков мне было приказано каждые сутки докладывать Владимиру Ильичу карту с нанесенным расположением результатов суточных передвижений частей Красной Армии на Западном фронте.

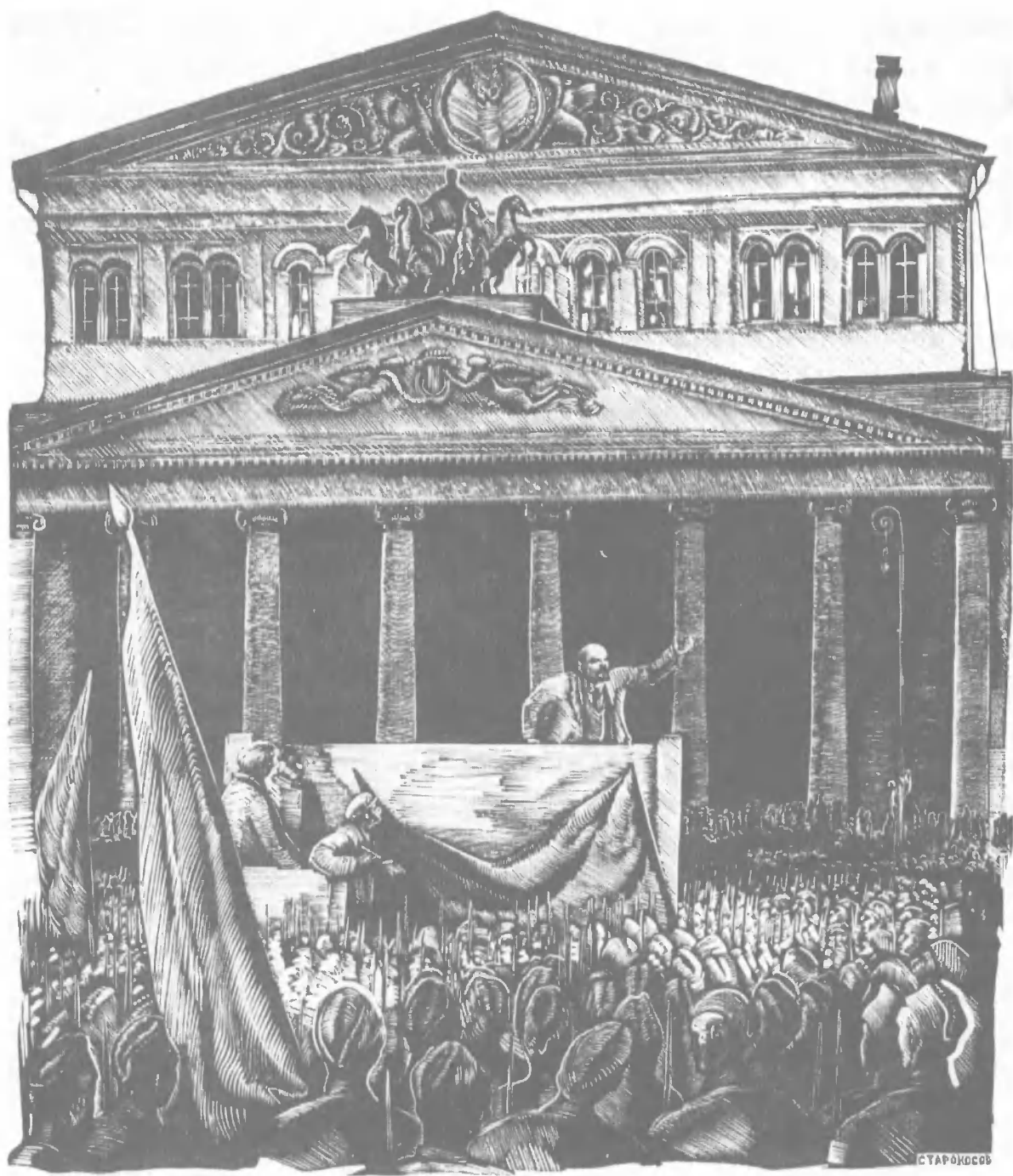
* * *

Одновременно с белопольским ликвидировался и врангелевский фронт. Этот фронт был последним белогвардейским участком. За период борьбы против поляков Врангель добился больших успехов. Он вылез из Крыма, широко распространился по Таврии и занял угрожающее положение по отношению к правобережью Украины, а следовательно, и к частям Красной Армии, занятым борьбой с белополяками. Наши неудачи на врангелевском фронте привели в середине сентября 1920 года к решению выделить этот участок в самостоятельный фронт. До этого выделения врангелевский фронт подчинялся командующему Южным фронтом, действовавшим против белополяков. Южный фронт против белополяков был переименован в Юго-Западный. Фронт же против Врангеля был наименован Южным. Командующим этим новым Южным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, который вплотную и занялся ликвидацией врангелевской белогвардейской армии...

...Надо оговорить, что М. В. Фрунзе в период ликвидации Врангеля имел не однажды непосредственные указания и директивы от Владимира Ильича по ряду вопросов, связанных с ликвидацией. Надо не забывать, что принимался целый ряд мер, чтобы не дать Врангелю с остатками своих частей удрать на военных и других кораблях бывшего Черноморского флота.

С ликвидацией Врангеля, собственно, закончилась ликвидация всех белогвардейских фронтов.

Однако боевая деятельность Красной Армии еще не закончилась. Со стороны белополяков продолжался

В. И. Ленин выступает с речью перед красноармейцами, отправляющимися на Польский фронт 5 мая 1920 года.

пропуск банд Булак-Балаховича в наши западные приграничные районы. Затем финляндские фашисты произвели диверсию в Северной Карелии, и, наконец, в Средней Азии процветало басмачество, поддерживаемое из-за рубежа. Особо серьезная вспышка басмачества была связана с выступлением Энвер-паши. Из перечисленных операций наиболее крупными надо признать карельскую и энверовскую авантюры. Прямых докладов по этим авантюрам Владимиру Ильичу у меня не было. Однако мои телеграфные сообщения с места действия (в ликвидации и карельской и энверовской авантур я принимал непосредственное участие) докладывались Владимиру Ильичу. Знаю это потому, что по ряду моих предложений Владимиром Ильичем давались указания.

Весной 1921 года Красная Армия приступила к демобилизации. Штаб РВСР разработал достаточно детальный план проведения демобилизации, причем сроки демобилизации были довольно велики. Владимир Ильич не согласился с этими сроками и опять подошел к этому вопросу с революционной смелостью. Он дал минимальные сроки роспуска мобилизованных красноармейцев и оказался опять прав. Демобилизация была произведена примерно в указанные Владимиром Ильичем сроки. Правда, необходимо оговорить, что нажим на РВСР, понуждая нас укладываться в данные для демобилизации сроки, Владимир Ильич делал не раз.

...Красная Армия вступила в период передышки. Началась кропотливая работа по размещению красных частей в казармах, приведение их в порядок и переход к боевой учебе.

* * *

Владимир Ильич заболел, но я не знал, что он болен безнадежно. Тем сильнее и тяжелее я пережил удар, когда в 7 часов вечера 21 января 1924 года Э. М. Склянский попросил меня срочно зайти к нему в кабинет и сообщил,

что Владимира Ильича больше нет. Тов. Склянский также сказал, что мне разрешено сегодня же ехать в Горки и что я включен в число товарищей, которые будут сопровождать тело Владимира Ильича из Горок в Москву. Поезд отходил в Горки ночью. Необычайная тишина и сосредоточенность царили в вагоне, разговоры велись вполголоса, как будто имелась опасность нарушить чей-то покой. Без шума мы разместились по крестьянским саням, высланным крестьянами из окрестных деревень для встречи приехавших, и в полной тьме добрались до усадьбы, где жил последние дни Владимир Ильич. В доме было уже много товарищей, прибывших первым поездом. Осмотревшись, я присоединился к группе товарищей, разместившихся в зале. Вся ночь была наполнена воспоминаниями о последних днях Владимира Ильича. Никто не спал. Ждали наступления утра, чтобы принять участие в переносе тела Владимира Ильича из усадьбы до станции и сопровождении его в Москву.

Только сознание, что Владимир Ильич оставил после себя закаленную и испытанную в жесточайшей борьбе партию, смягчало мысль о понесенной утрате.

В. В. ВОРОВСКИЙ

Вацлав Вацлавович Воровский (1871—1923) — член Коммунистической партии с 1894 года, выдающийся советский дипломат, публицист, литературный критик. Революционную деятельность начал в 1890 году, в годы первой русской революции входил в редакции руководимых Лениным большевистских газет. После Октябрьской революции — полпред Советской Республики в Скандинавских странах (1917—1919), в Италии (1921—1923), член советских делегаций на Генуэзской и Лозаннской конференциях. Убит в 1923 году в Лозанне эмигрантом-белогвардейцем. Критические статьи В. В. Воровского, посвященные явлениям досоветской художественной литературы до наших дней, являются серьезным вкладом в марксистское литературоведение.

В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

Грозные эпохи исторических переломов рожают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает право на существование.

Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Подобно какому-то сказочному дереву, пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в те заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий. К ужасу жрецов и хранителей этих ценностей тащит он их непочтительно и бесцеремонно вниз, к питающим его корни массам, а в обмен — к еще большему ужасу этих священнослужителей — бросает в их тихие лазурные высоты дерзкие и властные требования пролетариата.

Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса — не только России, не только Европы, но всего мира; не удивительно, что миллионы взоров, мыслей, чувств трудящихся земного шара стремятся в тот уголок Кремля, где эти мысли и чувства миллионов таинственно претворяются умом и волею одного человека в боевые лозунги масс, в путеводные звезды мощных движений.

Какая же сила таится в этом одном избраннике и как должны ценить и любить его те, кто признал в нем своего надежного вождя!

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче — служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам.

У Владимира Ильича большой *теоретический* ум. Главное то, что теория для него никогда не представляла самодовлеющей ценности, как для профессионалов-ученых. Он всегда смотрел на нее, как на способ познания того мира, в котором живет пролетариат, с которым он борется и который стремится перестроить. И в этой тесной связи

теоретической мысли с практическими задачами могучего революционного класса и создается та особая острота и меткость мысли Ленина, которая позволяет ему из всякого, с виду самого отвлеченного, положения выковать боевое оружие и поражать им противника. Здесь сказывается та скрытая духовная связь, которая существует между классом и его идеологом и благодаря которой идеолог молодого, восходящего, революционного класса имеет в нем бесконечный источник духовного творчества.

Благодаря этому практическому, глубоко жизненному характеру теоретического мышления Ленина, благодаря этой духовной связи с массой он обладает удивительным даром политического предвидения, то есть способностью намечать линию исторического развития на ближайшее время, определять перспективы движения, заглядывать вперед в «неисповедимые судьбы» будущего. Как сторожевой, стоящий на вышке, он издали замечает приближающиеся события и предупреждает о них своих соратников.

Естественно, что при этом даре исторического предвидения и при глубоком чутье того, чем живет и что думает масса, Владимир Ильич является блестящим политиком-практиком. Он большой мастер схватывать потребности момента в форме какого-нибудь ясного лозунга, бросать в массы простые, понятные задания, которые идут навстречу назревшей сегодняшней нужде. Как опытный кормчий быстрыми, ловкими движениями руля ведет корабль по опасному, усеянному рифами фарватеру, так он этими практическими лозунгами и заданиями руководит стихийным движением масс, зорко наблюдая за тем, как массы отзываются на эти меры и в какой степени отдельные фазы движения соответствуют общим тенденциям и целям. И как только какой-нибудь лозунг не оправдал ожиданий или исполнил свою задачу, кормчий так же быстро и умело делает новый поворот руля, бросает новый лозунг, толкая мысль и волю масс под другим углом. И эти смелые повороты руля бывают иногда так неожиданны, что даже близкие сотрудники Ленина стоят

озадаченные, не зная, следует ли хлопать или протестовать. К счастью для нас, действительность разбивала всякие сомнения.

Можно подумать, что Владимир Ильич — деспот, схвативший в свои руки рулевое колесо и ни с кем не считающийся. Такое мнение было бы в корне ошибочным. Среди баловней судьбы, которым история давала такую громадную власть не только над людьми, но и — что в тысячу раз важнее — над сердцами людей, не было еще ни одного, который так высоко ставил бы человека в государственной машине. На других людей он смотрит, как на себя: это бывает иногда людям не под силу, ибо он нередко переоценивает их, приписывает им такие же исполинские силы, какими обладает сам, и им горько, что они не могут оправдать его ожиданий. Но он никогда не примет решения, никогда не предпримет шага, пока не убедится, что это не просто его личное мнение, а выражение мнений многих из его соратников. Окружающие его и встречающиеся с ним часто даже не подозревают, как много их коллективных переживаний, их опыта в мыслях и решениях Владимира Ильича. И это умение собирать в себе, как в фокусе вогнутого зеркала, опыт и знания многих и многих и претворять их в своей богатой умственной лаборатории в общие идеи и общие лозунги и составляет его редкую способность.

Но не является ли он в силу этих качеств сухим, тощим политиком, для которого живые люди лишь марионетки или шахматы? И этого нет. Владимир Ильич любит людей, с которыми работает и борется за общие интересы. Он проявляет много нежности и заботливости о них, той мужской нежности, которая избегает сладких слов и внешних знаков. Но и здесь он верен себе: как только человек покидает свой пост, как только он дезертирует из рядов борцов, он не существует больше для Ленина. Борьба за дело пролетариата в рядах Коммунистической партии — вот то основное, что определяет отношение Ленина к человеку, это та «истина», которая для него выше «друга

Платона». И здесь мы вплотную подходим к той основной черте личной этики, которая так характерна и так привлекательна в Ленине. У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни. Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера. И эта цельность ставит Ленина на ту нравственную высоту, до которой даже клевета врагов бессильна подняться.

Дать характеристику Ленина — это значит писать и писать целые тома, ибо так много можно и хочется сказать об этом столь простом и цельном и в то же время столь разнообразном и сложном человеке. Но сейчас¹ довлеет желание высказать в нескольких строках те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах Коммунистической партии.

¹ Статья написана в апреле 1920 года в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина.

И. И. БОРИСОВ

Илья Иванович Борисов (1892—1941) — член КПСС с 1911 года, активный участник Февральской и Октябрьской революций. В 1918—1919 годах — политработник Южного фронта, в 1919—1921 годах — комиссар Кремлевских пулеметных курсов, член Московского комитета партии; делегат X, XIV и XV съездов партии. С 1931 года был директором строительного треста в Москве.

ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ

1 мая 1920 года ЦК РКП(б) организовал Всероссийский субботник. Не было уголка в стране, где не работали бы в этот день. Я с курсантами — это было в Кремле — тоже вышел на кремлевский двор для работы. Часть площади Кремля была тогда загромождена всяким мусором и строительным материалом, и это сильно мешало нормальным военным занятиям.

Я, как комиссар курсов, находился на правом фланге. В этот момент ко мне подошел комендант Кремля товарищ Петерсон со словами:

— Товарищ Ленин пришел принять участие в субботнике.

Я увидел Ильича. Он стоял, ожидая распоряжения, в нескольких шагах от нас, в потрепанном костюме и штиблетах.

Я предложил ему встать, как старшему среди нас, правее меня, что он с поспешностью и сделал, быстро сказав:

— Вы мне указывайте, что нужно делать.

Раздалась команда распорядителя субботника:

— Ряды, стройся, направо!

Мы направились к намеченной работе. Работу нужно было выполнять попарно, и я в паре с Владимиром Ильичем стал носить длинные слеги.

Он все старался брать слегу не за тонкую ее часть, а за толстую. Я же хотел дать ему конец полегче, и между нами завязался спор.

— Вам, — говорил он, — приходится больше переносить тяжести, чем мне.

А я ему указывал, что поступаю правильно именно я, «потому что вам 50 лет, — говорил я, — а мне 28».

Работал он замечательно. Он не ходил, а бегал, перегонял других, торопился, как бы указывая, что работать нужно быстро. Я устал, да и все работающие присели передохнуть. Товарищ Ленин подсел к компании курсантов.

Солнце ярко светило, музыка воодушевляла работающих. И в эту минуту всем казалось, что нет большей радости, как трудиться физически. Кто-то из группы предложил товарищу Ленину закурить.

— Нет, я не курю, — ответил он. — Помню, когда был гимназистом, один раз вместе с другими так накурился, что стало дурно. И с того времени не курю.

После отдыха нам пришлось переносить очень тяжелые дубовые кряжи. Пришлось носить их вшестером на палках. И пока до места доносили, раза два отдыхали.

Четыре часа работал Владимир Ильич с курсантами.

Эти четыре часа, которые я пробыл вместе с товарищем Лениным на тяжелом физическом труде, останутся у меня в памяти на всю жизнь.

Н. И. АЛЬТМАН

Натан Исаевич Альтман (1889—1970) — советский живописец, театральный декоратор, график и скульптор. С 1918 года — член коллегии Отдела изобразительных искусств (ИЗО) Наркомпроса РСФСР.

Кроме скульптурных портретов (с натуры) В. И. Ленина и А. В. Луначарского, сделал ряд зарисовок Ленина.

На Парижской выставке декоративных искусств в 1925 году был награжден золотой медалью. Заслуженный художник РСФСР.

ПЕРВЫЙ СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Весной 1920 года я лепил бюст Анатолия Васильевича Луначарского и часто бывал у него в Кремле. Тогда мне и предложили сделать портрет Владимира Ильича Ленина к исполняющемуся пятидесятилетию со дня его рождения. Я охотно принял это предложение, но я знал, что Владимир Ильич обычно отказывается позировать художникам, а делать портрет с фотографии мне не хотелось.

Я рассказал Луначарскому о сделанном мне предложении и просил его переговорить с Владимиром Ильичем. При этом я не очень надеялся на благоприятный исход дела. Какова же была моя радость, когда через два или три дня Анатолий Васильевич сообщил мне о согласии Ленина, но прибавил при этом, что ему некогда «позировать», то есть сидеть неподвижно на одном месте. Я решил делать портрет Ленина не живописный, а скульптурный.

Меня охватило волнение. Провести несколько недель рядом с Лениным, ежедневно наблюдать, как он работает! Я чувствовал прилив сил и энергии. Эти незабываемые дни врезались в мою память, и сегодня я вспоминаю их как лучшие дни моей жизни.

Когда я впервые вошел в кабинет Ленина, там никого не было. Я принес туда станок, необходимые инструменты, глину. В ожидании Владимира Ильича начал рассматривать его кабинет. Обстановка красноречиво говорила о его владельце. Убранство кабинета было очень скромным. Шкафы с книгами, географические карты на стенах. На полке дивана стоял портрет Маркса — подарок Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Впоследствии туда же поставили барельеф С. Халтурина моей работы, присланный Ленину Луначарским. Посреди комнаты находился письменный стол с настольным телефоном. Между двумя окнами, выходившими в кремлевский двор, висело зеркало. Отражение Ленина в этом зеркале помогало мне в дальнейшем видеть его в разных ракурсах.

Когда я впервые увидел Владимира Ильича, меня поразило в нем то же, что обычно поражало всех, — необыкновенная простота, скромность. Недаром один из рабочих сформулировал свое впечатление о Ленине такими словами: «Прост, как сама правда».

В то время Владимир Ильич трудился над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он писал напряженно и сосредоточенно, весь уйдя в работу. Иногда он откидывался назад, на спинку стула, обдумывая ту или иную мысль.

В комнате стояла чуткая тишина. Я старался не задавать Владимиру Ильичу лишних вопросов. Я знал, что то, чем занят сейчас Ленин, необычайно важно. Так же как и в речах, в своей рукописи он, по словам Горького, подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл.

На второй день моего пребывания в кабинете Ильич, прищуриль глаз, посмотрел в мою сторону и сделал одно

замечание: ему показалось, что нос сделан не совсем верно. Бюст был только начат, черты лица едва намечены. Когда я объяснил это Владимиру Ильичу, он удивился и заметил:

— А Луначарский говорил, что работа будет продолжаться всего два-три дня по получасу.

Через несколько дней он как-то опять вспомнил о словах Анатолия Васильевича. Я сказал Ленину, что никогда не обещал Луначарскому сделать портрет в два-три сеанса. Тогда Ленин усмехнулся и добродушно пошутил:

— Это «охотничьи» рассказы Анатолия Васильевича.

Лепить скульптурный портрет Ленина было нелегко. Владимир Ильич не позировал, был углублен в свою работу. Обычно он сидел, низко склонившись над столом, и я видел лишь верхнюю часть его головы. Поэтому я был вынужден пользоваться всяким случаем, чтобы зафиксировать Ленина с разных сторон. Я решил делать наброски в то время, когда он разговаривал с людьми. Так создалась серия зарисовок с натуры, которая помогала мне в работе.

Сквозь окна проникало солнце и сушило глину. Ее приходилось усиленно поливать. Я часто обходил сидящего Ильича со всех сторон, останавливаясь то справа, то слева, то спереди, то сзади. Весь пол кабинета был покрыт следами моих ног, выпачканных в глине. Мне было неудобно. Не хотелось нарушать рабочий покой вождя, и я как-то сказал ему:

— Владимир Ильич, должно быть, я порядком надоед вам.

Ленин внимательно посмотрел на меня и ответил:

— Работайте тем же темпом, сколько вам понадобится, я не буду вам мешать.

Человек редкостной энергии и работоспособности, он умел ценить и уважать чужой труд.

Огромная жизнерадостность и неотразимое обаяние этого изумительного человека сказывались во всем.

Сидя за столом, Ленин часто насвистывал. Как-то раз ему принесли открытое письмо. Он прочитал его и расхохотался тем по-детски заразительным смехом, которым восхищал всех, кто когда-либо встречался с Лениным. Ильич положил письмо в боковой карман и продолжал писать. Потом он опять вынул письмо из кармана, посмотрел на него и снова начал смеяться. И так время от времени, в минуты передышки, он несколько раз вынимал письмо и смеялся. Затем принимался за прерванный труд.

Как-то я попросил Владимира Ильича для облегчения моей задачи чаще смотреть в мою сторону и прохаживаться иногда по комнате. Он охотно согласился.

Ленин был занят своей книгой, поэтому прием посетителей в эти дни был ограничен. Все же за шесть недель моего пребывания в Кремле у него побывали делегации английских профсоюзов, немецких рабочих.

Кроме делегаций, к Ленину приходили А. М. Горький, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, М. Ф. Андреева, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова. Было несколько незнакомых мне посетителей. Одни из них сами добивались приема. Другие были вызваны Лениным. За многими посылал он свой автомобиль. Со всеми он был приветлив, общителен, часто шутил, иногда иронизировал. Он мягко давал наставления и советы. От него исходило обаяние, которому невозможно было не поддаться. Тогда не были еще сказаны знаменитые слова Владимира Маяковского о Ленине — «самый человечный человек», но именно это ощущение возникало, когда я видел, как руководитель первого в мире пролетарского государства разговаривал с людьми.

В первомайский день я, по обыкновению, пришел в Кремль. По улицам с пением шли стройные колонны демонстрантов. К моему удивлению, в кабинете Ленина не было. Мне сказали, что Владимир Ильич — на первомайском субботнике. Оказалось, Ленин вместе с другими носил бревна.

— Поздравляю вас с праздником, — сказал Владимир Ильич, входя в кабинет.

На его лице светилась веселая улыбка, в петлице пиджака алела яркая ленточка. Весь он был праздничный, подтянутый, молодой, несмотря на свои пятьдесят лет. Он был удивлен, что я пришел.

— Сегодня ведь праздник — Первое мая! — сказал он.

Моя работа подходила к концу. Я видел близко Ленина последние дни. Вот скульптура уже готова. Мы вынесли ее из кабинета и тут же, в одной из комнат, отлили из гипса. Это был первый скульптурный портрет Владимира Ильича, вылепленный с натуры.

МАРСЕЛЬ КАШЕН

Марсель Кашен (1869—1958) — видный деятель французского и международного рабочего и коммунистического движения. В 1891—1905 годах — член Рабочей партии. С 1905 по 1920 год один из руководителей Французской социалистической партии, с 1912 года — редактор газеты «L'Humanité» и до конца жизни ее директор.

В 1920 году участвовал в работах II конгресса Коминтерна, был одним из инициаторов создания Французской коммунистической партии и с момента ее основания (1920) входил в состав ее руководства, а затем был членом ЦК и Политбюро. С 1924 года — член Исполкома, а затем — член Президиума Исполкома Коминтерна.

Один из руководителей движения Сопротивления во Франции в период оккупации страны гитлеровской армией.

Во время II конгресса Коминтерна В. И. Ленин дважды беседовал с М. Кашеном (7 и 28 июля), а во время его выступления на 6 (утреннем) заседании конгресса делал заметки по ходу его речи, а также о путях преобразования Социалистической партии Франции в марксистскую революционную партию.

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

В феврале 1920 года Французская социалистическая партия (Объединенная социалистическая партия) на своем Страсбургском съезде огромным большинством (4330 мандатов против 337) приняла решение о выходе

из II Интернационала, тактика которого не соответствовала международной революционной ситуации. Съезд поручил секретарю партии Фроссару¹ и мне, главному редактору «Юманите», «немедленно начать переговоры с руководящими органами Коммунистического Интернационала» с целью сплочения всех рабочих партий, готовых к революционному действию.

Для выполнения этого поручения я и Фроссар поехали 1 июня 1920 года в страну пролетарской революции. Так как это было в разгар войны Польши против Советской России, мы вынуждены были добираться окружным путем через Балтику и приехали в Москву только 15 июня.

Во время нашего пребывания в Москве мы имели постоянную связь с пролетарской массой города, с руководством Коминтерна и с прибывшими уже на II конгресс Коммунистического Интернационала делегатами из разных капиталистических стран. После наших неоднократных бесед с руководителями III Интернационала члены Исполкома, и особенно Ленин, энергично настаивали на том, чтобы мы в качестве гостей остались на конгресс. Мы сообщили об этом нашей партии в Париж 23 июля и, получив разрешение, направились в Кремль, где в великолепном зале, в котором ранее происходила коронация императоров и императриц царской России, собрался II конгресс Коммунистического Интернационала².

...На первом заседании II конгресса Коминтерна 19 июля, которое происходило в Петрограде во Дворце имени Урицкого, Ленин сделал большой доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. В своей речи Ленин говорил о неизбежном крахе капитализма и о роли пролетарской партии

¹ Фроссар Л. О. — французский социалист, принимавший участие в создании Французской коммунистической партии; в 1923 году порвал с коммунистами и выступал против коммунистического движения и Советского государства.

² Заседания II, III и IV конгрессов Коминтерна происходили в Андреевском зале Большого кремлевского дворца. Коронация на царство совершалась в Успенском соборе Кремля.

в победоносной революции. Пусть капитализм забрасывает грязью страну пролетарской революции, пусть он пытается истерзать ее муками блокады, заставить ее голодать и мерзнуть, — капитализм не может победить большевизма, капитализм будет побежден. До империалистической войны II Интернационал объединял только пролетариат Европы и Америки. Но в Азии и Африке обреченные на рабство и нищету сотни миллионов мужчин и женщин тоже угнетаются империализмом. Коммунистический Интернационал должен прийти на помощь угнетенным народам и странам, и эта помощь нанесет окончательный удар империализму — последнему этапу капитализма. Коммунистический Интернационал должен охватить весь мир. Он должен быть свободным от беспринципности, от анархии и разброда, свойственных II Интернационалу.

Открытие II конгресса Коммунистического Интернационала состоялось в Петрограде, в последующие дни конгресс продолжал свою работу в Москве, в Кремле, и закончил свою работу 7 августа. Наши русские товарищи пригласили на конгресс всех, кто с самого начала империалистической войны и в ходе войны пытались в своих странах вести решительную борьбу против войны и наступления капитала. Русские товарищи предлагали нам проанализировать, изучить и принять те методы борьбы, благодаря которым в Советском Союзе были разгромлены капиталисты и помещики.

Как известно, в решениях II конгресса весьма тщательно определены конкретные условия приема в Коммунистический Интернационал.

Результаты работы II конгресса Коммунистического Интернационала были весьма значительными, ибо они позволили пролетариату четырех стран: Германии, Италии, Франции и Чехословакии — выковать свои коммунистические партии, играющие большую роль в европейской и мировой политике.

Конгресс исправил ошибки некоторых коммунистов, которые «...отрицали необходимость работать в буржуаз-

ных парламентах, в реакционных профсоюзах, всюду, где есть миллионы рабочих, которых еще одурачивают капиталисты и их лакеи из рабочей среды...».

Под давлением революционных рабочих масс крупнейшие партии II Интернационала вышли из него, пролетарские массы повернулись лицом к Советской России и к русской революции. Во всех капиталистических странах трудящиеся с восхищением следили за героической борьбой народов Советской России. Они видели, что ни блокада, ни агрессия армии и флота интервентов не могли сломить героическое мужество русских большевиков. Власть, завоеванная рабочими и крестьянами, осталась незыблемой, интервенты были разбиты. Большевики показали всему миру, что рабочий класс является отныне самым могучим рычагом прогресса. Так самым фактом своего существования Советская власть укрепляла в пролетариях всех стран чувство их собственной силы. Это величайшая услуга, оказанная и оказываемая русским пролетариатом мировому пролетариату! И потому пролетарии всех стран протягивали свою руку Советской России, шли к III, Коммунистическому Интернационалу.

Во время нашего пребывания в Советской России мы лучше поняли все значение этого громадного исторического события. В июле 1920 года мы заявили Национальному совету Французской социалистической партии, собравшемуся в Булони, что мы без колебаний и искренно стоим за присоединение к новому, Коммунистическому Интернационалу.

* * *

Накануне нашего отъезда во Францию мы попросили у Ленина свидания для того, чтобы попрощаться и поделиться с ним нашими впечатлениями. Он принял нас 28 июля чрезвычайно приветливо в своем маленьком, невзрачном и простом кабинете в Кремле. Беседа наша продолжалась полтора часа.

Он прежде всего нас спросил о положении во Франции, которую он очень хорошо знал. Он повторил нам, что восторженно относится к прошлому нашей страны, к французскому, и в частности к парижскому, пролетариату. Он характеризовал коммунистов как современных якобинцев.

Он был убежден, что методы Коммунистического Интернационала будут иметь во Франции большое будущее, поскольку они являются продолжением ее подлинно революционных традиций.

К тому времени, когда состоялась наша беседа с Лениным, победоносная Красная Армия заканчивала разгром польских банд, вторгшихся в пределы Украины. Тогда французские и английские империалисты, организовавшие польскую агрессию, приняли меры к тому, чтобы остановить победоносное наступление красных войск и спасти белую Польшу от разгрома. Империалисты обеих стран послали в Варшаву тщательно отобранные части, массу вооружения и самые последние образцы смертоносного оружия.

Во Франции портовые рабочие Дюнкерка отказались грузить пушки и пулеметы для Польши, и Ленин просил нас передать горячую благодарность французским рабочим...

Ленин в конце своей беседы с нами сказал, что капиталистическая Европа, которая в течение трех лет принимала все меры для того, чтобы уничтожить Советскую Республику, не добилась успехов. Теперь мы будем иметь относительный мир; мы используем его для перестройки нашей истощенной страны и для того, чтобы сделать ее непобедимой.

Он спросил нас о наших впечатлениях. Мы ответили ему, что воспоминание о Советской России, которое мы сохраним, будет неизгладимым. Мы сказали ему, что, несмотря на страшную разруху, причиненную войной, мы наблюдали по всей стране энтузиазм, веру в будущее и мужество, которые являются прочным залогом победы.

Ленин был чрезвычайно доволен нашим ответом. Он сказал нам о том, как он желает, чтобы Франция быстро создала свою большую коммунистическую партию, за жизнью которой он будет следить с самым напряженным вниманием.

И в заключение нашей беседы он выразил сожаление, что не мог беседовать с нами раньше и более продолжительное время.

Назавтра мы уехали в Париж, куда прибыли 11 августа.

* * *

Мы решили немедленно отчитаться перед пролетариатом Парижа о выполнении порученного нам задания, и секретариат партии организовал собрание в парижском цирке, самом большом в то время помещении столицы. На наше собрание пришло более 40 тысяч трудящихся. Мы с трудом пробились к трибуне, и надо сказать, что никогда в этом громадном городе не было такого потрясающего, такого горячего, такого волнующего собрания французского народа, который в течение многих часов выражал свое восхищение Октябрьской социалистической революцией, о которой мы привезли ему самые свежие и самые радостные вести.

Нужно ли напоминать, как в соответствии с нашими обещаниями мы начали на страницах «Юманите» по всей Франции вести пропаганду за вступление в Коммунистический Интернационал? С 15 августа до 25 сентября 1920 года мы объехали всю страну; мы информировали наш народ о всех документах, о всех решениях II конгресса Коммунистического Интернационала. Решения конгресса обсуждались в течение более 4 месяцев по всей стране, вплоть до самых отдаленных деревень. Никогда еще обсуждение не было столь активным и всесторонним. И когда на съезде Французской социалистической партии в Туре (декабрь 1920 г.) стал вопрос о вступлении в Ком-

мунистический Интернационал, большинством в две трети голосов съезд высказался за полное и безоговорочное присоединение к тезисам Ленина об основных задачах II конгресса Коминтерна и к тактике, которые привели на территории бывшей царской России к победе Советов, самой могущественной и самой прогрессивной власти всех времен и народов.

И. И. БРОДСКИЙ

Исаак Израилевич Бродский (1883—1939) — советский живописец, график, заслуженный деятель искусств РСФСР. Работать над образом В. И. Ленина начал с 1919 года. Автор картин «В. И. Ленин в Смольном», «Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе» и др. Из картин на историко-революционную тематику известна его картина «Расстрел 26 бакинских комиссаров». С 1934 года И. И. Бродский был директором Всероссийской Академии художеств в Ленинграде. Награжден орденом Ленина.

КАК Я РИСОВАЛ В. И. ЛЕНИНА

Октябрьский переворот с первых же его дней глубоко захватил меня. Мне сразу сделалось ясно, что позорно современнику, а тем более художнику, пройти безучастно мимо тех великих событий, которые не по дням, а по часам развивались перед нашими глазами. Я понял, что отобразить революционную эпоху и ее великих людей — долг каждого художника.

Личность В. И. Ленина представлялась мне исключительно незаурядной и крайне интересной для изображения. Я долго искал случая познакомиться с ним или просто повидать его вблизи, начиная еще с ноября 1917 года, но ничего не выходило. Лишь мельком я всматривался в него на том или ином митинге или докладе, но беспре-

рывная толкотня и давка, обычно царившая в таких местах, не давали возможности мне сосредоточиться, чтобы записать облик Владимира Ильича. Пойти же в Смольный я не решался, так как знал, какая гигантская и сверхчеловеческая работа там производится.

...Я обратился к Анатолию Васильевичу с просьбой помочь мне встретиться с Владимиром Ильичем, чтобы сделать хотя бы карандашный рисунок.

Анатолий Васильевич не заставил себя долго просить, и уже через несколько минут у меня было его письмо к Владимиру Ильичу.

Когда я через некоторое время после получения этой рекомендации (в конце весны 1918 года) решил направиться к Владимиру Ильичу, оказалось, что его уже нет в Петрограде и что Совнарком переезжает в Москву.

Вблизи впервые я увидел В. И. Ленина в 1919 году в Петрограде в Народном доме, на митинге¹, и полученные там впечатления дали мне возможность в скором времени написать картину «Ленин и манифестация». Картина эта получила на конкурсе, происходившем в том же году в Петрограде, первую премию и ныне² находится в Ленинградском музее революции.

Детально же ознакомиться с внешностью В. И. Ленина мне удалось на торжественном открытии II конгресса Коммунистического Интернационала³, происходившем во Дворце Урицкого (бывший Таврический дворец) в Петрограде.

Получив пропуск, я пробрался на заседание за некоторое время до его открытия, выбрал укромное место недалеко от президиума и, находясь на расстоянии нескольких шагов от Владимира Ильича, успел зарисовать довольно детально черты его лица и профильный контур.

¹ В. И. Ленин выступал на митинге в Народном доме Петрограда 13 марта 1919 года.

² Воспоминания написаны в 1937 году.

³ Торжественное открытие II конгресса Коминтерна состоялось 19 июля 1920 года.

Не могу не вспомнить курьезного случая, происшедшего в связи с этой зарисовкой между мной и Владимиром Ильичем. Дело в том, что через несколько часов после открытия конгресса на Марсовом поле состоялось возложение венков на могилы борцов за революцию. Возложение венков производилось делегатами конгресса, среди которых находился и Владимир Ильич. Я также был там, причем в моей папке в законченном виде находился портрет Владимира Ильича, набросанный мною карандашом на открытии конгресса. Очутившись как-то около Ленина, я подал ему рисунок и просил его подписать. Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож здесь на себя. Окружающие нас стали горячо убеждать Владимира Ильича в том, что он совершенно не знает своего лица и что портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич, усмехнувшись, принялся подписывать набросок.

— Первый раз в жизни подписываю то, с чем не согласен,— сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок.

Но через несколько минут, когда рисунок пошел по рукам и большинство товарищей сказали, что сходство уловлено, Владимир Ильич, снова посмотрев, промолвил:

— А ведь, кажется, действительно похож.

Мое пребывание на открытии конгресса дало мне возможность написать большую картину «Открытие второго конгресса Третьего Интернационала».

Вместе с делегатами конгресса после открытия торжественного заседания я из Петрограда поехал в Москву.

Здесь в Андреевском зале Большого кремлевского дворца, где происходили деловые заседания конгресса, мне удалось сделать несколько новых зарисовок Владимира Ильича.

В моем архиве сохранилась одна из моих зарисовок

Владимира Ильича. Последняя, если память мне не изменяет, была сделана мною в Москве же, через несколько недель после закрытия II конгресса — на Всероссийской партийной конференции. Конференция эта происходила в Свердловском зале в Кремле, и здесь Ленин выступил с речью по поводу перемирия с Польшей.

В июле 1921 года на III конгрессе Коминтерна в Москве мне удалось сделать еще три зарисовки Ленина с натуры. И наконец, несколько контурных набросков с Владимира Ильича, у меня имеющихся и относящихся к октябрю или к концу 1921 года, являются последними, сделанными мною с натуры.

Я очень жалею, что мне не удалось в те годы чаще видеть Владимира Ильича. Я никак не могу простить себе и того, что мною не был написан маслом большой портрет Владимира Ильича с натуры.

КЛАРА ЦЕТКИН

Клара Цеткин (1857—1933) — выдающаяся деятельница германского и международного коммунистического движения, соратница К. Либкнехта и Р. Люксембург. В 1916 году входила в группу, позднее известную под названием «Спартак». Одна из основателей Коммунистической партии Германии (1918), член ее ЦК. Участвовала в III и всех последующих конгрессах Коминтерна. С 1921 года член Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ, возглавляла международный женский секретариат. С 1920 года постоянно избиралась депутатом рейхстага.

Клара Цеткин была подлинным другом Советской России, с восхищением относилась к личности В. И. Ленина и в 1918 году, пересылая ему письмо с русским эмигрантом, возвращавшимся на родину, писала, что этот товарищ «имеет счастье быть русским и, следовательно, он может бороться за социализм в России, стране, которая благодаря отважному восстанию большевиков, идет вперед, указывая путь и ведя за собой международный пролетариат. Если бы я могла поменяться с этим товарищем!..

С горячим интересом, с затаенным дыханием слежу за известиями из России. Там совершаются большие дела для человечества, там жизнь достойна того, чтобы жить».

В библиотеке В. И. Ленина в Кремле хранится книга Клары Цеткин на немецком языке «Мы обвиняем!» (1922) с дарственной надписью: «Двум лучшим борцам-коммунистам и людям: товарищу Ленину и товарищу Лениной-Крупской, с глубокой любовью и уважением Клара Цеткин».

Последние годы жизни К. Цеткин жила в России, похоронена в Москве, на Красной площади, у Кремлевской стены.

Воспоминания Клары Цеткин о Ленине отличаются полной достоверностью, так как базируются на ее дневниковых записях.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

В эти тяжелые часы, когда каждый из нас подавлен чувством глубочайшего горя, когда каждый сознает, что ушел от нас тот, кого заменить нельзя, перед нами встает яркое и полное жизни воспоминание о нем — единственном, которое, как вспышка молнии, выявляет нам в великом вожде великого человека. На личности Ленина лежит печать гармоничного слияния величия вождя и человека. Благодаря этой особенности личность Ленина навсегда пустила корни в великом сердце мирового пролетариата, а это есть то, что Маркс называл славным жребием борца за коммунизм. Ибо трудящиеся, все те, кто отдан в жертву богатству, все те, кто не знает обычной лжи и лицемерия буржуазного мира, — тонким инстинктивным чутьем улавливают разницу между правдивым и ложным, между скромным величием и напыщенным чванством, между действенной, обращенной к ним любовью и погоней за популярностью, в которой отражается только пустое тщеславие.

Я считаю своим долгом поделиться со всеми отрывками из сокровищницы моих личных воспоминаний о незабвенном вожде и друге. Это — долг по отношению к Владимиру Ильичу. Это — долг по отношению к тем, кому была отдана вся его деятельность: пролетариям, трудящимся, эксплуатируемым, подневольным всего мира, которых охватило его любящее сердце и которых его гордая мысль рассматривала как революционных борцов и творцов более высокого общественного строя.

Впервые после того, как разразилась потрясшая весь мир русская революция, я встретила с Лениным ранней осенью 1920 года. Это было сейчас же после моего приезда в Москву¹, во время одного партийного заседания, если память мне не изменяет, в Свердловском зале в Кремле². Ленин показался мне не изменившимся, почти не постаревшим. Я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 году на всемирном конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Роза Люксембург³, отличавшаяся метким глазом художника, подмечавшим все характерное, указала мне тогда на Ленина со словами: «Взгляни хорошенько на этого человека. Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп».

В своем поведении и в своих выступлениях Ленин остался таким же, как прежде. Дебаты становились порой очень оживленными, даже страстными. Как и раньше, во время конгрессов II Интернационала, Ленин проявлял чрезвычайное внимание к ходу дебатов, большое самообладание и спокойствие, в котором чувствовалась внутренняя сосредоточенность, энергия и эластичность. Это доказывали его восклицания, отдельные замечания и более пространственные речи, произносимые им, когда он брал слово. От его острого взгляда и ясного ума, казалось, не могло ускользнуть ничто, заслуживающее внимания. Мне бросилась в глаза тогда на собрании — как, впрочем, и

¹ Клара Цеткин приехала в Москву 23 сентября.

² Автор имеет в виду IX Всероссийскую конференцию РКП(б), заседавшую 22—25 сентября 1920 года в Свердловском зале в Кремле. На конференции К. Цеткин выступила с речью 25 сентября.

³ Люксембург Роза (1871—1919) — выдающийся деятель польского и немецкого революционного движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Была в числе основателей и руководителей с.-д. партии Польши, с 1897 года принимала активное участие в германском с.-д. движении. Принимала руководящее участие в учредительном съезде Коммунистической партии Германии. В январе 1919 года была зверски убита контрреволюционерами.

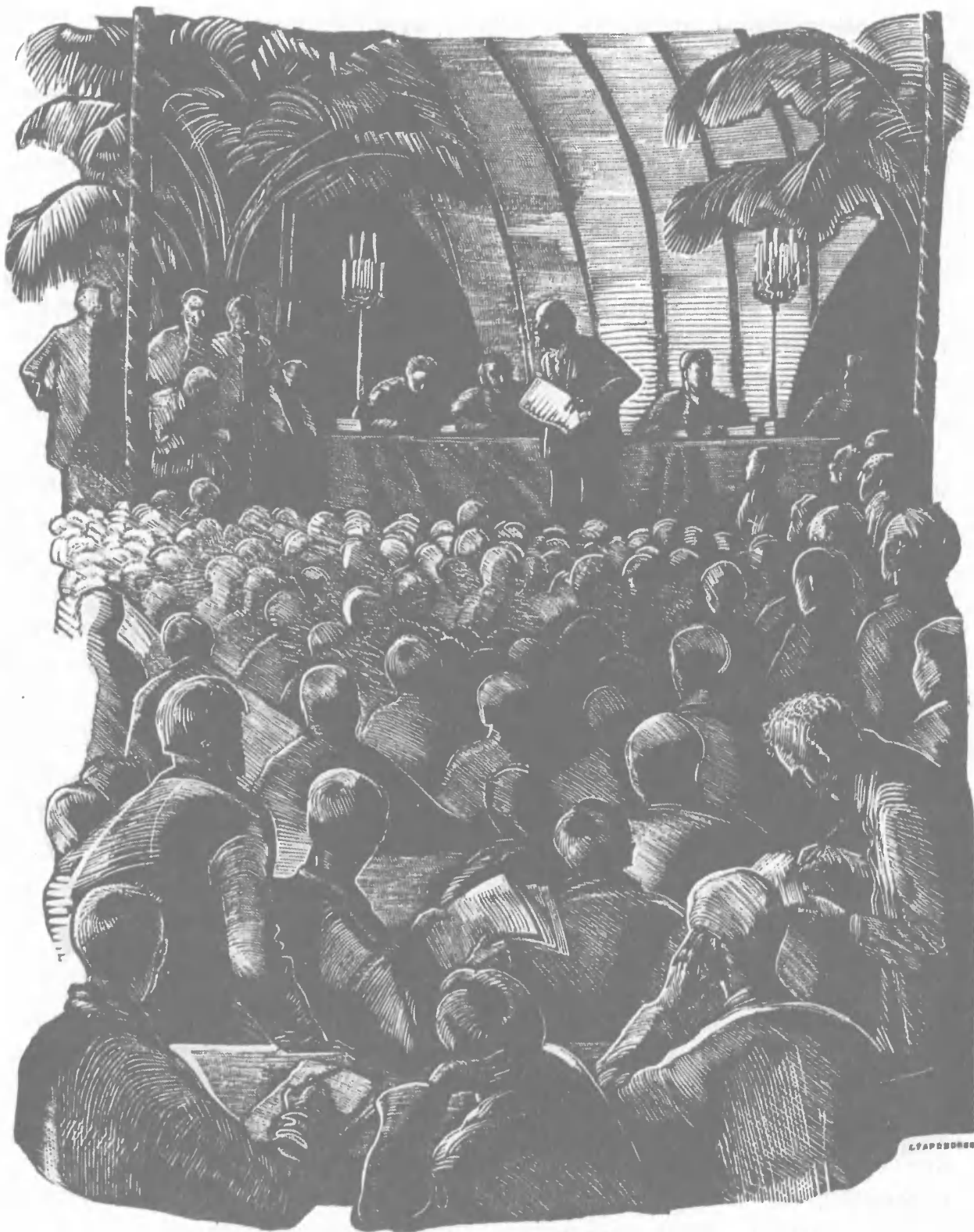
всегда впоследствии — самая характерная черта Ленина — простота и сердечность, естественность во всех его отношениях ко всем товарищам. Я говорю «естественность», так как я вынесла вполне определенное впечатление, что этот человек не может вести себя иначе, чем он себя ведет.

Его отношение к товарищам — естественное выражение всего его внутреннего существа.

Ленин был бесспорным вождем партии, которая сознательно вступила в бой за власть, указывая цель и путь русскому пролетариату и крестьянству. Облеченная их доверием, она управляет страной и осуществляет диктатуру пролетариата. Ленин был руководителем великой страны, которая стала первым в мире пролетарским государством. Его мысли и воля жили в миллионах людей и за пределами Советской России. Его мнение по любому вопросу было решающим в стране, имя его было символом надежды и освобождения повсюду, где существует гнет и рабство.

«Товарищ Ленин ведет нас к коммунизму. Как бы тяжело нам ни было, мы выдержим», — заявляли русские рабочие. Они, имея перед своим духовным взором идеальное царство высшего человеческого общества, спешили, голодая, замерзая, на фронт или же напрягали чрезвычайные усилия, чтобы среди невероятных трудностей восстановить хозяйственную жизнь страны.

«Нам нечего бояться, что помещики вернутся и отберут у нас землю. Ильич и большевики с красноармейцами выручат нас» — так рассуждали крестьяне, земельная нужда которых была удовлетворена. «Да здравствует Ленин!» — часто красовалась надпись на многих церковных стенах в Италии: это было проявлением восторженного удивления какого-нибудь пролетария, который в лице русской революции приветствовал свою собственную освободительницу. Вокруг имени Ленина как в Америке, так и в Японии и Индии объединялись все восставшие против власти собственников.

В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна. 1921 год.

Как просто и скромно было выступление Ленина, который уже имел за собой совершенный им гигантский исторический труд и на котором лежало колоссальное бремя безграничного доверия, самой тяжелой ответственности и никогда не прекращающейся работы! Он целиком сливался с массой товарищей, был однороден с ней, был одним из многих. Он не хотел ни одним жестом, ни выражением лица оказывать давление в качестве «руководящей личности». Подобный прием был ему совершенно чужд, так как он действительно был ярко выраженной личностью. Курьеры непрерывно доставляли сообщения из различных учреждений — гражданских и военных, — он очень часто тут же давал ответ в нескольких быстро набросанных строках. Для всякого у Ленина была дружеская улыбка и кивок, и это всегда вызывало в ответ радостное выражение лица у того, к кому они относились. Во время заседаний он время от времени, не вызывая ничьего внимания, договаривался по разным вопросам с тем или иным ответственным товарищем. Во время перерыва Ленину приходилось выдерживать настоящую атаку: его обступали со всех сторон товарищи — мужчины и женщины — питерцы, москвичи, а также из самых различных центров движения, особенно много молодых товарищей: «Владимир Ильич, пожалуйста...», «Товарищ Ленин, вы не должны отказать...», «Мы, Ильич, хорошо знаем, что вы... но...». В таком роде сыплется град просьб, запросов, предложений.

Ленин выслушивал и отвечал всем с неистощимым, трогательным терпением. Он чутко прислушивался и всегда был готов помочь в партийной работе или личном горе. Глядя на него, как он относился к молодежи, сердце радовалось: чисто товарищеское отношение, свободное от какого-либо педантизма, наставнического тона или высокомерия, продиктованного тем, что пожилой возраст будто бы сам по себе является каким-то несравненным преимуществом и добродетелью.

Ленин вел себя, как ведет себя равный в среде равных,

с которыми он связан всеми фибрами своей души. В нем не было и следа «человека власти», его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища, перед превосходством которого склоняешься в силу сознания, что он всегда поймет и в свою очередь хочет быть понятым. Не без горечи сравнивала я атмосферу, окружавшую Ленина, с напыщенной чопорностью «партийных отцов» немецкой социал-демократии. И мне совершенно нелепой казалась та безвкусица, с которой социал-демократ Эберт в качестве «господина президента Германской республики» старался копировать буржуазию «во всех ее повадках и манерах», теряя всякое чувство человеческого достоинства. Конечно, эти господа никогда не были такими «безумными и отчаянными», как Ленин, чтобы «стремиться совершить революцию». И под их защитой буржуазия может тем временем храпеть еще более спокойно, чем даже во времена тридцати пяти монархов при Генрихе Гейне, — храпеть, пока наконец и здесь революция не подымется из потока исторически подготовленного, необходимого и прогремит этому обществу: «Берегись!»

* * *

При моем первом посещении семьи Ленина еще углубилось впечатление о нем, полученное мною на партийной конференции и усилившееся с тех пор после ряда бесед с ним. Ленин жил в Кремле. Прежде чем к нему попасть, нужно было пройти мимо нескольких караульных постов — предосторожность, объяснявшаяся не прекращавшимися в ту пору контрреволюционными террористическими покушениями на вождей революции. Ленин, когда это нужно было, принимал и в великолепных государственных апартаментах. Однако его частная квартира отличалась крайней простотой и непритязательностью. Мне случалось часто бывать в квартирах рабочих, которые были богаче обставлены, чем квартира «всесильного московского диктатора».

Я застала жену и сестру Ленина¹ за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, черного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставляли в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Все посылалось в больницы и детские приюты, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

Я не видела т. Крупскую, жену Ленина, с марта 1915 года, когда происходила международная женская социалистическая конференция в Берне. Ее симпатичное лицо с мягкими добрыми глазами носило на себе неизгладимые следы предательской болезни, которая ее подтачивала. Но, за исключением этого обстоятельства, она оставалась такой же, а именно — воплощением прямоты, простоты и какой-то чисто пуританской скромности. Со своими гладко назад причесанными волосами, собранными на затылке в бесхитростный узел, в своем простом платье, она производила впечатление изнуренной жены рабочего, вечно озабоченной мыслью, как бы успеть, как бы не потерять времени. «Первая женщина великого русского государства» — согласно буржуазным понятиям и терминологии — Крупская является бесспорно первой по преданности делу угнетенных и страдающих. Ее соединяла с Лениным самая искренняя общность взглядов на цель и смысл жизни. Она была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убежденнейший идейный товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неустомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том,

¹ К. Цеткин говорит о младшей сестре В. И. Ленина — Марии Ильиничне Ульяновой.

чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде. Наряду с этим она имела свою особую сферу деятельности, которой она отдавалась всей душой, — дело народного образования и воспитания.

Было бы оскорбительно и смешно предполагать, что т. Крупская в Кремле играла роль «жены Ленина». Она работала, несла заботы вместе с ним, пеклась о нем, как она делала это всю свою жизнь, делала тогда, когда условия нелегальной жизни и самые тяжелые преследования разделяли их друг от друга. С чисто материнской заботливостью — нужно сказать, что сестра Ленина помогала ей в этом самым любовным образом, — превращала она ленинское жилище в «родной очаг» в самом благородном смысле этого слова. Конечно, не в смысле немецкого мещанства, а в смысле той духовной атмосферы, которая его наполняла и которая служила отражением отношений, соединявших между собой живущих и работающих здесь людей. Создавалось впечатление, что в этих отношениях все было настроено на исключительный тон правды, искренности, понимания и сердечности. Хотя я до той минуты лично мало была знакома с т. Крупской, я тотчас же почувствовала себя в ее обществе и под ее дружеским попечением, как дома. Когда пришел Ленин и когда несколько позже появилась большая кошка, весело приветствуемая всей семьей, — она прыгнула на плечи к «страшному вождю террористов» и потом свернулась в удобной позе на коленях у него, — то мне казалось, что я у себя дома или у Розы Люксембург с ее ставшей памятной для друзей кошкой Мими.

Ленин застал нас — трех женщин — беседующими об искусстве, просвещении и воспитании. Я как раз в этот момент высказывала свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенно-

сти и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру, — сказал он, — это — хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его», — все это неизбежно.

Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу, будь этот идеал на что-нибудь годен или нет. Отсюда перед вами брожение, экспериментирование, хаотичность.

Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки. Мне кажется, что и мы имеем

наших докторов Карлштадтов¹. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным выражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

Но, — продолжал Ленин, — важно не наше мнение

¹ Карлштадт (Андреас Боденштейн; ок. 1480—1541) — деятель бюргерской Реформации в Германии.

об искусстве. Важно также не то, что дает искусство несколькими сотням, даже несколькими тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А между тем мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, «избы-читальни» в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообраз-

ные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылает по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, — миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

— Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность, — заметила я. — В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес.

— Да, это верно, — возразил Ленин. — Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных Советах и советских органах работать над делом восстановления. Это — мужчины

и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлечь к советской работе все новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как вниз, так и наверх. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа.

Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос, — подумала я, — раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас — я не помню, кто именно, — заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что *panem et circenses* («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, — конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись еще и других тем. Но впечатления об этом бледнеют по

сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания.

«Как искренне и горячо любит он трудящихся, — мелькнуло у меня в мозгу, когда я в эту холодную ночь с разгоряченной головой возвращалась домой. — А между тем находятся люди, которые считают этого человека холодной, рассудочной машиной, принимают его за сухого фанатика формул, знающего людей лишь в «качестве исторических категорий» и бесстрастно играющего ими, как шариками».

Брошенные Лениным замечания так глубоко меня взволновали, что тотчас же в основных чертах я набросала их на бумаге, подобно тому как во время моего первого пребывания на священной революционной земле Советской России день за днем заносила в свой дневник все, что мне казалось заслуживающим внимания.

А. А. ЖАРОВ

Александр Алексеевич Жаров (р. 1904) — русский советский поэт, член КПСС с 1920 года. С 1918 по 1925 год был на комсомольской работе. Автор стихов и текстов популярных песен; в поэме «Гармонь» создал образы комсомольцев 20-х годов, показал жизнь современной деревни. В стихотворении «Ленин на III съезде РКСМ» (1926) А. Жаров отразил образ Ленина.

А. Жаров был одним из организаторов объединения комсомольских поэтов «Молодая гвардия».

ВЕЛИКОЕ НАПУТСТВИЕ

Во многих подробностях вспоминается мне знаменательный день истории комсомола — день открытия III съезда РКСМ.

Это было 2 октября 1920 года.

Холодные сумерки спускались на Москву, хмурую, суровую.

На дверях Лоскутной гостиницы (возле Охотного ряда) — листовки, постановления о борьбе с разрухой, об угрозе сыпно-тифозных заболеваний.

А на улице толпы молодежи, шагающей бодро, весело, с громким разговором, а то и с песней.

Группа делегатов съезда поднималась вверх по Тверской улице. Многие заранее переходили на правую сторону, прыгая через ямы и рытвины узкой булыжной мостовой, загромажденной к тому же трамвайными путями... Такой была тогда нынешняя улица Горького.

У площади Моссовета среди делегатов — вихрастый парень в кожаной тужурке. Размахивая шапкой-ушанкой, он

резким голосом очень выразительно читает стихотворение Демьяна Бедного:

— Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!

Двигаясь дальше по разбитому тротуару, мы останавливались у магазинных витрин, обращенных в витрины плакатов. Плакаты в прозе и стихах призывали громить Врангеля, гнать интервентов из Белоруссии.

«ЗАПИСАЛСЯ ЛИ ТЫ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?» — спрашивал каждого из нас красный воин с яркого плаката.

На этот законный вопрос мы собирались дать достойный ответ на самом съезде. Так уж полагалось в то время в комсомоле. У площади Пушкина кто-то запел «Смело, товарищи, в ногу». А на повороте на Малую Дмитровку (ныне улица Чехова) был затеян лихой пляс, по ходу которого звучали слова самодеятельного припева к переделанной песне «Вдоль да по речке»:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей дьякон и дьячок,
Пономарь Сергеевич
И звонарь Сергеевич,
Вся деревня Сергеевна
И Матрена Сергеевна —
Разгова-а-ривают.

Весь комсомол пел и такого рода нехитрые песенные сочинения. Пели и мы, будущие поэты, песенники комсомольские. Песня была спутницей комсомола всегда: и в дни радостей, и в дни горестей. Холодно было, голодно, а мы пели, предпочитая то, что повеселей. Это свойство юности, смотрящей вперед. Недаром говорилось в ча-
стушке:

Нам, солдатам Ленина,
Унывать не велено.

У самых дверей дома № 6, где собирался наш съезд, во время большого затора при проверке документов неунывающий балтийский матрос поднялся на какое-то возвышение и на всю улицу прогорланил отрывок из «Левого марша» Маяковского:

Там,
за горами гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!

Комсомолец в стеганой ватной кацавейке, должно быть делегат из хлебных краев, демонстративно вынул из сумки порядочную краюху хлеба и вручил ее матросу.

Матрос расцеловал щедрого товарища:

— Спасибо, браток! Это будет лакомством для всей нашей делегации...

Кто-то сострил под общий смех:

— Это пока не солнечный край, но непочатый!..

* * *

Зал был переполнен.

После выборов президиума начались приветствия. О комсомоле не так уж много было известно тогда. И приветствия в его адрес были малочисленны. Комсомольцам приходилось самим восполнять этот «пробел».

Мы от души приветствовали друг друга, т. е. делегация делегацию. Украинцы приветствовали москвичей. Следовал ответ. Потом уральцы передавали поклон питерцам, сибиряки — белорусам, делегаты Средней Азии — делегатам Поволжья.

И во всех приветствиях неизменно звучали здравицы в честь партии рабочего класса, в верности которой комсомол давал клятву с первых шагов своих. Сердца рево-

люционной молодежи, взволнованные великой октябрьской грозой, полны были прекрасных надежд на будущее. Но любая надежда и любая мечта нашей юности опиралась на силу предвидения и мудрость Коммунистической партии.

Разум партии, основанной Лениным, — вот светоч, без которого самые благие наши порывы были бы бесплодными. Нам пришлось бы блуждать в потемках, сбиваться с верной дороги...

Жаркую речь на эту тему произнес белокурый паренек от имени, кажется, смоленской делегации.

Аплодисменты, раздавшиеся в середине этой речи, вдруг резко усилились и превратились в долгую овацию. Тут уж смоленский паренек был ни при чем. Он понял это и тихо покинул трибуну. А может быть, он увидел Ленина, подошедшего к столу президиума. Из первых рядов зала мы хорошо рассмотрели его. Он вошел в распахнутом осеннем пальто с узким бархатным воротником, в кепке. Снял пальто и кепку, положил их на стул, а сам сел на соседний стул с краю за столом. Поговорил немного с кем-то из президиума и наклонился над книгой или над бумагами.

Известная картина художника Б. Иогансона и его учеников имеет одну погрешность. На ней неподалеку от стола президиума изображен черный блестяще-полированный рояль. На самом деле никакого рояля не было и не могло быть. Странно это для 1920 года: стояли там, чуть позади Ленина, конторские столики для секретарей, приготовившихся вести записи выступлений. Стенографисток почему-то не было¹. Сцена была украшена двумя портретами: Маркса и Энгельса. Зал освещен был довольно тускло. Не удивительно, что десятки комсомольцев из задних рядов ринулись по проходам к сцене, чтоб поблизи увидеть Владимира Ильича. Удивительным было дру-

¹ Ошибка автора воспоминаний: речь В. И. Ленина стенографировалась.

гое: многие, и я в том числе, вскоре смогли оказаться на сцене. А некоторые — даже рядом с Лениным.

Он в эти минуты сосредоточенно продолжал свои занятия. Казалось, что ни оваций, ни криков «ура!» не слышит Ильич и, к счастью для нас, не замечает явного беспорядка, учиненного нами, самовольно перекочевавшими из зала на сцену. Проступок этот свершен был как-то стихийно. И свершен он, конечно, не потому, что в зале было тесновато, а на сцене достаточно свободного места. Владимир Ильич поднял голову и, улыбаясь, медленно обвел взглядом всех нас, непрошенных гостей президиума.

Потом он снова принялся за прерванное занятие. Чем же был занят Ильич за несколько минут до начала своего выступления? К нашему удивлению, он рисовал. И нарисовал он дом — с крышей, с трубой и с вывеской «Школа».

Разумеется, никому из нас не пришло в голову, что тема этого рисунка может иметь какое-либо отношение к теме ленинской речи. Комсомольцы той поры не могли интересоваться таким учреждением, как школа. Шла гражданская война. Вместе с билетом члена РКСМ почти каждый комсомолец получал тогда винтовку. Достигшие 16-летнего возраста отправлялись на фронт, а те, кто помоложе, рядом с коммунистами действовали винтовкой в тылу: участвовали в борьбе с контрреволюцией, с бандитизмом, с нарушителями революционного порядка. О школе тут некогда было думать.

* * *

Ленин подошел к самому краю сцены. Трибуной он воспользовался лишь после выступления, когда отвечал на вопросы.

Довольно долго не давали Ильичу начать речь: новые вспышки восторгов, групповые выкрики, приветствия в честь Коммунистической партии, в честь ее основателя и вождя.

Два или три раза пели «Интернационал».

Владимир Ильич, отойдя в сторону, пел вместе со всеми.

Потом он ходил по краю сцены. Остановившись, грозил пальцем разбушевавшемуся залу. Внушительно грозил, так, что тишина начала как будто устанавливаться, но вдруг зал сотрясся от взрыва смеха!

Оказывается, Владимир Ильич пальцем-то строго грозил, но выдержать до конца строгость не смог, заулыбался. А улыбка ленинская была особенной, заразной улыбкой. Она, словно искра, пошла по рядам, охватила радостным пламенем весь зал. И превратилась в дружный, неудержимый раскат юношеского, безотчетного, лучистого смеха, что было еще одним свидетельством непередаваемо счастливого настроения нашего, вызванного встречей с родным и великим Лениным, так охотно разделившим с молодежью ее настроение.

Но вот Владимир Ильич вынул из жилетного кармана часы, поднял их над головой и многозначительно указал пальцем на циферблат: время, дескать, идет, ребятки, а время дорого.

Это было ясно без слов.

Наступила полная тишина. И мы услышали голос Ленина, зазвучавший вовсе не приподнято, а спокойно, мягко, пожалуй даже несколько по-домашнему, словно на беседе.

В сущности, по своему характеру речь Ленина на III съезде была именно беседой, разговором серьезным и задушевным о самом главном в жизни молодого поколения, призванного строить и построить общество, о котором могли только мечтать самые светлые головы человечества.

«Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи...» — такими словами началась ленинская речь.

А когда было сказано, что основные задачи молодежи

можно выразить одним словом, все удивились. И удивление наше возросло еще более, когда выяснилось, что это *одно* слово — *учиться*... Учиться??? А как же быть с Врангелем, который в те дни еще сидел в Крыму? Как быть с пилсудчиками, еще хозяйничавшими в те дни в Белоруссии? Мы были уверены, что, по примеру прошлых комсомольских съездов и конференций, наш III съезд в полном составе отправится на помощь тем, кто должен добить вооруженных врагов Советской власти.

Ленин ничего не сказал об этом. Значит, он не сомневается в том, что враги будут разгромлены и без нашей непосредственной помощи, значит, партия уже подготовила этот разгром. Партия смотрит вперед, она видит дальше, чем мы. Перед взором Ленина — мирные времена, новая полоса жизни и новые задачи.

Ленин сказал, и это прозвучало как похвала, о том, что мы прекрасно поняли свою комсомольскую задачу в деле поддержки рабоче-крестьянской власти в ее вооруженной борьбе против капиталистических разбойников.

Но он добавил, что *теперь* этого недостаточно.

Теперь надо понять стоящие на очереди новые задачи: хозяйственные, строительные, культурные. Мало этого: надо сейчас же заняться подготовкой самих себя к решению этих сложных задач.

* * *

Мы, представители первого поколения комсомольцев, дети крестьян и рабочих, охотно пели о том, что

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Но прямо скажу, что конкретного представления о возможности *стать всем* у нас не было.

Сама мысль о такой возможности в реальном виде казалась и нескромной, и ко многому обязывающей.

Может быть, достаточно стать борцом за дело партии, за интересы народа, защитником Советской власти?

Нет, не достаточно.

Дело партии и интересы народа требуют, чтобы мы оказались способными стать инженерами, писателями, учеными, музыкантами, педагогами, художниками, оставаясь в то же время борцами. А для этого надо иметь не только талант, но и знания.

Особенная путаница в наших головах царила по линии отношения к старой культуре. В начале революции даже среди литераторов, именовавшихся пролетарскими, в ходу были анархистского типа представления о старой культуре. Ее называли и хламом и ветошью и считали чем-то обреченным на посмеяние и на слом. Чего стоили левацкие выверты некоторых театральных постановщиков, калечивших классические произведения русской и иностранной драматургии!

На наших комсомольских вечерах и вечеринках порой можно было услышать декламаторов, выступавших со стихами, пафос которых состоял в пренебрежении к старой культуре, к классическому наследию.

И далеко не всегда такая декламация получала должный отпор.

Мы во власти мятежного, страстного
хмеля;
Пусть кричат нам: «вы палачи
красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем
Рафаэля
Разрушим музеи, растопчем искусства
цветы.

Такая ложнопатетическая тирада В. Кириллова могла некоторым из нас показаться на первый взгляд даже революционной.

В. И. Ленин пришел к нам на съезд, чтобы внести ясность в важнейшие вопросы отношения к старой и построения новой культуры.

Он глубоко, фундаментально разъяснил нам, что без основательного знания и критического усвоения культуры прошлого никакой новой культуры не построишь.

Оказывается, вовсе не следует отказываться от Рафаэля и пренебрегать сокровищами музеев.

Это мы поняли из речи Ленина.

Поняли также, что из цветов искусства «топтать» можно лишь фальшивые цветы буржуазного псевдоискусства, несущего в себе запах разложения, упадочничества.

Оказывается, во имя нашего коммунистического Завтра надо нам усердно трудиться, чтобы овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством за всю его историю.

Без этого нельзя успешно строить новое общество. Так говорил Ленин, обрушиваясь одновременно на книжное, начетническое усвоение того, что написано о коммунизме.

К сочетанию теории с практикой, к тому, чтобы неразрывно связывать каждый шаг воспитания и учения с повседневной борьбой трудящихся, с жизнью и заботами народа, звал Ленин.

Эту мысль Владимир Ильич дополнительно подчеркнул, отвечая на один из вопросов.

Вопрос был такой:

«Товарищ Ленин! Скажите, а почему в деревне нет колесной мази?» В зале многие засмеялись, находя вопрос наивным и неуместным.

А Владимир Ильич сказал, что это очень важный вопрос, который имеет прямое отношение к разговору о том, каким должен быть коммунист. Коммунист должен уметь ответить на вопрос об отсутствии на селе колесной мази, гвоздей, керосина, спичек. Мало того! Коммунист обязан так или иначе помочь в налаживании нашего производства, в том числе и производства колесной мази. Владея теорией, не отрывайся от жизни, от нужд народа. Вот каким должен быть коммунист!

Не одно, а несколько поколений комсомольцев, совет-

ской молодежи росло, училось, добивалось успехов и побед, руководствуясь мудрыми советами Ленина, советами по поводу коммунистического воспитания, отношения к общему труду, соревнования, морали.

Указания Ленина, заветы его, обращенные к молодежи, составили основу программы комсомола, стали в то же время неоценимым напутствием каждой девушке, каждому юноше, вступающим в жизнь, чтобы сделать ее невиданно прекрасной.

Ленин завещал партии постоянную заботу о благе народном, о том, чтоб каждому труженику жилось в нашей стране все лучше и лучше. Партия коммунистов свято выполняет это завещание. Партия ныне подошла вплотную к решению исторической задачи: создать изобилие продуктов в стране, чтобы обеспечить новый подъем материального и культурного благосостояния народа.

Комсомольцы, первые помощники коммунистов, принимают сегодня активнейшее участие в решении этой благородной задачи.

Наследники партии мудрой, по праву
И тут стоим мы за честь молодежи.
Геройским трудом комсомольскую славу
На радость родному народу умножим!

Ленин зажег наши мечты и указал пути их свершения. «Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую», — сказал Ильич. Он при этом улыбался, как бы приглашая всех нас разделить с ним убеждение, что так оно и будет.

И мы вместе с Лениным стали мечтать, понимая, что мечта — это, в сущности, задача, решение которой стало возможным благодаря обладающей даром предвидения науке, называемой марксизмом-ленинизмом.

Быть мечтателем ленинского типа — значит быть борцом за воплощение мечты, активным участником коммунистического преобразования общества, новатором в труде и творчестве, неутомимым разведчиком будущего.

Не одно, а несколько поколений советской молодежи
росло, училось, достигало успехов в борьбе и труде,
руководствуясь добрыми советами партии, напутствием
Ильича, данным комсомольцам в 1920 году.

Двадцатый год...
Разруха, голод, холод.
Шла осень, громом битвы грохоча.
В Москве на третьем съезде комсомола
Мне довелось увидеть Ильича.
Сердца юнцов рвались к нему навстречу.
Гул голосов казался гудом пчел...
Ильич
Большим заботам в этот вечер
Заботу о грядущем предпочел.
Могучей мыслью бережно и смело
Он нас через ненастье и мороз
Вдруг перенес
В весенние пределы,
В преддверье коммунизма перенес.
Мы от него слышали впервые,
Что близок мир в суровом том году.
И отдали
Все силы молодые
Учению и общему труду.
Прошли десятилетия не напрасно.
Родной народ наш,
Полный новых сил,
Вплотную подошел к весне прекрасной,
Которую нам Ленин возвестил.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

Герберт Уэллс (1866—1946) — выдающийся английский писатель и публицист, родоначальник научно-фантастической литературы XX века, крупнейший мастер критического реализма.

В 1920 году приезжал в Россию, был принят В. И. Лениным и по возвращении на родину издал книгу «Россия во мгле». На основе впечатлений, полученных при наблюдении тяжелейших условий, в которых жила Советская страна, разоренная годами империалистической и гражданской войн, отказывался верить в возможность ее возрождения и движения к социализму. На его суждениях отразилось незнание природных ресурсов России и непонимание того, как велик размах творческих сил народа, пробужденных Октябрьской революцией.

В 1921 году В. И. Ленин прочитал эту книгу на английском языке и сделал на ней ряд пометок (они опубликованы в русском издании 1958 года).

В том же году, когда Советская Россия переживала тяжелые муки голода, В. И. Ленин писал А. М. Горькому: «Меня просят написать Вам: не напишете ли Б е р н а р д у Ш о у, чтобы он съездил в Америку, и У э л л с у, который-де теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим?..»

Во второй приезд в Россию (1934) Уэллс воочию увидел, как прав был Ленин, призвав трудящихся к строительству нового общества и созданию социалистического строя.

В книге «Опыт автобиографии» ряд страниц Герберт Уэллс посвятил Ленину. «Деятельный ум Ленина, — писал он, — с удивительной быстротой переключился сразу после революции на осуществление социальных преобразований... Плодотворные идеи Ленина продолжают ока-

зывать воздействие и после того, как перестал творить их создатель...»

Во время второй мировой войны Уэллс выступал в поддержку СССР. В конце своего жизненного пути он сказал: «Я являюсь лондонским избирателем участка Мерилебон и активно поддерживаю возрождающуюся Коммунистическую партию».

1. КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ¹

...Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха. Линии его лба напомнили мне кого-то, я никак не мог вспомнить, кого именно, пока на днях не увидел г. Артура Бальфура, сидевшего возле затененной лампы. У него в точности такой же высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты

¹ Глава из книги Герберта Уэллса «Россия во мгле». Печатается с сокращениями.

лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

Через весь наш разговор проходили две — как бы их назвать — основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?» А это в свою очередь приводило ко второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»...

Мы начали беседу¹ с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навеял мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше», — подтвердил Ленин. «И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает снос существующих городов и возведение новых и потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храмы Пестума². Огромная часть современного города исчезнет.

¹ Герберт Уэллс был на приеме у В. И. Ленина 6 октября 1920 года.

² Древний город на юго-западе Италии, основан около 600 г. до н. э.

В. И. Ленин в рабочем кабинете.

Ленин охотно согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново...

А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России.

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения.

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас,—сказал Ленин,—у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед...

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские — индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отозвался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело.

— Но все это только наброски, первые шаги,—сказал я.

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время,—ответил он.

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм... может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необосно-

ванную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он во всяком случае видит мир будущего, преобразенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуны. Коммунисты уничтожили торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему, вместо того, чтобы использовать ее, и т. д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию — разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожать одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т. д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать все, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он

будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул новую книгу Кьюцца Мо-ней «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

— Вот видите, как только у вас появляется хорошая действительная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты.

Он постучал пальцем по книге.

— Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придавал значения.

Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец собирался поразить Москву¹. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят — шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной дра-

¹ Речь шла о Вашингтоне Вандерлине — представителе американских промышленных кругов, приезжавшем в Советскую Россию в 1920 году с предложением заключить договор о нефтяных и угольных концессиях на Камчатке.

ки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин,— это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он — прямая противоположность коллективным действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

«Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России»,— сказал я. Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи...

Во время нашего спора, касающегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным; на обратном пути у меня и моего спутника снова неоднократно проверяли пропуска, как и при входе в Кремль.

— Изумительный человек,— сказал г. Ротштейн.— Но было неосторожно с его стороны...

У меня не было настроения разговаривать; мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлевского рва, мимо деревьев, листва которых золотилась по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал.

Он все уговаривал меня не упоминать г. Вандерлипу об этом проекте русско-американского сближения, хотя я с самого начала заверил его, что достаточно уважаю сдержанность г. Вандерлипа, чтобы нарушить ее каким-нибудь неосторожным словом.

И вот снова дом на Софийской набережной, поздний завтрак с г. Вандерлипом и молодым скульптором¹ из Лондона. Подавая на стол, старик слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы. Г-н Вандерлип предлагал нам днем познакомиться с московским рынком, а вечером смотреть

¹ Клэр Шеридан. См. ее воспоминания.

балет, но мы с сыном решили в тот же вечер уехать обратно в Петроград, а оттуда — в Ревель, чтобы не опоздать на пароход, уходивший в Стокгольм.

2. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК¹

...Я ездил в Россию, о чем рассказал в своей книге «Россия во мгле», и имел там длительную беседу с Лениным, а также много слышал о нем. До тех пор мне не приходилось встречать столь оригинального мыслителя, к тому же занимающего такое важное положение, какого нельзя было даже представить себе до войны. Казалось, что все ресурсы, какие еще сохранились в России, находятся в его руках... Его авторитет был огромным.

Основой его личного престижа были трезвость суждений и дальновидность, проявленные им в дни революционного переворота. К нему обращались тогда все: и с опасениями и с сомнениями. Силу его составляла ясность цели в сочетании с тонкостью мысли...

Как и все, он принадлежал своему времени и своей эпохе. Когда мы встретились с ним и беседовали, каждый из нас придерживался собственного предвзятого мнения. Мы говорили преимущественно о необходимости заменить мелкое крестьянское хозяйство крупным сельским хозяйством — дело происходило за восемь лет до первого пятилетнего плана, — а также об электрификации России, которая в то время была лишь мечтой, зародившейся в его мозгу. Я скептически относился к идее электрификации, так как не имел представления о запасах водной энергии в России. «Приезжайте снова через десять лет», — говорил Ленин в ответ на мои сомнения.

Когда я разговаривал с Лениным, меня гораздо больше интересовала сама беседа, чем собеседники. Я забыл,

¹ Фрагменты из книги Герберта Уэллса «Опыт автобиографии», т. II, вышедшей в Лондоне в 1934 году.

большие мы люди или маленькие, старые или молодые. Я был только поражен небольшим ростом Ленина, а также его исключительной живостью и простотой. Но теперь, просматривая свою написанную четырнадцать лет назад книгу, восстанавливая в памяти события того времени и сравнивая Ленина с другими знаменитыми людьми, которых я знал, я начинаю понимать, какой выдающейся и значительной исторической фигурой он был. Я не сторонник теории об исключительной роли «великих людей» в жизни человечества, но уж если вообще говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что Ленин был по меньшей мере действительно великим человеком...

Когда я встретился с Лениным, он был уже болен. Ему приходилось часто прерывать свою работу. В начале 1922 года врачи вообще запретили Ленину работать, а летом того же года его частично разбил паралич, и в начале 1924 года Ленин умер. Следовательно, он полностью руководил страной меньше чем пять полных событиями лет. Тем не менее за это время он зажег в русском народе такой непоколебимый созидательный энтузиазм для решения всех вставших перед ним задач, что этот энтузиазм живет в нем и по сей день. Только благодаря Ленину и созданной им организованной Коммунистической партии русская революция не выродилась в жестокую военную автократию и не закончилась полным социальным крахом. Руководимая им Коммунистическая партия, не имея опыта, тем не менее сумела создать необходимые условия для успеха проводимого эксперимента, обеспечила достаточное количество дисциплинированных кадров для наскоро созданного, но преданного государственного аппарата, без которого революция в современном государстве обречена на полный провал.

Деятельный ум Ленина с удивительной быстротой переключился сразу после революции на осуществление социальных преобразований. В 1920 году, когда я с ним виделся, он с юношеской энергией изучал возможности

электрификации России. Идея пятилетнего плана, представлявшегося ему в виде ряда успешно осуществляемых по всей стране местных планов, Днепрогэс — все это уже занимало его мозг. Плодотворные идеи Ленина продолжают оказывать воздействие и после того, как перестал творить их создатель. И в настоящее время их воздействие, видимо, так же сильно, как и раньше.

Во время моего последнего визита в Москву в июле 1934 года я посетил Мавзолей Ленина и снова увидел небольшого человека. Он казался еще меньше, лицо выглядело восковым и бледным, а беспокойные руки лежали спокойно. Борода как будто стала совсем рыжей. Выражение лица было полно достоинства и простоты, немного патетично; на нем отражались искренность и смелость — высшие качества человека. Он уснул слишком рано, особенно для России.

КЛЭР ШЕРИДАН

Клэр Шеридан (1885—1970) — английский скульптор, приезжала в Москву, чтобы создать скульптурный портрет В. И. Ленина. Находясь в Москве около двух месяцев, знакомилась с городом и его людьми. Полученные впечатления вошли в ее «Московский дневник».

На X съезде РКП В. И. Ленин говорил: «Мы боремся против международного капитала, который, увидя нашу республику, сказал: «Это — разбойники, крокодилы» (эти слова мне буквально переданы одной английской художницей, которая слышала это выражение от одного самого влиятельного политика)». Художница эта была Клэр Шеридан, а влиятельный политик, по-видимому, ее дядюшка Уинстон Черчилль!

По возвращении на родину Клэр Шеридан выступала устно и в печати, рассказывая правду о Советской стране и о Ленине. В 1921 году в Лондоне вышла ее книга «Русские портреты», в 1928 году в Нью-Йорке — книга «Неприкрашенная правда».

НЕПРИКРАШЕННАЯ ПРАВДА

К намечающейся выставке нужно было завершить одну работу, и мне пришлось отказаться от удовольствия провести август с детьми в Бреде и остаться в опустевшем Лондоне. Работа, которую я хотела закончить, — статуя Победы. Я задумала ее, охваченная страстным протестом, после того как однажды в моей студии побывал слепой

солдат. Это была не хорошо знакомая, традиционная Победа. Нет, мою Победу не каждый захотел бы выставить в общественном месте. Но этой статуей я выразила чувства, которые не могла облечь в слова...

Решение поехать в Россию исключало мое присутствие на выставке. Я сомневалась, сможет ли выставка вообще быть открыта без меня. Однако перспектива создать скульптурный портрет Ленина заслонила все соображения. Выставки еще будут у меня в течение всей дальнейшей жизни, а здесь предстояло нечто такое, что никогда, по всей вероятности, больше не повторится.

В сентябрьское утро 1920 года в 10 часов 30 минут паровоз выпустил пары на московском вокзале... Вскоре мы с фантастической быстротой под вой автомобильной сирены мчались по малолюдным улицам... И вот уже оказался перед нами Кремль с его высокими прямоугольными башнями над воротами... Какое потрясающее зрелище! Наша машина сбавила ход, чтобы можно было показать часовому пропуск, и мы въехали на площадь, со всех сторон окруженную златоглавыми большими и маленькими зданиями своеобразной архитектуры...

Стоял великолепный сентябрьский день. В воздухе чувствовалась легкая прохлада. Листья на деревьях в саду под Кремлевской стеной были ярко-желтые и медленно опадали, как бы предупреждая о приближающейся зиме.

Комната, которую предоставили мне для работы, находилась в большом круглом здании, где когда-то помещался суд. Сейчас здесь проходят съезды Советов, и над зданием развевается красный флаг...

Почти каждый вечер мы проводили в оперном театре. Для нас заказывали места через Министерство иностранных дел. Зал примерно таких размеров, как Ковент-гарден, с лепными золотыми украшениями и алой бархатной обивкой. Театр был переполнен до отказа рабочими, среди которых профсоюзы бесплатно распределяли билеты. Здесь можно было увидеть лица русских совсем в ином свете. Люди, облокотившись на барьеры лож, устремив-

шись вперед, были целиком поглощены зрелищем балета. Я не слышала ни кашля, ни шепота. Это были усталые люди, пришедшие сюда после тяжелого трудового дня,— они заслужили это удовольствие и в полной мере им наслаждались. Напряженное внимание, с которым они смотрели балет или слушали оперу, производило огромное впечатление. Впервые в своей жизни эти люди, так долго находившиеся под гнетом, работавшие на других, люди, с которыми обходились как с рабами, получили право на удовольствия, до сих пор принадлежавшее только богатым. Лица русских, а не пропаганда коммунистов начали оказывать влияние на мои взгляды...

Через один-два дня мне сказали, что ко мне зайдет Дзержинский—председатель Чрезвычайной комиссии... Невысокого роста бледный человек в форме вошел и несколько застенчиво посмотрел на меня, затем на мою работу. Я не обратила на него особенного внимания, думая, что это один из случайных посетителей, и ждала, когда он уйдет. Тогда он сказал, что фамилия его Дзержинский.

Вид этого скромного, без каких бы то ни было претензий человека глубоко поразил меня... У него было узкое лицо и как бы вылепленный из алебаstra нос. Время от времени глубокий кашель сотрясал его тело, и тогда вся кровь прилиwała к лицу...

Мне хотелось поговорить с Дзержинским, но, к несчастью, я могла объясняться с ним только на немецком языке, а мои познания в нем были ограничены. Все-таки я сумела сказать ему, что, когда люди сидят так спокойно, как он, это значительно облегчает работу художника.

— Терпению и спокойствию учишься в тюрьме,— ответил Дзержинский.

Я спросила его, сколько времени он провел там.

— Одиннадцать лет, четверть моей жизни,— сказал Дзержинский.

Его голос, хотя и спокойный, был глубок, и в нем

звучала сила... Тюрьма надломила здоровье этого человека, но дух его остался несломленным. Он жил для России и страдал за Россию... Друзья Дзержинского глубоко и, можно даже сказать, трепетно обожали его...

Как странно жить в большом городе, где окна постоянно плотно затворены, а витрины затемнены, словно после воздушного налета. Все лавки в городе закрыты. Только в витринах цветочных магазинов полно больших искусственных хризантем... Помещения гостиниц заняли государственные учреждения...

В городе масса художественных галерей. Остались в неприкосновенности все старые и созданы новые галереи, в которых собраны произведения искусства из частных коллекций; некоторые дома, бывшие прежде частной собственностью, превращены в пролетарские художественные школы. Здесь солдаты и моряки рисуют и лепят с натуры. Дворец великого князя в Кремле, что против Царьколокола, стал рабочим клубом...

Я мало знала и еще меньше понимала как в коммунизме, так и в условиях, вызвавших его к жизни (если не считать того, что я прочла в романах). Законы собственности и теория капитализма были для меня ничего не значащими словами. У меня не было ни собственности, ни капитала. Хотя мой отец и был экономистом, я абсолютно ничего не понимала в экономике. (Г. Уэллс сказал мне однажды: «Какая жалость, Клэр, что вы необразованны».) Но тем не менее подсознательно я была революционеркой. Я пришла к этому не путем логических рассуждений...

Я хотела остаться в России, чтобы принять участие в ее реконструкции. Россия отвечала моему чувству пацифизма... Даже если бы я не желала ничего другого, мне хотелось бы, чтобы мои дети получили здесь образование. Я была убеждена (как убеждена и до сих пор)... что новая Россия никогда не пойдет ни на какие военные агрессии. Красная Армия существует для обороны. В необходимости иметь армию для обороны страны новая Рос-

сия убедилась на опыте, но каждый красный русский солдат и все родные этого солдата знали и знают, что их никогда не пошлют поддерживать агрессивные действия за пределами родины.

Мое сердце постоянно, с тех пор как родился Дик¹, полно ужаса и страха перед войной. Что, если в один прекрасный день его заберут, чтобы сделать из него пушечное мясо, или заклеят как труса? Что, если на его долю выпадет худшее, чем смерть? Слепота, отравление газом, уродство?.. Когда я слышу, как маршируют солдаты, я всегда думаю о Дике и об Уилфриде², который был так ужасно обманут и отдал свою жизнь в тщетной надежде, что это была последняя война, «война за то, чтобы положить конец войнам»...

Таковы были мои весьма неопределенные, несвязные мысли, день ото дня окрашивавшиеся в новые цвета и приобретающие новые очертания, чтобы в конце концов отлиться в более отчетливые формы...

На следующий день после отъезда Г. Уэллса комендант Кремля сказал мне, что завтра с одиннадцати часов утра до четырех я смогу работать в кабинете Ленина. Всю ночь я не сомкнула глаз.

Утром Бородин³ проводил меня в Кремль. Я была взволнована так, как никогда в жизни. По дороге он сказал мне:

— Помните одно: сейчас вам предстоит создать самое лучшее из всего, что было создано вами за всю жизнь.

Мы вошли в Кремль через боковые ворота, охраняемые часовым. Мне было известно, что Ленин живет где-то в этой части Кремля, и я часто пыталась отгадать, за каким из этих окон, за какой дверью живет и работает великий человек. А этих окон и дверей было так много!

¹ Сын Клэр Шеридан.

² Муж Шеридан, погибший в первую мировую войну.

³ М. М. Бородин (Грузенберг) (1884—1951) работал в то время в Наркомате иностранных дел.

Поднявшись на третий этаж, мы миновали несколько дверей и коридоров и наконец оказались в двух смежных комнатах, где работали женщины-секретари. Михаил Бородин поручил меня девушке — личному секретарю Ленина. Затем он пожал мне руку и пожелал успеха в работе.

У меня было такое ощущение, как будто я вновь попадаю в школу. Меня охватил страх и глубокое волнение, потому что это была самая ответственная работа из всех, за которые мне когда-либо предстояло еще взяться.

Секретарь указала мне обитую белым войлоком дверь и предложила войти. Дверь не была заперта, она легко отворилась.

Ленин сидел в очень светлой комнате перед огромным письменным столом, заваленным какими-то книгами и бумагами. Когда я вошла, он взглянул на меня, улыбнулся и через всю комнату пошел мне навстречу. Его манера обращения быстро успокоила меня. Я попросила прощения за то, что вынуждена беспокоить его. Он рассмеялся и по-английски сказал мне, что еще до меня другой скульптор обосновался у него в кабинете и провел здесь несколько недель...¹

Пока три солдата втаскивали в кабинет подставку и глину, Ленин объяснил мне, что я могу работать здесь столько времени, сколько мне понадобится, при условии, что он будет сидеть за своим письменным столом и читать.

В комнате все дышало покоем, и Ленин углубился в книги... Даже когда я кружила около него, пытаюсь измерить расстояние от уха до носа, он, казалось, совсем не замечал моего присутствия. Он сразу же как бы совершенно выключился, сосредоточился на своей работе и был уже целиком поглощен ею.

Я работала до без четверти четыре. Еще никогда я не работала так долго без перерыва. В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной

¹ Имеется в виду Альтман Н. И., работавший над скульптурным портретом В. И. Ленина в течение полутора месяцев (апрель — май 1920 г.).

папиросы. Входили секретари с письмами. Он распечатывал их, клал письмо перед собой, а на конверте, не глядя, механически делал пометку и возвращал его обратно. Его лицо несколько оживлялось, лишь когда раздавалось тихое жужжание телефона и над столом одновременно загоралась маленькая электрическая лампочка.

Мои попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения, и, сознавая, что своим присутствием я и так докучаю ему, я не посмела настаивать. Сидя на подоконнике и отдыхая, я не переставала твердить себе, что все это происходит на самом деле, что я действительно нахожусь в кабинете Ленина и выполняю свою миссию... Я без конца повторяла про себя: «Ленин! Ленин!» — как будто никак не могла поверить, что окружающее меня не сон.

Вот он сидит здесь, передо мной, спокойный, молчаливый, небольшого роста человек с огромным лбом. Ленин, гений величайшей революции в истории человечества,— если бы он только захотел поговорить со мной! Но... он ненавидел буржуазию, а я была ее представительницей. Он ненавидел Уинстона Черчилля, а я была его племянницей... Он разрешил мне работать у себя в кабинете, и я должна была выполнять то, зачем пришла, а не отнимать у него попусту время: ему не о чем было говорить со мной. Когда я, собравшись с духом, спросила, какие новости из Англии, он протянул мне несколько номеров «Дейли геральд».

В четыре часа я оставила его кабинет, после шести часов работы без отдыха.

Обед я пропустила, а ужина нужно было ждать до девяти часов. Михаил Бородин пришел ко мне, и мы пили чай. Он спросил, как идут у меня дела, и посоветовал пораньше лечь в постель, чтобы завтра быть полной сил...

На следующий день Ленин принял меня так же дружелюбно, как и в первый раз... Но по-прежнему часы проходили в молчании. И вдруг он оторвался от лежащей перед ним книги и взглянул на меня так, как будто ви-

дел в первый раз. Он посмотрел на свой скульптурный портрет, над которым я работала, и снисходительно улыбнулся мне. Так улыбаются ребенку, строящему карточный домик. Затем Ленин спросил:

— Как относится муж к вашей поездке в Россию?..

— Мой муж убит на войне,— ответила я.

— На какой войне?

— Во Франции.

— Ах да, конечно,— он понимающе кивнул.— Я все забываю, что у вас была только одна война. У нас ведь, кроме империалистической, была и гражданская война, и еще мы воевали, защищая страну от интервентов.

Ленин заговорил о бесплодном духе самопожертвования, которым были одержимы англичане, вступая в войну 1914 года, и посоветовал прочесть «Огонь» или «Ясность» Барбюса. Затем, изменив тему разговора, он спросил меня, систематически ли я работаю в Лондоне и по сколько часов в день.

— В среднем по семь часов.

Мой ответ, кажется, удовлетворил его...

Нашу беседу прервал приход президента Калинина, и Ленин повернулся к нему. Впервые за все это время его лицо оказалось обращенным к окну. Я увидела его в совершенно ином освещении. Ленин продолжал разговаривать с Калининым, и это было мне очень на руку. Его лицо в состоянии покоя — совсем не то, что я хотела запечатлеть. А разговаривая оживленно с Калининым, он высоко поднимал и хмурил брови. Казалось, что Ленин погрузился в глубокие размышления, выражение его лица было одновременно суровым и полным юмора. Он устремил на Калинина пронизательный взор, словно читал его мысли и знал наперед все, что Калинин может сказать ему, и даже больше.

Калинин — крестьянин, избранный крестьянами. У него доброе простое лицо сына земли. Крестьяне любят его. Доступ к нему совершенно свободен. Люди приходят сюда толпами со своими просьбами и жалобами, и он занимает

ся делами каждого, не зная устали. В любом слове и жесте Калинина ощущаешь любовь и уважение к Ленину.

Когда они кончили разговаривать, Калинин взглянул на бюст и сказал: «Хорошо». Потом спросил у Ленина, что думает он. Ленин засмеялся, сказал, что в этом ничего не понимает и потому судить не может, но убедился в том, что я работаю быстро.

Когда мы снова остались одни, я набралась храбрости и попросила его сесть на вращающийся стул. Он согласился, хотя, вероятно, это показалось ему забавным, и сказал, что никогда еще не сидел так высоко...

Я увидела, что Ленин стал со мной приветливее, и показала ему несколько фотографий своих работ. Хотя он и говорил, что ничего не смыслит в искусстве, однако весьма определенно охарактеризовал «буржуазное искусство», которое, как он сказал, всегда стремится к красоте. Он относится отрицательно к красоте как к абстрактному идеалу. Он заявил, что считает неоправданной красоту, которой я наделила свою Победу.

— Милитаризм и война безобразны и могут вызвать только ненависть,— сказал он,— и даже самопожертвование и героизм не могут придать им красоты. Порок буржуазного искусства в том, что оно всегда приукрашивает.

Затем Ленин взглянул на фотографию скульптуры «Головка Дика», и выражение нежности промелькнуло на его лице.

Я спросила:

— Это тоже очень приукрашено?

Он покачал головой и улыбнулся. Затем торопливо вернулся к своему огромному письменному столу, как человек, потерявший слишком много времени, уселся в кресло, и мгновенно я и моя работа перестали для него существовать.

Ленинская способность сосредоточиваться впечатляла, пожалуй, больше всего. Такое же сильное впечатление производил и его огромный лоб...

Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем власт-

ность. Мне он представлялся живым воплощением мыслителя (но не роденовского)...

Он выглядел очень больным... Пуля, пущенная рукой женщины, покушавшейся на жизнь Ленина, все еще оставалась в его теле.

Один раз я увидела его с рукой на перевязи. Он сказал, что это «ничего», но был желт, как слоновая кость. Он совершенно не гулял и довольствовался лишь тем небольшим количеством свежего воздуха, которое проникало в его кабинет через маленький вентилятор в верхней части окна. Изредка, кажется, Ленин все-таки уезжал на один день за город. Несколько раз проносился слух, что Ленин на охоте. Но это, очевидно, случалось весьма редко, поскольку об этом говорили как о чем-то особенном.

Когда бюст был готов настолько, насколько он мог считаться готовым в этих сложных условиях, Ленин тепло пожал мне руку, сказав, что я хорошо выполнила свою работу и что она должна понравиться его друзьям. Затем, по моей просьбе, он подписал фотографию...

* * *

Утром 6 ноября мне сказали, что поезд уходит сегодня... В тот морозный вечер ярко светила луна, сверкали звезды... Я окинула взором мой любимый Кремль. Он казался еще более красивым и величественным, чем когда-либо... Часы на Спасской башне печально пробили без четверти семь... Мне было очень грустно расставаться... Россия глубоко проникла в мою душу. Я возвращалась в мир, которому мне еще долго суждено было оставаться чужой...

По прибытии в Стокгольм я была удивлена и смущена, неожиданно подвергшись осаде газетных репортеров. Какие-то незнакомые люди увезли меня на машине в киностудию и засняли на пленку. Позже я увидела себя на экране.

Я никак не могла понять, чем все это вызвано, пыталась отгадать, ждет ли меня такой же прием в Англии...

В полночь, как только корабль прибыл в Ньюкасл, репортеры принялись с боем брать у меня интервью. Они приехали из Лондона и ждали меня здесь два дня. Они особенно торопились, так как должны были вовремя передать свои сообщения в Лондон для утренних газет...

Между тем таможенный чиновник был по отношению ко мне крайне резок, обращался со мной так, будто я была нежелательной иностранкой. Он настоял на том, чтобы я открыла большие, похожие на гробы ящики, хотя я и уверяла его, что там нет ничего, кроме скульптур. Он по локоть запустил руку в солому и стружки...

— У меня нет ни духов, ни табака — в России мы не имеем таких вещей.

— Не это мы ищем, — ответил он свирепо.

Мне тогда не могло прийти в голову, что они искали пропагандистские брошюры, я поняла это лишь позднее...

Пока я разрывалась между таможенниками и репортерами, так как и те и другие требовали моего внимания, приближался час отхода поезда. Наконец ящики были вновь заколочены, и один из репортеров предложил довести меня до вокзала. Другой, с «кодаком» в руках, встретил меня там вспышкой магния.

— Неужели я в самом деле совершила что-то заслуживающее такого интереса? — спросила я у корреспондента «Дейли мейл».

— Еще бы! — ответил он, улыбаясь...

Трудно описать, как по-разному встретили меня в Лондоне: похвалы, упреки, поздравления, брань, панегирики и критика... Я узнала, в какое бешенство пришла моя семья после моего отъезда... Уинстон¹ заявил, что никогда больше не будет разговаривать со мной...

На следующий день мой дневник занял целую колон-

¹ Черчилль.

ку в «Таймс». С афиш на углах улиц глядели пурпурные буквы — «Дневник миссис Шеридан»...

Моя частная жизнь стала адом. Выражение молчаливого страдания и негодования, появлявшееся на лице моего отца, как только он видел меня, приводило всех окружающих в уныние. Мои тетки ругали и осыпали меня упреками при каждом удобном случае и без конца досаждали мне замечаниями о моих «кровавых друзьях-большевиках». Мне постоянно приходилось выступать в защиту людей, так гостеприимно делившихся со мной тем немногим, что они имели. Лишь истощив все свое негодование и гнев, я научилась сохранять спокойствие и оставаться глухой к невежественной болтовне, которую мне приходилось слышать со всех сторон. К концу недели Лондон сделал меня «большевичкой» в гораздо большей степени, чем даже Москва.

Этот период был поворотным в моей жизни. Так называемые «друзья» пропали один за другим — точно так же, как опадают листья при первых морозах. Верными остались лишь несколько старых друзей, и их дружба стала вдвойне дороже...

Но у меня появилось много новых друзей. Однажды, когда я была в студии одна, раздался стук. Я открыла входную дверь. На пороге стоял высокий мужчина, одетый в поношенный костюм, в матерчатой кепке, надвинутой на глаза... Он говорил с каким-то неопределенным — не то ирландским, не то шотландским — акцентом. Он сказал, что у нас есть общие знакомые в Москве... Это был Уильям Галлахер, английский коммунист, скрывавшийся от полиции...

Телеграфно мне предложили турне по Соединенным Штатам... Я никогда в своей жизни не выступала публично, но... Но если нужно, надо суметь...

Чтобы попробовать силы, я приняла сперва предложение выступить в Браунинг-клубе, где-то в Ист-энде, перед рабочей аудиторией... Председатель представил меня и сделал маленькое вступление. Затем он сел, разда-

лись аплодисменты, и наступила тишина. Я вынуждена была встать... Дыхание у меня прервалось. Сердце забилось.

Но эти люди были ко мне добры. Они слушали внимательно, не кашляли, не вертелись. Иногда они смеялись. Это придавало мне уверенности. Я даже заметила раз слезы на глазах у некоторых из моих слушателей. Тогда я перестала прислушиваться к звуку собственного голоса. Я была целиком увлечена тем, о чем рассказывала. Время шло очень быстро. Сорок минут пролетели совершенно незаметно. Когда я кончила, они не только аплодировали, но поднялись на трибуну, крепко жали мне руки, и, прежде чем я успела опомниться, весь зал окружил меня...

Оставалось всего лишь две недели до того срока, когда скульптуры советских руководителей надо было отправить отлитыми в Москву. Бюст Ленина я по собственной инициативе высекла из мрамора...¹

¹ Этот бюст находится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

К. В. МЕШАЛКИН

Кузьма Васильевич Мешалкин (1892—1939) — крестьянин, принимавший участие в празднике открытия электростанции в деревне Кашино, куда приезжал В. И. Ленин 14 ноября 1920 года. Впоследствии член сельскохозяйственной артели «Путь Ильича», Волоколамского района, Московской области.

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

День, когда в нашу деревню Кашино приезжал Владимир Ильич Ленин с Надеждой Константиновной Крупской, остался в моей памяти на всю жизнь.

Было это в году тысяча девятьсот двадцатом, 14 ноября. С утра шел мягкий снежок. Волоколамское шоссе, пересекавшее нашу улицу, было ухабистое и немногим отличалось от проселочной дороги. Неподалеку от этого шоссе мы наскоро построили трибуну. Здесь же врыли столб и повесили электрический фонарь.

Владимир Ильич приезжал к нам на торжество в честь открытия электростанции, которую мы построили своими силами. Признаться, когда на миру порешили послать ему приглашение в Москву, в Кремль, многие качали головами.

— Ничего из этого не выйдет, занят, небось, — говорили одни.

— Время-то какое: война, разруха, голод...

— Близко ли до нас — добрых полторы сотни верст, — говорили другие.

Выбрали мы самый лучший на селе дом — Марьи Никитичны Кашкиной. Все желали к себе пригласить, да у Марьи Никитичны дом на две половины, много окон и снаружи обшит тесом, а по карнизу узорчатая резьба.

Жили в то время впроголодь, а угостить Владимира Ильича хотелось. Поваром был выбран обществом Павел Егорович Егоров. Меня приставили к нему в помощники.

— Козьма, принимай! — покрикивает мне Павел Егорович.

Наши женщины ташат — кто курочку, кто блюдо огурцов, кто капусты, масла, яиц. Хозяйка дома Марья Никитична да еще Василиса Малафеева варили брагу.

Итак, пополудни, часов в двенадцать, не терпится — каждому хочется первым увидеть желанного гостя. Народ в соседних деревнях узнал, что мы ждем приезда Ильича, и все к нам повалили. Первыми же встретили его наши ребяташки. Они ушли по шоссе далеко за деревню и там ждали.

За машиной В. И. Ленина шла еще машина — наша, волоколамская, в которой находились уездные руководители. Из домов все бросились к машине.

— Здравствуйте, граждане, — сказал Владимир Ильич.

Взяли мы его и Надежду Константиновну под руки и повели в дом, где были накрыты белеными холстами столы.

Струнный оркестр заиграл «Интернационал» — об этом мы позаботились с утра. Музыкантов-любителей привезли из Волоколамска. У вешалки тоже было приставили своего человека. Но наша предусмотрительность оказалась ненужной. Когда к Владимиру Ильичу подошел наш парень, он вежливенько отстранил его и снял пальто сам. Повесил в углу на крючок и сам же стал

снимать короткое плюшевое пальто с Надежды Константиновны.

Все мы любовались им. У него были удивительно живые глаза. Он потирал ладонями крутой лоб и виски. Нас радовало его здоровье, что он был плотный, крепкий, улыбающийся.

Поднесли ему и Надежде Константиновне по кружке браги.

— Не хмельно ли? — спросил он.

Тут Василиса Малафеева и Марья Кашкина сказали, что в брагу они хмеля не клали. Он выпил и вытер светлые усы. Выпила и Надежда Константиновна.

Поставили мы перед ними студня и хлеба, нарезанного ломтями.

— Велик кусочек-то, — сказал он и стал студень резать ножом.

Разговаривал он с нами попросту, словно крестьянский сын. Первоначальное наше стеснение быстро прошло.

За обедом самые активные строители нашей электростанции рассказали, как, не имея керосина для освещения, мы придумали провести электричество. Провода перебросили через избы и плетни. Ильич радовался вместе с нами. После стали задавать всякие вопросы о событиях на фронтах, о ситце, о спичках, о хлебе. Один из наших селян встал и сказал:

— Незнание для нас, мужиков, хуже всего...

— А именно? — спросил Владимир Ильич.

— О разверстке я говорю. Пашет крестьянин землю и не знает, что с него возьмут по осени. Много запашет — с него много и возьмут. А мало пахать — невыгодно для страны.

Владимир Ильич пожелал на эти вопросы ответить всем, чтобы слышали его и те крестьяне, которые не вместились в доме, стояли в шубах и шапках в сенях, на крыльце и заглядывали в окна.

Подошел фотограф и сказал, что ему наказано снять

гостей, к тому же на улице скоро будет темнеть. Владимир Ильич пожелал сфотографироваться с нами, и все высыпали на улицу.

На трибуне, сняв шапку и распахнув пальто, он говорил сильно и ярко. За столом он, отвечая на вопросы, улыбался, потирал рукой подбородок. Здесь же, рассекая воздух рукой, он был суров. Свою речь построил как бы в виде ответа на заданные нами вопросы.

Говорил, что война скоро окончится и положение улучшится. Настанет время, когда власть Советская окрепнет, хозяйство наладится, пойдут фабрики и заводы. Будет мануфактура, хлеб и кое-что такое, чтобы мужики обрабатывали поля машинами, чтобы урожаи были высокие (конечно, он имел в виду тракторы). Говорил, что все, что государство берет у крестьян, в мирное время возвратится сторицей.

— Говорит густо,— сказал тут один из наших.

Велел держать крепкую связь с рабочим классом и шагать с ним в ногу.

Слушали мы его, а в душе у каждого будто солнце светило. Потом он от нас уехал в село Ярополец.

П. И. МЕШКОВ

Петр Илларионович Мешков (р. 1899) — член КПСС с 1917 года. В 1920—1921 годах работал инструктором и начальником райполитотдела в Донбассе (г. Шахты), принимал участие во II Всероссийском съезде горнорабочих. В последующие годы на хозяйственной и партийной работе.

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

(Воспоминания старого шахтера)

Конец декабря 1920 года. Стояла суровая снежная зима. Мы, группа донецких шахтеров, собирались в Москву на II Всероссийский съезд горнорабочих. Ехали в вагоне-теплушке; времена тогда были тяжелые: в наследство от войны молодая Советская Республика получила жесточайшую разруху. Дорога продолжалась долго: выехали мы из Донбасса в декабре 1920 года, а в Москву приехали только в середине января 1921 года. Долгий путь прошел в оживленных разговорах и спорах о роли и задачах профсоюзов в связи с переходом нашей страны к мирной работе, к восстановлению народного хозяйства. Наша делегация приехала на съезд с твердым мнением поддерживать платформу большинства ЦК РКП(б), подписанную Лениным и другими членами ЦК.

В Москве нас разместили в общежитии на Садово-Кудринской, где дни до открытия съезда также прошли в горячих спорах...

Когда 22 января 1921 года собралась коммунистическая фракция съезда, нам объявили, что завтра на заседании фракции выступит Владимир Ильич Ленин. Это заявление было встречено с восторгом. Делегаты долго и горячо аплодировали. На другой день, 23 января, с самого утра заседание началось в одном из залов Дома Союзов.

В тот же день на вечернем заседании коммунистической фракции появился Владимир Ильич. Его встретили бурной овацией. Каждый хотел выразить свою большую любовь к Ильичу. Владимир Ильич быстро прошел через зал между приветствовавшими его горняками. Подошел к трибуне, снял пальто, поздоровался за руку с членами бюро фракции и сел за стол. Когда все утихло, Владимиру Ильичу предоставили слово. Но долго ему не давали возможности начать доклад: все аплодировали. Владимир Ильич поднял руку — не помогло. Тогда он вынул из кармана жилета часы и, указывая на них, как бы говорил: время отнимаете и у себя и у меня. Только после этого наступила тишина, и Ленин начал доклад. Каждый из нас старался не пропустить ни одного слова, все были захвачены его докладом.

Владимир Ильич сказал тогда, что наши профсоюзы являются школой управления, школой хозяйствования, школой коммунизма. Построив свою работу на методах убеждения, профсоюзы сумеют поднять всех рабочих на борьбу с хозяйственной разрухой, на строительство социализма.

Прения по докладу В. И. Ленина продолжались два дня. За это время он беседовал со многими делегатами, расспрашивал об условиях работы, о жизни рабочих и их семей, о добыче угля, нефти, золота и других ископаемых.

Во время одного из перерывов подошел к Ильичу и я. Он сидел за столом, делал записи в блокноте.

— Владимир Ильич! Я к вам...

Ильич поднял голову, отложил блокнот, пожал мне руку и усадил возле себя. Спросил, из какого района. Я сказал, что из Донбасса, из Александров-Грушевска, фамилия моя Мешков.

— Так это вы прислали мне письмо, что на субботах и воскресниках добыли 30 тысяч пудов угля и посылаете на имя Ленина для московского пролетариата? — задал мне вопрос Владимир Ильич.

Я ответил утвердительно. Ильич стал расспрашивать о добыче угля, о положении рабочих, сказал, что по письму рабочих нашего рудника даны указания Главному и другим учреждениям об улучшении снабжения Донбасса продовольствием, техническими материалами, спецодеждой и обувью.

В заключение беседы Владимир Ильич вырвал из блокнота листок и дал мне. Там были записаны телефоны секретарей В. И. Ленина.

— Позвоните после окончания съезда, — сказал Ильич.

Второй раз с В. И. Лениным я встретился после окончания съезда. Председатель ЦК союза горнорабочих тов. Артем (Ф. А. Сергеев) по нашей просьбе позвонил В. И. Ленину и передал ему, что делегаты-горняки очень хотели бы с ним сфотографироваться. Владимир Ильич пригласил всех делегатов зайти к нему в Кремль.

На другой день утром мы во главе с Артемом направились в Кремль.

Поздоровавшись с горняками, Владимир Ильич предложил расположиться для съемки. Когда мы размещались на скамейках и на ступеньках подъезда, фотограф сказал, что в одной группе заснять всех невозможно; поэтому нам пришлось разделиться на две очереди.

В это время Владимир Ильич заметил меня и, обращаясь к Артему, сказал:

— Это мой старый знакомый. Мы уже давно с ним ведем переписку о перевозке угля для московских рабочих.

— Петя Мешков,— ответил ему Артем,— у нас самый молодой член президиума съезда. Съезд оказал ему большое доверие и избрал кандидатом в новый состав ЦК союза.

Владимир Ильич, улыбнувшись, взял меня за руку, посадил рядом с собой и сказал:

— Когда приедете в Донбасс, передайте рабочим и работницам большое спасибо за уголь и скажите им, что Ленин обещал скоро уголь вывезти.

После того как сфотографировали первую группу, я поднялся и хотел отойти в сторону. Но Владимир Ильич взял меня за руку, сказав:

— Куда же? А еще член президиума! Делегаты обидятся, что с одной группой снялся, а с другой не хотите...

С этими словами Ильич снова посадил меня рядом, только с другой стороны.

Возвратившись в Донбасс, я подробно рассказал рабочим и работницам о работе съезда, о встречах с В. И. Лениным и о его отцовской заботе о горняках и их семьях, о восстановлении горной промышленности. Передал привет и большое спасибо Ильича за подарок для московского пролетариата. А через несколько дней я получил следующее письмо из Совнаркома РСФСР:

«Донбасс, Александров-Грушевский район. Рудник III Интернационала и мелкие рудники 3-го куста тов. П. Мешкову.

Тов. Ленин просит Вас передать сердечную благодарность работницам, рабочим и служащим рудника III Интернационала и мелких рудников 3-го куста Александров-Грушевского района Донбасса за их приветствия и пожелания и с большим удовлетворением принимает подарок в 30 000 пудов антрацита для передачи московскому пролетариату. Распоряжение Главтопу о перевозке этого угля в Москву уже отдано.

Страна наша переживает сейчас неслыханно острый топливный кризис, от благополучного разрешения кото-

рого зависит и продовольственный вопрос, и транспорт, и хозяйственное наше строительство.

Красная Москва крепко надеется, что донецкие рабочие и Всероссийская кочегарка помогут Советской власти выйти из этого кризиса».

Вскоре положение с хлебом в Москве еще больше обострилось. Хлеб был на Северном Кавказе. Но оттуда его было трудно вывезти: не хватало топлива для паровозов. И вот в мае 1921 года мы получили из Совнаркома телеграмму:

«Товарищ Ленин просит заготовленные в порядке субботников 30 вагонов угля, которые согласно наряда... должны были быть доставлены в Москву, передать Юго-Восточным железным дорогам, являющимся продовольственной артерией, снабжающей голодающих рабочих столиц».

Таким образом, добытый на субботниках антрацит по просьбе В. И. Ленина был передан Юго-Восточным железным дорогам. Получив этот уголь, железнодорожники перевезли для трудящихся столиц не одну тысячу пудов хлеба с Северного Кавказа.

А. А. ТАХО-ГОДИ

Алибек Алибекович Тахо-Годи (1892—1945) — член КПСС с 1920 года. После Февральской революции, будучи членом социалистической группы в Дагестане, принимал активное участие в борьбе против дагестанской контрреволюции. В 1918 году был членом Военно-революционного комитета Дагестанской области, секретарем горской фракции Терского народного Совета, в 1919—1920 годах — представителем Совета Обороны в Баку. В 1921 году — народный комиссар продовольствия, с 1922 года — народный комиссар просвещения Дагестанской области, с 1929 года был на руководящей работе в Москве.

О НАШЕМ СВИДАНИИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Дату нашего свидания с Владимиром Ильичем Лениным я не смог бы сейчас припомнить, так как не записал ее, но она имеется в Записках Института Ленина (том III за 1928 г., стр. 124), где отмечено, что 12 февраля 1921 года от 12 до 12³/₄ часа дня у Ленина был прием дагестанской делегации по вопросу о положении в Дагестане.

Понятно, что нам, как делегатам Дагестана, впервые за годы революции, после продолжительной гражданской войны, попавшим в Москву, очень хотелось видеть Ильича, чтобы рассказать ему о Дагестане, о гражданской войне в горах, о героической борьбе трудящихся Дагеста-

на с контрреволюцией, голодом и со всяческими трудностями.

Мы ведь только освободились тогда, в начале 1920 года, от многочисленных врагов. Начиная с 1917 года в Дагестане хозяйничали: белое горское правительство, английский наймит Бичерахов (1918), затем турки, добровольческая армия генерала Деникина. От последних белых отрядов Дагестан был освобожден к апрелю 1920 года, когда деникинцы не выдержали мощного напора Красной Армии, идущей с севера, и натиска отрядов красных партизан Дагестана и были сброшены в Каспийское море. Весь пафос героики и радость победы, которой мы были полны, нам хотелось передать Ильичу.

Нас было трое: Д. Кормасов, М. Хизроев и я...

...По дороге к кабинету Ильича мы встретили на лестничных переходах нескольких часовых. Путь через эти коридоры показался нам долгим. По приходе в секретариат нас тотчас же ввели в кабинет Ильича. Первое, что бросилось в глаза при входе в кабинет,— это приветливый и живой Ильич и книги, расставленные в шкафах. Особенное же в Ильиче это то, что он совсем не был похож на свои известные портреты... Перед нами был обыкновенный человек среднего роста, подвижной, с рыжеватыми подстриженными бородкой и усами, ласково нас встретивший. Обменявшись с нами приветствиями, Владимир Ильич усадил нас, затем сел к столу сам, и мы начали беседу.

Решили, что сначала мы ознакомим его с Дагестаном и его нуждами, расскажем о борьбе с белогвардейщиной. Слушал Ильич удивительно. Он как бы впитывал все, что говорили ему, но слушал не молча. Он очень живо реагировал, как бы помогая собеседнику разворачивать клубок рассказа, и ободрял его. Он вставлял иногда вопросы, делал замечания и т. д.

Ленин был тронут нашим рассказом о тяжелом положении горского крестьянства и, в частности, горской женщины, которая даже за водою была вынуждена хо-

дить потихоньку, чтобы скрыть свою наготу из-за голода на мануфактуру. В связи с этим Ильич тогда же сделал указание об отпуске нам специально мануфактуры, и я, через два с половиной месяца после свидания с ним, имел возможность выехать из Москвы в Дагестан с целым маршрутным поездом мануфактуры — полтора миллиона аршин — подарок красному Дагестану...

Помню и такой вопрос: «А все так же ненавидят дагестанцы русских?» — как бы желая проверить, в какой степени сила ненависти к колонизаторам-великодержавникам перешла по инерции и на всех русских. Узнав же от нас, что дагестанская беднота и красные партизаны страстно и с нетерпением ожидали прихода Красной Армии, он очень обрадовался. Интересовался состоянием медицинской помощи в горах. Спрашивал наше мнение относительно автономных республик: Горской и Дагестанской, — о целесообразности организации единой республики или отдельных. Узнав, что мы за создание отдельных республик, он сказал, что и он считает, что пока что лучше организация отдельных республик, а там видно будет.

Увлеченные беседой, а дальше и прощанием, мы чуть было не забыли передать несколько мелких подарков, привезенных нами из Дагестана для Ильича, — изделия наших кустарей: чернильный прибор, подсвечники, нож для разрезывания книг, ручку, пресс-папье, кажется, был еще кустарный портсигар и еще кое-какие мелочи. Когда мы разложили все это на его письменном столе, он любовался ими, восторгался искусством мастеров, сказал нам, чтобы мы помогли кустарям сохранить их мастерство, но не хотел принять наших подарков. «Что ж я один буду ими любоваться, — говорил он, — пусть любят все, надо их отослать в музей». Мы все-таки уговорили Ленина оставить их у себя, обещав снабдить экспонатами и музей...

На наше приглашение приехать в Дагестан Ильич дал обещание сделать это, как только позволят ему дела. На прощание он очень просил нас писать ему хотя бы

по несколько строк в месяц, информируя его о положении дел в Дагестане. Эту свою просьбу он повторил, когда мы уже уходили. К сожалению, мы не выполнили его просьбу и ничего не писали из боязни отнять у него драгоценное время, упустив из вида, что с помощью такого рода непосредственного общения с людьми с мест и черпал Ильич множество мельчайших фактов, из которых он так мастерски умел делать свои обобщения. Мы в свою очередь просили Ильича в память нашего свидания подарить для Дагестана свой портрет с автографом. Он обещал, и я через несколько дней, доставив ему большой портрет во весь рост (Ильич в кепи, на кремлевском дворе), получил его через тов. Фотиеву обратно с собственноручной подписью Ильича: «Для Красного Дагестана»¹.

¹ Далее следует дата: «22.III.1921» и подпись: «В. Ульянов (Ленин)».

О. И. ЧЕРНОВ

Осип Иванович Чернов — сибирский крестьянин. За принадлежность к партии эсеров был приговорен к каторге. По возвращении из Сибири — инструктор сельскохозяйственной кооперации в Нижегородской губернии. Член крестьянской коллегии газеты «Беднота». В 1924 году принимал участие в I съезде крестьянских корреспондентов «Бедноты» и выступал на нем с докладом.

КАК Я, БЕСПАРТИЙНЫЙ КРЕСТЬЯНИН ИЗ СИБИРИ, БЫЛ У ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Я добрался до него из Сибири. Добраться из Сибири простому крестьянину — не простая штука. Два месяца прошло, как я тронулся из дома, и два месяца я все искал пути добраться до Ленина.

Немало было курьезов в моем пути до Ленина. Но вот в феврале 1921 года, утром, я узнал, что меня примет Владимир Ильич в 1 час дня. За час иду в Совнарком: надо позвонить по телефону секретарше тов. Гляссер. Я звонить не умею, прошу дежурную барышню говорить за меня: все смеются, но любезно говорит за меня дежурная девица. И передает мне: быть обязательно полчаса первого; но я знаю, что мне еще надо

добиться пропусков, смущен и взволнован. Вот пропуск в Кремль, а потом в здание, а там еще и еще, летаю везде как помешанный в большой длинной шубе, но мои документы везде заставляют обращать на себя внимание, и я, наконец, на третьем этаже.

Встречает меня секретарь и спрашивает:

— Не вы ли Чернов?

— Да, я.

— Садитесь.

Наконец я немного успокоился, пришел в себя, собрался с мыслями. Сидел около 15 минут, которые мне очень помогли.

Наконец выходит еще секретарь, велит следовать за ней, и я очутился, очевидно, совсем недалеко от Ленина. Но вот наконец кто-то выходит от Владимира Ильича; предлагается заходить мне. Тут я был совсем спокоен и, как сейчас, помню: Владимир Ильич встал и шел ко мне навстречу, как к посетителю высокой важности. Приветливо поздоровался, спросил:

— Что из Сибири привезли новенького?

Я ему говорю:

— Изложил свои мысли на бумаге, и позвольте зачитать.

— Давайте читайте, садитесь.

И мы с ним уселись — не напротив, я на конце стола: вполоборота он на меня глядел.

Когда я начал читать, то невольно как-то я наблюдал за ним, взглядывая на его лицо. Сперва оно как бы выдавало скуку, усталость — надоели, мол, вы мне с докладами, — но по мере чтения его лицо стало весьма заметно меняться, левый глаз стал часто прищуриваться, и несколько порывисто он оборачивался на меня, поглядит, прищурит глаз и опять, и к концу чтения я видел, что в этой голове решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недрожащей рукой.

Мой доклад был о замене разверстки налогом у нас, в Сибири.

Когда кончил читать, то он мне задает вопрос:

— Кто вы такой?

Я рассказываю, что из ссыльных каторжан, на каторгу попал за принадлежность к партии эсеров, но теперь себя считаю беспартийным, имею свое хозяйство в Сибири.

— Как вы понимаете прогрессивное обложение?

Я рассказываю. Немного как будто задумывается, молчит, потом, оборотясь ко мне:

— Согласны ли вы напечатать ваше письмо в «Правде»?

Я говорю:

— Согласен.

Еще спросил, где меня можно найти, чтобы вызвать, я сказал, что через Серебрякова.

— Напишите на своей докладной добавления, как вы понимаете прогрессивное обложение и кто вы такой.

И мы встали, он меня проводил в канцелярию и поставил дать мне перо, чернила. Я сказал, что пером писать не умею, тогда он, смеясь, велел мне дать химический карандаш, и мы расстались.

Чем велик Ленин?

А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персона необыкновенную, а *через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах.*

Перед тем как к нему попасть, я со многими говорил, и мне многие говорили вот что: «Хоть и прав ты, а по-твоему все-таки не будет», и потом до меня у Владимира Ильича были с такими доводами, кроме меня, как, например, В. М. Соколов из Сибири (мы с ним оказались удивительно единомышленниками).

Все как бы говорило за то, что повернуться колесу не время.

Но Владимир Ильич не похож был на многих, его

не сковывала теория; он хватал жизнь, события, революцию, направлял ее. Он творил волю массы, как старший, он есть душа массы, богатая всеми изгибами.

Вот почему так велика утрата народов в лице Владимира Ильича¹, вот почему не перестает болеть душа об этой утрате не только партийных, но и нас — беспартийных.

Но его умелый опыт не прошел для нас даром.

Проведем в жизнь заветы коллективного труда, без порабощения человека человеком.

¹ Воспоминания написаны в 1924 году.

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ

Георгий Димитров (1882—1949) — выдающийся деятель болгарского и международного рабочего и коммунистического движения. С 1902 года — член Болгарской рабочей партии, а с 1909 — член ЦК партии «тесняков» («тесных социалистов») — первой марксистской партии Болгарии.

Делегат III конгресса Коминтерна. Один из руководителей антифашистского восстания в Болгарии в 1923 году, после поражения которого эмигрировал и активно работал в Исполкоме Коминтерна.

В 1933 году был арестован в Берлине и обвинен фашистским правительством в поджоге рейхстага. На судебном процессе в Лейпциге Г. Димитров с исключительной смелостью и неотразимостью доказательств вскрыл провокационный характер сфабрикованного фашистами поджога и обвинения в нем коммунистов. Под давлением мирового общественного мнения и благодаря помощи Советского Союза был освобожден и в феврале 1934 года прибыл в Москву.

В 1935—1943 годах — генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, один из организаторов национально-освободительного движения против фашистских захватчиков, инициатор создания в Болгарии Отечественного фронта (1942) и руководитель его. С ноября 1946 года Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии, с декабря 1948 года — Генеральный секретарь БКП.

Первый раз на приеме у В. И. Ленина Г. Димитров был 9 апреля 1921 года, до этого, 5 марта, он послал В. И. Ленину болгаро-французский и французско-болгарский словарь с дарственной надписью: «Нашему любимому

учителю и незаменимому вождю всемирной пролетарской революции т. Ленину от ЦК Болгарской Коммунистической партии. За ЦК Г. Димитров. Москва. 5.III.1921».

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась в конце февраля 1921 года в Москве, куда я приехал по решению Центрального Комитета партии. Меня поместили в общежитии Коминтерна (бывшая гостиница «Люкс»), где обычно останавливались приезжавшие в Москву представители коммунистических партий. Уже на другой день после моего приезда секретарь Ленина позвонила мне по телефону и сказала, что Владимир Ильич хочет сегодня вечером видеть меня в своем кабинете в Кремле. В то время Ленин обычно приглашал к себе многих представителей разных коммунистических партий, чтобы познакомиться с ними лично и получить непосредственную информацию об их партиях и странах.

Вместе с одним русским товарищем точно в назначенное время я был уже в приемной Владимира Ильича, охваченный, понятно, чрезвычайным волнением и невыразимой радостью.

Не прошло и несколько минут, как Ленин открыл дверь кабинета и пригласил меня войти, радушно поздоровался со мной и, как обычно он умел это делать, смерил меня с головы до пят своим острым проницательным взглядом. Когда я передал ему горячие поздравления от нашей партии и от трудящихся нашей страны, Ленин со своей обычной доброй улыбкой пожал мне руку и сказал: «Знаю, ваш народ хороший, храбрый народ». Завязалась беседа, очень важная для нашей партии, которая

продолжалась больше часа. Только сейчас я в состоянии восстановить основную часть этой беседы не по памяти, которая, как известно, не всегда надежный источник, а на основании моих тогдашних кратких заметок, которые в последнее время нашлись в части моего личного архива, считавшейся бесследно исчезнувшей.

Владимир Ильич забросал меня многочисленными вопросами о политическом положении у нас, о роли монархии и буржуазных партий, об иностранном влиянии в нашей стране, о количестве и роли иностранного капитала, о взаимоотношениях Болгарии с соседними балканскими государствами, о врангелевской армии, находившейся на болгарской территории, и др. Особенно большой интерес проявил он к нашей партии, к Земледельческому союзу, к настроениям среди рабочего класса и крестьянских масс и отношению к Советской социалистической республике.

Я постарался, насколько мог, ответить на все поставленные вопросы, а по некоторым более трудным вопросам я обещал, что наша партия даст необходимые дополнительные сведения. Ленин все время слушал внимательно и иногда делал кое-какие заметки...

В заключение В. И. Ленин сказал приблизительно следующее:

...Сосредоточьте свое главное внимание на укреплении коммунистической партии как авангарда рабочего класса и займитесь серьезнейшим образом организацией самого рабочего класса, тем более что он еще сравнительно слаб в количественном и качественном отношении (у вас почти нет еще потомственных рабочих). Одновременно создавайте союз рабочих и крестьян (прежде всего с крестьянской беднотой и середняками). Расширяйте влияние коммунистических идей в армии (главным образом среди солдатских масс).

Особенно важна подготовка опытных и преданных коммунистических кадров. Подготовка опытных, преданных и авторитетных руководителей партии — долгое и трудное дело. У нас подготовка звена партийных руководителей

продолжалась 15 лет (1903—1917). Целых 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет жестоких преследований со стороны царизма, целых 15 лет, на которые приходится годы могучей революции 1905 года. И вопреки всему этому, у нас были печальные случаи, когда даже очень хорошие товарищи «теряли головы». Если вы, и вообще западноевропейские товарищи, воображаете, что застрахованы от подобных случаев, то это такое детство, с которым нужно вести беспощадную борьбу. Да. Подготовка партийных руководителей и кадров — дело очень трудное. И успех в этом деле возможен только в результате постоянной работы, борьбы и правильного коммунистического подбора кадров со стороны наших партий. Это сейчас самое важное и, я бы сказал, решающее и для вашей коммунистической партии. Итак, остерегайтесь увлечений, действуйте трезво, неутомимо готовьтесь для обеспечения победы революции и в вашей стране.

Я поблагодарил его самым сердечным образом за эти ценные мудрые советы. Владимир Ильич проводил меня до приемной, пожал мою руку двумя руками и сказал на прощание: «Желаю вашей партии и вам лично самых лучших успехов. Мы не сомневаемся, что ваша партия и болгарский народ являются верными друзьями нашей Советской социалистической республики. Мы переживаем сейчас очень большие трудности и в связи с этим обсуждаем сейчас вопрос о введении продовольственного налога, но мы глубоко убеждены, что наша партия и Советская власть успешно справятся со всеми этими трудностями».

ПОЛЬ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

Поль Вайян-Кутюрье (1892—1937) — видный деятель французского рабочего и коммунистического движения, писатель, поэт и публицист. В годы первой мировой войны примкнул к левому интернационалистскому крылу Социалистической партии Франции. Восторженно приветствовал Октябрьскую революцию, активно выступал против интервенции в Советскую Россию. Один из основателей Французской коммунистической партии (1920). С 1921 года бессменный член ее ЦК, а затем — член Политбюро ЦК ФКП. Делегат III конгресса Коминтерна. В 1926—1935 годах — один из редакторов, а в 1935—1937 годах — главный редактор центрального органа Французской коммунистической партии газеты «L'Humanité». В своих лучших произведениях выступал как представитель социалистического реализма во французской литературе. П. Вайян-Кутюрье входил вместе с Анри Барбюсом, Анатолем Франсом, Роменом Ролланом, С. Цвейгом, Г. Уэллсом и др. в группу «Clarté» («Ясность»), основавшую «Республиканское объединение бывших участников войны». 15 ноября 1922 года В. И. Ленин приветствовал эту группу и высказал надежду, что она «сохранилась и растет и крепнет не только численно, но и духовно, в смысле углубления и расширения борьбы против империалистической войны. Борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь...».

ЛЕНИН

Коротки неизгладимые минуты, проведенные мною с Лениным. С тех пор как его нет с нами, я жадно роюсь в своей памяти, чтобы восстановить мельчайшие подробности этих драгоценных мгновений. И когда открываю его книги, погружаюсь в его учение, идеи, слова,— я сразу вновь вижу живого Ильича, с его глазами, улыбкой и жестами...

Это было в 1921 году¹. На следующий год после вступления французской партии в Коминтерн. Через развалины Европы мы пришли к созидающему пролетариату Советской страны.

Ямбург, Кронштадт, Ленинград² зияли еще тысячами открытых ран. Уже тогда мы были поражены до глубины души встречей с этими легионами людей, пионерами новой жизни, солдатами разрушения и возрождения, войны и строительства.

Поставили ногу на советскую землю и сразу почувствовали себя физически освобожденными от западноевропейского капитализма. Почувствовали себя перерожденными и до крайности идеологически слабыми и беспомощными. Русская партия! Вот это партия. А мы, французы, мы все еще возмися с фроссарами (ренегаты). Под тяжестью этих мелких буржуа нашей партии до последнего времени некогда было заняться воспитанием масс, партия погрязла в мелкобуржуазной тине.

Не скрываю, что некоторые из нас, и я лично, увлекаемые нашей ненавистью к правым, часто делали и говорили глупости...

Помню, как во время заседания французской секции я подошел к Ленину.

— Вы левый? Ну-ну, не так страшно!

¹ Поль Вайян-Кутюрье встречался с В. И. Лениным на III конгрессе Коминтерна.

² До 26 января 1924 года — Петроград.

Он сразу же увидел меня насквозь и любящей рукой поставил на место. Никогда я не встречал такого человека. Мы с ним после этого говорили о многих вещах при случайных встречах: о крестьянах, о французской революции, о Парижской коммуне.

Владимир Ильич был и остался олицетворением непрерывного действия и в то же время марксистом с головы до ног. Соприкосновение с ним производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату: оно освежало загруженный предрассудками и формальными доктринами мозг. Нарисовать Ленина до сего времени не удалось; черты его лица были до того насыщены внутренним содержанием его образа, что передать это карандашом почти невозможно.

Внешне широколицый, скуластый, с редкой бородкой, крупным носом, постоянно лукавой улыбкой на губах и в глазах, с руками в карманах. Несравненное добродушие, прямота, спокойствие, железная логика, культура и знания энциклопедиста.

У этого гиганта мысли и воли не могло быть места душевным драмам. Железная логика революционной мысли, твердая уверенность в правоте своего дела, ни одного колебания, отклонения от раз намеченной цели.

Ленин-интеллигент умел мыслить как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании непрерывно перемешивалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека, он являлся для нас прообразом будущего. Таким предстал передо мной Владимир Ильич с первых дней моей встречи с ним.

Ленин уже больше года умер. Но мы — его ученики

и все его современники, друзья и враги — исчезнем бесследно, на его же имя не ляжет и пылинка забвения. Его отсутствие больше, чем когда бы то ни было, требует от нас прочного и незыблемого единства, дисциплины, культурности, знаний, учебы, постоянного труда над усвоением его учения. Опасности растут, увеличиваются. Весь старый мир встает, вооружается, объединяется для борьбы с ленинской партией, с Коммунистическим Интернационалом. Временное укрепление капитализма и связанные с этим кризисы — упадок духа, уклоны и шатание не должны иметь места в партии, пропитанной его непоколебимым, стойким духом.

Рушится вера в парламентаризм среди мирового пролетариата, близится время великих потрясений. Мы теперь находимся в состоянии накапливания сил и энергии для грядущих тяжелых боев. Силы эти будут действительными, энергия — непоколебимой, если наше сознание, наш дух будут ленинскими, если мы научимся жить, бороться, работать, как он — наш великий, наш бессмертный вождь.

Будем помнить — в ленинизме наша победа...

В. А. КАРПИНСКИЙ

Вячеслав Алексеевич Карпинский (1880—1965) — один из старейших членов Коммунистической партии (с 1898 г.). Видный партийный литератор-пропагандист, доктор экономических наук.

В 1904 году эмигрировал за границу, в Женеву, где познакомился с В. И. Лениным. С тех пор непрерывно работал в заграничных организациях партии, участвовал в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», заведовал библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве.

В годы пребывания В. И. Ленина в Швейцарии и особенно во время первой мировой войны В. А. Карпинский был тесно связан с Владимиром Ильичем, снабжал его литературой из Женевской библиотеки, а во время поездок Ленина с рефератами подготовлял извещения, аудиторию и т. п.

В 1917 году, после Февральской революции, когда В. И. Ленин лихорадочно искал путей возвращения в революционную Россию, у него возник проект нелегального выезда из Швейцарии с документами В. А. Карпинского.

6 (19) марта, сообщая об этом плане В. А. Карпинскому, Ленин писал: «...Абсолютный секрет — следующее... Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию... в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике...

Если согласны, начните немедленно подготовку самым энергичным (и самым тайным) образом...»

Этот план был настолько нереален, что сам Владимир Ильич к осуществлению его даже не приступил.

В. И. ЛЕНИН КАК ВОЖДЬ, ТОВАРИЩ, ЧЕЛОВЕК

(Из воспоминаний)

Владимир Ильич любил народ, простых людей труда. Об этом хорошо сказала Надежда Константиновна на похоронах Ленина:

— Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся.

Будучи главой Советского правительства, Владимир Ильич охотно беседовал с рабочими и крестьянами. Для него знать мнение, настроение рабочего и крестьянина было не менее важно, чем знать мнение членов ЦК партии и Совета Народных Комиссаров.

Особенно любил Владимир Ильич беседовать с рабочими. С ними он делился своими заветными думами, их мнением чрезвычайно дорожил.

Владимир Ильич высоко ценил крестьянские письма в газету «Беднота».

— Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!

Так говорил мне Владимир Ильич, когда я, как редактор «Бедноты», приходил к нему с крестьянскими письмами. Он долго, внимательно слушал, чем живет, чем болеет деревня. Иное письмо возьмет в руки и просмотрит. И мне невольно вспоминалось, с какой любовью он сам когда-то разбирал и правил письма рабочих в газеты «Вперед» и «Пролетарий».

Особенно памятна одна беседа зимой 1920—1921 года. Время было очень тяжелое: конец гражданской войны, когда жертвы и лишения трудящихся достигли высшей степени. Деревня заваливала «Бедноту» письмами. По каждому письму Владимир Ильич буквально засыпал меня вопросами.

— Вот, говорю, пишут, что Советская власть хуже царской.

— Хуже царской? — переспрашивает Владимир Ильич и смеется прищуренным глазом. — А кто пишет? Кулак? Средняк?

Беседа закончилась требованием представить подробный доклад о положении в деревне с выдержками из крестьянских писем.

Более полусотни таких писем о продовольственной разверстке и тяжелом положении крестьян было отобрано, изучено и вошло в доклад лично Ленину. И скоро мне пришлось убедиться, что сводка крестьянских писем не пропала даром. Слушая доклад Ленина на X съезде партии о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом¹, я в ряде мест чувствовал, что Владимир Ильич пользовался крестьянскими письмами как материалом.

С тех пор Владимир Ильич требовал регулярных докладов «Бедноты». У меня сохранился крошечный клочок бумаги, унизанный бисерным почерком Владимира Ильича. Вот он дословно:

«26/I.1922.

т. Карпинский!

Не напишете ли мне кратко (2—3 странички максимум),

сколько писем от крестьян в «Бедноту»?

что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли раз в два месяца получать такие письма (следующее к 15.III.1922)? а) среднее число писем

б) настроения

в) важнейшие злобы дня.

С ком. приветом Ленин».

¹ X съезд РКП(б) состоялся в Москве 8—16 марта 1921 года.

Несмотря на сверхчеловеческую занятость важнейшими государственными и партийными делами, Владимир Ильич все же находил время для приема посетителей. Он лично принимал их и беседовал с ними не только потому, что считал это обязанностью главы государства, а прежде всего потому, что испытывал настоятельную потребность в живом общении с народом.

Со всех концов страны приезжали и пешком приходили в Москву к Ленину «ходоки», выбранные на крестьянских сходах. У Ленина был даже особый день для приема крестьянских «ходоков».

В назначенный час они являлись в Кремль в зипунах, в лаптях, с котомками за плечами, складывали в приемной на пол у стены котомки и, взволнованные, перешептываясь, ожидали, пока их пригласят к самому Председателю Совета Народных Комиссаров — к Владимиру Ильичу Ленину!

Ждать приходилось недолго. Вот уже зовут. Подтянув кушаки, пригладив ладонями волосы, они чинно входят в кабинет Ленина, а он из-за стола уже идет к ним навстречу, приветливо здоровается с каждым за руку, усаживает гостей.

— А ты, дедушка, вот сюда поближе, в кресло!

Владимир Ильич спрашивает у каждого фамилию, имя, отчество, откуда прибыл. И начинается простая душевная беседа.

Делегатов поражало, что Владимир Ильич запоминал, как зовут каждого, и в беседе называл его по имени-отчеству. А еще больше изумляло их, что Владимир Ильич оказывался хорошо осведомленным о нуждах их деревень, знал, какие у них земли, а иногда даже называл по фамилии помещика, эксплуатировавшего их. Крестьяне, конечно, понятия не имели о том, что Ленин великолепно изучил экономику каждого района страны.

Однажды на приеме был такой случай. Кто-то из «ходоков» вдруг вскочил с места и очень взволнованно сказал:

— Товарищ Ленин, да что же это такое?! Ведь они нас так и утюжат, так и утюжат!

Владимир Ильич ничего не понял.

— Успокойтесь, Иван Родионыч, — сказал он, — и объясните нам толком, в чем дело. Кто это они?

— Да как кто? Наши же сельсоветчики! Замучили нас поборами!

— А кто их избирал?

— Ну, мы же, конечно...

— Так возьмите и переизберите их.

— Да разве ж это можно?

— Можно и должно. Советский закон разрешает переизбрать до истечения срока полномочий любого депутата, не оправдавшего доверия народа. Так-то вот, Иван Родионыч!

В необходимых случаях после таких бесед Владимир Ильич лично давал распоряжения на места. А нередко сведения, почерпнутые в беседах с рабочими и крестьянами, служили основанием для издания того или иного постановления.

ЛЕНИН И ИСКУССТВО

У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством, и он всегда сознавал себя в этом отношении профаном, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определены. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи и т. д.

Еще в 1905 году, во время первой революции, ему пришлось раз ночевать в квартире товарища Д. И. Лещенко, где, между прочим, была целая коллекция... изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для коммуниста. Вчера до утра не мог заснуть, всё рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко.

Несколько раз приходилось мне встречаться с ним уже после революции на почве разных художественных жюри. Так, например, помню, он вызвал меня, и мы вместе с ним поехали на выставку проектов памятников на предмет замены фигуры Александра III, свергнутой с роскошного постамента около храма Христа Спасителя. Владимир Ильич очень критически осматривал все эти памятники. Ни один из них ему не понравился. С особым удивлением стоял он перед памятником футуристи-

ческого пошиба¹, но, когда спросили его об его мнении, он сказал: «Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского». На мое заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело».

Другой раз дело шло о памятнике Карлу Марксу. Известный скульптор М.² проявил особую настойчивость. Он выставил большой проект памятника: «Карл Маркс, стоящий на четырех слонах». Такой неожиданный мотив показался нам всем странным, и Владимиру Ильичу тоже. Художник стал переделывать свой памятник и переделывал его раза три, ни за что не желая отказаться от победы на конкурсе. Когда жюри под моим председательством окончательно отвергло его проект и остановилось на коллективном проекте группы художников под руководством Алешина, то скульптор М. ворвался в кабинет Владимира Ильича и нажаловался ему. Владимир Ильич принял к сердцу его жалобу и звонил мне специально, чтобы было созвано новое жюри. Сказал, что сам приедет смотреть алешинский проект и проект скульптора М. Приехал. Остался алешинским проектом очень доволен, проект скульптора М. отверг.

В этом же самом году на празднике Первого мая в том самом месте, где предполагалось воздвигнуть памятник Марксу, алешинская группа построила в небольшом масштабе модель памятника. Владимир Ильич специально поехал туда. Несколько раз обошел памятник вокруг, спросил, какой он будет величины, и в конце концов одобрил его, сказав, однако: «Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы голова вышла похожей, чтобы было то впечатление от Карла Маркса, какое получается от хороших его портретов, а то как будто сходства мало».

¹ Проект Б. Д. Королева.

² С. Меркулов.

Еще в 1918 году Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство как агитационное средство, при этом он изложил два проекта. Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил...

Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе, памятников временных, из гипса, как в Петербурге, так и в Москве. Оба города живо откликнулись на мое предложение осуществить идею Ильича, причем предполагалось, что каждый памятник будет торжественно открываться речью о данном революционере и что под ним будут сделаны разъясняющие надписи. Владимир Ильич называл это «монументальной пропагандой».

В Петрограде эта монументальная пропаганда была довольно удачной. Первым таким памятником был Радищев — Шервуда. Копию его поставили в Москве¹. К сожалению, памятник в Петрограде разбился и не был возобновлен. Вообще большинство хороших петербургских памятников по самой хрупкости материала не могли удержаться, а я помню очень неплохие памятники, например, бюсты Гарибальди, Шевченко, Добролюбова, Герцена и некоторые другие. Хуже выходили памятники с левым уклоном; так, например, когда открыта была кубически стилизованная голова Перовской², то некоторые прямо шарахнулись в сторону...

Так же точно, помнится, памятник Чернышевскому³ многим показался чрезвычайно вычурным. Лучше всех был памятник Лассалю. Этот памятник, постав-

¹ Памятник А. Радищеву был поставлен в проломе решетки Зимнего дворца; в Москве — на теперешней площади Маяковского.

² Памятник С. Перовской работы О. Гризелли был поставлен на площади Восстания.

³ Памятник Н. Г. Чернышевскому работы скульптора Т. Залькална был поставлен на Сенатской площади.

ленный у бывшей городской думы, остался и до сих пор¹. Кажется, его отлили из бронзы. Чрезвычайно удачен был также памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым. К сожалению, он разбился и сейчас заменен в том же месте, т. е. около Смольного, бронзовой головой Маркса более или менее обычного типа, без оригинальной пластической трактовки Матвеева.

В Москве, где памятники как раз мог видеть Владимир Ильич, они были неудачны. Маркс и Энгельс изображены были в каком-то бассейне и получили прозвище «бородатых купальщиков»². Всех превзошел скульптор К. В течение долгого времени люди и лошади, ходившие и ездившие по Мясницкой, пугливо косились на какую-то взбесившуюся фигуру, закрытую из предосторожности досками. Это был Бакунин в трактовке уважаемого художника. Если я не ошибаюсь, памятник сейчас же по открытии его был разрушен анархистами, так как при всей своей передовитости анархисты не хотели потерпеть такого скульптурного «издевательства» над памятью своего вождя³.

Вообще удовлетворительных памятников в Москве было очень мало. Лучше других, пожалуй, памятник поэта Никитина⁴. Я не знаю, смотрел ли их подробно Владимир Ильич, но, во всяком случае, он как-то с неудовольствием сказал мне, что из монументальной пропаганды ничего не вышло. Я ответил ссылкой на петроградский опыт и свидетельство Зиновьева. Владимир Ильич с сомнением покачал головой и сказал: «Что же, в Петро-

¹ Памятник Ф. Лассалю — работа художника В. Синайского. Воспоминания написаны в 1924 году.

² Памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу работы С. Мезенцева был поставлен на площади Революции.

³ Памятник Бакунину (Б. Д. Королева) не был разрушен, а перевезен в склад материальных ценностей Центрархива.

⁴ Памятник И. С. Никитину работы А. Блажевича был поставлен на площади Свердлова у Китайгородской стены.

граде собрались все таланты, а в Москве бездарности?» Объяснить ему такое странное явление я не мог.

С некоторым сомнением относился он и к мемориальной доске Конёнкова. Она казалась ему не особенно убедительной¹. Сам Конёнков, между прочим, не без остроумия называл это свое произведение «мнимореальной доской». Помню я также, как художник Альтман подарил Владимиру Ильичу барельеф, изображающий Халтурина. Владимиру Ильичу барельеф очень понравился, но он спросил меня, не футуристическое ли это произведение. К футуризму он вообще относился отрицательно. Я не присутствовал при разговоре его в Вхутемасе², в общепитие которого он как-то заезжал... Мне потом передавали о большом разговоре между ним и вхутемасовцами, конечно, сплошь левыми. Владимир Ильич отшучивался от них, насмехался немножко, но и тут заявил, что серьезно говорить о таких предметах не берется, ибо чувствует себя недостаточно компетентным. Самую молодежь нашел очень хорошей и радовался их коммунистическому настроению.

Владимиру Ильичу редко в течение последнего периода его жизни удавалось насладиться искусством. Он несколько раз бывал в театре, кажется исключительно в Художественном, который очень высоко ставил. Спектакли в этом театре неизменно производили на него отличное впечатление.

Владимир Ильич сильно любил музыку, но расстраивался ею. Одно время у меня на квартире устраивались хорошие концерты. Пел иногда Шаляпин, играли Мейчик, Романовский, квартет Страдивариуса, Кусевицкий на контрабасе и т. д. Я много раз звал Владимира Ильи-

¹ Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов» была установлена на стене Сенатской башни Кремля и открыта В. И. Лениным 7 ноября 1918 года.

² Вхутемас — Высшие художественно-технические мастерские. О приезде В. И. Ленина в Вхутемас см. воспоминания И. А. Арманд.

ча, но он всегда был занят. Один раз прямо мне сказал: «Конечно, очень приятно слушать музыку, но представьте, она меня расстраивает. Я ее как-то тяжело переносу». Помнится, т. Цюрупа, которому раза два удавалось залучить Владимира Ильича на домашний концерт того же пианиста Романовского, говорил мне также, что Владимир Ильич очень наслаждался музыкой, но был, по-видимому, взволнован...

...Из своих эстетических симпатий и антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей...

И. А. АРМАНД

Инна Александровна Арманд (1898—1971), дочь Инессы Федоровны Арманд, — член КПСС с 1917 года, в годы гражданской войны — политработник Астраханского военного округа. В 1919—1921 годах — на партийной работе в Москве. С 1921 по 1923 год И. А. Арманд работала в Исполкоме Коминтерна. В 1923—1930 годах — в полпредстве СССР в Германии. С 1933 года работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Мои воспоминания о Владимире Ильиче относятся в основном к 1920—1922 гг. Встречалась я с Владимиром Ильичем и раньше и не раз слышала его выступления на собраниях, но только с октября 1920 года я стала довольно часто бывать на квартире Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Кремле, бывала и в Горках, ближе узнала их лично.

Это было связано с тем, что в сентябре 1920 года умерла моя мать — Инесса Федоровна Арманд.

Инесса — большевичка, подпольщица с 1903 года — многие годы в эмиграции работала под непосредственным руководством Ленина. Ленин хорошо знал и высоко ценил ее как партийного деятеля. Но кроме того, уже с 1909 г. Инесса была связана с Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем крепкой дружеской привязанностью, и эта дружба сохранилась до конца жизни

Инессы. Вот почему, когда в 1920 году мама умерла, Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли сестру, меня и младшего брата под свою опеку (старшие братья были в Красной Армии). С тех пор я стала часто видаться с ними, бывать в их кремлевской квартире. Обычно мы сидели в комнате Надежды Константиновны и беседовали. Почти всегда хотя и поздно вечером и ненадолго заходил Владимир Ильич. Он не садился, а, по обыкновению, ходил взад и вперед по комнате и с страстием допрашивал об условиях нашей жизни, требовал ответа — есть ли у нас все самое необходимое из одежды, как мы питаемся, не слишком ли я устаю на работе, не надо ли чем помочь.

Хорошо известно, как Владимир Ильич умел заботиться об окружающих. Внимание, дружескую поддержку и заботу с его стороны испытали на себе и мы — дети Инессы Арманд.

Запомнились приезды Владимира Ильича в дом отдыха «Чайка» под Москвой, где мы с младшим братом набирались сил в ноябре — декабре 1920 года.

Владимир Ильич знал, как оба мы тяжело переживаем смерть матери, и вот, несмотря на огромную занятость и зимние холода, он навещал нас, просто, чтобы поддержать морально, помочь дружеским участием. Приезжал не один раз вечером на машине. По приезде обязательно разговаривал с врачом, узнавал, как мы лечимся, как наше здоровье, а затем заходил к нам с братом. Помню, он интересовался, что я читаю, брату любил задавать головоломные шахматные задачи (а потом сам же их и решал). И всегда советовал: побольше быть на воздухе, ходить на лыжах, набираться сил.

Перед отъездом Владимир Ильич никогда не забывал зайти в столовую дома отдыха, поговорить и пошутить с другими отдыхающими.

Огромной радостью и поддержкой были для нас эти встречи с Владимиром Ильичем.

Лето 1921 года я, по приглашению Надежды Констан-

тиновны и Владимира Ильича, провела в Горках — готовилась поступать в университет. Первое время жила там одна. Изредка по вечерам приезжал Владимир Ильич, когда очень уставал, болела голова, мучила бессонница. Чистый воздух и тишина восстанавливали его силы, и наутро он уезжал хорошо отдохнувшим.

Как-то раз в мае Владимир Ильич вырвался из Москвы раньше обычного. «Вот, собрался на тягу», — сказал он мне. Я упросила взять меня с собой, хотя и без ружья. Отправилось нас на охоту несколько человек. Кроме Владимира Ильича, был Гиль, товарищ из охраны и кто-то еще. Начало нашего похода было не очень веселое. Владимир Ильич выглядел до крайности уставшим и чем-то очень озабоченным. Он шел впереди и все время молчал; казалось, московские думы и заботы не оставляли его. А мы, идя сзади, тоже молчали или старались говорить вполголоса. Пришли к месту охоты и разошлись по своим местам. Вечер был замечательным: чудесным был весенний лес, запахи весны, тишина, нарушаемая только птицами. Вальдшнепы, правда, охотников не баловали: пролетел один, да и то далеко; кто-то стрелял, но неудачно.

Ну вот, думала я, тяга не удалась, Владимир Ильич будет огорчен. Однако Владимир Ильич вышел из леса бодрым, веселым, отдохнувшим, очарование весеннего вечера и весенний воздух сделали свое дело. На обратном пути он смеялся, шутил, рассказывал что-то забавное.

В июле 1921 года Владимир Ильич приехал наконец отдыхать в Горки вместе с Надеждой Константиновной. Ежедневно бывала там и Мария Ильинична. Надо сказать, что и в отпуске Владимир Ильич много работал. Распорядок дня был обычно такой: после завтрака Владимир Ильич уединялся на открытой террасе около своей комнаты и там проводил время до обеда; во второй половине дня обычно ходил гулять иногда один, чаще с Надеждой Константиновной; брали порой и меня с собой. Владимир Ильич любил бродить по лесу. По инициативе Марии Ильиничны раза два организовывались походы

за грибами. Ездили на машине в дальний лес. Когда Владимир Ильич шел гулять к реке, он проходил мимо дома отдыха МК, и отдыхающие зазывали его в свой сад. Нравились Владимиру Ильичу эти непринужденные беседы с товарищами, он часто бывал среди них.

В воспоминаниях много пишут о скромности Владимира Ильича. С этой чертой его характера пришлось сталкиваться и мне. Помню, меня очень удивляло, почему в доме в Горках вся обстановка, вплоть до портретов на стенах, оставалась такой же, как при прежних хозяевах, Рейнботах. Особенно, казалось мне, должна раздражать Владимира Ильича обстановка в его комнате: белая с позолотой будуарная мебель, зеркала между окнами. Я предложила как-то Надежде Константиновне переменить мебель в комнате. Она засмеялась и сказала: «А ты попробуй сама ему это предложить». Я так и сделала. К моему удивлению, Владимир Ильич рассердился и строго запретил что-либо менять в своей комнате. Потом я поняла из разговора с Надеждой Константиновной, что Владимир Ильич, оставляя в Горках все по-старому, подчеркивал этим, что его дом — это скромная кремлевская квартира, а свое пребывание в Горках он считал временным, как в доме отдыха или в санатории, что Горки — государственная собственность.

За время пребывания Владимира Ильича в Горках к нему мало приезжало товарищей из Москвы — надо было дать ему возможность отдохнуть от дел. Помню, приезжал Красин советоваться с Лениным о концессионной политике, но особенно запомнился приезд Глеба Максимилиановича Кржижановского.

Глеб Максимилианович, как известно, был старым товарищем Владимира Ильича еще по подпольной работе в Петербурге и другом семьи Ульяновых. Поэтому за чашкой чаю на балконе горкинского дома собрались всей семьей послушать беседу Владимира Ильича с Кржижановским. Была там и я. Глеб Максимилианович рассказывал, как идет работа по осуществлению Государствен-

ного плана электрификации России. Слушая, Владимир Ильич взволнованно и энергично шагал по балкону. Быстро и требовательно он задавал вопросы, делал замечания, подавал реплики.

Речь шла не только о практических вопросах сегодняшнего дня, но и о значении ГОЭЛРО для будущего социалистического расцвета страны. Владимир Ильич и Глеб Максимилианович, беседуя, «полки разводили», по образному выражению Надежды Константиновны, далеко заглядывали вперед. И это в обстановке тяжелого лета 1921 года, в обстановке голода и разрухи, когда только что были отбиты атаки на фронтах гражданской войны.

Мне на всю жизнь запомнился Владимир Ильич, каким я его видела в тот день, — оживленным, взволнованным, увлеченным яркой перспективой будущего — вождем с негибимой волей, твердо уверенным в торжестве нашего дела.

Ленин, как известно, очень интересовался жизнью молодого поколения: тем, как оно живет, учится, участвует в революции. Он не раз встречался с молодежью. Хочу рассказать о встрече Владимира Ильича со студентами Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас) 25 февраля 1921 года. В тот вечер я пошла в Кремль навестить Надежду Константиновну. Мы сидели в ее комнате на квартире в Кремле и беседовали, когда зашел Владимир Ильич. Разговаривая, он, как обычно, быстро ходил по комнате. В этот вечер, помню, он был оживлен и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда еще студентке Высших художественно-технических мастерских. Сестра жила в студенческом общежитии. Владимир Ильич стал подробно расспрашивать о ней и об условиях, в которых живут студенты: тепло ли в общежитии, хватает ли еды, как идут занятия.

Со слов сестры я стала уверять, что условия в общежитии хорошие и она ни в чем не нуждается. Владимир

Ильич слушал меня довольно скептически, а потом неожиданно предложил Надежде Константиновне: «Давай, Надя, поедem навестить Варю и посмотрим, как молодежь живет». Было уже 11 часов вечера, но Надежда Константиновна согласилась ехать. Прихватили и меня с собой. В машине Владимир Ильич не переставал дразнить меня: «Проверим, проверим, правду ли вы говорите!»

Общежитие студентов Вхутемаса помещалось на Мясницкой (теперь улица Кирова), напротив Главного почтамта.

Нам пришлось пройти через темный двор и подниматься по скользкой, обледенелой лестнице. Владимир Ильич шел впереди вместе с охраной и все время зажигал спички, так как было совершенно темно. «Нечего сказать, хорошее начало», — думала я с ужасом, помогая Надежде Константиновне подниматься по лестнице. Однако все мои страхи рассеялись, когда мы пришли в общежитие.

Молодежь встретила Ленина восторженно. Его сразу же обступили, радостно приветствовали. О приезде Ленина сразу стало известно и в соседних общежитиях. Отовсюду сбегались студенты, окружившие Владимира Ильича тесным кольцом. Он был очень весел, оживлен, доволен встречей с молодежью. Стали осматривать комнаты. Ленин даже пощупал кровати, вернее, жесткие деревянные топчаны, которые служили кроватями. Мебели в общежитии почти никакой не было, зато стены украшали лозунги, рисунки, стенгазета.

Владимир Ильич обратил внимание на рисунок паровоза с какими-то особыми «динамическими» линиями. Автор рисунка стал уверять, что так надо красить настоящие паровозы; из его слов можно было заключить, что такая раскраска отразится на скорости движения. Ленина очень рассмешило это заявление.

Затем Владимир Ильич обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского:

«В небеса шарахает железобетон».

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небеса шарахаться? Железобетон нам на земле нужен».

Владимир Ильич так просто, шутливо держал себя с молодежью, что сразу же завязалась непринужденная беседа. Говорили о живописи, о литературе, о жизни и учебных занятиях молодых художников. Много, к сожалению, забылось из этой беседы; отмечу лишь несколько моментов.

Беседа началась, конечно, с того, что больше всего волновало молодых художников, — с вопроса об изобразительном искусстве и прежде всего о живописи, и тут все они сходились в одном: все единодушно подчеркивали, что живопись должна идти в ногу с революцией, быть политически острой, «выйти из музея на улицу», мобилизовать массы на революционную борьбу. В этом были все едины, это все горячо отстаивали. Но какими средствами добиться этой цели, каким должно быть искусство, чтобы идти в ногу с революцией, — этот вопрос каждый решал по-своему, многие горячо защищали футуристов, некоторые отвергали станковую живопись.

Ленину очень нравился их молодой задор, непосредственность, безусловное презрение к рутине и страстное стремление служить революции. Но из всего, что говорилось с таким жаром обступившими Ленина молодыми художниками, было ясно, что правильного понимания путей дальнейшего развития искусства у них нет. Ленин спорил, отстаивая реалистическую живопись, хотя переспорить два десятка человек, которые говорили все сразу, волнуясь и перебивая друг друга, было нелегко.

Много внимания в этой беседе было уделено Маяковскому. Началось с восторженных отзывов художников о знаменитых плакатах Маяковского — окнах РОСТА. Владимир Ильич охотно признал их революционное значение. Затем речь зашла о поэзии Маяковского вообще. Владимиру Ильичу явно нравилось, с каким увлечением молодежь говорила о своем любимом поэте, о революционности его стихов. Однако и по вопросам поэзии завязался

горячий спор, так как выяснилось, что среди молодежи много поклонников футуризма и в этой области искусства.

Наконец, устав спорить, Ленин шутливо заявил, что он специально займется вопросом о футуризме в живописи и поэзии, подчитает литературу по этому вопросу, а затем приедет еще раз и тогда обязательно их всех переспорит.

Владимир Ильич стал спрашивать молодежь, знает ли она классическую русскую литературу. Выяснилось, что знают ее довольно плохо, а многие огульно отвергают как «старорежимное наследие». Ленин с какой-то особенной заинтересованностью говорил о том, что надо знать и ценить лучших представителей русской дореволюционной культуры. Он рассказал, как сам он любит Пушкина и ценит Некрасова. «Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось», — сказал Владимир Ильич.

Свою точку зрения Ленин излагал, конечно, не в виде речей или поучений. Но в его беседе, в репликах, вопросах, замечаниях сквозила мысль о необходимости критически усвоить все, что было лучшего в культурном наследстве прошлого, и на этой основе, а не на пустом месте создавать нашу новую, советскую культуру.

Беседа перешла на вопрос о жизни студентов. В общежитии, куда приехал Ленин, студенты жили коммуной. Это была коммуна передовиков Вхутемаса — коммунистов и комсомольцев. Владимир Ильич поинтересовался, почему они считают себя коммуной, как они ведут общее хозяйство, как следят за чистотой и т. п.

Затем он стал спрашивать о питании студентов, хватает ли им пайка. «Все хорошо, Владимир Ильич, — раздался дружный ответ. — Самое большее на 4 дня в месяц хлеба не хватает». Такое заявление очень позабавило Ленина.

Владимир Ильич стал расспрашивать студентов об их учебных занятиях и общественной работе. Он спросил их, между прочим, долго ли они засиживаются по вечерам. Выяснилось, что они не только долго засиживаются, а

часто ночи напролет спорят об искусстве, об учебных планах и т. п. Владимир Ильич рассердился и стал журить молодежь. «Работаете вы много, — сказал он им, — питаетесь плоховато, да еще не спите. Из вас никакого толка не получится. Вы зря растратите силы и никуда не будете годиться, а надо беречь «государственное добро». Я дам распоряжение, чтобы в вашем общежитии выключали свет на ночь», — добавил Ленин.

В заключение студенты пригласили Владимира Ильича и Надежду Константиновну поужинать с ними. На стол был поставлен чуть не месячный паек, но Владимир Ильич устал и от еды отказался. Пришлось Надежде Константиновне, чтобы не огорчать хозяев, отведать поданной на стол каши.

Однако пора было уходить, время было позднее; провожать Владимира Ильича и Надежду Константиновну не стали, чтобы они могли уехать незаметно. Ведь время было тревожное.

На обратном пути в машине Владимир Ильич был задумчив и молчалив. По короткому «да», которое он время от времени произносил с какой-то особой интонацией, можно было судить, что он занят мыслями о только что состоявшейся встрече и озабочен.

Своими впечатлениями от этой поездки он со мной не делился, но от Надежды Константиновны я слышала, как, встретив после этого наркома просвещения А. В. Луначарского, Ленин сказал ему с упреком: «Хорошая, очень хорошая у вас молодежь, но чему вы ее учите!»

В 1922 году, когда Владимир Ильич болел, я не видела его. Но в сентябре из отпуска написала Надежде Константиновне, спрашивала, смогу ли у них снова бывать. Ее ответ хочется привести целиком. Уж очень хорошее это письмо:

«Милая моя девочка, получила оба твои письма, за них крепко тебя целую. Ты, вообще говоря, очень глупое существо. Ну, почему же тебе нельзя будет бывать у нас? Напротив, в этом году мы будем жить более «семейно»

и «открыто», т. к. В. И. больше 8 часов в день заниматься нельзя и кроме того надо будет отдыхать два раза в неделю. Поэтому он всегда будет рад гостям. Он очень беспокоился, когда я ему рассказала, что ты больна, писал специальное письмо Жиделеву о тебе и о Лидии Александровне, прося его заботиться о Вас. Сейчас В. И. считается выздоровевшим, и с понедельника (сегодня суббота 30 сент., я именинница сегодня) берется за дела (мы перебираемся в город; т. к. квартира у нас еще продолжает усовершенствоваться, то пока будем жить в чужой, но к твоему приезду все будет стоять на своих местах).

Вообще все уж вошло в норму, Ферстер (врач) уехал к себе в Германию, тот доктор, что жил здесь, перебрался в город, вчера ходили на тягу (без ружья, но с корзиной для грибов), видели одного вальдшнепа, 4 брусничины, десяток старых грибов и очень красивые осенние листья...»

В конце письма Надежда Константиновна пишет, что Владимир Ильич рвется к работе ужасно. «Впрочем, публика приезжает уже к нему и в одиночку, и высыпками».

В этом письме упоминается о том, что Владимир Ильич писал обо мне и Л. А. Фотиевой. Хочется привести здесь и это письмо. В нем весь Владимир Ильич со своей заботливостью и вниманием к людям. Он не ограничивается просьбой в общей форме позаботиться о товарищах, а дает конкретные указания, как позаботиться. А в конце письма мы видим ленинскую «проверку исполнения»! Он пишет, что ждет ответа.

Вот это письмо:

«9/IX

Тов. Жиделев!

Напоминаю Вам про двоих больных:

1) Инессу Александр. Арманд и 2) Лидию Алекс. Фотиеву.

Очень прошу понаблюдать за тем, что обеих достаточно откармливали (и хорошей пищей), достаточно хорошо по-

местили и пр. Надеюсь также, Вы их покажете доктору, спросите, можно ли купаться и т. д. Вообще, надеюсь на Вас, что их Вы возьмете под негласную опеку, а мне ответите, достаточно ли хорошо они поправляются. М. б., найдете полезным показать это письмо их доктору и попросить его позаботиться — от моего имени — о них.

Заранее Вас благодарю и желаю хорошего отдыха и лечения.

С ком. прив. Ленин».

Письмо было адресовано в дом отдыха «Дюльбер» в Крыму, где мы все находились. Не знаю, как оно ото-звалось на Лидии Александровне Фотиевой, но я, надо признаться, «пострадала»: уж очень рьяно взялся врач дома отдыха за мое лечение и даже уложил меня на неделю в постель.

В октябре — ноябре 1922 года мне еще несколько раз удалось видеть Владимира Ильича в домашней обстановке и слышать его доклад на IV конгрессе Коминтерна и речь на пленуме Московского Совета.

Тогда казалось, что Владимир Ильич совсем поправился и полон сил и энергии. Особенно я убедилась в этом в тот вечер, когда присутствовала при встрече Владимира Ильича с Дмитрием Захаровичем Мануильским. Дмитрий Захарович умел удивительно талантливо пародировать выступления ряда партийных товарищей, очень удачно подражая их голосу, жестам, манере говорить. И вот он стал изображать Владимиру Ильичу, как выступает Калинин, Луначарский и другие. Это были, конечно, дружеские, но очень смешные шаржи. Ленин от души хохотал, слушая Мануильского, а потом, хитро сощутив глаз, сказал: «А я слышал, Вы и меня изображаете. Ну-ка, ну-ка покажите, как я выступаю?» Но тут Мануильский очень смутился, стал отшучиваться, отнекиваться и не стал изображать Ленина.

Позднее, уже за чашкой чаю, Владимир Ильич все в таком же веселом настроении рассказывал нам, в какие

нелепые положения он попадал, занимаясь юридической практикой, как к нему за защитой обращались заведомые жулики-купчики и он не знал, как от них отделаться. Весь этот вечер Владимир Ильич был очень оживлен, много смеялся. Кто бы мог подумать, что вскоре он опять тяжело заболит.

После его второго заболевания я уже больше не видела Владимира Ильича. В марте 1923 года я уехала к мужу в Берлин и узнавала о состоянии его здоровья только из писем Надежды Константиновны, которая неотлучно была с Владимиром Ильичем и с огромным мужеством и преданностью помогала ему преодолевать болезнь.

Невыносимо тяжелое это было время, и письма Надежды Константиновны были очень тяжелые, полные горести.

«Живу только тем, — писала она мне в мае, — что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия».

Но уже осенью Владимиру Ильичу стало лучше, появилась надежда на выздоровление. В своих письмах в этот период Надежда Константиновна сообщала, как улучшается здоровье Владимира Ильича, как он проводит время. Вот несколько выдержек из этих писем:

«Милая моя Иночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждодневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в очумение и неспособна уже на писание писем. Поправка идет здоровая — спит все время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка, то, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами. Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уж, что выздоравливает — я уж в лич-

ные секретари к нему прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся...»

«...Получила ли мое письмо с карточкой В.? У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У В. выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело. Вообще, как далеко пойдет поправка — никто сказать не может, может и полное восстановление быть. Приходится одно — запастись терпением. Ездим в далекий лес на автомобиле, читаем газетку, по саду ездим...»

«...Сейчас у нас осень, парк опустел, стало в нем скучно. Летом народ толкался, теперь никого нет, и В. тоскует здорово, особенно на прогулках. Каждый день какое-нибудь у него завоевание...»

«...Читаем с В. ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали — убийство Воровского, смерть Мартова и пр. Ужасно безответственные сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье В. И. Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, т. ч. теперь будут печататься только бюллетени...»

Вся страна, весь советский народ следили за сообщениями о здоровье Владимира Ильича. И улучшение его здоровья вселяло во всех нас надежду, что он выздоровеет. Но надеждам этим не суждено было осуществиться. 21 января Ленин умер, а 28 января, сразу после его похорон, Надежда Константиновна написала мне письмо о его смерти, которым я и заканчиваю свои воспоминания.

«28/1

Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают.

Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже — могли бы быть новые параличи... Каждый новый припадок заставлял холодеть. Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме Союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно. День и ночь шел мимо народ (прошло 750 тысяч), смотрел на Ильича и плакал... На улице был страшный мороз, но никто не обращал внимания, улицы были залиты народом и веяло дыханием революции. Точно 17-й год. Думаю, что смерть Ильича сплотит партию и подымет работу. Хоронила Ильича единая партия и плакали одинаково все. Работать надо теперь.

Мы на время остаемся в Горках. Я взялась составлять из его сочинений популярную брошюру — сборник самого важного и существенного, что он сказал, — и взялась уже за работу. Кажется мне, что сборник у меня выйдет. Потом буду помогать разбирать материалы в Институте Ленина, писать о пережитом. Сейчас больше всего хочется думать о Влад. Ильиче, об его работе, читать его.

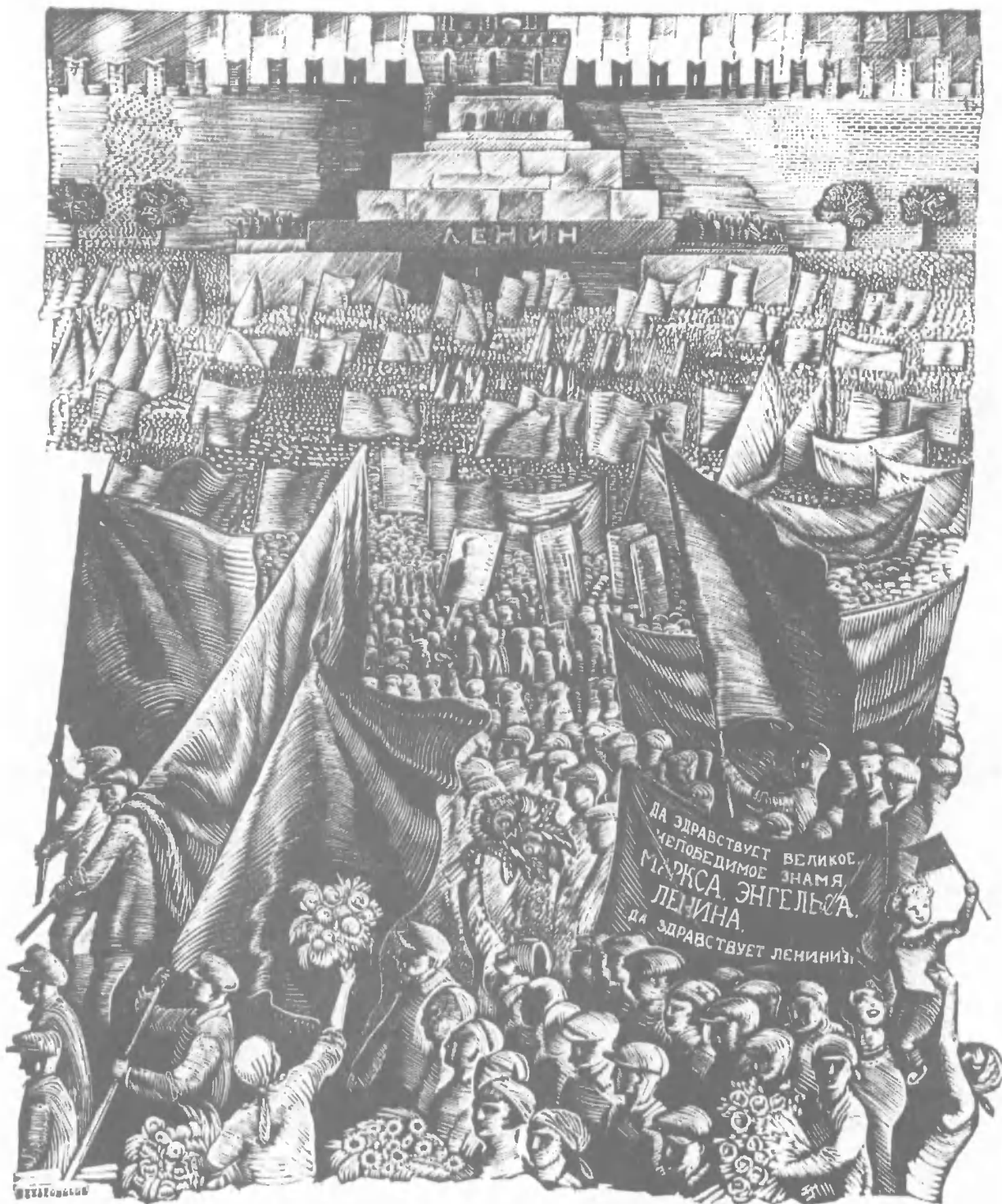
Но надо будет и другую работу делать.

Все товарищи очень внимательны и ласковы к нам. Жили мы все эти дни в Доме Союзов, это было очень удобно.

Не прислать ли тебе, Иночка, собрание сочинений Ильича? У меня есть. Снимки в гробу вышли хорошие, я pošлю их тебе.

Пока крепко обнимаю тебя и Гуго и Инесочку. Крепко целую.

Твоя Н. Крупская».

На Красной площади.

Н. В. КРЫЛЕНКО

Николай Васильевич Крыленко (1885—1938) — видный партийный и государственный деятель, член КПСС с 1904 года; с 1911 года работал в большевистской организации, сотрудничал в «Звезде» и «Правде». Крыленко жил в Люблине, вблизи галицийской границы, и после переезда В. И. Ленина в Краков организовал нелегальные сношения с Краковом через границу. Надежда Константиновна Крупская вспоминала об этом: «Помню приезд Николая Васильевича Крыленко... он приезжал, чтобы покрепче условиться о сношениях. Помню, как рад был его приезду Ильич».

Затем по поручению ЦК партии Крыленко работал при социал-демократической фракции IV Государственной думы. В декабре 1913 года был арестован.

В 1917 году был членом Петроградского Военно-революционного комитета, в первом Совнаркоме — членом Комитета по военным и морским делам, ведающим внешними фронтами. 9 (22) ноября, когда генерал Духонин отказался приостановить военные действия и начать переговоры о мире, Н. В. Крыленко был назначен Верховным Главнокомандующим. Вместе с В. И. Лениным Крыленко подписал историческое Обращение ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота, написанное Лениным, с призывом взять дело мира в свои руки.

Затем Крыленко был членом Всероссийской комиссии по организации Красной Армии. С 1918 года — председатель Верховного Трибунала, прокурор республики, с 1931 года был народным комиссаром юстиции.

В. И. ЛЕНИН НА ОХОТЕ

В последние годы своей деятельности Владимир Ильич часто искал отдыха от непрерывной работы на охоте.

Что́ он главным образом ценил при этом, лучше всего явствует из его собственных слов, брошенных ненароком мне во время одной из охот, когда мы вдвоем бродили по лесам и болотам Смоленской губернии в один из жарких августовских дней в погоне за белыми куропатками и тетеревами.

— Что́ самое хорошее, — сказал он, обращаясь ко мне, — это то, что вот за целых два дня не было ни одного телефонного звонка, ни одной записки, ни одного вопроса.

И он был прав. Никто ему там не мешал отдыхать вовсю, отдыхать от умственной работы и нечеловеческого труда, хотя бы путем физического утомления отвлекая свой мозг от напряженной деятельности, которой он был всегда занят.

Никто ему не мешал, впрочем, кроме него самого. Ибо не раз, идя с ружьем по лесу рядом со мной, он вдруг обращался с таким вопросом, который показывал, что и там, в лесу, он все же оставался с теми же «городскими» мыслями. Он ценил и любил охоту прежде всего как средство отдохнуть, отвлечься и развлечься. Спортивный азарт, так называемая «охотничья страсть» играла для него всегда незначительную роль, хотя в полной мере и он, конечно, не был ей чужд.

Из эпизодов и отдельных охотничьих воспоминаний я передам здесь лишь некоторые, более интересные и характерные для Владимира Ильича. Таких эпизодов я вспоминаю три.

Один был на лисиной охоте, недалеко от Москвы, в окрестностях Люберецкого завода. Это было на охоте на лису с флажками. Именно о такой охоте Владимир Ильич писал впоследствии в одной из своих статей, напечатанной в «Правде» и направленной... против меньшевиков. Этой охотой, сущность которой заключается в том, что лисицу специально обтягивают красными флажками на довольно большом пространстве в круг, из которого есть только один выход, у которого становится охотник, и затем загоняют ее к этому выходу хлопками в ладоши и криками, Владимир Ильич чрезвычайно увлекался. Ею действительно нельзя не увлекаться, так как именно эта охота является одной из самых красивых и в то же время самых трудных, поскольку требует от егеря, обтягивающего лису флажками, чрезвычайного умения, а от охотника — железной выдержки.

На этой охоте нас было трое: Владимир Ильич, Иван Павлович Жуков, ныне член ЦК, и я. Мне пришлось стоять недалеко от Владимира Ильича, и я видел, как прямо на него, подозрительно обнюхивая своей острой мордочкой воздух, вышла ярко-рыжая красавица лиса. Посыпанные снегом молодые елочки закрывали от нее Владимира Ильича. Лисица шла прямо на него, а он, вместо того чтобы использовать момент для быстрого и меткого выстрела, весь так и застыл и смотрел, не отрывая глаз, на подходившего зверя, смотрел и... не стрелял. Лисица остановилась, повернувшись к нему головой. Тогда Владимир Ильич тихонько начал поднимать ружье. Этого, конечно, было достаточно для того, чтобы зверь моментально, как молния, повернулся, махнул хвостом и скрылся.

На мой вопрос, почему он не стрелял, Владимир Ильич ответил:

— Она была так хороша и так красива...

И тут же со свойственным ему добродушием и мяг-

кой улыбкой он начал себя ругать, говоря, что он — «не охотник, а... сапожник» и т. д.

Для меня, однако, было ясно, что он сознательно не хотел стрелять.

* * *

Эту черту Владимира Ильича — отсутствие того специфического безразличия, которым отличаются многие охотники, всегда забывающие, что перед ними живое существо, — отмечали многие. Так, когда однажды он был с Е. Преображенским на охоте на глухарей, он также не стрелял и в этого лесного красавца, отнюдь особенно не скорбя после того, как тот с шумом улетел. Для Владимира Ильича было достаточно того, что он слышал тетерева, видел, наблюдал во всей его красе, когда в полутьме брезжущего рассвета тот пел свою песню, растопырив крылья, среди зеленой хвои могучей старой ели.

О чрезвычайной простоте Ленина в обращении с другими писали и говорили очень много. Эта черта в особенности резко сказывалась в нем в те минуты наших охотничьих экспедиций, когда ему приходилось непосредственно сталкиваться с самыми подлинными низами населения — в деревнях, в полях и лесах. И так же просто относились они и к нему.

Помню, однажды мы, трясаясь в деревенских телегах, ехали по пыльной дороге на охоту. Ехать было не мало — километров сорок. Владимир Ильич, в синей рубашке, подпоясанной ремешком, в своей серой кепке, сидел, сгорбившись, вместе с возницей, болтая о том о сем совершенно просто и непринужденно. На другой телеге, сзади, ехал я, тот же Жуков и другой возница-мужичок.

— Кто это едет впереди, уж не Ленин ли? — спросил, обращаясь ко мне, возница.

— Нет, — сказал я, — нет.

— Ну, что же, нет так нет.

По тону этого невразумительного ответа было, однако, видно, что он мне не верит ни на йоту. Он мне не поверил, конечно, потому, что Владимира Ильича трудно было не узнать в то время, как портреты его находились почти во всякой крестьянской избе. Самый факт, что вождь мировой революции, сам Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров, гроза мировой буржуазии, «диктатор», как его изображала буржуазная пресса, трясется в простой крестьянской телеге рядом с возницей, видимо, не представлялся ему в какой бы то ни было мере странным или непонятным фактом. А между тем едва ли нашелся бы такой иностранный журналист, который бы прежде всего на эту сторону не обратил всего своего внимания...

Эту простоту и в то же время чрезвычайную неприязнительность в обращении Владимир Ильич всегда проявлял и во всех обстоятельствах.

В ту же охоту нам пришлось дня на два остановиться в крестьянской избе и ночевать на сеновале. Владимир Ильич никогда и никому не позволял за собой ухаживать, все делал сам, не позволял в чем-нибудь себя выделять по сравнению с остальными. В то же время он с чрезвычайной заботливостью и внимательностью относился к своим соратникам по охоте и как бы ставил себе обязанностью поделиться всем содержимым своего охотничьего мешка с другими. Еще меньше он позволял себе жаловаться на физическую усталость, хотя иной раз от нее ему здорово-таки доставалось.

Я помню, как однажды, рано утром, мне пришлось поднимать его для того, чтобы идти в лес. Владимир Ильич поднялся, и видно было, что он устал и утомлен. Я спросил, в чем дело. Он пожаловался на то, что он не спал и что его преследовала отчаянная головная боль. И тем не менее, когда я повел речь о том, что можно и не идти так рано, он запротестовал самым энергичным образом, заявляя, что не может быть и речи о том, чтобы из-за него расстраивалось отправление на болото.

С крестьянскими ребяташками он всегда очень быстро сходилась, и шуткам тут с его стороны не было конца.

* * *

Не отличаясь специфическим спортивным азартом, характерным для охотников, Владимир Ильич в то же самое время умел чрезвычайно полно отдаваться процессу самой охоты, особенно если она должна была сопровождаться проявлением какой-нибудь инициативы с его стороны.

Чрезвычайно характерные вспоминаются мне две охоты на тетеревов: одна под Москвой, около Горок, а другая — километрах в 90 от Москвы, у станции Решетниково.

На первую охоту мы пришли с вечера в деревушку, отстоявшую на 10 километров от Горок. Стоя после захода солнца на вальдшнепиной тяге, я услышал недалеко, шагах в двухстах, характерное для тетеревов чужьяканье. Это мне подало мысль, которой я сейчас же поделился с Владимиром Ильичем.

— А не устроить ли нам, — сказал я, — сейчас же шалаши, чтобы утром можно было уже и стрелять?

Владимир Ильич немедленно согласился.

Точно проследив через кусты место, где токовали тетерева, и спугнув птицу, мы оба с жаром принялись за работу. Ни у меня, ни у него не было с собой даже перочинного ножа. Сучья, прутья и колышки приходилось ломать руками и без всякого инструмента прикреплять их. Тем не менее часа через полтора оба шалаша были готовы, на расстоянии приблизительно 50 шагов один от другого.

Меня уже тогда поразило то увлечение, с которым Владимир Ильич выполнял эту работу. Приспосабливая наилучшим образом шалаш для завтрашней охоты, он таскал и ломал прутья, с жаром вбивал в землю сучья, заваливал их сверху.

Усталые, мы вернулись в дереvушку, где тотчас же завалились на сеновал. Луна, как сейчас помню, в ту ночь ярко светила, слышно было, как вдалеке черныши начали токовать.

Три часа ночи. Вскочив, я разбудил Владимира Ильича, и оба мы бегом направились к нашим шалахам. К счастью, наши черныши еще не прилетели, мы не опоздали. Забравшись в шалаши, мы замерли в ожидании.

«Фррррр... фррр», — раздалось хлопанье крыльев, и недалеко от моего шалаха опустился первый черныш. Белые перья его хвоста веером ходили передо мной, и сквозь небольшое оконце мне был виден весь он, с растопыренными крыльями и опущенной вниз головой.

Через несколько минут слетел другой. Чуфыканье раздалось совсем близко. Я не стал больше медлить и, прицелившись, выстрелил. Шум от выстрела отпугнул второго черныша, первый же остался на земле.

Когда я вылез из шалаха, мне стало очень жалко и досадно, что черныши уселись именно против моего шалаха, а не против Владимира Ильича.

Ему тоже было, видимо, досадно...

Однако и здесь он передавал свои ощущения скорее с юмором и характерным для него смешком, чем с досадой, причем указывал, что он сам виноват, потому что нужно было самому тоже пару раз «чуфыкнуть». Тогда черныши сели бы к нему...

Другой раз, на охоте под Решетниковом, нам пришлось опять с ним сидеть рядом в шалахах на расстоянии шагов сорока друг от друга. Было холодное, росистое утро. Холод пробирал до косточек. На этот раз охота была малоудачной, и черныши чуфыкали где-то совсем рядом, но перед шалахами ни у меня, ни у Владимира Ильича их не было. И тогда-то я услышал, как «чуфыкает» Владимир Ильич. Правда, это было немножко непохоже на настоящее чуфыканье тетеревов, но во всяком случае можно сказать, что старался Владимир Ильич

вовсю! Это увлечение, способность отдаваться всякому делу, даже такому, как подманивание чернышей, было не менее характерным для Владимира Ильича.

* * *

На крупного зверя мне пришлось ходить с Владимиром Ильичем только на волков. К сожалению, и тут нас всегда преследовала неудача, и заветная мечта Владимира Ильича — убить волка — не осуществилась.

Характерным для него было тут стремление извлечь из охоты пользу. Он считал себя как бы морально обязанным уничтожить хотя бы одного волка, поскольку вообще вопрос об уничтожении волков в то время рассматривался чуть ли не в Совнарком.

Помнится, как однажды мне пришлось с Владимиром Ильичем пробираться поздней ночью к деревне Заболотье, куда мы отправлялись за утками. Из соседней деревушки до Заболотья было километра три. Я решил вести всю компанию — нас было четверо — сокращенной дорогой и в результате сбился с пути. Ночью в поле, на холодном ветру, утопая по щиколотку в жидкой глине, налипавшей огромными комьями к сапогам, мы почти выбивались из сил. Лошади были отправлены вперед; на чью-либо помощь или встречу ночью в чистом поле, конечно, рассчитывать не приходилось...

Владимир Ильич предложил тогда всем идти назад, в первую деревню. Мы отправились. Я ругал себя за то, что не сумел правильно ориентироваться в направлении, другие негодовали, что зря прошли полтора километра по такой тяжелой дороге.

Только часа через полтора мы добрались до деревни. За все это время я не слышал от Владимира Ильича ни одного слова укора, ни одного упрека. Он видел, что я сделал все, что мог, и что в темноте в поле действительно было трудно найти правильную дорогу.

Каков был Владимир Ильич как стрелок и охотник?

Можно прямо сказать, что стрелял он недурно, хотя сам про себя всегда говорил, что он не охотник и стреляет неважно. Особенно он любил охоту на вальдшнепов. Тут, конечно, сказывалась красота обстановки, в которой протекает эта охота. Ему, видимо, доставляло громадное удовольствие наблюдать за полетом птицы, он с восторгом всегда передавал о том, как она прошла, как красиво изгибалась при этом голову, как обрисовывалась в вечерних сумерках ее длинный нос.

Единственным, что доставляло ему немало огорчения, было то, что он никогда отчетливо не мог услышать характерного для вальдшнепиной тяги хорканья птицы.

Когда, бывало, говоришь ему: «Слышите, вот хоркает, вот летит», — он всегда вытягивался, вслушивался, потом махал рукой и с искренним огорчением говорил: — Нет, не слышу, ничего не слышу!

Еще одну черту следует отметить у Владимира Ильича.

Он никогда не позволял себе ругаться, в то время как обычно даже у наиболее культурных представителей охотничьего мира в лесу, в поле и на болотах языки развязываются, и ругань обыкновенно, что называется, висит в воздухе. Ильич себе этого никогда не позволял.

М. И. АВЕРБАХ

Михаил Иосифович Авербах (1872—1944) — крупнейший представитель советской медицины, офтальмолог, академик АН СССР, заслуженный деятель науки, один из основателей Института им. Гельмгольца, лауреат Государственной премии (1943). Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА

В 1922 году меня вызвали в Кремль на квартиру к Владимиру Ильичу. Я думал, что меня введут в пышные апартаменты, а попал я в небольшую, скромно обставленную комнату. Но какой был здесь изумительный порядок, какая чистота! Во всем сказывалась большая культура.

Владимира Ильича в комнате не было. С понятным волнением я ожидал его, а когда он вошел, мое волнение перешло в растерянность.

Но стоило Владимиру Ильичу произнести несколько фраз, и моя робость исчезла бесследно. Завязалась оживленная, увлекательная беседа. Он был замечательный собеседник, захватывал силой своей логики, богатой эрудицией, изумительной разносторонностью знаний. Необычайно пленяла его обходительность, глубокая человечность.

Чтобы исследовать состояние его зрения, я спросил:
— Как вы читаете?

Владимир Ильич взял книгу и поднес ее близко к глазам.

Обычно в таком возрасте люди не приближают, а отдаляют от глаз книгу, газету или рукопись во время чтения. Я начал доискиваться причины и, наконец, нашел ее.

Первая же беседа с Владимиром Ильичем показала мне, что он проявляет огромную заботу о товарищах и совершенно не думает о собственном здоровье.

— Вам обязательно надо отдохнуть, — сказал я.

— А как же отдохнешь, когда дел так много? — ответил Владимир Ильич.

На секунду он задумался и сказал несколько тише:

— Да, очень много дел...

— Тогда устройте домашний отдых, — предложил я.

— То есть? — спросил недоуменно Ильич.

— А это значит: реже работать, чаще отдыхать.

— Пока ничего не выйдет, а там увидим...

Я стал прощаться. И здесь меня вновь поразили простота и скромность Владимира Ильича. В передней он все время пытался помочь мне надеть пальто. Потом стал разыскивать мои калоши. Я был крайне сконфужен и просил не тревожиться, а он, лукаво прищурившись, твердил:

— Ассистенты ведь помогают профессору!

Я ушел, глубоко взволнованный и растроганный.

* * *

Второй раз меня вызвали в Горки. Владимир Ильич занимал тогда угловую комнату во флигеле, где когда-то жили служащие бывшего московского градоначальника Рейнбота.

Владимир Ильич встретил меня очень приветливо, расспрашивал о жизни ученых, о медиках. Мы беседовали, но Владимир Ильич чувствовал себя нехорошо.

Его тревожила какая-то мысль. В дальнейшем выяснилось, что его одолевала тревога: скоро ли он сможет работать?

Прощаемся.

— Не надо ли чего, Михаил Осипович? — спросил Владимир Ильич.

— Мне ничего не надо. У советского ученого есть все, что нужно для творческой деятельности. Вот разве побольше иностранной медицинской литературы.

— Будет литература, — пообещал Ленин.

Своего обещания он не забыл.

* * *

Особенно врезалась в память последняя встреча.

Этот исключительно скромный, простой и обаятельный человек не любил, когда возле его постели собирались профессора, ученые, врачи.

— Зачем отрывать людей от дела? — говорил он.

Ухаживали за Владимиром Ильичем «медицинские братья» — студенты-медики. В то же время в Горках неотлучно находились — но на «нелегальном положении» — крупные специалисты. Они не решались показаться Ильичу. Рассказывают, что однажды Владимир Ильич заметил в парке промелькнувшую вдали фигуру ныне покойного профессора В. Н. Розанова. Это крайне взволновало Ильича.

20 января 1924 года мне на квартиру позвонила Мария Ильинична. Она просила срочно приехать в Горки.

Поехал глубокой ночью. Быстро мчались автосани, а на сердце было тяжело. Давила тревожная мысль: «Неужели плохо?»

Но я отгонял эти мысли... Нет! Ленин должен жить!

В большой комнате в Горках я застал Надежду Константиновну, Марию Ильиничну, профессоров Ферстера, Гетье, Розанова, Крамера, Осипова и других.

Оказалось, что Владимир Ильич показал рукой на глаза. Надежда Константиновна спросила:

— Может, вызвать Авербаха?

Владимир Ильич ответил утвердительно.

Встретил он меня так же приветливо, как и раньше, хотя ему, видимо, было тяжело. Я исследовал зрение: оно оставалось нормальным. По-видимому, Владимир Ильич поднес руку к глазам, когда ему на мгновение стало дурно.

Не желая утомлять больного, я стал прощаться. Отпустил он меня нехотя.

Когда я пришел в столовую, меня окружили врачи:

— Как Владимир Ильич? Что с ним?..

Ответить я не успел: в это время прибежал один из дежуривших студентов и сообщил, что Владимир Ильич просил привести его в столовую. Профессора немедленно ушли. Остались Надежда Константиновна, Мария Ильинична и я.

Вошел Владимир Ильич. Выяснилось, что его тревожит моя поездка в Москву: не простужусь ли, не будет ли мне холодно. Он хотел, чтобы я переночевал в Горках.

Но остаться я не мог. Утром надо было осматривать пациентов в больнице. Тогда Владимир Ильич попросил, чтобы меня хорошенько укутали шубой...

Владимир Ильич просидел минут десять.

— Вы устали, Владимир Ильич. Пойдемте в вашу комнату, — предложил я.

Проводил его до кабинета и попрощался... Не знал тогда я, что через несколько часов перестанет биться это великое сердце, перестанет работать гениальный ум...

П. А. ХОЛΟДОВА

Пелагея Ананьевна Холодова (1880—1945) — член КПСС с 1917 года. Работница Богородско-Глуховской мануфактуры. В 1917 году — член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В 1921 году заведовала детскими домами Богородского уезда. С 1922 года была на профсоюзной и административной работе в Ногинском районе Московской области.

ИЛЬИЧ И ГЛУХОВЦЫ

Последний раз я видела Ильича 2 ноября 1923 года. Во время его болезни я была послана вместе с пятью товарищами (три товарища партийных и два беспартийных) делегатским собранием отвезти Ильичу наш скромный подарок — 18 вишневых деревьев в оранжерею при домике в Горках. Мы плохо знали место и дорогу и все-таки добрались туда часов в 5 вечера. В Горках не знали о нашем приходе, и мы свалились для всех окружающих Ильича как снег на голову. Первое время, как видно, вышло некоторое замешательство. Мария Ильинична и другие не знали, как отразится на здоровье Ильича наше посещение. Но, посоветовавшись с Надеждой Константиновной, нас решили допустить к Владимиру Ильичу, предупредив, чтобы мы были с ним недолго.

Нас ввели в приемную. Через две минуты за дверью мы слышали голос Марии Ильиничны: «Володя, к тебе гости». Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся

Ильич. Позади следовал санитар. Ильич был одет, как всегда, в своей постоянной кепке, в которой я его видела не раз. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой. «Как я рад, что вы приехали», — внятно и ясно сказал он нам. Мы растерялись, от радости разревелись как дети. Мы передали Ильичу адреса рабочих и заводоуправления и сказали несколько приветственных слов от наших местных организаций. Побыв с Ильичем пять минут, мы, прощаясь, все расцеловались с ним. Последним прощался тов. Кузнецов — 60-летний рабочий. Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич. Я — кузнец. Мы скуем все намеченное тобою». Мы почти насильно оторвали его от Ильича. Целую ночь мы провели под крышей, где жил Ильич. За ужином Мария Ильинична подробно расспрашивала нас о фабрике, о работе на ней, о жизни и быте рабочих и просила чаще писать в «Правду».

Назавтра мы уже уехали. Нам рассказывал товарищ, ухаживающий за Ильичем, что Ильич до 2 часов ночи читал, перечитывал наши адреса. Никогда не забуду этих счастливых минут. Спасибо товарищам, давшим мне возможность в последний раз видеть горячо любимого вождя и учителя.

В. Г. СОРИН

Владимир Гордеевич Сорин (1893—1944) — член КПСС с 1917 года. С 1917 года работал в газете «Социал-демократ» — органе Московского комитета партии. Участник гражданской войны — работал в штабе войск Восточного фронта председателем Ревтрибунала фронта, затем член Московского окружного комитета, а с 1920 по 1925 год — член МК и член бюро МК РКП(б).

С 1924 года — в Институте Ленина (позже — Институт Маркса—Энгельса—Ленина) при ЦК ВКП(б). Принимал деятельное участие в публикации ленинского литературного наследия — подготовке и издании Сочинений В. И. Ленина и «Ленинских сборников».

БОЛЬШОЙ ДОМ

Так называют в Горках дом, где жил Владимир Ильич, — в отличие от двух домиков поменьше, расположенных тут же, поблизости: санаторской столовой и домика, где жил А. А. Преображенский, управляющий совхозом «Горки», старинный знакомый Владимира Ильича еще по Самаре.

Лицом своим большой дом обращен к небольшой деревушке (это и есть Горки), позади дома — парк, кругом — ограда, за оградой по одну сторону — санаторий и река Пахра, по другую — совхоз. Вот и все.

Я не много раз бывал в Горках, и в моей памяти сохранились поэтому некоторые, очень небольшие, воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем. Эти воспоминания касаются таких, в общем, незначительных и несущественных эпизодов и мелочей, что о них, по всей справедливости, не следовало бы и говорить... Но, с другой стороны, интерес ко всему, что так или иначе связано с Владимиром Ильичем, настолько велик, что, может быть, и нижеследующие беглые, отрывочные заметки не окажутся совершенно ненужными.

* * *

1920 год. Лето. По дороге к реке Владимир Ильич заходит в первый санаторский домик, берет весла. Наша публика, увидав Владимира Ильича, посыпалась со всех окон и дверей, окружила его, просит разрешить нести весла. Владимир Ильич благожелательно улыбается, шутит, но весел не дает и идет дальше к реке, с веслами на плече, в синей рубашке.

«Грандиозная» рыбная ловля на Пахре. Перетянули поперек реки невод, тащили его с четверть версты, хлопали по воде, пугали рыбу. Владимир Ильич принимает в ловле живейшее участие. С большими усилиями выволокли потом невод на отмель и обнаружили в нем всего-навсего две малюсенькие, перепуганные рыбешки, которых и выпустили на волю.

Как-то вечером на санаторскую дачу приходит т. Шмидель (из Хамовнического района), видимо обеспокоенный чем-то, и торопливо рассказывает, что он только что встретил Владимира Ильича, который пошел через плотину в Горки один, без всякой охраны. Конечно, Владимир Ильич всегда ходил без охраны, и не было решительно ничего странного в том, что он отправился в Горки, но все-таки нас всех это как-то тревожило: мало ли

что может случиться? Решили тотчас же бежать в Горки, сопровождать Владимира Ильича, но только издали, чтобы он не видел. Так и сделали. И пока Владимир Ильич не спеша проходил по Горкам, а потом тем же путем возвращался обратно, мы поодаль сопутствовали ему, и Владимир Ильич, конечно, не знал, что он идет не один, а «в обществе» нескольких коммунистов.

Ноябрь или декабрь 1921 года. По случаю какого-то праздника мы, трое товарищей, решили съездить в Горки. Раздобыли автосани (их всего тогда на Москву было, кажется, четыре штуки). Поехали часа в два. Отъехали верст десять от Москвы и, конечно, застряли. Бились, бились — ничего не выходит, а уже стемнело, вечер. Делать нечего: приходится идти обратно в Москву пешком. Шоферы пошли, кажется, в соседнюю деревню. Идем обратно в Москву, приуныли, только тов. А. Л. в энергичных выражениях облегчает душу, крепко ругая всех и все.

Не успели мы отойти и версты от места крушения, как слышим шум: катит наша машина, фонарями большими освещает дорогу. Видно, шоферы наши успели выбраться из выбоины и теперь нагоняют нас. Мы начали размахивать руками, чтобы автосани не проскочили как-нибудь мимо, но автосани остановились в двух шагах от нас. Товарищ А. Л. в последний раз «выразился», уже от радости, с диаметром «слышимости» не менее одной версты, и мы обрадованные, полезли внутрь автомобиля.

Можете себе представить нашу растерянность и наш конфуз, когда из автомобиля раздался вдруг смех Владимира Ильича и его голос, спрашивавший, не простудились ли мы и очень ли устали. Мы залепетали что-то в знак приветствия, а т. А. Л. смущенно повторял: «Владимир Ильич, неужели это вы?»...

...Дело в том, что Владимир Ильич как раз в это время ехал на своих автосаниях из Горок в Москву, встретил на пути нашу застрявшую в снегу машину и, узнав от шоферов, что их седоки отправились пешком в Москву, решил нас подобрать. Мы же, конечно, никак не ждали, чтобы на этой дороге могли появиться еще какие-то автосани, кроме наших.

...1923 год. Летом Владимир Ильич однажды, опираясь на палку, сам поднялся на лестницу и пришел к А. А. Преображенскому в его маленький домик и пробыл там дня два. Потом опять вернулся к себе в большой дом.

Как раз во время сельскохозяйственной выставки, осенью, произошел чрезвычайно знаменательный эпизод: поездка, последняя поездка больного Владимира Ильича в Москву. Несмотря на беспокойство близких, он настоял на этой поездке. Рассказывают, что, увидев Москву, Владимир Ильич, радостный и возбужденный, все время указывал на нее здоровой рукой своим спутникам. Затем Владимир Ильич проехал мимо сельскохозяйственной выставки, был в Кремле, здоровался с красноармейцами, был у себя на квартире. Вечером автомобиль пошел обратно в Горки, и Владимир Ильич в течение нескольких дней после этой поездки был задумчив и печален.

1924 год. В начале января, вечером, я проходил мимо большого дома. Кругом стояла особая, «горкинская» тишина. И вдруг с балкона я услышал голос Владимира Ильича. Похоже было, как будто он что-то спрашивал и Надежда Константиновна ему отвечала.

В разное время я довольно близко видал в Горках Владимира Ильича, не показываясь, конечно, ему. Я видел, как он изменился за полгода — восемь месяцев, как постепенно исчезало болезненное выражение с его лица. И все, кто встречался в это время с Владимиром Ильи-

чем, выносили неотразимое впечатление выздоравливающего человека. Приходил сияющий товарищ Вевер (заведующий санаторием) и рассказывал, как он совершенно неожиданно увиделся с Владимиром Ильичем и как Владимир Ильич с ним поздоровался, такой же приветливый, как всегда. О том же передавал и т. Папков, показывавший Владимиру Ильичу работу трактора, и товарищи, бывшие в декабре на вечере, устроенном в большом доме для ребятишек, и видевшие там Владимира Ильича. «Та же улыбка, та же приветливость, только в глазах что-то печальное».

Всем нам казалось, что Владимир Ильич выздоравливает. Но ничто не могло меня лично так укрепить в этой мысли, как слышанный мною вечером голос Владимира Ильича (а я не слышал его со времени выступления Владимира Ильича в Большом театре в ноябре 1922 года): это был настоящий голос настоящего Ильича, глубокий и звучный, такой, какой мы все слышали на собраниях, где выступал Владимир Ильич.

21 января. О Владимире Ильиче известно, что еще совсем недавно он ездил на охоту, но последние два дня ему нездоровится. Так как неоднократно бывали случаи, когда при общем улучшении состояния здоровья Владимира Ильича выпадали и менее счастливые дни, то и этому недомоганию не придавали большого значения. В домике, где живет А. А. Преображенский, всегда известно, в каком состоянии здоровье Владимира Ильича, как он спал, ел, как себя чувствует. Сегодня была Мария Ильинична. Да, немного хуже обыкновенного, но и только. Ничего тревожного. Часов в 12 (или позже?) в санаторий, где теперь, во время болезни Владимира Ильича, живут только доктора, пришел из большого дома один из докторов и сообщил, что дело идет к явному улучшению и «старик сейчас спит». «К весне вылечим наверняка».

И никто не знал, что сегодня последний день в жизни Ленина.

6 часов вечера. Я был в маленьком домике, когда пришел кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару. Я не знал, для чего вообще существует камфара, и спросил об этом. Мне шепотом ответили, что камфара нужна для усиления деятельности сердца, когда сердце ослабевает. После этих слов сразу стало тревожно и беспокойно. Нельзя было справиться с этой тревогой.

Кругом стояла тишина. Все казалось обычным, как всегда. Но было кое-что и необычное, тревожное: *освещенные окна наверху*. Кто бывал в Горках, знал, что в это время окна наверху не должны быть освещенными, и если наверху свет, значит, там что-то происходит. И другое: на мой вопрос, где т. Пакалн, начальник охраны, дежурный ответил, что Пакалн наверху. Обычно Пакалн не должен был в это время находиться наверху. Смущенный, я обошел кругом большого дома.

Я зашел в большой дом, посмотрел на часы. Было семь часов вечера. Значит, прошло уже десять минут как Владимир Ильич умер, но ничто не говорило о его смерти, и даже отдаленной мысли об этом не было: самое большее, о чем можно было предполагать, это возможность какого-нибудь ухудшения в здоровье, припадка или удара.

Я вернулся в домик А. Преображенского. Всегда беспокойно, когда с Владимиром Ильичем какое-нибудь ухудшение, и нельзя тогда ничего делать. А из большого дома никто не приходит, и неизвестно, что с Владимиром Ильичем. Ухо чутко ловит всякий звук.

Вдруг резко, с размаху хлопнула дверь вниз. Все бросились к лестнице. И через секунду, не успел я выбежать на площадку, как раздался чей-то ужасный, ни с чем не сравнимый крик, который без слов говорил о том, что в большом доме случилось что-то непоправимое...

Навсегда врезались в сознание большая, ярко освещенная комната и лежащий посредине ее на столе мертвый Ленин.

Самое первое, мгновенное впечатление такое, как будто Владимир Ильич, крепко сжав протянутые вдоль тела руки, застыл на мгновение в позе человека, собирающегося сейчас, сию минуту привстать или подняться коротким усилием напряженных мышц и мускулов.

Похоронная процессия. По пути каждый уголок напоминает о Ленине. Идут по шоссе-аллее. Здесь, недалеко от ворот, в 20-м году Владимир Ильич стоял, окруженный группой крестьян, должно быть из какой-нибудь окрестной деревни, и о чем-то с ними беседовал. Идут мимо санатория. Сюда Владимир Ильич приходил в 21-м году и на балконе играл в шахматы с т. Вейсбродом. Идут мимо площадки. Тут когда-то Владимир Ильич играл в популярные среди «горкинцев» городки. Все дальше уходит процессия от опустевшего большого дома. В нем все, как обычно. Но уже не слышно больше наверху характерного постукивания палочки, опираясь на которую передвигался больной Владимир Ильич.

День похорон. На большом доме вывешен черный флаг. Товарищи из военной охраны, шесть-семь человек, молча выстроились перед террасой, лицом к деревушке Горки. 4 часа. Далеко-далеко из-под Москвы доносится глухой и протяжный гул. Потом еще и еще... Это пушечные залпы, артиллерийский салют слышен в Горках. Тогда товарищи из военной охраны, в свою очередь, подняли ружья и трижды выстрелили в память Владимира Ильича. Потом постояли немного, задумчивые и сосредоточенные, и один из них тихо сказал: «Вот нам и некого теперь больше охранять...»

Зимою в парке стоял глубокий снег. А весной, когда снег сошел, на узкой дорожке, ведущей от большого дома в глубь парка, ясно-ясно проступали борозды и колен, оставшиеся от кресла, в котором возили по парку больного Ильича. И нельзя было без волнения смотреть на эти следы Ильичева кресла.

Г. В. ЧИЧЕРИН

Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) — советский государственный деятель, выдающийся дипломат. С 1904 по 1917 год был в эмиграции, в 1905 году вступил в РСДРП. В годы реакции — сторонник меньшевизма, во время первой мировой войны — интернационалист, в конце 1917 года перешел на позиции большевизма и в 1918 году вступил в Коммунистическую партию.

Член советской делегации при мирных переговорах в Бресте. С 1918 по 1930 год — народный комиссар иностранных дел; глава советских делегаций на международных конференциях в Генуе и Лозанне. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIV и XV съездах ВКП(б) избирался членом ЦК партии.

Г. В. Чичерин был человеком огромной культуры, замечательным знатоком музыки, блестящим пианистом. Его книга о Моцарте является ценнейшим вкладом в историю классической музыки.

МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА

Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности.

Несколько разрозненных черт его личности я хотел

бы в немногих словах зафиксировать, чтобы обратить на них внимание молодых читателей. Они не имели счастья учиться непосредственно у Ленина, но, может быть, эти разрозненные указания помогут им понять, чему следует учиться у Владимира Ильича.

Прежде всего, Владимир Ильич отличался абсолютной точностью во всякой своей работе и настаивал на такой же абсолютной точности со стороны всякого работавшего вместе с ним. Всякое утверждение должно было быть точно обосновано и всякое обоснование должно было быть точно изложено. Работавший с Владимиром Ильичем сейчас же чувствовал, что обыкновенное разговорное утверждение, обоснование которого не разработано со всей точностью, ничего не стоит. Для точного утверждения требуются имена, перечисления, цифры, цитаты, вообще строго проверенные конкретные данные. Лучше сработать меньше, но сработать со всей необходимой отчетливостью и обоснованностью, лучше ничего не говорить, чем приводить необоснованные утверждения. Особенно характерны были те вопросы, которые Владимир Ильич по поводу каких-либо возникавших тем посылал в своих записочках. Эти вопросы содержали в сущности точный анализ затронутой темы и определяли рамки, в пределах которых тема должна была быть разработана.

Пусть всякий, кто хочет учиться у Ленина, запомнит: никаких поспешных заключений! Никаких непроверенных утверждений! Никаких скороспелых фраз, не являющихся точным выводом из строго проверенных данных!

Этому соответствовала и точность самой мысли Владимира Ильича. Не только каждое утверждение должно было быть точным выводом из проверенных данных, но самая мысль должна была быть настолько продумана, проработана и отшлифована, чтобы в ней не осталось ничего расплывчатого и неясного и чтобы вся она от начала до конца отличалась полной ясностью и определенностью. Дорабатывать до конца свою собственную мысль — вот

чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичем. В. И. Ленин постоянно вышучивал со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть всякий учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доведена до конца.

Третье, чему научался у Владимира Ильича тот, кто с ним работал, — это необходимости прежде всего ясно видеть реальные факты. Когда собеседник Владимира Ильича пускался в теоретические рассуждения или проявлял склонность к дедуктивному мышлению, столь у нас распространенному, Владимир Ильич всегда ставил перед его глазами точные, определенные реальные факты живой действительности. Это именно свойство его так ярко проявилось во время обсуждения вопроса о подписании Брестского мира. Бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противопоставлял голые факты во всей их безжалостности. Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии. Всякий пусть учится у Владимира Ильича этому основному правилу: наблюдай реальные факты живой жизни, не заменяй их вычитанными теориями или приятными иллюзиями.

В-четвертых, работа с Владимиром Ильичем означала точное выполнение полученных директив, основанных на реальных фактах и представляющих из себя отчетливые

и доработанные до конца мысли. Не только умеи точно мыслить, не только умеи видеть факты, как они есть. Умеи также с абсолютной точностью делать то, что вырабатано как ясная мысль и как точная директива. Владимир Ильич больше всего ценил тех исполнителей, которые умеи видеть обстановку во всей ее реальности, умеи понять, что́ в этой обстановке должно быть сделано, и с полнейшей точностью, несмотря ни на какие препятствия, умеи это сделать. Я помню, например, его разговор по прямому проводу с товарищем, который после отъезда антантовских послов из Вологды, бывшей настоящим убежищем и гнездом белогвардейщины, проводил в Вологде необходимые меры по ликвидации этого притона¹. Его сообщения указывали, что он ясно и точно видит, что́ кругом делается, ясно и точно об этом сообщает. И когда ему давались директивы, он со всей необходимой энергией, ни пред чем не останавливаясь, сразу делал нужное. Я помню, как по прямому проводу Владимир Ильич его благодарил. Эта точность выполнения, соответствующая точности в наблюдении реальных фактов и точности в мышлении, должна была проявляться не только в крупных делах, но и в самых мелких. Надо учиться и этому у Владимира Ильича: относиться с полной серьезностью к самому мелкому делу, выполняй его со всей добросовестностью и со всей аккуратностью.

Чему трудно было научиться у Владимира Ильича — настолько он в этом превосходил всех своих собеседников, — это его умению во всем, до последних мелочей, проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда

¹ Речь идет об отъезде дипломатов Антанты из Вологды, где они обосновались, покинув Петроград в феврале 1918 года.

требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные дефекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела.

Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдумано, не должно быть распушенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом — вот чему учились у него те, кто с ним работал.

Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела — этим принципом Владимир Ильич был настолько весь проникнут, что в разговорах с ним просто неловко было ссылаться на какие-либо личные соображения, когда речь шла об интересах дела; собеседник Владимира Ильича невольно чувствовал, что, когда говоришь о деле, стыдно думать о каких-либо личных соображениях. Я никогда не видел Владимира Ильича более раздраженным, чем в те моменты, когда личная склока приносилась в деловую работу, когда деловые аргументы заменялись личными нападка и склокой, когда вместо того, чтобы говорить о деле, говорили о личных обидах или о личных качествах тех или других участников дела. В такие моменты у Владимира Ильича вырывались наиболее резкие реплики или наиболее резко составленные

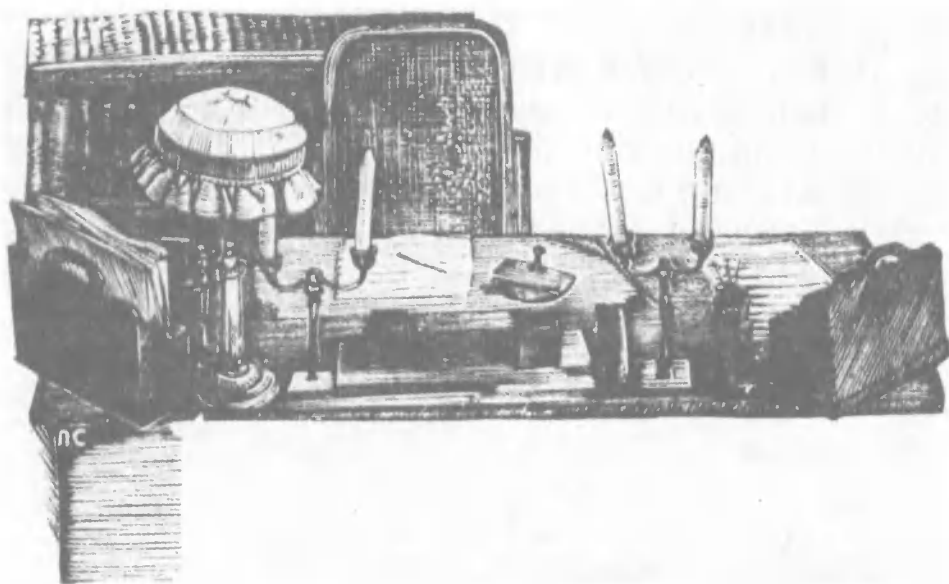
записки. Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами — вот чему учились у него работавшие с ним. Вместе с тем он отличался самой тонкой деликатностью по отношению к своим сотрудникам, он умел даже неприятное облечь в такую мягкую и тактичную форму, которая совершенно обезоруживала собеседника. И от тех, кто с ним работал, он требовал такой же деликатности и тактичного отношения к окружающим. Государственные меры должны были проводиться безжалостно, всякое сопротивление, противодействие, саботаж, халатность, лень должны были караться безжалостно, но, поскольку люди работали друг с другом и удовлетворительно выполняли свою работу, он требовал деликатного отношения к сотрудникам и не допускал выражений нетерпения и резкостей.

Высшим же его качеством в его деловой работе надо признать его сознательное подчинение коллективу даже в тех случаях, когда коллектив, по его мнению, ошибался. При своем колоссальном авторитете он в большинстве случаев убеждал своих товарищей по организациям, советским или партийным. Бывали, однако, случаи, когда его мнение не проходило и он оказывался в меньшинстве. Его подчинение организации было полным и безоговорочным. Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолеть сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался, пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументами, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному большому личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что пред всяким партийным собранием я докажу, что вы неправы, и что всякое партийное

собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящим, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией.

3-го февраля 1924 года.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 5

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА ВОСПОМИНАНИЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Штрихи	13
И. Х. ЛАЛАЯНЦ. О моих встречах с Лениным	20
Ф. Ф. ВЕНТЦЕЛЬ. Таким я его помню	29
И. В. БАБУШКИН. Из воспоминаний	41
В. А. КНЯЗЕВ. Николай Петрович	45
С. П. НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРНИНА. Страничка воспоминаний	53
Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ. О Владимире Ильиче	61
Ф. Н. ПЕТРОВ. «Вот что значит наступательная тактика»	75
ГАРРИ ПОЛЛИТ. В. И. Ленин и английское рабочее движение	79
М. М. ЭССЕН. Встречи с Лениным	82
Г. И. КРАМОЛЬНИКОВ. Из воспоминаний делегата III съезда партии	111
Е. Д. СТАСОВА. Учитель и друг	122
М. И. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН. Восстание на броненосце «Потемкин»	131
К. Е. ВОРОШИЛОВ. Моя первая встреча с Владимиром Ильичем	140
Д. И. ЛЕЩЕНКО. Воспоминания	146
М. Ф. АНДРЕЕВА. Ленин и Горький	153
А. С. ГРЕЧНЕВ-ЧЕРНОВ. Воспоминания о В. И. Ленине	160
С. Ю. БАГОЦКИЙ. В Татрах	164
А. Н. НИКИФОРОВА. 21 день в семье В. И. Ленина	168
Ф. Н. ИЛЬИН. «Неужели и Плеханов изменил?»	180
Р. Б. ХАРИТОНОВА. В. И. Ленин в Цюрихской секции боль- шевиков (1917 год)	188
ФРИЦ ПЛАТТЕН. Цюрих-Торнео	194
ОТТО ГРИМЛУНД. На перевале	199
Л. Н. СТАЛЬ. Вождь Октября	205
Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ. Ильич в июльские дни	210
Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВ. В последнем подполье	215
Д. И. ЛЕЩЕНКО. Как я фотографировал В. И. Ленина	225
Г. Э. ЯЛАВА. «Кочегар» паровоза № 293	234
Г. С. РОВИО. Как Ленин скрывался у гельсингфорсского «полицмей- стера»	238

ЮККА ЛАТУККА. Ленин в 1917 году в подполье в Финляндии	249
М. В. ФОФАНОВА. Из воспоминаний о Владимире Ильиче в дни последнего подполья	257
В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. Вождь (Из книги «В революции»)	265
Э. А. РАХЬЯ. Мои воспоминания о Владимире Ильиче	270
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Смольный в великую ночь	278
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Как Владимир Ильич писал Декрет о земле	281
ДЖОН РИД. «10 дней, которые потрясли мир». Неудержимо вперед! (Фрагменты из книги)	287
АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС. Ленин-человек и его дела	295
Ленин вводит строгий революционный порядок в жизнь государства	296
Ленин на трибуне	298
Необычайное самообладание Ленина	300
Политическая дальнорзоркость Ленина	303
А. М. КОЛЛОНТАЙ. Звезды	307
Г. О. ГРАФТИО. Встречи	310
М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Знакомство с В. И. Лениным	314
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Ленин в Совнаркоме	323
Н. А. СЕМАШКО. Владимир Ильич и Наркомздрав	326
Н. Д. ВИНОГРАДОВ. Встречи с вождем	329
И. А. ВАЙМАН. Охрана памятников старины, искусства	333
И. В. ЖОЛТОВСКИЙ. В 1918-м	337
С. Т. КОНЕНКОВ. Ленин: «Я назвал бы это монументальной про- пагандой»	341
П. И. ТРАВИН. Письмо за океан	354
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. 1. «По следам войны» (Из предисловия к книге Л. Войтоловского)	360
2. «Москва...»	362
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Памятная прогулка	364
А. М. НИКОЛАЕВ. «Замечательная вещь это радио...»	368
С. С. КАМЕНЕВ. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине	371
В. В. ВОРОВСКИЙ. В. И. Ульянов-Ленин	384
И. И. БОРИСОВ. Ленин на субботнике	389
Н. И. АЛЬТМАН. Первый скульптурный портрет Ленина	391
МАРСЕЛЬ КАШЕН. Встречи с В. И. Лениным	396
И. И. БРОДСКИЙ. Как я рисовал В. И. Ленина	403
КЛАРА ЦЕТКИН. Воспоминания о Ленине	407
А. А. ЖАРОВ. Великое напутствие	423
ГЕРБЕРТ УЭЛЛС. 1. Кремлевский мечтатель	434
2. Действительно великий человек	443

КЛЭР ШЕРИДАН. Неприкрашенная правда	446
К. В. МЕШАЛКИН. Желанный гость	459
П. И. МЕШКОВ. Встречи с Ильичем (<i>Воспоминания старого шахтера</i>)	463
А. А. ТАХО-ГОДИ. О нашем свидании с В. И. Лениным	468
О. И. ЧЕРНОВ. Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича и что из этого получилось	472
ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ. Моя первая встреча с Лениным	476
ПОЛЬ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ. Ленин	480
В. А. КАРПИНСКИЙ. В. И. Ленин как вождь, товарищ, человек (<i>Из воспоминаний</i>)	484
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Ленин и искусство	489
И. А. АРМАНД. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине	495
Н. В. КРЫЛЕНКО. В. И. Ленин на охоте	510
М. И. АВЕРБАХ. Величие и простота	519
П. А. ХОЛОДОВА. Ильич и глуховцы	523
В. Г. СОРИН. Большой дом	525
Г. В. ЧИЧЕРИН. Молодежь должна учиться у Ленина	533

Предисловие, вводные рассказы
к воспоминаниям соратников, друзей, современников В. И. Ленина
и примечания
написаны Н. И. Крутиковой.

Библиотека школьника

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Том 3

ИБ № 5449

Ответственный редактор

Г. А. ДУБРОВСКАЯ

Художественный редактор

И. Г. НАЙДЕНОВА

Технический редактор

В. К. ЕГОРОВА

Корректоры

Э. А. ЛОФЕНФЕЛЬД

и М. Ю. СИРОТНИКОВА

Сдано в набор 28.08.81. Подписано к печати 30.06.82. Формат 70×90/16. Бум. офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,78. Усл. кр. отт. 41,54. Уч.-изд. л. 24,25. Л03717. Тираж 250 000 экз. Заказ № 1235. Цена 1 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ж71 Жизнь Ленина: Избранные страницы прозы и поэзии в 10-ти томах/Ред. совет: С. В. Михалков (председатель), А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев, К. Ф. Пискунов, Н. В. Свиридов; Оформл. Б. А. Дехтерева. — М.: Дет. лит., 1980 — . — (Библиотека школьника). — Т. 3. Величие и простота. Воспоминания. Том подготовлен Н. И. Крутиковой. Гравюры на дереве П. Н. Староносова. 1982. 542 с., ил.

В пер.: 1 р. 30 к.

В этот том входят воспоминания о Владимире Ильиче Ленине соратников, друзей, современников. Воспоминания охватывают период от 1893 года до последних дней его жизни. Тексты печатаются с сокращениями.

Ж 4803010102—404 Подп. изд.
М101(03)82

ББК 13.5
ЗК 26